

Терри Гудкайнд

Саван вечности

«Хроники Никки. Том 2»

Terry Goodkind

Shroud of Eternity

The Nicci Chronicles

Перевод с английского *Dr. Pertseff, Татьяна Алексеевой,*
Алины Булавиной, Prea_starl и Дмитрия Великого

Под редакцией *Дмитрия Великого и Татьяны Алексеевой*

Компьютерный дизайн и обложка *Дмитрия Великого*

Выпускающий редактор *Дмитрий Великий*

Помощник выпускающего редактора *Дина Зайцева*

Корректоры *Татьяна Гладышева и Денис Даниличев*

Руководитель группы перевода *Дмитрий Великий*

Старший переводчик *Татьяна Алексеева*

Грозная колдунья Никки, недавно лишившийся своих сил Натан и юный Бэннон отразили набег норукайских работорговцев в бухте Ренда, и теперь им предстоит новая задача: Натан должен вернуть свою магию, а Никки — спасти мир. Троица, ведомая загадочным пророчеством ведьмы Рэд, идет на юг от Кол Адаира, к чудесному городу, сокрытому пеленой времени, — к Ильдакару. Но на пути к спасению Натана им встречаются зловещие знаки: насаженные на пикеты головы норукайцев, сотворенное кем-то чудовище и окаменевшая полумиллионная армия. И это лишь первые предвестники невообразимого ужаса, что ждет их под саваном вечности.

Информационные ресурсы:

vk.com/mord.sith.club — Группа перевода «Клуб Морд-Сит»

terrygoodkind.ru — Поклонники Терри Гудкайнды

vk.com/terrygoodkindru — Подслушано Меч Истины

*Будущее и судьба зависят как от путешествия,
так и от его цели.*

*Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира.
Оказавшись там, волшебник узрит то, что
поможет ему вновь обрести целостность.
А колдунья спасет мир...*

Глава 1

Гниющая человеческая плоть сверкала в солнечном свете, обесцвеченная разложением. Запавшие глазные яблоки превратились в желе. Челюсти безвольно отвисли, неестественно широко раскрывшись из-за отвратительных шрамов поперек щек. В разреженном прохладном горном воздухе Никки сначала не почувствовала запаха гниения. Одета в черное дорожное платье колдунья отступила, рассматривая четыре отрубленные головы, насаженные на длинные деревянные пики — по две на каждой стороне каменистой дороги.

— Чары сохранения слабеют, — буднично и без страха сказала она. Вид смерти никогда ее не впечатлял. — Я не знаю, как долго головы торчат здесь в качестве предостережения, но вскоре они начнут распадаться. Налетит много птиц и мух. — Холодный ветерок взъерошил ее светлые волосы, когда она повернулась к своим спутникам.

Натан Рал положил руку на богато украшенное навершие своего меча и подошел взглянуть на отвратительное зрелище. Бывший пророк и волшебник потерял обе свои способности после перемещения звезд, когда Ричард запечатал завесу подземного мира. Фундаментальное изменение во вселенной искоренило пророчество и изменило законы магии, и последствия этого пока еще оставались неизведанными.

— Норукайцы и при жизни весьма уродливы. — Он двумя пальцами погладил свой чисто выбритый подбородок. — Смерть и подавно не улучшила их облик.

Никки вспомнила, как беспощадные налетчики со шрамами на лицах атаковали рыбацкую деревню в бухте Ренда. Жестокие работоторговцы многих убили, сожгли часть деревни и захватили пленников. Их корабли с носовыми фигурами жутких морских змеев были узкими и мощными, а магия наполняла ветром темно-синие паруса.

Для того чтобы их лица больше походили на змеиные, норукайцы разрезали щеки от уголков губ, а потом грубо зашивали рану и наносили на кожу татуировки в виде чешуи. Никки своей неистовой и безудержной магией изгнала отвратительных налетчиков из бухты Ренда, а Натан и юный Бэннон сражались своими мечами. Потерпев поражение, норукайцы отступили в море.

Когда путники спустились с гор по еле заметной тропе, то перед ними возникла загадка — почему отрубленные головы оказались в глубине материка, на дальней от моря стороне гор? Никки не видела в этом никакого смысла.

— Ненавижу норукайцев, — пробормотал Бэннон, бурявивший взглядом головы. Его приглушенный голос напоминал рычание Мрра, песчаной пумы, которая нервно расхаживала перед шестами с разлагающимися головами. — Я ненавижу их за то, что они сделали с бедными жителями бухты Ренда, но еще сильнее я их ненавижу за налет на остров Кирия и похищение моего друга Яна. — Голос его сорвался. — Они и меня пытались забрать... — Он вытер пот с веснушчатого лба и откинул назад длинные рыжие волосы.

В гневе Бэннон сшиб ногой ближайшую пику. Отрубленная голова слетела с шеста и покатила по земле, а потом с глухим треском ударилась о скалу неподалеку от тропы. От удара от головы отвалилась челюсть. Когда заклинание сохранения рассеялось, началось запоздавшее гниение, наверстывавшее потерянное время.

Никки наблюдала, как смердящая кожа таяла и сползала с черепа, точно топленое сало. Глазные яблоки вылились в блестящую лужицу, которая впиталась в грязь, оставив только пятно гноя.

Бэннона едва не стошнило от этого зрелища, но в следующую секунду на его лице застыло удовлетворение. Он повернулся к оставшимся столбам, собираясь повторить удар, но Натан поднял руку.

— А теперь, мой мальчик, хорошо бы все обдумать. Кто бы ни оставил предупреждение, он сделал это не без причины. И, как ты хорошо знаешь, работоторговцы нам совсем не друзья. — Ноздри его сузились, но, казалось, его совершенно не беспокоили отвратительное зрелище и зловоние. — Значит, кто бы ни насадил на пики эти головы, он может оказаться нашим союзником... или, по крайней мере, врагом наших врагов. Не хотелось бы разгневать их.

Бэннон нервно положил руку на рукоять своего надежного меча, названного Крепышом.

— Пресвятая Мать морей, я и не подумал.

— «Не подумал»! Эх, это проклятие многих искателей приключений, — сказал Натан с обнадеживающей улыбкой. — А впереди у нас еще немало приключений.

— Мои спутники всегда должны сначала думать, а потом уже действовать, — жестко сказала Никки. — Это избавит нас от множества проблем.

Песчаная пума отважилась приблизиться к останкам разложившейся головы. Понюхав, Мрра наморщила усы от отвращения и снова зарычала. Ее длинный хвост хлестал из стороны в сторону. Символы, клейменные на рыжеватой шкуре пумы, имели странное сходство с диковинными письменами, выцарапанными на табличках у основания других пик.

Никки больше ничего не сказала и принялась разглядывать извивающуюся горную дорогу. Когда-то это был хорошо укатанный тракт, но теперь он зарос травой. Дорога огибала скалы и петлями поднималась к следующему хребту, за которым лежала их цель — великолепный город, на несколько мгновений увиденный ими с высокого перевала Кол Адаира... Чудесное место, которое появилось и исчезло подобно миражу.

От запаха разложения у колдуньи началась изжога.

— Предлагаю не останавливаться для обеда, а перекусить по дороге. До наступления темноты нам нужно пройти еще не одну милю.

— Я действительно рад найти этот город, — сказал Натан. — Пусть даже мы до сих пор не знаем, что нам делать, когда мы окажемся там.

— Но мы готовы попытаться, — сказал Бэннон. — Если город поможет вернуть ваш дар, мы это отпразднуем.

Натан скинул с плеча мешок и достал вяленое мясо, которое они несли с Твердыни. — Не забывай, мой мальчик, поиски этого города могут оказаться важной частью миссии Никки по спасению мира.

Колдунья недобро хмыкнула, взглянув на него своими пронзительными голубыми глазами, а потом отошла от трех оставшихся голов.

— Я не особо доверяю тому, что велит мне делать ведьма. Ее предсказания и заявления вполне могут исполниться, но совсем не так, как кто-либо ожидает. — Она посмотрела на седовласого бывшего волшебника. — Ты предполагал, что снова овладеешь магией, как только мы доберемся до Кол Адаира, но он оказался лишь первым шагом.

— О, но зато мы нашли подтверждение словам Рэд, — сказал Натан. — Мы предполагали... и предположения не принесли пользы. Ее предсказание в моей книге жизни обещало, что в Кол Адаире я увижу необходимое, чтобы обрести целостность. Я просто не уделил словам должного внимания. Теперь-то мы понимаем истинный смысл.

— Как минимум мы понимаем, каков следующий шаг, — сказала Никки. Мысли о загадочной ведьме вызывали у нее отвращение.

Прежде чем они отправились из Темных земель в свою долгую миссию, Рэд сделала запись в таинственной книге, которую дала старому волшебнику:

Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели. Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир.

— Ваша роль кажется довольно ясной, — сказал Бэннон, догоняя Никки. — Ваша миссия — спасти мир. Что может быть важнее? Мы должны следовать указаниям.

Она остановилась на тропе, а Мрра отправилась к холмам на охоту.

— Правильный человек не нуждается в расплывчатом пророчестве, которое призывает спасти мир, — ответила Никки юноше. — Правильный человек сделает это, потому что так правильно. Я бы пошла на это ради лорда Рала... — Никки стряхнула пыль с черной ткани своих пышных юбок и расправила плечи. — И я правильный человек.

Могущественная колдунья и бывшая сестра Тьмы посвятила свои жизнь и способности служению Ричарду Ралу. Она любила его, как никто другой, и никогда не полюбит другого, но она смирилась с тем, что его единственной настоящей любовью была Кэлен. С той любовью не могла соперничать никакая другая женщина, включая Никки. Но колдунья была вольна отдать Ричарду свою непоколебимую преданность.

Еще тогда, в Д'Харе, Ричард и Кэлен с беспокойством отнесли к желанию Натана помочь жителям истерзанных войной Темных земель. Старый волшебник тысячу лет провел в заточении Дворца Пророков — считалось, что отпускать его слишком опасно, — но после побега он упорно сражался на стороне Д'Хары. Он попросил отправить его навстречу приключениям, назначив странствующим послом Д'Хары по особым поручениям.

Хотя высокий статный волшебник был не глуп, во многом он походил на ребенка в поисках волнующих ощущений. Ричард знал, что Натан непременно попадет в какой-нибудь переплет, и потому попросил Никки сопровождать его в качестве защитника и заступника. Она сделает все, о чем попросит Ричард, — даже ценой своей жизни. Никки осознала, что лучший способ служить своему возлюбленному и тем самым спасти себя — уйти. Уйти очень далеко и быть независимой. Она

поможет заново отстроить мир, защитить и укрепить отдаленные уголки Д'Харианской империи. Так она поможет Ричарду и выразит ему свою любовь.

Спустя какое-то время миротворческая армия Д'Хары продвинется на юг, создаст там плацдармы и форпосты. Сейчас Никки была разведчиком, авангардом из одной женщины, обладающей достаточной силой и уверенностью, чтобы позаботиться о проблемах этих отдаленных территорий. Если она справится со своей работой, как и собиралась, то вмешательство лорда Рала и его армии не потребуется...

На холмах сосны росли реже. Земля поросла колючим кустарником, на покатых травянистых склонах тут и там попадался цепкий чертополох высотой почти с деревья, и возле его огромных пурпурных цветов жужжали толстые шмели. В низинах и на некоторых склонах были островки низкорослых дубов с темной листвой. Стрекошущие кузнечики выпрыгивали из-под ног путешественников, которые пробирались через высокую траву. Змея, петляя и извиваясь, скользнула в заросли и исчезла в кустах.

Большую часть дня трое путешественников и Мрра, рыскавшая впереди, потратили на спуск с главного хребта. Они остановились на ночлег в укрытой долине, возле быстрого горного потока. Бэннону удалось поймать пять маленьких радужных форелей. Хотя рыбы едва хватило для ужина на троих, юноша бросил Мрра две рыбки поменьше. Песчаная пума посмотрела на него с осторожной благодарностью, а затем вцепилась в покрытые серебристой чешуей бока рыб.

Натан ссутулился возле потрескивающего костра, который Никки разожгла с помощью магии.

— Колдунья, как думаешь, сколько дней нам еще идти до города?

— Ты даже не уверен в его существовании, — сказала она. Из Кол Адаира они увидели причудливую линию горизонта, высокие башни, геометрические узоры крыш... но затем все

исчезло. — Это могла быть просто иллюзия или проекция другого места.

Натан покачал головой, подперев подбородок ладонью.

— Мы должны верить, что город реален! Я узрел его в Кол Адаире, как обещала ведьма, и поэтому он должен существовать. Так сказала ведьма. Мы будем идти столько, сколько придется. — Он отвел свои лазурные глаза, словно стыдился чего-то. — Я должен вернуть свой дар, и сейчас город — наша единственная зацепка.

Бэннон расстелил свой плащ поверх мягких листьев у ручья и свернулся калачиком.

— Конечно, мы идем в этот город, так что давайте отдохнем. — Он зевнул. — Можно я встану на часы вторым?

Никки устроила себе место для сна.

— Нет необходимости, — сказала она, закрывая глаза одновременно с Мрра. Колдунья и песчаная пума были соединены заклинанием, между ними была непостижимая связь. — Мрра будет охранять нас, поэтому ты можешь отдыхать спокойно. Никто не нападет на нас. Мрра предупредит о любой опасности.

* * *

Утром они взбирались по поросшему деревьями склону на следующий хребет, с трудом поднимаясь на такую же высоту, с которой спустились днем ранее. Путники петляли по крутому склону, приближаясь к гребню.

Никки была уверена, что таинственный город находится за этим хребтом — на широкой равнине, которая раскинулась за предгорьями.

К полудню, проложив себе дорогу через дубовую чащу с изредка попадавшими елями, они достигли вершины. Как только деревья поредели настолько, чтобы можно было осмотреться, они устали и уставились на открывшийся перед ними вид.

— Добрые духи! — прошептал Натан.

Бэннон Фермер уставился вниз, потом протер глаза и снова посмотрел вперед.

За предгорьями была открытая равнина, которая заканчивалась обрывом. Где-то внизу текла широкая река. Местность словно разорвали, а затем высоко подняли одну часть. Но города не было. Ни намека на огромный фантастический мегаполис, который они видели с Кол Адаира.

Однако равнина не была пустой. Они видели армию — огромную армию, расположившуюся на предгорьях и равнине. Неясные очертания человеческих фигур, количество которых было способно посоперничать с самым крупным войском императора Джеганя. Она прекрасно знала, сколько разрушений может принести такая армия.

Колдунья прищурилась, разглядывая тревожную картину.

— Здесь, должно быть, полмиллиона воинов.

Бэннон прикоснулся к рукояти своего меча, будто подсчитывая, сколько солдат он сможет сразить в одиночку.

— Колдунья, я очень рад, что вы здесь и вам суждено спасти мир.

Глава 2

Никки стояла на вершине горного хребта вдали от неожиданно обнаруженной армии и не спеша оценивала ситуацию, обдумывая, что делать дальше.

— Это может стать проблемой.

Натан с безрассудным оптимизмом поправил богато украшенный меч, висевший возле бедра:

— А может, и нет. У конфликта всегда есть две стороны. Насколько я знаю, мы не являемся ни одной из сторон. У нас

нет врагов в глубине Древнего мира. Мы просто странники издалека и никому не угрожаем.

Никки, стоявшая возле низкого кривого дуба, покачала головой:

— На месте их полководца я бы не стала рисковать и считала всех странников потенциальными шпионами.

— Но мы ведь не шпионы, — сказал Бэннон. — Мы ни в чем не повинны.

Иногда наивность юноши забавляла Никки, но чаще раздражала.

— Зачем беспокоиться о нескольких мертвых невинных людях, если это обезопасит военную кампанию?

Когда армии Джеганя на марше встречались ни в чем не повинные путники, оказавшиеся в неподходящем месте в неподходящее время, Никки разбиралась с ними лично... И это никогда не приносило путникам ничего хорошего.

Натан прикусил нижнюю губу.

— Но мы этого не знаем, колдунья. Может, насаженные на пики головы норукайцев — дело рук этой армии, а значит, они враждуют с работоторговцами. Если это так, я с радостью назову их союзниками.

Никки обхватила рукой сучковатую, покрытую лишайником дубовую ветку и ощутила ее шероховатость.

— Не хочу подставляться. Мы должны сохранять осторожность, пока не узнаем больше.

Пристально глядя вперед, Натан рассеянно коснулся центра своей груди, словно пытался обнаружить пропавший дар. Он возлагал большие надежды на туманные записи в своей книге жизни и на поиски таинственного города, который каким-то образом исчез.

— Мы должны пойти туда и разузнать, что случилось с городом. Может, один из этих солдат что-то знает. Тогда я смогу выяснить, почему я потерял свой дар.

Никки взглянула на Натана:

— Разве я не рассказывала тебе, какой способ лишить волшебника его силы сестры Тьмы считали самым верным? Содрать кожу живьем, чтобы магия вытекла из него, капля за каплей. — Она пошла вперед. — Они проделали это с несколькими одаренными юношами во Дворце Пророков.

Натан поплелся за колдуньей, но его лицо выражало скорее негодование, чем отвращение.

— Уж поверь, я утратил свой дар не таким способом.

Мрра скользила меж высоких трав, возвращаясь к ним. Кажется, большую кошку не беспокоили сотни тысяч солдат — они находились слишком далеко, чтобы представлять опасность.

Колдунья долго наблюдала за многочисленным войском, слушая шелест темно-зеленой дубовой листвы, а потом прищурила голубые глаза:

— Что-то не так. Заметили? — Она указала на бесчисленные ряды солдат внизу. — Их очень много, и мы должны были увидеть постоянное движение, патрули, разведывательные группы, которые уходят или приходят с донесениями, пехоту на строевой подготовке. Но я не вижу дыма от походных костров. Прислушайтесь — не слышно ни звука. — Она вышла из-под укрытия дубов, больше не боясь, что ее заметят. — Где их палатки, знамена? Многотысячное войско не могло пройти бесследно, они бы разрушили эту местность. — Никки обернулась. — Если б они перешли через горы, то оставили бы глубокие борозды, холмы и луга были бы вытоптаны тысячами ног.

— Они могли прийти с другой стороны, — предположил Натан. — С севера или юга.

— А почему нет костров? — повторила она. — У армии должны быть палатки, коновязи, фургоны снабжения, припасы.

Ответа ни у кого не нашлось.

— Есть только один способ узнать, — сказал Бэннон. — Если будем двигаться осторожно, то сможем пройти по холмам, держась в укрытии деревьев, и нас никто не увидит. Учитывая количество солдат на равнине и в предгорьях, мы обязательно наткнемся на отдаленные группы — на расположившихся в лесу разведчиков, гонцов или на внешние патрули. Если мы найдем группу из нескольких воинов, то зададим им вопросы. — Он неуверенно усмехнулся, поглаживая обернутую кожей рукоять меча.

Никки, помедлив, кивнула:

— Хорошая идея, Бэннон Фермер. Мы пойдем через лес. Держите глаза открытыми. Мрра может пойти вперед и предупредить нас в случае опасности. Как только нам попадется одинокий солдат, мы схватим его и допросим. — Она позволила себе намек на улыбку. — Если потребуется, то силой.

— Да, если потребуется. — Натан поднял брови. — Но я бы предпочел не начинать войну с полумиллионной армией — по крайней мере, пока не верну свой дар.

— Думаю, мы просто поговорим с теми, кого найдем, — пробормотал Бэннон.

Они уже давно путешествовали вместе, потому легко пробирались через поросшие колючим кустарником предгорья, шелестящие бурые травы и раскачивающиеся чертополохи высотой с деревья. Когда появлялась возможность, они ныряли в укрытие дубовых рощиц. Из-под ног выпрыгивали стайки кузнечиков. Вдалеке щебетали птицы.

Но от огромной далекой армии не доносилось ни звука.

Никки заметила темную прогалину, оставленную пожаром. Трава на высохших холмах почернела, но огонь не распространился далеко. В самые засушливые месяцы позднего лета колючий кустарник легко мог превратиться в настоящее пекло. Однако Никки больше беспокоило то, что на выжженной поверхности негде было укрыться.

Натан остановился возле высокого колючего чертополоха и рукой заслонил глаза от солнца, чтобы оглядеть обширное, странно неподвижное войско.

— Кажется, ты права. У меня всегда было острое зрение — наверное, потому что я слишком долго смотрел на мир с высоких башен. Глядя на отдельные группы солдат, я не вижу никакого движения. Вообще никакого. Я могу различить детали обмундирования, которое выглядит древним, но все цвета... серые. — Он слизнул капельку крови, которая выступила на его ладони от укола чертополоха. — Их доспехи напоминают мне... — Натан нахмурил брови. — Помните, как мы шли из бухты Ренда по дороге, ведущей вглубь материка? Я еще сделал крюк к древней сторожевой башне. Там было кровавое стекло, через которое я увидел огромную армию. Полагаю, это было войско императора Кергана — Железного Клыка. Его генерал Утрос завоевал большую часть мира от имени своего императора, прокатившись по всему континенту. Из дозорной башни сквозь время и магию я видел древних воинов. — Он медленно кивнул. — Добрые духи, солдаты впереди очень напоминают мне тех воинов.

— Но те, кого ты видел, жили тысячи лет назад, — сказал Бэннон.

— Так я думал. Я не могу быть уверен по поводу этой армии, пока мы не подойдем ближе.

Они продолжили путь по разрозненным участкам леса, где можно было спрятаться. Никки все больше тревожилась из-за возникающих у нее вопросов. Она не могла понять того, что видит.

Она отчетливо помнила армию Джеганя, ее тлетворное злование, шум и беспорядочность. Предгорья и открытая равнина обеспечивали акустику, благодаря которой Никки должна была слышать отдаленные выкрики, лязг стали от упражнений на мечах, удары кующих металл оружейников, крики пленных женщин, которых затаскивали в солдатские палатки, стук ло-

пат, которыми работники копают отхожие места или траншеи для казненных пленников. Она должна была чувствовать запах погребальных костров, запах дыма от очагов с готовящейся пищей, слышать музыку, похабные песни, приказы офицеров и недовольное ворчание проигравших в азартные игры.

Но тишину нарушали только шорох ветра, шелест травы, стрекот и жужжание насекомых... никакого гвалта и хаоса огромной армии.

Мрра вернулась с разведки, шумно продираясь через подлесок. Видя, что пума не крадется и не прячется, Никки расслабилась.

Впереди, в расщелине меж двух предгорий, несколько стремительных ручьев сливались в один. Лощина была узкая и густо заросшая высокими дубами, среди которых изредка попадались сосны.

Бэннон указал на заросли с нависающими ветвями:

— Смотрите, там солдаты — их совсем немного. Может, поговорим с ними?

— Я тоже их вижу, — сказал Натан. — Всего четверо или пятеро. — В его шепоте сквозила надежда.

По коже Никки пробежал озноб, когда она заметила несколько фигур в росчерках теней от веток. Они стояли близко друг к другу. Возможно, они разбили здесь ночлег, а может, стояли на страже. Колдунья не заметила солдат, Мрра их не учуяла, но воины из своего укрытия, скорее всего, заметили приближающуюся троицу.

— Возможно, уже поздно для разговоров. — Никки не видела никакого движения. — Мы выясним, но будем осторожны. — Она коснулась кинжалов, которые держала в набедренных ножнах, но ее самым опасным оружием была магия.

Бэннон и Натан оголили мечи и пошли по траве к лесу. Бэннон нырнул под низко висящую ветку, раздвинув листья.

— Хорошее место для лагеря, — прошептал он. Слишком громко, по мнению Никки. — Может быть, поэтому они здесь.

Никки шикнула на него, но была согласна с его мнением. Небольшая группа солдат могла укрыться в этой узкой заросшей лощине. Но где же дым от костра?

Пятеро воинов стояли под дубами, образуя круг. Мрра прыгнула вперед и принялась, но не выказала ни страха, ни беспокойства. Никки замерла, уставившись на людей. Дюжие воины были облачены в чешуйчатые доспехи с толстыми наплечниками, поножи и латные сапоги; остроконечные клепаные шлемы покрывали их головы. Они были вооружены короткими мечами. Один солдат полуприсел на корточки, склонившись над каким-то невидимым предметом. Все пятеро были окаменевшими, их плоть обратилась в беловато-серый камень.

— Они... статуи, — ахнул Бэннон с дрожью в голосе. — Словно Судия наложил на них свое заклинание.

Натан осторожно подошел ближе. Каменный воин смотрел пустыми глазами на расчищенное место среди лесной подстилки.

— Держу пари, что когда-то давно здесь был костер. Время стерло его следы, но несколько сложенных в круг камней уцелело.

У статуй были равнодушные выражения лиц, будто их мысли застыли, когда ими овладели чары окаменения. Никки осмелилась приблизиться. Смутные догадки обрушились на нее, как холодные градинки в летнюю бурю. Никаких костров, никакого движения по всей армии — абсолютная тишина.

— Интересно, в камень превратилась армия по всей равнине?

Натан выглядел одновременно зачарованным и взволнованным.

— Магия, необходимая для такого заклинания, превосходит все, что случилось за три тысячи лет со времен великих войн волшебников, — сказал он с отстраненным восхищением. — Ах, это были времена колоссальной, необузданной магии.

Бэннон стукнул клинком по плечу одного окаменевшего воина, и сталь издала чистый звенящий звук, нарушив тишину.

— Тысяча лет... три тысячи лет — и они по-прежнему невредимы? Они когда-нибудь пробудятся? — Он посмотрел на Никки, и его лицо исказила горечь воспоминания. — Мы оживили статуи в Локридже, когда Натан победил Судию. Все те люди были в ловушке своей вины.

— В Локридже был гораздо меньший размах, мальчик мой. Судия использовал свою извращенную магию только на тех, кого признавал виновными, по одному человеку. — Натан снова покачал головой. — От масштабов здешнего воздействия... захватывает дух. Так много тысяч!

Мрра понюхала каменные сапоги, но не нашла в мраморных фигурах ничего интересного. Нетерпеливая пума скользнула в раскидистый дубовый лес, ступая меж упавших ветвей по толстому ковру из бурых листьев.

Напряженность Натана сменилась любопытством, и он обошел вокруг окаменевших солдат, напоминая почитателя искусства, который рассматривает новые садовые скульптуры в королевском дворе.

— Во Дворце Пророков я изучал древние военные летописи. Мне знакомы эти доспехи. Видите эту эмблему, стилизованную под пламя? — Он постучал по нагрудному знаку одного из стражей. — Такой символ фигурирует в сказаниях о Железном Клыке. — Он отступил, уперев кулаки в бедра. — Только представьте, какие истории поведали бы нам эти люди, если б могли говорить!

— Я предпочитаю, чтобы они молчали, — сказала Никки. — Если могут говорить они, значит, и вся армия тоже может. Сомневаюсь, что после пробуждения они начнут с разговоров.

Бэннон по-прежнему был обескуражен:

— Но если они пришли покорить величественный город, ничто их здесь не держит. Город исчез.

— Кроме того, что все они статуи, — заметил Натан, — и никуда не могут уйти.

— Неплохо подмечено.

Натан заговорил учительским тоном:

— Хорошая новость: если все солдаты стали камнями, то эта огромная армия не представляет угрозы ни для нас, ни для кого-либо еще. Мы можем походить среди них и поискать подсказки, куда подевался город. Больше не надо скрываться. Это будет совсем просто.

Словно в ответ на это опрометчивое заявление, из-за деревьев на дальней стороне лощины послышался грохот. Ветви с хрустом разлетелись, пропуская огромное поросшее шерстью создание. Монстр вырывал молодые дубы с корнем и отбрасывал их в сторону.

Никки развернулась, приседая и складывая ладони чашей, готовая прикоснуться к своему дару и высвободить магию. Натан вскинул свой изысканный меч одновременно с Бэнноном. Мрра выскочила из деревьев с противоположной стороны лощины и устремилась к ним.

Монстр остановился, втягивая носом воздух и оценивая незваных гостей. Зверь был размером с огра, но походил на медведя из чьих-то кошмаров. Он издал утробный рев, широко раскрыв пасть и выпуская струйки слюны, которые доставали до земли. Монстр встал на дыбы и раскинул похожие на грабли лапы с изогнутыми когтями.

Словно звериный ураган, он ринулся на них.

Глава 3

Зверь был слишком крупным, чтобы дубовая роща могла его остановить. Монстр махнул похожей на таран лапой, сши-

бая длинными крючковатыми когтями несколько надоедливых веток.

Поднявшись на задние лапы, он с громким ревом полосовал деревья, оставляя только длинные дубовые щепки, похожие на ленты, из которых швея сделала кисточки. Монстр рывком выдрал тонкие деревья и расшвырял их по сторонам. Он приближался, рыча и фыркая, как кузнечные меха.

Бэннон укрывся между статуй, будто те могли его защитить.

— Что это за тварь?

— Мы каждый день узнаем что-нибудь новое. — Натан широко расставил ноги в черных сапогах, готовясь к битве. Обеими руками он крепко сжимал украшенную рукоять своего меча. — Но, я полагаю, мы сразимся с ним обычным способом.

Никки встала перед двумя мужчинами и выгнула пальцы, чувствуя кожей покалывание пробуждающегося дара.

— Отойдите.

Монстр походил на огромного больного бешенством медведя — а может, он был медведем прежде. Тело его покрывал клочковатый светло-коричневый мех, кое-где слипшийся от гноя и крови, сочившихся из мокрых язв. У него была массивная голова с широко посаженными пылающими глазами. Одна сторона морды будто растаяла, как воск от пламени. Глаз выпал из глазницы и висел на скуле, плоть которой слезла с костей, открывая ужасные клыки. С вытянутой морды зверя стекала слюна, смешанная с кровью из израненных десен.

Его поросшее шерстью тело было бронировано отполированными изогнутыми пластинами, похожими на раковины лобстеров, которых рыбаки иногда доставляли в гавань Графана. Эти твердые пластины были вживлены в тело монстроподобного медведя, а его шкура была исчерчена клейменными символами и геометрическими узорами заклинаний — такими же, как и у Мрра.

Монстр быстро приближался, намереваясь атаковать их, ранить и убить. Никки видела, что зверь не был голодным хищником в поисках пропитания: он испытывал неопишуемые страдания. Судя по увечьям и гнойным отметинам на шкуре, облик этому существу придавал человек — злой человек.

Неудивительно, что зверь хотел убить любого встречного.

Никки, хотя и понимала мотивы зверя, не собиралась позволять ему причинить вред ее спутникам. Почти не задумываясь, она создала два кипящих шара огня волшебника. Расплавленная субстанция поглотит монстра и превратит его омерзительное тело в очищенную золу. Когда монстр прыгнул вперед, сбивая покрытые лишайниками деревья, колдунья швырнула огненные шары один за другим. Первая пылающая сфера попала в зверя — и просто закрутилась возле его косматого тела горячим туманом, а потом расплескалась по сломанным деревьям. Огонь волшебника воспламенил густую дубовую рощу, не причинив медведю никакого вреда. Второй шар врезался в монстра, но пламя стекло с его шкуры будто вода с промасленной кожи. Зверь продолжал наступать.

— Он невосприимчив к огню волшебника! — воскликнул Натан.

Никки не стала ждать. У нее был целый арсенал заклинаний. Она простерла свой дар, намереваясь остановить сердце медведя, тем самым убив его. В чрезвычайных ситуациях она часто прибегала к этому приему: охватывала магией бьющееся сердце и сжимала, пока оно не перестанет биться... но сейчас ее дар снова скользнул мимо. Она не могла коснуться сердца зверя, не могла даже проникнуть внутрь.

Зверь беспрепятственно мчался на путешественников. Когда медведь почти навис над ней, она выставила перед собой ладони и уплотнила воздух, сгущая ветер и создавая невидимый таран, который врезался в приближающегося монстра. Тот пошатнулся, задержавшись только на мгновение, и снова

бросился вперед. Руны, выжженные на его шкуре, слабо засветились.

Никки наконец поняла, в чем дело. Мрра тоже была невосприимчива к магии благодаря отметинам на рыжеватой шкуре. У этого медведя были такие же защитные руны.

В следующий миг монстр оказался над ней и взмахнул огромной лапой. Колдунья попыталась уклониться, и удар пришелся ей в плечо. Никки покатилась по земле, почти оглушенная.

— Оставь это нам, колдунья, — сказал Натан, бросаясь в схватку. — Пойдем, мой мальчик, твой меч уже заскучал в ножнах.

Бэннон с воплем ринулся на зверя, а Натан метнулся вперед и нанес мечом длинную рану в плечо медведя. Тот щелкнул безобразными челюстями и замахнулся на старого волшебника неповрежденной лапой, но Натан увернулся, с неожиданной грацией крутанулся на одной ноге и ударил вновь, но его меч лишь рассердил зверя.

Бэннон атаковал с другой стороны, описав Крепышом горизонтальную дугу. Удар пришелся в массивную лапу медведя и отсек четыре ножеподобных когтя. Натан нанес мощный удар сверху вниз. Клинок попал в одну из бронированных пластин и соскользнул. Все произошло в считанные секунды.

Никки вскочила на ноги и увидела, что пожар, вызванный огнем волшебника, трещит в зарослях, пожирая упавшие ветки и ковер из сухих листьев. Если огонь доберется до поросших сухой травой холмов, то его будет уже не остановить. Но прежде чем заняться пожаром, им придется остановить атакующего монстра.

Раз уж магия не могла нанести непосредственный вред медведю, Никки при помощи дара выдрала из земли низкорослый горящий дубок и бросила снаряд в медведя. Дерево обрушилось на монстра со снопом искр и дыма, разбрызгав огонь по его шкуре. Бэннон и Натан бросились врассыпную, а зверь пе-

реломил горящее дерево и снова пошел на них. Никки отпустила дар и достала два набедренных кинжала. Чтобы нанести урон этими короткими клинками, ей придется находиться чуть ли не в объятиях монстра. Она не хотела, чтобы он навалился на нее, переломав ее ребра, как веточки, но высматривала подходящую возможность.

Натан снова рубанул мечом, но монстр наотмашь ударил лапой; старый волшебник отлетел футов на двадцать и без чувств рухнул в гущу молодых дубов. Он был оглушен.

Размытым рыжим пятном Мрра набросилась на монстра. Пума, хотя и была намного меньше медведя, по-прежнему была машиной для убийств, обученной на какой-то далекой боевой арене.

Никки присоединилась к схватке, держа кинжалы перед собой. Когда она нанесла ими удар, одно лезвие звякнуло о живленную броню, но второй кинжал пропорол жесткий мех. Со скоростью гадюки она нанесла несколько ударов и отпрыгнула.

Бэннон своим простым мечом пронзил брюхо медведя, погрузив клинок до самого позвоночника. Используя обе окровавленные передние лапы, медведь вцепился в клинок, а затем ударил по Бэннону. Когда юноша отшатнулся, блестящий от крови меч выскользнул из раны.

Мрра атаковала когтями и клыками, разрывая глубокую рану на животе, оставленную мечом Бэннона. Пума распорол рану настолько, что повалились внутренности. Монстр взревел, расшвыривая нити слюней. Неповрежденной лапой он оцарапал шкуру Мрра, но большая кошка и не думала отступать.

Мрра продолжала рвать плоть, а Никки подобралась к голове монстра так близко, что почуяла его зловонное дыхание. Она воткнула кинжал в его левый глаз, прошла острием через глазницу, пробивая толстую кость, и достала до мозга. Ударяя

по наверхию ладонью, она забивала кинжал все глубже и глубже.

Даже это не убило медведя, но Никки вторым кинжалом полоснула по его горлу, прорезая прослойку жира и сухожилия, пока не добралась до яремной вены. Отточенное как бритва лезвие рассекло вену, и кровь хлынула фонтаном, окатив колдунью. Мрра отступила, вытаскивая длинные канаты кишок из разорванного брюха монстра — большая кошка будто нашла себе новую игрушку.

В глазах Бэннона сверкало боевое безумие — иногда юноша впадал в некий боевой транс. С бессловесным воплем он вскинул меч и вонзил острое в грудь медведя, взломав грудину и проткнув сердце.

Измученный зверь содрогнулся, издал бульканье и умер.

Бэннон, сторбившись, сидел над зверем, сжимая обтянутую кожей рукоять, и плечи его тяжело вздымались. Когда он посмотрел на кровавое месиво, у него выступили слезы, не только от облегчения и ужаса, но и от неподдельной симпатии к несчастному зверю.

— Я бы предпочел более чистое убийство.

Натан, пошатываясь, выбрался из чащи, на ходу выпутывая листья и ветки из одежды и волос. Одна его рука была прижата к пульсирующей голове.

— Простите, что не особо помог. Я выбыл из строя, как травмированный игрок в Джа'Ла.

Мертвый медведь все еще подрагивал, но внимание Никки переключилось на потрескивающее пламя пожара. Дубы быстро загорались, а сухие листья на лесной почве подпитывали огонь. Пламя быстро поглощало тонкие ветви и вскоре миновало пять статуй воинов, закоптив их.

Никки сделала несколько вдохов, успокаиваясь и сосредотачиваясь на своем хань. С лесным пожаром она могла справиться, ее дар разрешит эту проблему. Она снова призвала ветер и создала воздушную завесу вокруг прожорливого пламе-

ни. Сухие листья закружились в этом вихре. Описывая руками круги, она заставляла ветер вращаться все быстрее и высасывать воздух из пламени. Никки сформировала канал, сузила его и загнала туда огонь, а потом направила в небо тонкую струю пламени.

Бэннон и Натан отвернулись от шторма, предоставив колдунье свободу действий. Мрра прижала уши к голове. Вокруг них ломались и хлестали ветки, во все стороны разлетались прутья.

Наконец, огонь погас, оставив после себя только завитки дыма, которые рассеялись, когда Никки отпустила магию. Шторм прекратился, и дубовые ветви всколыхнулись, будто вздыхая от облегчения. Обгоревшие листья медленно падали на землю.

Натан, распутывая пальцами белые волосы, одобрительно улыбнулся Никки и пожал плечами.

— Спасибо, колдунья. Все могло закончиться плохо. Будь у меня дар, я и сам бы справился с огнем.

— Скоро вы восстановите свои силы, Натан. Как только мы найдем город, — сказал Бэннон с упрямым оптимизмом. Его карие глаза сверкнули, когда он взглянул на Никки: — И все же, это было впечатляюще.

Никки не привыкла бросаться комплиментами, но не стала кривить душой:

— Ваши мечи тоже оказались весьма полезны.

В действительности она была смущена неудачей своего дара и мучилась досадным ощущением беспомощности. Она вполне понимала, каково приходится Натану.

— Увидев эти клейменные символы, я должна была сразу догадаться, что магия бесполезна.

От мертвой туши исходили медный запах крови и гнилостная вонь, перекрывая даже запах дыма. Мрра бродила по подлеску, охраняя их и держась подальше от поверженного монстра.

Натан с невозмутимым любопытством опустился на колени рядом с мертвым медведем и постучал костяшками пальцев по странной пластине, вживленной в шкуру.

— Добрые духи, кто и зачем сотворил такое жуткое создание? — Он поднял взгляд, часто моргая. — Волшебник с достаточно могущественным даром мог бы воздействовать на плоть, но почему он захотел использовать магию для такой ужасной цели?

Все еще глядя на павшего зверя, Бэннон вытер с лица дорожки слез, размазав кровь.

— На острове Кирия были мальчишки, которым нравилось отрывать мухам крылья и поджаривать на костре жуков. Иногда они вытворяли ужасные вещи с несчастными кошками и щенками. — Он покачал головой. — Я не знаю, почему люди совершают чудовищные поступки.

Натан поднялся, стряхнул с черных штанов листья и поправил коричневый плащ. Волшебник смерил взглядом Никки, лицо которой, волосы и черное платье были заляпаны кровью.

— Ты похожа на отбивную, колдунья.

— Не сомневаюсь, — сказала она, выгнув бровь. Медленно повернувшись, Никки осмотрела почерневшие деревья, тлеющие стволы и последние сгустки дыма, плывшие по воздуху. — Огонь могли заметить с нескольких миль, и наша битва наверняка привлекла чье-то внимание. После таких стараний остаться незамеченными, мы, похоже, громко объявили о своем прибытии.

Бэннон и Натан с опаской огляделись.

Из глубины дубовой рощи с вкраплениями высоких деревьев донесся звук ломающихся веток и приглушенных голосов. Мрра зарычала, выгнув спину и прижав уши. Она нюхала воздух с таким видом, будто чуяла в нем запах смерти. Когда голоса оказались ближе, песчаная пума метнулась прочь, исчезнув в подлеске.

Бэннон проводил кошку взглядом.

— Мрра не дрогнула, когда на нас напал медведь. Что напугало ее сейчас?

Натан небрежно помахивал мечом, готовый к новой битве.

— Возможно, они испугают и нас, мой мальчик.

— Ну уж нет, — отозвалась Никки, выставив перед собой кинжалы. — Приготовьтесь. — Она уверенно стояла, поджидая зловещих незнакомцев.

Глава 4

Чужаки не пытались скрыть своего приближения. Напротив, они пробирались через лес, громко и резко разговаривая; один даже грубо рассмеялся. Они шелестели листьями, отталкивая с пути ветви, и направлялись прямо к дотлевающим останкам лесного пожара. Никки предположила, что они заметили пламенный шторм, который с ревом поднялся в небо и угас.

Трое незнакомцев в ярких одеждах шагали через чащу — стройные и надменные юноши, едва ли подготовленные к жизни в пустынной местности.

Натан, как ни странно, рассмеялся при виде них:

— Да это просто юнцы!

Чужакам было около двадцати лет — они казались не старше Бэннона. Они неторопливо и непринужденно шли через заросли. На них была диковинная, старомодная одежда: рубашки свободного кроя с расшнурованным воротом, открывающим грудь; шелковые темно-зеленые панталоны, повязанные широкими кушаками контрастных цветов — красного, синего и пурпурного. С их плеч свисали короткие накидки, подбитые пятнистым мехом. Никки отметила, что эти накидки совершенно непригодны для битвы или трудного путешествия. Каждый нес длинную деревянную дубину с железным шаром

на конце. Такие дубинки могли быть эффективным оружием, но молодые люди держали их как трости.

Никки, Натан и Бэннон встретились с ними на прогалине возле тлеющего пепла и окровавленной туши медведя. Молодые люди замолкли от удивления, увидев потрепанных и покрытых кровью путников.

Первый юноша — очевидно лидер — фыркнул.

— Во имя промежуточности Владетеля, вы еще кто такие? — Он шагнул вперед, неловко поправляя подбитую мехом накидку. У него были иссиня-черные волосы, смуглая кожа и темные глаза. Его большой рот скривился от недовольного замешательства. — Мы не думали, что кого-то здесь встретим. — На нем была свободная красная рубашка и широкий пурпурный кушак. Он небрежно упер в землю железный наконечник своей дубины.

— Тем не менее, мы здесь, — сказала Никки, все еще пытаюсь оценить, представляют ли эти чужаки опасность. Незнакомец говорил со странным архаичным акцентом, но его речь нетрудно было понять.

— Мы — странники издалека, — примирительно сказал Натан. — Мы прошли через Кол Адаир, а до этого пересекли запустение, горы, долины и даже само море. — Он выдержал напряженную паузу. — Мы пришли из Нового мира.

— Далековато, — сказал второй юноша, у которого были рыже-коричневые волосы и такого же цвета поросль на щеках. Ключковатые тонкие бакенбарды не дотягивались до бороды. — Сдается мне, на самом деле вы прибыли с одного из горных городков на севере.

У третьего парня было квадратное лицо и темные, коротко остриженные волосы. Он проявлял не больше интереса, чем другие двое.

— Куда вы направляетесь? Как вас всех зовут?

— Наша цель там, куда ведут наши странствия, — не дожидаясь, пока ее спутники ответят, вмешалась в разговор Никки.

Она не желала сообщать лишней информации. — Мы исследуем Древний мир. Меня зовут Никки, а моих спутников — Натан и Бэннон.

Первый юноша постукивал своей импровизированной тростью по земле, ероша лесную подстилку.

— Я Амос. — Он не выказал излишней теплоты или радушия. Впрочем, это была не подозрительность, как могла ожидать Никки, а просто отдаленность, будто чужестранцы не имели для него никакого значения. Он указал на двух своих друзей: — Это Джек и Брок. После последнего падения савана мы решили провести время снаружи, и теперь нам снова нужно ждать.

Брок, юноша с коротко стриженными темными волосами, с любопытством смотрел на изуродованную тушу медведя, на его вырванный глаз, сверкающие внутренности, вытянутые из брюха.

— Еще один боевой медведь вырвался на свободу.

Амос фыркнул.

— Главный укротитель Айвен — идиот. Так говорят мои отец и мать, и это единственное, в чем они сошлись во мнениях.

Джек поскреб чахлую рыжую растительность на своих щеках.

— Прошлой ночью мы слышали, как он охотится в холмах, поэтому держались подальше. — Он взглянул на забрызганных кровью путешественников. — Вы позаботились об этой скотине за нас.

— И сделали это довольно грязно, — добавил Брок.

— Добрые духи, так вы знаете, что это за существо? — воскликнул Натан. — Вы прежде видели подобных? Откуда оно взялось?

— Конечно, — нахмурился Амос. — Ты разве не слышал Брока? Это боевой медведь.

— А вот мы никогда не видели боевого медведя. — Никки изо всех сил старалась убрать из голоса раздражение.

— Ну конечно не видели. — В голосе юноши звучала издевка. — Наши повелители плоти создавали тварей и страшнее.

Джед провел пальцем по треснувшему закопченному стволу дерева поблизости.

— Мы заметили распространение огня и беспокоились, что лесной пожар охватит холмы. Мы могли бы оказаться здесь в ловушке, но потом увидели циклон, который справился с огнем.

— Кто-то превосходно владеет магией, — сказал Амос, пристально вглядываясь в каждого из троих путников. — Кто ответствен за это?

— Это сделала Никки, — вставил Бэннон, видимо, пытаясь произвести впечатление на незнакомцев. — Она колдунья, и Натан тоже волшебник... или, по крайней мере, он им считается.

Теперь Амос посмотрел на странников совсем по-другому: его равнодушие исчезло.

— Так вы одаренные? — Он повернулся к Бэннону. — А ты?

Бэннон поднял свой покрытый кровью меч:

— А я мечник и искатель приключений.

— Рад слышать, — произнес Брок с ноткой сарказма.

Утомленный разговором Амос подошел к пяти статуям воителей, которые теперь были покрыты копотью от прокатившегося пожара.

— Джед подумал, что среди деревьев может быть лагерь разведчиков и шпионов.

Оценив расстояние до ближайшей закопченной статуи, Амос отступил назад, замахнулся дубиной с железным накопником и скорчил злобную гримасу. Он изо всех сил обрушил металлический шар на защищенное шлемом лицо статуи,

и по лесу пронесся громкий, звонкий треск. Часть каменного шлема и точеного носа откололась, обнажив яркий чистый мрамор. Никки поразила эта неожиданная расправа, и она приготовилась к возможному нападению. Бэннон вскрикнул от удивления, а Джед и Брок рассмеялись вместе со своим другом, подняли дубины и разбили лица пятерых каменных воинов. Изысканные удлиненные шлемы раскололись и сломались; орлиные носы, тяжелые брови и плотно сжатые губы разлетелись каменным крошевом.

— Добрые духи! — ахнул Натан в замешательстве, сомневаясь, не стоит ли остановить чужаков.

А юноши не успокоились, пока не испортили лица всех пяти статуй. Они со смехом поздравляли друг друга с лишней ризкой бравадой.

Никки чувствовала кровь медведя, высохшую на щеках и пропитавшую черное дорожное платье.

— Зачем вы это делаете? — холодно поинтересовалась она.

— Промежность Владетеля, потому что они этого заслуживают! — ответил Амос. — Мы их ненавидим. Армия Утроста стоит здесь уже пятнадцать сотен лет — с тех пор как император Керган вознамерился завоевать мир и подмять под себя всех. Мы знаем историю. Итак, когда наш защитный саван сошел, мы с друзьями вышли повеселиться... и выразить свое отношение к ним.

— Мы бродим здесь уже несколько дней, — добавил Брок, — делая все возможное против каменной армии — на всякий случай.

Натан взглянул на них с явным неодобрением.

— Вы можете бесчинствовать над каменными солдатами, но это не значит, что вы выдающиеся бойцы, — сказала Никки резким тоном.

Амос фыркнул.

— Но это наш единственный шанс, и мы не собираемся упускать возможность отомстить. Мы ждали слишком долго.

Трое юношей переглянулись, и Брок сказал:

— Может, пройдемся по всей равнине? По пути не будет недостатка в статуях солдат.

— Неизвестно, как скоро они снова сбросят саван, — неожиданно нервно сказал Джед. — Мы же не хотим прозевать это и застрять здесь еще дольше.

— Времени предостаточно, чтобы вернуться и снова оказаться взаперти. — Амос взглянул на обгоревшую местность. — Я просто хотел взглянуть, кто здесь пользовался магией. Пошли домой.

— А где ваш дом? — спросил Бэннон. — Эти просторные земли пустынные, насколько мы увидели во время наших странствий. Мы не встречали никого с тех пор, как перешли горы. Вы из деревни на холмах?

Брок и Джед захохотали, а Амос закатил глаза:

— О, тут полно городишек, но разве мы похожи на деревенщин с холмов?

— Тогда откуда вы? — требовательно спросила Никки.

— Из города, разумеется.

Натан оживился:

— Да, мы видели тот город! Можете рассказать, как его найти?

Молодые люди снова засмеялись.

— Конечно. Это наш дом. — Их слова прозвучали так, будто Натан был невообразимо глуп.

— И как называется ваш город? — вмешалась Никки. Если эти юноши не начнут отвечать на вопросы, она с наслаждением заставит.

— Ильдакар, разумеется. — Амос и к ней отнесся с презрением. — Как ты можешь не знать о величественном городе Ильдакаре?

Глава 5

Услышав название мифического города, Натан затрепетал от изумления и волнения. Ильдакар! По коже бегали мурашки, старик улыбался, как мальчишка, которому выпала возможность получить больше конфет, чем он когда-либо мог представить.

— Ильдакар... из древних легенд? — Теперь он смотрел на троицу с гораздо большим интересом, чем поначалу. — Говорят, это удивительный город.

— Наше прекрасное идеальное общество существует уже тысячи лет, — фыркнул Амос. — Но Ильдакар не легенда. Это наш дом.

— Тогда где же он? — В голосе Никки было больше скептицизма, чем удивления. — С перевала мы видели город, но равнина пуста.

— Не считая каменных воинов... — добавил Бэннон.

Амос, Джед и Брок засмеялись над какой-то шуткой, понятной только им.

— Наш город прямо здесь, у края обрыва. Он защищен саваном. Не стоит недооценивать волшебников Ильдакара.

Натан, с языка которого была готова сорваться лавина вопросов, последовал за молодыми людьми через обгоревшую дубовую рощу. Амос размахивал своей булавой, сбивая на ходу омертвевшие ветки, преграждавшие ему путь. Выйдя из рощи, они оказались среди низкого кустарника, которым поросли травянистые холмы. Джед и Брок устроили состязание по сшибанию верхушек чертополоха, разбрасывая во все стороны пушистые лепестки и острые шипы. Юноши казались беззаботными и легкомысленными, словно совсем не торопились вернуться в Ильдакар — и игнорировали явное нетерпение Натана.

Бывший волшебник позволил разыграться своему воображению и поглядывал на Никки, обмениваясь с ней немymi во-

просами. Он не мог перестать улыбаться, уверенный, что в итоге найдет все ответы. Ильдакар считался передовым бастионом магии, населенным могущественными одаренными. Если город сокрушил — обратил в камень? — талантливого генерала Утроса, а потом исчез в тумане мифа, то наверняка они могли восстановить его дар. Как и предсказывала ведьма. Он позволил своей надежде воспарить и заговорил покровительственным тоном:

— Я буду рад, если вы расскажете подробнее, мои юные приятели. Я много веков прожил во Дворце Пророков, на северной границе Древнего мира. Может, слышали о нем? Дворец построили не одну тысячу лет назад. Нет? А, ладно. Все равно дворца больше нет. Я изучал историю, особенно повествования о Срединной войне. — Он глубокомысленно кивнул, ожидая реакции. — Ильдакар сыграл заметную роль в истории, знаете ли.

Молодые люди казались не слишком заинтересованными. Натан даже засомневался, что они вообще его слушают.

Бэннон старался поспевать за незнакомцами, будто надеясь найти единомышленников в ровесниках.

— Волшебник Натан рассказал нам об императоре Кергане и его железном клыке. — Он оскалился и постучал кончиком пальца по левому клыку. — И о том, как генерал Утрос пытался осадить Ильдакар, и о серебряном драконе, которого они пленили и собирались использовать в качестве оружия, но тот освободился и напал на них... еще до того, как город исчез, — выпалил он.

Натан ценил энтузиазм, но предпочел бы, чтобы Бэннон вел себя сдержаннее, пока они не узнают больше.

— Да, ребята, — вмешался он, поравнявшись с Амосом, — как вы трое оттуда выбрались?

— Выбрались? Мы просто вышли из города, когда саван затрепетал, — ответил Амос. — Когда волшебники проводят

пробное кровопролитие, значит, саван скоро снова исчезнет. Нам некуда торопиться. У нас куча времени, чтобы вернуться.

Брок срубил верхушку сухого чертополоха, послав в воздух облачко пушистых семян. Джед понесся через заросли травы, гоняясь за шорохом, который мог издавать кролик или змея.

Натан оглянулся на выгоревший пятачок на холмах позади, гадая, следует ли за ними Мрра, но пума словно растворилась в редком кустарнике. Он недоумевал, почему она испугалась надменных юнцов больше, чем ужасного монстроподобного медведя или бушующего лесного пожара. Молодые люди казались совсем не опасными.

Никки выщипывала из своей черной юбки цепкие колючки.

— Город, который мы видели с перевала, мерцал подобно миражу. Он казался ненастоящим.

— Это магия, — отозвался Амос. — В зависимости от мощи савана Ильдакар мерцает в существовании и во времени. Саван поднимается и опускается, когда волшебники стараются удерживать древние заклинания. Мы с друзьями исследуем окрестности, раз уж нам выдалась такая возможность.

— Мы можем отомстить вражеским солдатам, — сказал Брок, неистово размахивая своей булавой с железным навершием и перерубая колючие стебли чертополоха. — Сразу несколькими за раз.

— Надеюсь, город скоро появится, — сказал Джед. — Мы снаружи уже три дня, разбиваем стоянки на ночь и бродим по окрестностям. А я мог бы принять приятную ванну и славно пообедать. Походная пища оставляет желать лучшего.

— А я думал, ты больше будешь скучать по визитам к шелковым яксенам, — лукаво ухмыльнулся Амос.

Два его товарища заготали.

— Промежность Владетеля! — воскликнул Брок. — Сперва я хочу помыться и отдохнуть, а потом уже тратить на них все силы.

— Лишь бы девочки были чистыми и отдохнувшими. Для меня это гораздо важнее, — сказал Джед.

— Кто такие яксены? — спросил Бэннон.

Юноши испепеляюще посмотрели на него.

— Может, когда-нибудь мы тебе покажем.

Все вместе они спускались по поросшим травой и сорняками склонам. Они шли быстро, не прячась от огромной армии. Когда компания спустилась на равнину, заполненную тысячами статуй солдат, Натан уставился на неподвижные ряды. Каменные фигуры были повсюду, застывшие посреди своего привычного занятия — участия в крупной войне... войне, которая так и не докатилась до Ильдакара.

Путники подошли к группе из четырех кавалеристов, чьи крупные боевые кони были закованы в боевые доспехи. Натану были знакомы названия этих украшенных доспехов: шанфрон защищал голову и морду коня, критнет прикрывал шею, пейтраль закрывал грудь, а фланшард — бока. Узоры на коже и металле складывались в стилизованное пламя, символ императора Кергана. Передняя правая нога одного из коней была поднята, будто окаменение застало его в галопе, но теперь статуя сохраняла шаткое равновесие.

Всадники были облачены в диковинную древнюю броню, которая придавала им устрашающий вид: на головах объемные шлемы с гребнем на макушке, наносником и широким заостренным подбородником; гладкие стальные кирасы прикрывали грудь, а кожаные набедренники усиливали стальные диски. Всадники воздели сабли, готовые к атаке. На их круглых щитах тоже была эмблема с пламенем Кергана.

Бэннон задержался, чтобы полюбоваться статуями кавалеристов.

— Должно быть, они отправились на вылазку.

Амос надавил руками на каменного коня с поднятой ногой.

— Помогите мне.

Джед и Брок без вопросов присоединись к товарищу, и Амос посмотрел на Бэннона:

— Ты тоже можешь присоединиться. Мы разрешаем.

Бэннон неуверенно встал рядом с тремя юнцами:

— Что мы делаем?

Все четверо положили ладони на каменный бок коня.

— Делаем свой вклад в битву старой войны.

Амос и его друзья налегли, и каменный конь закачался. От колеблющегося Бэннона было мало толку.

Натан выразил свое крайнее неодобрение:

— Ребята, это же исторический артефакт. Вам не следует...

— Это вражеский воин, — Амос стиснул зубы, его щеки вспыхнули румянцем от напряжения.

Решающим толчком они опрокинули каменного коня вместе со всадником. Тяжелая статуя рухнула на землю, передняя нога коня отломилась, а статуя солдата раскололась пополам. Молодые люди отступили, поздравляя друг друга.

— Осталось всего-то сотня тысяч, — сказал Джед и не спеша пошел дальше.

Они шли через огромный безмолвный лагерь, где бесчисленные древние воины застыли в разгар бурных действий. Многие статуи были облачены в доспехи и готовы к битве. Двое рослых мужчин стояли, скрестив на груди облаченные в боевые рукавицы руки и походили на неумолимых стражников, которые стояли на посту.

— Почему не видно шатров и знамен? — спросил Бэннон.

— Они превратились в пыль за столько веков, — догадался Натан. — Воины обратились в камень, но вот вещи давно сгнили.

Заслонив глаза от яркого полуденного солнца, он разглядывал немую сцену. Десять окаменевших солдат развалились на земле, образуя круг. Все они заросли травой и сорняками. Глядя на их позы и неодетый вид, Натан предположил, что они разбили лагерь и заснули вокруг костра, накрывшись теперь

уже не существующими одеялами. Другие воины сидели рядом на корточках, протянув руки к центру круга — словно держали палки и жарили наколотое на них мясо.

Один мужчина стоял с руками возле паха, глядя на землю — окаменение настигло его посреди акта мочеиспускания. Амос и его приятели сочли это весьма забавным. Своими булавами они отбили каменные руки и искрошили окаменевшее достоинство воина.

Они вышли на свободное место среди застывших воинов. Возможно, когда-то здесь стояла большая палатка с припасами, которая была стерта временем и оставила после себя пустую землю.

— Хорошее место для лагеря, — сказал Амос и взглянул на Бэннона. — У тебя есть провиант?

— Надеюсь, у вас есть приличная еда, — добавил Джед. — И ее хватит, чтобы поделиться с нами.

Никки одарила их суровым взглядом:

— Вы должны были как следует подготовиться к своей вылазке.

Амос насупился, но Натан стряхнул с плеча свой мешок.

— У нас есть еда, и мы будем рады поделиться. — Он развязал тесемки и открыл мешок, демонстрируя сохраненные с помощью магии ломти оленины, вырезанные из одной из недавних жертв Мрра.

Новые знакомые с признательностью усмехнулись.

— Свежее мясо — это хорошо, — сказал Брок.

Объединив усилия, они насобирали охапки сена, сухостоя и веток. Натан выложил из собранных им камней круг, а ильдакарские юноши без всякого изящества кинули внутрь собранный хворост.

Бэннон, взглянув на беспорядочную кучу, наклонился и принялся за работу.

— Сложить костер не так уж и сложно. Сухая трава, потом сухостой для розжига, и все это обложить крупными ветками.

Амос закатил темно-карие глаза:

— К чему так возиться?

Жестом он высвободил частичку своего дара и зажег кучу хвороста. Трава и сухостой, потрескивая, быстро и жарко разгорелись.

— Что ж, так и правда быстрее, — пробормотал Бэннон. Обычно Никки зажигала их костры тем же способом.

В сумерках они пожарили мясо и сели на корточки, чтобы поесть. От попыток Натана завязать разговор было мало толку. Молодые люди сделали свой вклад в ужин, достав из рюкзаков медовые вафли и плотные хлебные кексы и разделив их со всеми. Натан счел выпечку аппетитной, но юнцы заявили, что устали от такой еды.

Когда сгустилась темнота, Натан оглядел широкие просторы, напомнившие ему равнины Азрита в Д'Харе. Открытая травянистая степь простиралась до отвесного берега реки, которая делила равнину на две части, но даже такое огромное пространство едва вмещало в себя бесчисленных солдат, которые пришли покорить Ильдакар.

Взяв вторую медовую вафлю, Натан указал подбородком в сторону далекой реки:

— Походит на крутой обрыв. Обычно такие реки вымывают широкое русло, но эта словно прорезала равнину лезвием топора. Скалы у воды очень высоки.

— Это не случайность, — сказал Амос, слизывая с пальцев олений жир. — Чтобы защитить Ильдакар, палата волшебников объединила свою магию и сделала выше эту часть равнины. Они подняли гигантский пласт земли на сотни футов над рекой Киллрейвен.

— Только глупцы нападут на Ильдакар, — сказал Брок, жуя свой обугленный кусок мяса. Он вынул изо рта кусок хряща и принялся изучать его, держа двумя пальцами, а потом бросил в траву. — Генерал Утрос и его армия усвоили этот урок.

— Как кто-то может напасть на город, который не могут найти? — спросила Никки. — Куда делся Ильдакар?

— Это часть нашей гениальности, — сказал Амос, но уточнять не стал.

Когда насекомые в травах успокаивающе застрекотали, Натан задумался над тем, что знал из легенд и истории. Если волшебники Ильдакара могли сотворить такую поразительную вещь, они определенно способны восстановить его дар.

Но сперва им предстоит разгадать загадку исчезающего города.

* * *

На следующий день, когда солнце уже вовсю светило, они шли через равнину, петляя между окаменевшими воинами. Время от времени внимание троих юнцов привлекала какая-нибудь из статуй. Один мужчина некогда сидел на корточках со спущенными трусами, но, когда его уборная превратилась в пыль, он упал и теперь лежал на земле. Амос и его друзья разломали эту статую на куски. Они нацеливались на особо свирепо выглядывших каменных воинов, которые жаждали захватить Ильдакар. Амос с приятелями своими булавами разбивали глаза, носы и рты, стирая черты лица и оставляя вмятины, которые считали забавными. Натан, начитанный о славе Ильдакара, был разочарован их отношением. Он разглядывал многочисленные фигуры, усеивавшие просторную равнину.

— Полагаю, среди статуй есть и генерал Утрос. Было бы занимательно отыскать его, просто чтобы увидеть его лицо — ради истории.

— Как мы его узнаем? — Бэннон хмуро смотрел на только что разломанную статую. — У этих воинов нет опознавательных знаков.

— Милый мой мальчик, я считаю, что если мы будем искать достаточно долго, то найдем одного в генеральском обла-

чении или доспехах. Возможно, он где-то в командном шатре в центре лагеря, — Натан отряхнул гофрированную рубашку, которую носил с ухода из Твердыни. — Но спустя все эти годы не осталось никаких шатров, увы... ни столов, ни остатков карт, ни знамен.

Никки посмотрела на далекую реку и обрывистый берег:

— Если ваши волшебники столь могущественны, почему они боялись? Поднять часть равнины, раздирая ландшафт и создавая огромные скалы у реки — мало похоже на действие уверенных в своих силах людей.

— Это была демонстрация нашей непобедимости, — сказал Амос. — Река Киллрейвен привела торговцев с дальних земель, но времена становились все темнее, и по реке стали ходить глупые захватчики, которые хотели завоевать город. Поэтому волшебники сотворили высокие утесы и сузили реку. Они изменяли ландшафт, словно тот был глиной в руках гончара. Ильдакар выстоял, и мы стали сильнее и мощнее, чем когда-либо. — Зарывав от усилия, он опрокинул еще одного воина прямо в сорняки.

Пока они шли к обрыву возле реки, Натан размышлял, как им спуститься к воде — если их путь лежит туда. Юнцы отказались что-либо объяснять, и, казалось, их раздражали настойчивые расспросы старого волшебника.

В самый разгар дня, когда до обрыва оставалась миля или две, Никки разочарованно спросила:

— Ну и где город?

Ее черное дорожное платье было испещрено коричневыми семенами, колючками и сухими травинками.

— Мы находимся в правильном месте, но я точно не знаю, когда спадет саван, — ответил Амос. — Мы никак не можем это ускорить.

— Может, сегодня нам снова придется разбить лагерь, — огорченно протянул Джед. — Я бы лучше...

Воздух внезапно замерцал и изменился, словно дозорный из невидимого города заметил их приближение.

Натан почувствовал резкий металлический привкус, словно рядом ударила молния.

Жужжание, словно от миллионов роящихся мошек, становилось все громче и превратилось в непрерывный гул, от которого вибрировали зубы.

Затем широкая пустая долина исчезла, и сам воздух расслоился, показав то, что спрятано за маскировочным барьером.

Когда мерцание прекратилось, Натан уставился на огромный и захватывающий дух город прямо перед ними — Ильдакар.

Глава 6

Никки замерла, глядя на появившийся из ниоткуда город.

— Пресвятая Мать морей! — Бэннон от неожиданности отскочил.

Потрескивающий гул стих, когда детали стали предельно четкими. Огражденный стеной город размером с Танимуру проступал из-за преграды, скрывавшей его от времени.

Многочисленные ярусы строений расположились на горе, которая словно произрастала из плато.

Натан заслонил глаза от солнца, пытаясь охватить взглядом город:

— Добрые духи, даже самые смелые легенды не воздавали должное этому городу. Теперь я понимаю, почему Железный Клык так хотел его завоевать.

— Это Ильдакар, — сказал Амос, будто этого объяснения было достаточно. — Многие чужаки пытались завладеть им, но ни одна армия не преуспела.

Молодые люди не стали вдаваться в детали, поэтому Натан повернулся к Никки и Бэннону:

— Ильдакар был самым выдающимся городом на юге Древнего мира, культурным центром искусств и ремесел, нацеленным на развитие магического мастерства. Здесь жили многие величайшие ученые, совершались древние открытия. — Он погладил свой выбритый подбородок. — Многие фундаментальные работы, хранящиеся в архивах Твердыни, были написаны в Ильдакаре три тысячи лет назад.

— С тех пор наш город стал еще величественнее. — Амос поправил свою подбитую мехом накидку и зашагал по нехоженной равнине к огромным вратам в высокой стене. — И все потому, что мы были защищены саваном. Если бы Ильдакар оставался уязвимым, нас бы завоевал генерал Утрос или любой другой полководец.

Никки кивнула, восхищаясь внушительными каменными стенами расположенного на горе города. Ветер бросал ей в лицо ее светлые волосы.

— Если бы император Джегань знал об Ильдакаре, то наверняка послал бы на него войска Имперского Ордена.

— Тогда Джегань — кто бы он ни был — также потерпел бы неудачу, — сказал Амос. — Оградив свой город от времени, мы веками избегали войн, разрушений и трудностей. Проведя в изоляции пятнадцать столетий, мы построили идеальное общество.

Он остановился перед ближайшим каменным солдатом — мужчиной с обвисшими усами и бородавкой на носу. Усмехнувшись, Амос взмахнул своей дубиной и разнес голову статуи. Джек и Брок, решив выпустить пар, присоединились к своему товарищу, и троица не успокоилась, пока от каменного воина не осталась лишь груда щебня.

Никки раздражала их неуместная склонность к разрушению, но она не осуждала юношей, так как повидала немало зверств солдат Джеганя. Страдающие от скуки воины Импер-

ского Ордена насиловали, пытали и калечили живых пленников лишь потому, что им нечем было заняться. Неугомонное варварство этих юнцов казалось детской забавой.

Отвернувшись от молодых людей с явным отвращением, Натан моргнул, отбрасывая задумчивость, и перевел взгляд на удивительный город, похожий на остров на краю равнины.

— Этот город существует! Давайте отправимся в Ильдакар.

Путники брели через луг к каменной стене, шагая по составленной ветром великой дороге, от которой остались лишь неровные булыжники, заросшие пучками вездесущих сорняков.

Никки разглядывала необычные разноцветные здания, которые приносили к склонам искусственного плато, и невольно сравнивала этот город с Алтур'Рангом и Эйдиндрилом. Ильдакар был так велик, что казался горой с домами, крутыми улицами, зелеными аллеями, цветочными террасами и фруктовыми садами. Ряды отвесных стен и ограждений формировали концентрическую оборонительную систему, вырастающую из пологой долины.

По сравнению с бледными каменными солдатами и бурыми травами равнины Ильдакар являли собой взрыв цвета. Пурпурные и алые флаги реяли над зубцами многоуровневых стен, крыши жавшихся друг к другу побеленных домов были покрыты черепицей красного, оранжевого или черного цветов. Витражи на некоторых окнах радужно сверкали в солнечном свете. Тут и там виднелись висячие сады, по стенам струились виноградные лозы и другая растительность.

За высокими оборонительными стенами прятались кварталы и районы города, напоминавшие слои луковицы: с маленькими домишками, огромными складами, смотровыми башнями и площадями. Никки подумала о центре власти Ричарда, — Народном дворце, — огромном городе на плато, которое высится над равнинами Азрита. Ильдакар был столь же внушительным и великолепным, но отличался странной архитекту-

рой с изогнутыми линиями, остроконечными башнями и стрельчатыми арками.

Подойдя ближе к внешней стене, путники наткнулись на древние следы глубоких рвов, поросшие травой. Много веков назад они отражали атаки кавалерии, но со временем склоны осыпались. Пока группа перебиралась через канавы, Амос указал на них:

— Долгое время традиционные оборонительные укрепления Ильдакара считались неприступными, но они утратили свою значимость, когда волшебники создали защитный саван.

— Саван укрыл нас от всех опасностей мира, — сказал Джед.

Впервые они увидели этот город с Кол Адаира, и теперь Никки поняла, что купол савана мерцает и, возможно, спадает, когда исчезают чары. Из неохотных рассказов Амоса и его приятелей она узнала, что саван уже много лет периодически то спадает, то вновь поднимается. Это началось задолго до того, как перемещение звезд изменило законы магии.

Троица парней неспешно шла вперед, и их громкие голоса отражались от стен. Они говорили о еде, ванне и посещении таинственных «шелковых яксенов», но, кажется, домой не торопились.

— А вдруг город исчезнет до того, как мы в него войдем? — спросил Бэннон, ускоряя шаг. — Разве мы не хотим попасть внутрь?

Натан тоже забеспокоился:

— Мы преодолели долгий путь, чтобы найти Ильдакар. Я бы не хотел упустить такую возможность.

Амос пожал плечами, немного сбавив темп, — просто из вредности.

— Сейчас саван спал, а значит, властительнице и главнокомандующему волшебнику потребуется минимум неделя на приготовления. Город открыт для внешнего мира.

Никки не терпелось все разузнать и поговорить с представителями города, которые проявят больше интереса к чужестранцам. От Амоса и его приятелей она больше ничего не ожидала: подобные бездельники встречались ей и раньше.

— Мы не знаем, сколько времени займут наши дела. — Никки взглянула на Натана: — У волшебника есть важная просьба к вашим правителям.

— А Никки должна спасти мир, — вмешался Бэннон. — Их послала сюда ведьма.

— Ведьма? — Амос снова закатил глаза. — Слабая колдунья? Ничтожная провидица? Ведьмы в Ильдакаре имеют очень низкое положение. В нашем городе уважают лишь настоящего одаренных.

Никки даже обрадовалась, поскольку с нее было довольно ведьм.

— Почему ваши волшебники оказались в разы могущественнее своих противников? Разве в те дни не было иных одаренных врагов? Сноходцев? Творцов?

— Ильдакар уникален, потому что наши волшебники объединились. В ходе секретных исследований они обучились магии и заклинаниям, о которых больше никто не знает. Когда они объединили свои силы, то стали непобедимы для любого врага извне.

По голосу Амоса Никки поняла, что тот лишь повторяет слова, которые слышал всю свою жизнь. Но все же это походило на правду.

Вскоре они достигли первой внешней стены и оказались перед высокими двойными воротами на огромных железных петлях. Створки были сделаны из твердой как камень древесины, и каждая доска была длиною с дерево.

Врата выглядели неуязвимыми против любого штурма или стенобитного орудия. Никки пробежалась по ним взглядом, пытаясь решить, достанет ли ей силы проломить ворота извне — или изнутри, если понадобится.

— А они впускают нас? — встревожился Бэннон.

— Впускают, — фыркнул Амос. — Я сын властительницы и главнокомандующего волшебника. — Он подошел к двери высотой с человеческий рост, расположенной на левой створке, и ударил кулаком. — Верховный капитан Эйвери, вы на дежурстве? Открывайте! Я привел посетителей.

Из-за двери послышались голоса, затем что-то загрохотало и лязгнуло, когда железные засовы покинули свои гнезда.

Она почувствовала вспышку магии — это открылся иной вид затворов — а затем маленькая дверь распахнулась. В проеме стоял высокий и статный стражник в мундире и с красным наплечником на левом плече. Коричневая кожаная броня, усиленная стальными пластинами, закрывала торс мужчины, но руки оставались голыми. На широком поясе висели кинжал и короткий меч в ножнах. Несмотря на теплую погоду, на стражнике была накидка, подбитая коричневым мехом незнакомца Никки зверя. Высокие сапоги стражника доходили почти до колен.

Капитан стражи посмотрел на Амоса, не обратив внимания на незнакомцев:

— Мы уже вас ждали, молодой человек.

Амос и двое его друзей протиснулись через дверь.

— Сколь бы близко вы ни были знакомы с моей матерью, капитан, вы не имеете права мне приказывать. — Он взглянул через плечо на Никки, Натана и Бэннона, которые все еще ждали, когда их представят. — Это верховный капитан Эйвери, командир городской стражи. Он знает, что делать. — Юноша снова повернулся к мускулисту воину. — Женщина — колдунья, а старик заявляет, что он волшебник. Кажется, у них какое-то дело в Илдакаре, и они проделали долгий путь. Я передаю их вам. Отведите их к моим родителям в башню властителей. — Он взглянул на Бэннона, задумавшись. — Полагаю, ты остаешься с ними?

Бэннон пригладил длинные рыжие волосы и принял решение:

— Да, я пойду с ними.

Амос явно потерял к ним интерес.

— Прекрасно. У нас с друзьями есть и другие дела.

Джед придвинулся к Амосу:

— Давай сначала сходим в бани? Рабы принесут нам поесть.

— Я-то думал, ты первым делом отправишься к шелковым якседам, — сказал Брок.

— Успеется, — ответил Амос. — У нас куча времени.

Не оглядываясь, трое юношей двинулись в оживленный город, а верховный капитан Эйвери окинул хмурым взглядом чужестранцев.

— Проходите.

Он захлопнул за путниками дверь и задвинул многочисленные засовы, восстанавливая защиту.

— Добро пожаловать в Ильдакар, — сказал капитан надежно запертым внутри странникам.

Глава 7

Никки не любила быть запертой. Тем более на замок.

Когда небольшая дверь была запечатана, колдунья окинула взглядом высокие городские ворота. Они казались несокрушимыми, на слои дерева были нанесены необычные узоры и даже изогнутые линии отклоняющих заклинаний.

Натан тоже задумчиво и хмуро посмотрел на деревянный барьер позади, но затем заставил себя улыбнуться.

— Мы хотели попасть в этот город, и вот мы внутри, — сказал он Никки. — Считаю, что это определенный успех.

Никки решила взять инициативу на себя и повернулась к верховному капитану Эйвери. Стройная женщина в черном платье и с длинными светлыми волосами не казалась капитану опасной, хотя в ножнах у ее бедер покоились кинжалы, но сила в ее голубых глазах заставила его замереть.

— Меня зовут Никки, я представитель Д'Харианской империи. Рядом со мной Натан Рал, волшебник и посол Д'Хары по особым поручениям.

— А это — наш попутчик, Бэннон, — добавил Натан.

Юноша дотронулся до рукояти своего меча:

— Я вроде как их охранник. — Он оглянулся на трех парней, которые растворились в толпе, даже не обернувшись.

Эйвери смерил их оценивающим взглядом. На его узком лице, привлекательном и надменном, застыло каменное выражение. У него были короткие каштановые волосы, щегольские усы и гладко выбритый подбородок.

— Мы пришли в Ильдакар поговорить с вашими правителями, — сказала Никки.

— Тогда мой долг — отвести вас в башню властителей. Нам туда. — Кивком он указал на вершину плато, где стояла изящная башня, свысока взиравшая на нижние уровни города. — Я не знаю, заседает ли сейчас палата волшебников, но там должны быть властительница и главнокомандующий волшебник. — Оставив стражу у ворот, Эйвери взял с собой пятерых вооруженных солдат в качестве эскорта.

Ильдакар пестрел разнообразными цветами, экзотическими запахами и завораживающими видами. Эйвери шагал, будто на марше, и явно не намеревался медлить или отвлекаться на разговоры. Обитатели города провожали группу взглядами, а Бэннон вертел головой, впитывая в себя чарующую обстановку.

— Этот город даже больше Танимуры.

Никки окинула взглядом улицы и ближайшие здания.

— Танимура больше по площади, но Ильдакар имеет более плотную застройку — ни дюйма не потрачено впустую.

Дворяне, купцы и лавочники были облачены в свободные чистые одежды из ярких тканей, в то время как остальные были одеты в серые льняные штаны и грубые туники с потертыми рукавами и воротниками. Вместо хорошо подогнанных сапог на ногах людей в сером были сандалии. Никки предположила, что они — низший класс, рабочие, потому что эти люди несли кувшины с водой, тянули тележки, поднимали ящики или прочищали сточные желоба. И отводили взгляд.

Следуя за стражниками по извилистым мощеным улицам, она заметила, что даже здесь, на нижнем уровне, брусчатка была в хорошем состоянии, тротуары подметены. Кирпичные дома были побелены, крыши покрывала глиняная черепица ярких цветов, напоминавшая чешую дракона. Рабочие взбирались по деревянным лестницам на крыши, заменяли разбитые плитки или вставляли новые фрагменты, создавая узоры, которые можно было увидеть только с верхних уровней Ильдакара.

На высоких зданиях и колокольнях висели отороченные золотом пурпурные флаги. На знаменах красовался вездесущий символ Ильдакара: изображение солнца, от которого расходятся зазубренные стрелы молнии. Символ источал власть и угрозу.

Улицы образовывали восходящую спираль, напоминавшую раковину улитки. Они вели к вершине сужающегося плато. На верхнем уровне располагались самые величественные здания — великолепные особняки, бросающаяся в глаза ступенчатая пирамида, а также высокая башня на краю крутого обрыва.

— С геологической точки зрения ландшафт города весьма необычен, — сказал Натан. — Волшебники Ильдакара, должно быть, подняли плато над равниной, превратив его в защищенную крепость.

— Да, — коротко кивнул Эйвери, — вместо того чтобы искать подходящее место, волшебники сами сотворили его —

они подняли половину долины, а затем построили этот величественный город, который простоял тысячелетия и простоит еще вечность.

Они ступили на небольшую площадь на пересечении переулков с главной улицей. Женщины наполняли кувшины в фонтане, вода в котором лилась из бронзовой речной рыбыны. Кто-то ополаскивал лицо в чашах с водой, установленных прямо на стенах и наполнявшихся из акведуков, проложенных по всему городу.

Узкие полосы возделываемой земли на городских склонах были плотно засажены карликовыми фруктовыми деревьями и орешником. По наклонным узким виноградникам ходили рабочие, едва удерживавшие равновесие, и собирали виноград в корзины, подвешенные на бедрах. Проворные дети в серой одежде взбирались по густым ветвям фруктовых деревьев и, раскачиваясь среди листвы, дотягивались до плодов. В горшках на подоконниках были россыпи разнообразных цветов, которые наполняли воздух сладковатым благоуханием.

Никки почувствовала мучительный укол боли. Цветущие сады всколыхнули воспоминания о маленькой отважной Чертополох, которая мечтала увидеть возрожденную красоту мира, в том числе и эти не приносящие пользы цветы. Никки пришлось убить девочку, чтобы получить необходимое оружие. Черный водоворот горя и вины захлестнул колдунью, и она замедлила шаг; уже в следующий миг она собралась с мыслями и укрепила стены вокруг своих эмоций. Ее сердце давным-давно превратилось в кусок черного льда, и сейчас она не хотела позволять ему растаять.

— Эти оливковые деревья растут прямо на камнях? — поинтересовался Натан, указав на деревья и откинув назад длинные белые волосы. — Обожаю оливки.

— Это личная роща властительницы. Вкус плодов восхитителен, потому что почва удобрена телами рабов.

По спине Никки пробежал холодок.

— От этого они становятся вкуснее?

Эйвери кивнул:

— Вкус яркий и насыщенный. Наполненный жизнью.

— Вряд ли рабы согласились бы с этим, — пробормотал Бэннон.

Обитатели Ильдакара выглядели спокойными, но Никки не заметила ни радости, ни звуков музыки. Разговоры в основном шли о делах, никто не болтал попусту.

— Капитан, много ли у вас гостей извне? — спросил Натан.

— Как часто саван спадает, являя остальному миру Ильдакар?

— За пятнадцать столетий мы потеряли связь с большей частью мира, но иногда покупаем товары, которые в основном привозят по реке, а иногда и из горных поселений на севере. В настоящее время мало кто знает, что Ильдакар появился из-за пелены времени.

— В таком случае, мы рады возобновить дипломатические переговоры, — сказал Натан. — Мы желаем рассказать о Д'Харе и новом правлении лорда Рала. Также у меня есть важная личная просьба.

— Наши правители выслушают вас, — сказал Эйвери, но больше ничего не пообещал. — Властительница Тора и главнокомандующий волшебник Максим решат, сможете ли вы остаться в Ильдакаре или должны будете уйти до восстановления савана.

Никки нахмурилась:

— Ваше приглашение преждевременно, капитан. Мы не собираемся оставаться и уйдем до того, как окажемся в ловушке.

Эйвери не понял, что ее беспокоит:

— Я не приглашал вас, а просто констатировал факт. Решать будет властительница.

Чуть впереди юноша в простой рубаше и грязных шароварах вел по улице группу неповоротливых выючных животных с мощными плечами и бурым мехом. Чем-то они напоминали

коров. Животные медленно брели, мыча так жалобно, словно их вели на скотобойню.

— Парень, убери с дороги своих яксенов! — рявкнул Эйвери. — Веди их по переулкам, а не по главным улицам.

— Простите, капитан. — Мальчишка с гривой каштановых волос лучезарно улыбнулся, продемонстрировав отсутствие переднего зуба. — Животным нужно попить из фонтана, а потом я их уведу по боковой улице.

— Им не стоит пить из общественного фонтана — уж точно не на верхних уровнях города.

— Но властительница говорит, что вода для всех.

— Говорит, — Эйвери перешел на рык. — Вот и пои их у себя дома. Эти фонтаны для одаренных дворян и уважаемых торговцев. И они не хотят, чтобы в их воде плавала слюна яксенов.

— Прошу прощения, капитан, — сказал мальчик, совершенно не раскаяваясь. Он щелкнул острым кончиком хлыста, попав по ляжке самого последнего яксена. Животные двинулись вперед с печальным мычанием.

Двое созданий повернули головы, оглядываясь на путников, и Никки, которая ожидала увидеть тупую коровью морду с широко расставленными глазами, с удивлением уставилась на человекоподобные черты яксенов, напоминавшие искаженных проклятых людей. У них были спутанные космы волос и густые бороды. Из открытых пастей текли бледные струйки слюней. Тупые рога казались не более чем украшением. Яксены отвернулись и побрели дальше.

Никки смотрела им вслед, не в силах справиться с потрясением.

— Добрые духи, это люди?

— В них почти не осталось человеческого, — ответил Эйвери. — Это просто яксены.

Когда мальчишка угнал животных прочь, эскорт повел их через площадь к боковой улице. Здания расступились, и Никки

увидела на вершине плато башню властителей, нависшую над ними. Башня напомнила ей огромный маяк гавани Графана.

На этом краю площади толпились люди, и Никки уловила волнение, которого раньше не замечала. Мужчины и женщины в серых одеждах низших классов переговаривались и шептались, а рядом с ними стояли ярко одетые торговцы и дворяне.

Когда Эйвери и его стражники начали проталкиваться вперед, кто-то засвистел в знак тревоги. Люди разбрелись по своим делам, ныряя в дверные проемы и спеша прочь, как стая птиц, разлетевшихся по небу.

Лицо Эйвери потемнело, когда он подошел к кирпичной стене за углом боковой улочки. Блестящие серебристые осколки в трещинах между кирпичей походили на украшения. Дверные косяки и оконные рамы тоже блестели от осколков.

— Смотрите, маленькие зеркала, — сказал Бэннон. — Кто-то украсил переулок.

Эйвери обнажил свой короткий меч и плашмя ударил им по осколкам зеркал.

— Немедленно убрать! — приказал он своим подчиненным. — Обыщите эти улицы и проверьте, нет ли где еще зеркал. — Он снова взмахнул мечом, и раздался звон разбившегося стекла. — Уберите все до кусочка!

— Неужели вы боитесь собственного отражения? — спросила Никки с ноткой сарказма.

— Меня больше волнуют восстания, — огрызнулся капитан стражи. — Это сделали последователи Зерцалоликого. Они хотят, чтобы мы думали, будто их больше, чем на самом деле, и проворачивают свои дела по ночам, чтобы подразнить нас. Мы не можем позволить им укрепить позиции.

— Зерцалоликий? — Натан задумался. — Звучит интересно. Расскажите о нем, пока мы идем к башне?

— Нет. Как капитан городской стражи я обязан оберегать и защищать Ильдакар. Если хотите историй, спросите власти-

тельницу или главнокомандующего волшебника. — Он резко оборвал разговор, быстро зашагав прочь.

Ближе к верхней части плато вдоль наклонных улиц было еще больше клумб, садов и живой изгороди. Эйвери не пророчил ни слова, пока они не оказались у входа в башню властителей.

Глава 8

Высокий каменный столп стоял на краю плато из песчаника и напоминал бивень какого-то древнего зверя. Высеченные на стенах змеиные петли и линии образовывали затейливую паутину, поднимавшуюся по спирали до самой вершины, с которой открывался обзор на жилые кварталы и извилистые улицы внизу.

Натан уставился на отвесные стены башни:

— Добрые духи, это же сеть защитного заклинания, встроенного в башню. Должно быть, она неприступна.

— Говорят, что так и есть, — ответил Эйвери. — Но проверить не приходилось, поскольку никто еще не пробил брешь во внешних стенах Ильдакара.

На широком верхнем уровне плато располагались величественные здания и особняки, а также внушительная пирамида, украшенная странными металлическими устройствами. Никки подумала, что ступенчатое сооружение могло оказаться астрономической обсерваторией. Сверху им открылся потрясающий вид на город, на его узкие поля и висячие сады, фонтаны и водоемы, отполированные баки для воды и черепичные крыши, которые складывались в радугу далеко внизу.

— Оборонная система впечатляет, — сказала Никки. — Город выстоит, если его жители не забудут, что всегда найдется желающий уничтожить его.

Эйвери вошел в арку, служившую входом в башню, и остальные последовали за ним. Никки почувствовала, что температура упала на несколько градусов. Бэннон вытер испарину со лба и откинул свои длинные рыжие волосы.

— Здесь намного прохладнее.

— Волшебники поддерживают прохладу, — пояснил Эйвери. — Обратите внимание на глифы на стенах.

Странные узоры, вырезанные на внутренних каменных блоках, источали магию. Никки поняла, что это точки сосредоточения пассивного заклинания.

— Магия переноса?

Натан кивнул:

— Да, глифы забирают из воздуха избыток тепла и направляют его в другое место — возможно, на кухни или в камины.

Эйвери не высказался по этому поводу и продолжил вести их в глубину башни, к центральной лестнице со ступенями из различного камня: гранита с зелеными прожилками, белого и черного мрамора. Резные перила походили на угрей, сползающих по лестнице.

Ступени окончились площадкой, за которой последовал еще один пролет, приведший их на третью площадку в самом верху башни. Дальше ступени вели в просторный приемный зал. Следуя за капитаном, Никки интуитивно уловила психологический аспект планировки здания. Джегань многому научил ее, когда строил множество огромных сооружений на захваченных землях. Крутая лестница с несколькими площадками и открытая галерея, ведущая в грандиозный главный зал, служили своей цели: просители шли долго и представляли перед могущественными правителями раскрасневшимися и запыхавшимися.

Но Никки не собиралась дрожать при виде правителей Илльдакара — кем бы они ни были.

Косые солнечные лучи проникали в величественный зал сквозь высокие арочные окна в боковой стене. Через тонкое

прозрачное стекло открывался вид на город, раскинувшийся далеко внизу.

Сапоги Эйвери громко стучали по голубым мраморным плитам пола, которые были отполированы до такого блеска, что казались лужами воды. На возвышении, походившем на остров среди озера голубого мрамора, стояли два величественных трона, на которых сидели мужчина и женщина. Перед возвышением стояли два изогнутых мраморных стола с пустующими каменными скамьями, предназначенные для членов совета. За каждым столом поместилось бы по три или четыре человека.

Эйвери подошел к возвышению и опустился на одно колено. Его подбитая мехом накидка закрыла плечи и спину.

— Властительница Тора, главнокомандующий волшебник Максим, я привел вам гостей из-за пределов савана, из далекой страны под названием «Д'Хара».

Властительница Тора была высокой, стройной и невероятно красивой женщиной — словно сотворенной из фарфора. У нее был узкий подбородок, рот походил на бутон розы, а глаза цвета морской волны врезались в память. Ее блестящие волосы напоминали нити полированной бронзы, уложенные в замысловатые переплетения и завитки. Изящное платье из небесно-голубого шелка было оторочено полосатым серым мехом. Платье начиналось волнистой лентой на ее левом плече, перехватывало полную грудь, а ниже узкой талии превращалось в водопад юбок, прикрывавших ее согнутые ноги до самых лодыжек.

По обеим сторонам от ее трона висели две золотые клетки с щебетавшими певчими птицами, но Тора, казалось, не обращала внимания на птичье пение.

Рядом сидел привлекательный мужчина обычного телосложения — по всей видимости, главнокомандующий волшебник Максим. У него были короткие каштановые волосы, темные брови и козлиная бородка. С ехидной улыбкой он откинулся

на спинку трона, положив ногу на ногу. Черные шаровары казались сотканными из обсидиановой ткани, а не из шелка. Рубашка была распахнута, и на шее висела золотая цепочка с аметистовой подвеской, которая угнездилась среди темных кудрявых волос на его груди.

Помня об обещании Ричарду, Никки взяла на себя инициативу и шагнула вперед с высоко поднятой головой. Она заявила о себе, когда взглянула в лицо двоим правителям и не стала кланяться, как верховный капитан Эйвери.

— Мы слышали об этом легендарном городе и пришли с новостями о лорде Рале и о золотой эпохе, которая скоро настанет.

Тора сидела прямо, словно кол проглотила, и сверлила взглядом Никки, игнорируя Натана и Бэннона. Она сухо заговорила звучным голосом:

— Мы приветствуем вас, но Ильдакар независим. Мы мало интересуемся внешним миром.

— Хотя внешний мир всегда нами интересовался, — с усмешкой вмешался Максим. — Моя дорогая Тора лишена любопытства. — Он поднялся с трона плавным, кошачьим движением и шагнул к Никки. — Добро пожаловать в Ильдакар. Мы всегда рады встрече с бесстрашными исследователями из враждебного мира за пределами нашего защитного пузыря. — Левой рукой он неопределенно указал на земли за пределами города.

Бэннон оробел, чувствуя себя не в своей тарелке, но Натан последовал примеру Никки. Бывший волшебник расправил рюши на своей рубашке и поправил плащ, приводя себя в пристойный вид, а потом с улыбкой присоединился к разговору:

— У нас есть множество знаний, которыми мы готовы поделиться. Мы с вами могли бы оказаться полезными друг для друга. — Он откинул назад свои длинные волосы, выглядя непривычно неуверенным и даже нервным.

Никки знала, как сильно Натан нуждается в ответе.

Набравшись мужества, Бэннон тоже шагнул вперед. Прежде чем колдунья успела предупредить его, чтобы помалкивал, он выпалил:

— Мы видели ваш город из Кол Адаира. Мы пришли из-за гор. Я с острова Кирия. Может, вы слышали о нем?

— Острова находятся в море, — сказала властительница Тора. — А море далеко отсюда, до него многие мили по реке и ее устью.

— Возможно, нам не помешало бы узнать больше, моя дорогая, — произнес Максим. — Ведь знание — сила.

— Силы у нас предостаточно, — возразила Тора.

— Ее никогда не бывает достаточно.

— Вы двое, должно быть, женаты, — отметил Натан поразительно легкомысленным тоном. — Я прав?

— Уже почти две тысячи лет, — признался Максим, — Поженились еще до того, как генерал Утрос пришел осаждать город.

Судя по ледяному выражению лица Торы, она давно перестала считать годы брака и просто терпела.

Двери в приемный зал открылись, и в помещение спешно вошли шесть волшебников: одаренные мужчины и женщины в балахонах, с амулетами на шее, посохами и другими атрибутами своего положения. Верховный капитан Эйвери поднялся на ноги и отступил назад.

— Члены палаты волшебников прибыли.

— Спасибо, что вызвали их, капитан, — сказала Тора, по-прежнему восседая на троне. — Палата волшебников должна услышать рассказ гостей. — Она выдержала паузу. — Если они скажут что-то стоящее.

Главкомандующий волшебник Максим сошел с помоста и двинулся по голубому мраморному полу к длинным каменным столам, пока все шесть волшебников занимали свои места. Он торжественно простер руки, оглядываясь на гостей.

— Позвольте представить вам других главных волшебников Ильдакара — Деймона, Эльзу, Квентина, Айвена, Андре и Ренна.

Натан учтиво поклонился, но вопросительно поднял брови:

— Четное число голосов? Должно быть, вы решаете все единодушно.

— Так и есть, — сказала Тора.

— Раньше нас было нечетное количество, но одна колдунья решила бросить вызов властительнице Торе. Очень неразумно. — Главнокомандующий волшебник погладил свою темную бородку. — Как видите, она лишилась своего поста. Бедняжка Лани. — Он указал на белую статую, стоявшую на постаменте напротив стены с окнами, — каменное воплощение высокой, величественной женщины с густыми локонами. Лицо ее выглядело сердитым, рука с согнутыми пальцами была вытянута вперед, словно женщина собиралась сотворить заклинание, но окаменела.

— Это случилось столетие назад, — сказала Тора. — С тех пор никто не бросал мне вызов.

— Мы отлично справляемся и без Лани, ммм? — сказал волшебник Андре. У него была выбритая голова и серо-коричневая борода на кончике подбородка, заплетенная в тугую толстую косу. — У каждого из нас имеется своя работа в Ильдакаре, каждый занимается своей областью знаний.

Никки перевела взгляд с Максима на Тору, заметив между ними незримый ледяной занавес.

Она невольно сравнивала эту холодность с безбрежной любовью Ричарда и Кэлен. Властительница и главнокомандующий волшебник явно не имели такой связи, по крайней мере, сейчас.

— Пятнадцать столетий мира, — задумчиво сказала Эльза, пожилая женщина в темно-пурпурном платье. — Когда-то мы все объединились, чтобы защитить Ильдакар, и нам это удалось. Теперь у нас есть Ильдакар... такой, какой есть.

— Такой, какой есть, — согласилась Тора. — Мы сохранили Ильдакар и построили идеальное общество, как и желали.

— Мы видели армию снаружи, — сказал Натан. — Сотни тысяч воинов, обращенных в камень. Подобная демонстрация магии впечатляет. Они так и стоят здесь статуями все эти столетия?

— Вызов нашему городу был самой большой ошибкой генерала Утроса, — сказал Максим. — Этот глупец, император Керган, решил, что если у него такая большая армия, то он волен ходить по всему миру и брать все, что нравится. — Максим оттянул шелковую ткань своей расстегнутой рубашки, будто в зале стало жарко. — Но, как вы могли заметить, даже такая огромная армия не смогла противостоять волшебникам Ильдакара. — Он расхаживал перед сидевшими за столами членами палаты волшебников. — Пока Железный Клык прохлаждался в своей столице и позволял своему генералу сражаться от его имени, наш город выстроил оборону, которая обернулась его крахом.

Тора подхватила рассказ, словно хотела отвлечь всеобщее внимание от супруга:

— Генерал Утрос провел свою армию через горы. По сведениям наших разведчиков, он выступил в поход с полумиллионной армией, но до Ильдакара дошли не все. Как прокормить такое огромное войско?

— Или хотя бы половину его численности, — добавил волшебник Деймон. У него были темные волосы до плеч и длинные усы, кончики которых украшал жемчуг.

Айвен, угрюмый и крепкий мужчина с густыми черными волосами и непослушной черной бородой, сгорбился на скамье, словно выискивая, что бы сломать. На нем была коричневая безрукавка из шкуры животного, клейменная странными символами. Никки внезапно подумала, что кожаный жилет очень похож на отмеченную знаками шкуру Мрра.

— Мы, можно сказать, сделали им одолжение, превратив в камень, — проворчал Айвен. — Надо было оставить их там умирать от голода. Или мучиться от болезней. Пусть бы они гнили и умирали, пока мы смеялись бы над ними из-за своих стен.

— Объединившись, мы сокрушили их одним ударом, — сказала Тора со своего высокого трона. — Мы работали с колоссальной магией, высвобождали мощь духа нашего народа. А что касается цены... — Она с невольным уважением посмотрела на своего мужа. — Главнокомандующий волшебник был центральной точкой заклинания окаменения. Максим использовал магию, чтобы обратить их всех в камень.

Он казался очень довольным собой.

— Я всегда был лучшим скульптором в Ильдакаре, хотя моя милая жена тоже обладает могущественной магией, которую использовала против дорогой Лани.

— Мы прекратили осаду и одолели армию Утроса, но понимали, что война на этом не закончится, — продолжила Тора. — Император Керган мог собрать другое войско, чтобы отомстить, или это мог сделать другой деспот. Мы от этого устали. — Фарфоровое лицо властительницы покраснелось.

— Нам это наскучило, — добавил Максим, посылая Никки улыбку.

Она напряглась. Он с ней заигрывает?

— Итак, мы оградились от опасностей внешнего мира, — продолжил главнокомандующий волшебник. — Мы выстроили заклинание из стен города, а затем возвели саван, который заключил нас в защищенную действительность, где мы безопасно жили на протяжении пятнадцати веков. — Он скрестил свои худые руки поверх распахнутой рубашки.

Тора закинула одну стройную ногу на другую, всколыхнув небесно-голубые юбки.

— Это позволило нам создать здесь идеальное общество. — Она посмотрела на гостей, и ее улыбка напомнила Никки изгиб острого ножа.

Глава 9

Двое молодых ученых добрались до последней линии западных гор вдалеке от Твердыни и остановились, уставившись на широкую полосу воды перед ними. Никки отправила их в путь с важным поручением, но чудесам все не было конца.

Оливер моргнул несколько раз, чтобы сфокусироваться. После нескольких лет в архиве, проведенных при свете ламп за изучением бесчисленного множества поблекших рукописей, его зрение было лучше приспособлено к чтению. Открывшийся простор поражал его воображение.

— Это океан? — спросил Оливер с благоговением. — Я никогда не видел океана.

— Никто из Твердыни не видел, — сказала Перетта. — Ни разу в жизни.

Худенькая девушка, стоявшая слишком близко, рукой заслонила глаза от косых лучей послеобеденного солнца. Она была одной из помнящих, которые использовали свой дар для запоминания бесчисленных магических и исторических книг архива волшебников. К сожалению, из-за этой способности Перетта считала, что знает все на свете.

— Но это не океан, — она подняла тонкую руку с отставленным указательным пальцем, словно читала лекцию. — Это река, впадающая в океан, как и описывали нам жители Локриджа. На противоположной стороне виден берег.

Оливер снова прищурился. Да, на другой стороне был берег, и не так уж далеко.

— Река гораздо шире той, что течет через каньоны Твердыни.

Перетта фыркнула.

— У нас всего лишь ручеек. А это — настоящая река.

Оливер поправил мешок на плечах. Его мышцы болели после многих дней пути по Древнему миру, а лямки натерли кожу.

— Я и настоящей реки никогда не видел. — Он знал, что ему и его спутнице предстоит долгий путь, чтобы доставить важное сообщение лорду Ричарду Ралу.

Перетта одарила его улыбкой, что делала нечасто:

— Как и я.

Девушка была довольно милой, когда с ее лица исчезало выражение всезнайки. Восемнадцатилетняя Перетта была нескладной, угловатой и слишком уж худой. Оливеру больше всего нравились в ней большие карие глаза и темные кудряшки, из-за которых ее голова походила на одуванчик. Хотя у Оливера было плохое зрение, вблизи он мог хорошо разглядеть лицо своей попутчицы — а они провели рядом много времени с тех пор, как покинули укромные каньоны архива.

Путники спускались к реке из предгорий, придерживаясь старой дороги, которая становилась все шире и была изрезана колесами повозок. По обеим сторонам росли высокие травы, сорняки, цветы, попадались дикие розовые кусты и низкие ивы. Сама мысль о том, что кто-то ходил этой же дорогой, может даже совсем недавно, унимала тоску Оливера по дому. Твердыня осталась далеко позади.

Оливер начал надеяться, что впереди окажется деревня, дружелюбные жители которой предложат ужин и вечерний разговор, не говоря уже о крыше над головой, двух отдельных кроватях... его устроит даже один комковатый тюфяк на двоих. Они с Переттой научились довольствоваться тем, что есть. У них была одна цель с тех самых пор, как колдунья Никки отправляла их в путь с заданием.

Люди Твердыни, да и всего мира, были в неоплатном долгу перед Никки и ее компаньонами. Сначала она победила Поглотителя жизни, сила которого могла иссушить весь мир, а после уничтожила Викторину и разрушительную бурную растительность. Это стоило жизни бедной сироте Чертополох. С великим прискорбием они похоронили девочку в месте с видом на долину, которую она помогла спасти.

Но у Никки с Натаном была иная цель. В благодарность за помощь, а еще и потому, что так было правильно, жители Твердыни отправили двух добровольцев в долгое путешествие по неизведанному континенту — в Танимуру и Д'Харианскую империю. У Оливера и Перетты были письма для лорда Рала, а также копии записей из книги жизни Натана. Но самое главное, лорд Рал и сестры Света должны узнать об обширных магических знаниях, которые хранятся в Твердыне.

Поддавшись порыву воодушевления, Оливер вызвался в путь, думая о возможностях огромного мира, о котором ему доводилось только читать. Он толком не знал, на что согласился.

Перетта согласилась составить ему компанию в качестве представителя помнящих, чьи взгляды часто расходились с мнением ученых, к которым относился Оливер. Порочная Виктория была главой помнящих, и юноша задавался вопросом, что двигало Переттой: чувство вины или чувство долга. Никто не спрашивал их о причинах решения, и эти двое просто отправились в путь.

Готовясь к путешествию, Оливер прочесал архив в поисках справочников о населенных землях к западу от гор, о побережье и бескрайнем океане. Он был беспокойным и робким юношей, который часто болел в детстве. Оливер вырос в заставленных книгами туннелях громадной меры и посвятил себя чтению и каталогизации. Воспитанники Твердыни должны были составлять перечень тысяч томов, просто записывая названия и упорядочивая книги, свитки и таблички. Ничего

больше — архивные магические знания нельзя было использовать, поскольку они считались слишком опасными. Так оно и было.

«Прежде чем начать истинное обучение, мы должны познать содержимое библиотеки», — так им сказал однажды ученый-архивариус Саймон. К сожалению, Оливер часто настолько погружался в чтение, что проводил часы за изучением истории, легенд, географии и мудреных магических знаний... и напрочь забывал о каталогизации.

Перед отбытием он решил заглянуть в известные карты западных земель. Когда он наконец был готов двинуться в путь, нетерпеливая Перетта встретила его за пределами каньона Твердыни.

— Я уже собралась. — Она постучала по лбу пальцем. — Все необходимые знания у меня здесь. Тебе не нужно было беспокоиться.

Удалившись от каньонов и высокого пустынного плато, они пошли по маршруту, подробно описанному и зарисованному Натаном. Из-за смертоносного воздействия Поглотителя жизни в течение многих лет большинство поселений вокруг великой долины были заброшены, от них остались лишь призрачные фундаменты и пустынные улицы.

Однако в маленьких горных поселениях двое путешественников обнаружили сельских жителей, шахтеров, фермеров, пастухов, которые словно пробудились от глубокого неестественного сна. Достигнув городка Локридж, Оливер назвал имена Никки и Натана. Путников встретили с восторгом и дали все, что могло им понадобиться.

С тех пор прошло немало дней, и теперь Оливер с Переттой шли по дороге вдоль реки, слушая ласковый плеск воды. Юноша размышлял о пути, который лежал перед ними и по которому Никки, Натан и Бэннон пришли из Д'Харианской империи. Натертые ноги заставили с унынием думать о бесчисленных шагах, которые еще предстоит сделать, но Оливер

упрекнул себя поговоркой, которая всегда утешала его еще в Твердыне: «Можно прочесть даже самую толстую книгу, если читать все страницы по очереди. Можно прочесть всю библиотеку — книгу за книгой, полку за полкой, комнату за комнатой».

Оливер решил относиться к их путешествию таким же образом.

Пятнистая форель с всплеском выпрыгнула из воды, схватила в воздухе муху и упала в воду. Оливер остановился, глядя на рябь на воде.

— Эта река меня впечатлила, — сказал он. — Я знаю, что мы идем в правильном направлении, потому что реки впадают в моря, а нам и нужно добраться до моря.

— Мне это и так известно, — сказала Перетта, тряхнув своими темными кудряшками, и пошла дальше по натопанной тропинке.

* * *

Вниз по течению им попались еще деревни. Жители гостеприимно встретили уставших путешественников, у которых не было денег заплатить за еду и кров. Однако им было, что рассказать.

Кроме того, селяне помогали им сориентироваться и указывали нужное направление. Оливер знал, что их следующей целью была рыбацкая деревушка в бухте Ренда, в которой Никки и ее товарищи дали отпор норукайским работорговцам.

В один из дней они шли при тусклом солнечном свете, страдая от влажного воздуха, который сильно отличался от привычной пустынной сухости. Воды реки питали пышную растительность, высокий рогоз и дикие маргаритки, среди которых носились полчища комаров и мошек. Оливер махал рукой перед лицом, безуспешно пытаясь их отогнать.

— Кажется, они хотят выпить наш пот... как будто воды совсем рядом им недостаточно.

Перетта встряхнула кудряшками.

— Им не нужен наш пот, они пьют кровь. Об этом написано в одной из многочисленных книг, которые я запомнила.

— Кто бы сомневался, — пробормотал Оливер.

Она вызывала у него смешанные чувства. Иногда он наслаждался компанией девушки. Они рассказывали друг другу истории, чтобы скрасить долгий путь. Он рассказывал ей о том, что прочитал, а она пересказывала интересные фрагменты из книг. Но потом ее настроение менялось, словно она считала их партнерство неким соревнованием. Оливер смирился с этим, так как не хотел ссориться.

Однажды она запнулась на середине предложения, забыв выученные слова, и повела себя так, будто ошибка была катастрофой. Ее темно-карие глаза наполнились слезами, губы задрожали. Она бросилась в высокую траву, сказав, что ей срочно нужно в кусты. Ее долго не было, и Оливер знал, что она плачет, но не понимал, почему...

Они продолжили путь по наезженной дороге вдоль реки, и вскоре холмы расступились. Путешественники остановились, увидев, что река расширяется и впадает в бухту. Мир перед ними состоял из бескрайней синей воды с белыми росчерками волн. У Оливера сжался желудок при мысли об этом водном просторе. Он не видел дальнего берега, но вовсе не из-за плохого зрения. Вода тянулась бесконечно, исчезая за горизонтом.

Рядом с ним Перетта замолкла на полуслове, округлив карие глаза. Она со вздохом прикоснулась к его руке.

— Добрые духи, будто полмира затопило!

— Думаю, это и есть океан, — сказал Оливер.

Перетта кивнула, на этот раз не споря.

— Полагаю, ты прав.

В устье реки они обнаружили поселение. Бухта Ренда оказалась там, где они и ожидали. Бодрым шагом они вошли в де-

ревню, вспоминая рассказы Бэннона, Натана и Никки о набеге рабовладельцев. Эти трое дали отпор безжалостным норукайцам и оставили жителей восстанавливать поселение.

Когда жители бухты Ренда увидели Оливера и Перетту, идущих по дороге из глубины материка, то не выказали ни малейшего удивления. Видимо торговля по реке была обычным делом. Приблизившись, путники приветственно подняли руки. Несколько любопытных вышли вперед, и Оливер назвал имя той, кому здесь рады:

— Колдунья Никки послала нас сюда, мы держим путь в Д'Хару.

— Путь предстоит долгий, — сказала Перетта. — И мы надеемся на вашу помощь.

Жители деревни зашептались одобрительно и удивленно. Оливер покрутил головой и заметил светлую тесаную древесину новой постройки в центре поселения, а также каменные башни, которые строились на обоих мысах бухты.

Широкоплечий мужчина с короткими русыми волосами улыбнулся им. Лицо его было уставшим, под глазами виднелись мешки, будто последние несколько недель он почти не спал.

— Я Таддеус, глава поселения. Если вас послали наши спасители, мы вам рады. Чем можем помочь?

Перетта выступила вперед и затараторила:

— У нас чрезвычайно важная информация от Никки и Натана, и еще новости об архиве Твердыни. Мы получили строгие указания доложить обо всем лорду Ралу и сестрам Света, как только сумеем их найти.

Таддеус кивнул:

— Они дали нам такие же указания перед тем, как ушли вверх по реке. Мы уже отправили двух посланников на север, но не знаем, как далеко они смогли пройти. И у вас двоих гораздо больше новостей.

Прежде чем ответить, Оливер вытер пот со лба и отогнал жужжащую муху:

— Нам нужна лодка и тот, кто сможет доставить нас на Призрачный берег, в города на севере. Это только начало пути.

Глава поселения не колебался:

— Предоставим все, что нужно. Для Никки мы сделаем что угодно.

Глава 10

Волшебники Ильдакара устроили в честь гостей роскошный пир.

Натан много столетий читал о мифическом древнем городе и теперь наслаждался прогулкой по спиралям улиц и видом висячих садов, побеленных зданий, черепичных крыш и величественных высоких башен. Он хотел ущипнуть себя, чтобы проверить, не погрузился ли он в некий транс.

Но его интерес к славе Ильдакара был не только академическим. Натан надеялся, что найдет здесь решение своей проблемы. Эта надежда зародилась в нем, когда он увидел мегаполис с головокружительной высоты Кол Адаира.

Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность.

Теперь он знал, что это значит. Натан был уверен, что именно здесь он должен был оказаться, и именно здесь легендарные талантливые волшебники смогут возродить его дар. Он вновь обретет целостность.

— Отличный повод для великолепного пира. — Главнокомандующий волшебник Максим стал выкрикивать распоряжения так громко, что испугал жаворонков Торы: — Созовите поваров! Забейте свежего яксена. Пусть пекари потрудятся на славу. У нас будет пир! — Максим с сарказмом глянул на

невозмутимую властительницу. — Как видите, моя жена просто дрожит от предвкушения.

Тора провела руками по голубому платью, которое льнуло к телу.

— Ильдакар будет защищаться от всех врагов, как внутренних, так и внешних, но мы с теплом и добротой относимся к нашим друзьям.

Верховный капитан Эйвери стоял рядом с властительницей, и Натан заметил, что тот питает к своей правительнице любовные чувства. Хотя Эйвери командовал обороной всего города, его больше интересовала защита этой красивой, но холодной женщины.

Подошли слуги, которые не поднимали глаз и разговаривали приглушенными голосами. Повинуясь приказу, они вывели Натана, Никки и Бэннона из башни властителей и повели через вершину плато к большому вычурному особняку.

— Это дворец главнокомандующего волшебника и властительницы, — сказал слуга, который постоянно вздыхал. — Каждому из вас полагаются покои для гостей. Там вы сможете помыться и переодеться в свежую одежду, которую мы предоставим. Пир начнется через час. — Мужчина любезно улыбнулся, но без теплоты. — Надеюсь, вы проголодались.

У Натана заурчало в животе, и старик решил, что не против застолья. Ему не терпелось изложить свою проблему и попросить волшебников вернуть дар, чтобы он мог снова использовать мощь магии...

— Через час? — спросил Бэннон. — На подготовку к такому роскошному пиру может уйти несколько дней.

Слуга прищурился, отчего в углах его глаз появились морщинки.

— Да, но члены палаты волшебников не пожелают ждать. Как они повелели, так мы все и устроим.

Особняк представлял собой огромное строение с искусными украшениями. Высокие колонны были из мрамора с красными

и золотыми прожилками, на замысловатых капителях были выгравированы руны заклинаний. На пурпурных знаменах красовался символ Ильдакара — солнце с расходящимися от него молниями.

После, как слуги проводили Бэннона и Никки в их комнаты, Натан оглядел свои покои — с большой кроватью, прозрачными занавесками на распахнутых окнах, цветочными горшками с багряным львиным зевом и геранью, которая свисала за перила балкона. На стене висела чаша для умывания с зеркальной гладью воды.

Когда Натан погрузил руки в воду, его отражение расплескалось. Дорожная пыль покрывала лицо волшебника, а длинные волосы превратились в космы. Он быстро умылся и осмотрел одежду, оставленную слугами. Так приятно вновь облачиться в приличную одежду.

Через час посвежевший Натан Рал в ильдакарском наряде чувствовал себя новым человеком, хотя пока и не волшебником. Предоставленный ему балахон был сшит из плотного шелка изумрудного цвета. Манжеты и подол были оторочены медью. Этот наряд отличался от щегольской дорожной одежды Натана, но хотя бы был чистым.

Волшебник расчесал свои влажные волосы черепаховым гребнем, который нашел среди обломков после кораблекрушения на Призрачном берегу. Он был приятно удивлен, обнаружив, что его волосы отросли достаточно, чтобы перевязать их лентой. Не найдя зеркал, чтобы оценить свой внешний вид, Натан посмотрел на свое отражение в воде настенной чаши и решил, что выглядит вполне недурно. Такой изысканный наряд подходил странствующему послу Д'Хары.

Когда он присоединился к Никки и Бэннону в холле перед обеденным залом, то увидел, что юный мечник тоже умылся и надел новую бордовую тунику с черным поясом и свободные коричневые шаровары, в которых ему явно было неловко. Никки тоже предложили изысканный наряд, но она предпочла

постирать свое черное дорожное платье и высушить его своим даром. Фасон отличался от моды Ильдакара на просторные одежды, но Никки выглядела потрясающе. Ее светлые волосы были расчесаны и заколоты назад. Украшений она не надела, проигнорировав множество вариантов, предложенных хозяевами. Казалось, колдунья не нуждается в драгоценностях.

— Выглядишь очаровательно, колдунья, — произнес Натан.

Никки посмотрела на него, подняв брови.

— Я предпочитаю не очаровательно выглядеть, а вызывать уважение.

— Твоя красота вполне справляется с этой задачей.

— Надеюсь, я смогу помочь тебе добиться того, к чему ты стремишься, волшебник. Мы будем рады, если ты вернешься в норму. — Она повернулась и пошла за прислугой в обеденный зал. Натан знал, что Никки не нравилось ни получать комплименты, ни раздавать их.

Бэннон с улыбкой последовал за Никки.

— Я никогда не бывал в таком городе. Пир с правителями! Пресвятая Мать морей, хотел бы я рассказать об этом на Кирии.

— А кому? Я полагал, что на острове у тебя никого не осталось. — Натан не подумал о боли, которую могут причинить такие слова.

Юноша переменился в лице. На Кирии его жестокий отец избил мать до смерти. Ян, друг детства, был захвачен норукайскими работниками, и сбежавший Бэннон остался один на один со своим чувством вины. Нет, напоминания об отце дома не были приятными.

Чувствуя себя виноватым, Натан сжал плечо Бэннона:

— Прости, мой мальчик. Мы отправились увидеть мир, как ты и хотел, а Ильдакар — наша самая важная цель. Мы вместе насладимся этим городом.

Бэннон нацепил на лицо жизнерадостное выражение:

— Да, это точно.

Втроем они вошли в огромный обеденный зал — просторное помещение с открытым потолком, с которого свисали покачивающиеся плети пурпурного выюнка. На обеденном столе через каждые пять футов стояли вазы с пышными букетами. Золотая клетка с певчими птицами висела на стойке позади кресла властительницы. Жаворонки порхали по клетке и изредка неохотно пели.

Когда Натан посмотрел на изобилие блюд на столе, его живот снова заурчал. Посреди стола стояла подставка со шкворчащим мясом с травами, сок с которого стекал в овальную миску. В корзинах лежал хлеб с ягодами и сухофруктами, которые напоминали инкрустированные в золото драгоценные камни. Тут были чаши с целыми горами фруктов и творожным пудингом; блюда с жареным картофелем и яркими корнеплодами, смазанными таявшим маслом. Повсюду суетились слуги, будто муравьи в растревоженном муравейнике.

Тора и Максим сидели во главе стола, а Эйвери стоял возле них навытяжку. Шестеро членов палаты волшебников расселись по обеим сторонам стола. Натан с удивлением обнаружил за столом Амоса и двух его друзей. Увидев трех юношей, Бэннон поприветствовал их улыбкой, а затем растерялся, когда они не обратили на него внимания.

Эльза, пожилая представительница палаты волшебников, была в серебристом платье, подчеркивавшем ее крепкую фигуру. На плечах у нее была кружевная серая шаль. Она посмотрела на Натана и указала на свободное место рядом с собой.

— Волшебник, не присоединитесь ко мне? Кресло рядом с главнокомандующим волшебником отведено для колдуньи Никки.

— С радостью, моя дорогая, — сказал Натан, присаживаясь к ней.

Эльза была скорее привлекательной, чем красивой, и напоминала Натану аббатису Аннелину Алдуррен, с которой он

провел немало времени после того, как они спланировали побег из Дворца Пророков. Энн была интересным спутником и, хотя она частенько разочаровывала Натана, волшебник относился к ней с теплотой. Он с грустью вспоминал, что ее убили сестры Тьмы, но за свою тысячулетнюю жизнь смирился с неизбежностью потери друзей и близких.

Натан улыбнулся Эльзе и собрался с мыслями, разгладив складки своего зеленого балахона.

— Пахнет аппетитно, да и компания прекрасная.

— Илдакар постарался на славу, — произнесла властительница Тора. — Нам не терпится услышать, откуда вы пришли и зачем.

Обворожительная Никки в черном платье сидела с прямой спиной рядом с Максимом. Ее тарелка была пуста, а члены палаты волшебники ждали, пока слуги обслужат их. Высокий длиннорукий мужчина стал кривым ножом нарезать ломтиками сочное жареное мясо. Он положил кусок на тарелку Никки, потом Натана, а затем и Бэннона.

— Жареный яксен — это изумительное, особое блюдо нашего города, — сказал Максим, причмокивая губами.

— Подайте мне самый недожаренный ломтик, — проворчал Айвен со своего места.

— Яксена вскармливают особым образом, чтобы получить самое нежное мясо, — пояснил волшебник Андре, сидевший рядом с Айвеном. — Мы тщательно занимались их разведением в течение полутора тысяч лет нашей изоляции, ммм? Каждый кусочек просто тает во рту. — Он поднял тарелку, чтобы туда положили порцию мяса.

Никки, которую мало интересовала еда, деловито заговорила:

— Мы пришли из Д'Хары. Наш магистр Ричард Рал одержал победу над воскресшим Сулаканом, а до этого над Джеганем и Имперским Орденом. После победы мы отправились в

Древний мир, чтобы рассказать о новом порядке и убедиться, что тиранов больше нет.

Натан промокнул губы салфеткой и сказал:

— Также у нас есть и личные причины. Мы верим, что ведьма направила нас сюда. — Он вытащил свою книгу жизни из кожаной сумки, которую всегда носил на боку. — Вот что дало нам направление, — сказал он и прочитал слова, написанные в книге: — *Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели. Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что ему нужно, чтобы вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир.* — Он улыбнулся всем. — Мы увидели ваш город с горного перевала, как и предсказывали эти слова. Поэтому мы думаем, что кто-то из вас способен помочь мне снова стать цельным.

Андре оглядел его сверху вниз.

— И какой части вам не хватает, ммм?

Натан неожиданно занервничал, когда пришло время рассказать о своей слабости и неудачах. Он коротко кашлянул в кулак.

— Недавно я утратил дар пророчества, — что, в общем-то, оказалось не так страшно. Но во мне изменилось еще кое-что. Похоже, у меня небольшая проблема. — Он сглотнул, скрыв это нервной улыбкой. — В Д'Харе я был великим волшебником и пророком, но, когда пророчество было изгнано за завесу подземного мира, оказалось, что мой дар пророчества неким образом связан с магическим даром. Он... распустился, и я уже не могу использовать магию. Когда я попытался сотворить заклинание, последствия были... — Он всплеснул руками. — Скажем так, они были поразительными и непредсказуемыми.

Максим махнул рукой:

— Никто из нас веками не интересовался пророчеством. Саван отрезал нас от потока времени, и нас не заботили пред-

сказания и предзнаменования. У нас не было пророков со времен Великой войны... и мы не скучали по ним.

Темнокожий волшебник Квентин подцепил рулет с изюмом, осмотрел его, а затем обратился к Натану, протягивая руку за маслом:

— Не понимаю. Дар — врожденная черта личности. — Облачко его седых волос казалось дымком, опустившимся на его голову.

— Он утратил не только дар пророчества. — Тора искоса хмуро глянула на мужа. — Он утратил дар полностью. Как такое возможно?

— Я не знаю, — сказал Натан. — Вот почему мы пришли сюда по подсказкам ведьмы. У кого-то в Ильдакаре должен быть ответ. — Он оглядел обеденный зал. — Хотя у кого-то?

— Это очень тревожно, — сказал Ренн, причмокнув. Он вытер рот от жира, но одна капелька все же попала на его бордовое одеяние. — У всех нас есть дар, у каждого из нас. — Тучный мужчина с несколькими подбородками заморгал от беспокойства. — А если вы лишились своих способностей, волшебник Натан, то, вероятно, можем и мы. А вдруг это заразно? Как лихорадка?

Никки оглядела сидевших за столом.

— Я давно с ним путешествую, и мой дар никак не изменился.

Андре сел прямо, нахмутив брови.

— Это требует дальнейшего изучения. Волшебник Натан будет интересным объектом для исследований.

— Нам следует называть его «бывшим волшебником Натаном», — сказала Тора. — В Ильдакаре одаренные получают определенные привилегии. Если этот волшебник бессилен, тогда нам придется придерживаться данного суждения.

Андре наклонился через стол, изучая Натана как необычный образец:

— У меня много аналитических заклинаний, ммм? Нам нужно провести испытания и взять кровь для анализа.

— Андре — величайший повелитель плоти в Ильдакаре, — пояснила Эльза. — Его мастерство легендарно.

Андре откусил сочное мясо и заговорил с набитым ртом:

— Например, несколько веков назад я помог создать яксена. Благодаря моей работе у них такой изысканный вкус.

Любопытствующий Бэннон поднял взгляд:

— Кто такой повелитель плоти?

Андре погладил тугую косу бороды, торчащую вперед.

— Я могу переделывать и изменять живых существ.

— За эти годы он вывел много интересных созданий, — добавил Айвен. — Мы используем их на арене.

Натана пробрал холодок при воспоминании об ужасном боевом медведе, который напал на них в холмах. Человек, способный создать такое существо...

Тора взяла слово:

— Опасения волшебника Ренна правомерны. Если одаренный может потерять магию, нам нужно знать, почему. Может, наша собственная магия тоже под угрозой? Нам нужно разрешить эту проблему. — Она кивнула повелителю плоти. — У тебя есть наше благословение, Андре... и твои методы работы. Изучи этого человека.

Серые глаза повелителя плоти сверкнули.

— Я бы сделал это в любом случае. — Он быстро окинул взглядом Никки. — Но ваши силы еще при вас, колдунья? Вы утверждаете, что они не пострадали?

Максим склонился к ней ближе и добавил:

— Вы источаете красоту, но я не верю, что в этом замешана магия.

— Я такая, какая есть, — ответила Никки. — И да, вся мощь моего дара при мне.

— Как замечательно, — сказал Максим. — Классовая система в Ильдакаре зависит от дара человека. К благородному

правлящему классу принадлежат те, у кого самый могущественный. У торговцев и ремесленников есть хоть какой-то намек на дар, но мало силы. А те несчастные, кто не обладает никакими известными способностями, служат в качестве рабов. Больше ничего беднякам и не остается.

— Я... у меня нет связанных с даром способностей, — промямлил Бэннон.

— Ты наш гость, — вмешался Амос, как будто только что заметил Бэннона. — Об этом не беспокойся.

— Если ты умеешь обращаться с мечом, у тебя есть определенное умение, — добавил Брок, сидевший возле Амоса.

Бэннон покраснел.

— Умею.

Никки проявляла к еде мало интереса.

— Мы не можем отрицать, что ваш город впечатляет во многих отношениях. Ильдакар мог бы стать южной столицей Д'Харианской империи.

— Лорд Рал объединяет истерзанные войной земли, — добавил Натан, — давая людям свободу и новую надежду жить по своему усмотрению. Д'Харианская армия и мудрое правление лорда Рала пошли бы вам на пользу.

Максим поковырял ложкой в покрытом корочкой пудинге и попробовал кусочек.

— Мы ничего не знаем о вашей Д'Харианской империи.

— Империи рождаются и исчезают с печальным однообразием, — сказала Тора. — У нас было достаточно императоров. Мы не хотим подобной участи для нашего вольного города Ильдакара.

Никки скептически посмотрела на них.

— Вольный город? Вы двое производите впечатление императоров.

— Ничего подобного, — слишком поспешно сказал Максим.

— Ваше предложение запоздало, — проворчал Айвен. — Возможно, союз был бы нам полезен много веков назад, но мы сами решили свою проблему.

— Главный укротитель Айвен прав, — добавил Максим. — Мы с радостью приняли бы помощь вашего лорда Рала, когда наш город был осажден генералом Утросом, но мы позаботились о нем посредством нашей собственной магии. — Он взглянул через длинный стол на Никки. — И вам полагается спасти мир, колдунья? Цель достойна моего восхищения! Но мы уже спасены. С Ильдакаром все в порядке.

— Ильдакар — наше идеальное общество, — повторила Тора.

— Возможно, так и есть, но я не встречала идеального общества, которое не нуждалось бы в спасении, — трезво рассудила Никки.

Глава 11

В присутствии уважаемых членов правящего совета Бэннон чувствовал себя жалким и неуместным. Он видел поразительные возможности дара Никки и знал, на что способен Натан. Эти двое приняли его как близкого соратника, не обращая внимания на отсутствие дара. Юноша стал важной частью их группы, и, конечно, вносил свой вклад. Но здесь, в огромном городе, полном других одаренных людей, Бэннон чувствовал себя неуверенно, словно снова был одиноким мальчишкой на Кирии. Он взглянул на сидевших рядом Амоса, Брока и Джеда. У них были магические способности, которые они продемонстрировали во время устройства лагеря на равнине, но все же Бэннону казалось, что он сможет найти общий язык с ровесниками.

Трапеза шла своим чередом. Юноша склонился к Амосу и тихо спросил:

— Властительница и главнокомандующий волшебник действительно твои родители?

Трое парней были поглощены собственной беседой, но Амос повернулся к гостю, подняв темные брови:

— Да, и это означает, что я могу делать все, что захочу. Тебе понравились твои покои?

— Да! Это самые прекрасные покои, в которых я когда-либо жил.

Джед взял графин и наполнил свой кубок темно-красным вином, а затем долил Бэннону, хотя молодой человек отпил всего лишь треть. Вино было крепким и кружило голову.

— Это очень хорошее вино — кровавое, — сказал Джед.

Бэннон замешкался, прежде чем сделать еще один глоток.

— Кровавое вино? Оно сделано из крови?

Молодые люди хором рассмеялись.

— Не из крови! Виноградники поливают кровью рабов. Ягоды становятся сочными и крупными, в отличие от любого другого урожая. — Амос сделал долгий глоток, а потом вытер губы тыльной стороной ладони. — Ты определенно почувствуешь разницу.

Бэннон, которого немного подташнивало, лишь пригубил вино. Молодые люди ели мясистые оливки из чаши перед ними, и Бэннон задался вопросом, не были ли это плоды из рощ, удобренных телами рабов. Амос выплюнул косточку, покатав ее между кончиками пальцев и бросил на пол.

— Обитая под саваном в течение стольких веков, мы были вынуждены использовать все возможные ресурсы. И рабы, конечно, были расходным материалом.

Бэннон откусил от булочки с фруктами, не желая спрашивать, каких усилий стоило вырастить зерно или изготовить муку.

— У вас должно быть много рабов, — пробормотал он, вспоминая Яна, когда-то давно захваченного работорговцами.

— Они сами восполняют свою численность, поскольку им дозволено размножаться, — сказал Амос. — Под саваном нормальный ход времени охватывает весь город, минуя знать, — таких как мои родители и я, — и поэтому мы не стареем. Наше число остается неизменным, а рабы стареют и умирают, или погибают из-за несчастных случаев.

— Или умирают от болезней, — добавил Брок.

— Какая-то часть сбегает — каждый раз, когда спадает саван, — пробормотал Джед, чем заработал свирепый взгляд Амоса. — В горных деревнях наверняка сотни беглых рабов.

Брок промокнул булочкой рот, измазанный в мясном соке, и подхватил рассказ:

— Рабов поощряют размножаться, чтобы поддерживалась их численность. Мы великодушны, и позволяем им выбирать партнера. В последние десять лет у нас есть еще один источник рабов. Мы снова наладили торговлю с внешним миром.

— А ты уверен, что у тебя нет дара, Бэннон? — спросил Амос, нахмурившись.

Юноша не хотел признаваться, что не умеет творить заклинания и высвободить магию.

— Я не волшебник, если ты об этом, но разве у каждого нет хотя бы небольшой частички дара? Волшебник Натан сказал, что все истинно неодаренные ушли.

Джед фыркнул с набитым маслинами ртом.

— Сдается мне, что ваш Натан больше не волшебник, поэтому он тоже не особенно полезен.

— Он по-прежнему волшебник, — заступился за Натана Бэннон. — Он прожил тысячу лет и обладает обширными познаниями. Многие враги научились, что его не стоит недооценивать. Или меня. — Он коснулся бедра, где обычно был Крепыш.

— Выпьем за нашего нового друга Бэннона Фермера и все его приключения, — забавляясь, поднял кубок с кровавым вином Амос.

Остальные подняли свои кубки, радуясь поводу как следует выпить, но Бэннону казалось, что они смеются над ним. Юноше пришлось сделать большой глоток вина. Оно оставило приятное тепло во рту и горле, и он постарался не думать о крови рабов, которой орошали виноградники.

— Я могу рассказать вам больше о наших свершениях, — сказал он, — как мы спасли великий архив Твердыни и все хранящиеся там знания. — Он кивнул, увидев, что привлек их внимание. Глубоко внутри он хотел произвести впечатление на этих молодых людей.

— Твердыня? Никогда о ней не слышал, — сказал Амос.

— Один из величайших в мире архивов магических знаний. Я помог Натану и Никки сохранить его.

— Какая польза от сложных магических знаний, если у тебя нет дара? — вставил Брок.

— Я спасал Твердыню не для себя, а потому, что так было необходимо. И я тоже сражался. Пускай у меня нет дара, но я помог колдунье Никки уничтожить Поглотителя жизни, и я также сражался с порочными лесными чаровницами, созданными Викторией. — Он содрогнулся, вспомнив прекрасных помнящих Одри, Лорел и Сейдж. — Они были очень красивыми, но в то же время ядовитыми и смертоносными.

Амос усмехнулся:

— Промежность Владетеля, точно, как одна из шелковых яксенов! — Он посмотрел на Брока. — Та, о которой я тебя предупреждал.

Румяное лицо юноши стало еще краснее от смущения.

— Она только поцарапала меня, но хотела сделать гораздо больше.

— Ее больше нет. От нее избавились, — сказал Джед. — Джес... ее звали Джес.

— Больше бы подошло «Джестокая» — фыркнув, вставил Амос.

Брок, впавший в задумчивость, резал ножом кусок мяса.

Бэннон продолжил рассказывать о своих приключениях:

— Когда сэлки атаковали наш корабль, я убил своим мечом два десятка этих ужасных, кровожадных созданий. Они перебили всех матросов на борту «Бегущего по волнам».

— Но тебе повезло, и ты выжил, — заметил Амос.

— Я выжил, но везение здесь ни при чем. — Он уже собрался рассказать о своем сражении с норукайскими работниками в бухте Ренда, но эти трое не проявляли никакого интереса, поэтому Бэннон неловко закончил свой рассказ. — И... ну, было еще много приключений и сражений. Я расскажу о них в другой раз.

Бэннон и его компаньоны проделали долгий и трудный путь, чтобы добраться до этого города. Он напомнил себе, что сейчас находится в дивном легендарном городе, ужинает с величайшими волшебниками мира. У него роскошные покои, красивая новая одежда и самый восхитительный пир в жизни. В конце концов, это не так уж плохо.

— Интересно, ваши повара знают хорошие рецепты голубцов? — спросил Бэннон. — На острове Кирия мы выращивали капусту.

— Мы тоже выращиваем капусту, — ответил Джед. — Это пища для рабов. Ну и еще мы кормим ей яксенов.

Бэннон почувствовал себя униженным.

— Тогда думаю, лучше оставить рецепты при себе.

Амос рассмеялся над смущенным выражением лица Бэннона и дружески хлопнул его по плечу.

— Не волнуйся, Бэннон, ты — наш новый друг. Нам предстоит многое сделать вместе, и мы позаботимся о тебе. Держись нас. Ильдакар остается неизменным уже много веков.

Бэннону было трудно в это поверить:

— Ничего не изменилось за все это время?

— Раз уж мы пришли к идеальному обществу, зачем что-то менять? — Амос снова поднял свой кубок. — За Ильдакар!

Другие юноши присоединись к тосту.

— За Ильдакар! — Бэннон выпил еще и с удивлением обнаружил, что опустошил свой кубок.

Джед налил ему еще.

— Наш новый друг слишком нервный и зажатый, — сказал Амос. — Кровавое вино поможет расслабиться. И тогда мы покажем тебе величайшие удовольствия Ильдакара.

— Тебе бы этого хотелось, Бэннон Фермер? — спросил Брок.

Бэннона напугала перспектива «величайших удовольствий», так как он не понимал, на что намекают его новые друзья. Но он не осмелился отказаться. Натан и Никки будут проводить время с палатой волшебников, пока старик будет пытаться вернуть свой дар. Может, это займет дни или даже недели. От Бэннона в этом важном деле нет толка.

Он улыбнулся Амосу и его двум друзьям и принял предложение.

— Да, хотелось бы.

Глава 12

Смена блюд продолжалась два часа, и под конец на столе оказались разнообразные десерты и маленькие фужеры с крепкими ликерами. Никки подняла взгляд на решетчатый потолок огромного особняка. Ночные мотыльки порхали возле распустившихся цветков лозы, а ясное небо усеивали звезды.

После подачи основного блюда верховный капитан Эйвери взял свою тарелку и встал возле Торы. Ее обычное ледяное выражение лица растаяло, и она смеялась над тем, что он ей

нашептывал. Женщина угостила капитана несколькими кусочками со своей тарелки, хотя его тарелка и так была полная.

— Верность и храбрость нашего дорогого капитана безупречны, а его сила... — Она коротко вздохнула. — Эйвери весьма способный, и он чрезвычайно предан городу Ильдакар.

— И предан привлекательной властительнице, — произнес Максим с нотками сарказма. Он относился к очевидному флирту жены с иронией, прикрывая свое раздражение.

— Он, безусловно, более способный, чем ты уже долгие годы, муж мой, — парировала Тора.

— Я все такой же способный, моя дорогая, просто больше не заинтересован, — сказал он, и лицо Торы скривилось от презрения. Максим откинулся на спинку кресла. — По крайней мере, не заинтересован в тебе. Возможно, это изменится — к примеру, через тысячу лет.

— К тому времени ты устанешь от всех женщин в Ильдакаре, — сказала она.

— О, я не могу устать от всех, — возразил Максим. — И я никогда не забуду, что ты моя жена и моя любовь. Просто взгляни на себя. — Он протянул руку к ее совершенному лицу в обрамлении замысловато уложенных локонов и косичек. — Ты поразительно красива. — Он сделал большой глоток кровавого вина и понизил голос. — Но только внешне.

Тора протянула руку и погладила ладонь Эйвери, который стоял очень прямо, смущенный этой беседой. Капитан поправил красный наплечник.

Волшебники за столом выпили немало вина и теперь вели громкую и непринужденную беседу. Даже Натан был словоохотлив, хотя и говорил уже невнятно.

Держа кубок в левой руке, Максим поднялся с кресла и встал рядом с колдуньей. В глазах главнокомандующего волшебника был блеск, который не понравился Никки. Она была настороже. Многие мужчины использовали ее, но она никогда и не думала называть это любовью. Госпожа Смерть была

лишь игрушкой Джеганя, а до этого пешкой, брошенной солдатам Имперского Ордена.

Максим наклонился к ее плечу:

— Веками живя в изолированном городе, одаренная знать Ильдакара отточила свои умения в искусстве плотских наслаждений. — Он наклонился ближе и хрипло сказал: — Рискну предположить, что большинство наших техник неизвестны во внешнем мире.

— Должно быть, вы этим очень гордитесь, — сказала Никки. — Может, вам следует направить свои умения на удовлетворение жены?

— Удовлетворение Торы — невыполнимая задача, — усмехнулся волшебник. — Спросите у любого отверженного ею партнера. Собственно, поинтересуйтесь у верховного капитана Эйвери. Мне любопытно, как ему это удастся.

Властительница выглядела ледяной.

— Ему удастся, потому что он наделен талантом... и в целом весьма одарен.

Из-за стола послышались вздохи и приглушенный смех. Обмен колкостями позабавил волшебников, но не Никки, хотя ей не за что было обижаться на Максима, который и не собирался ее оскорбить.

— Ты не можешь заставить меня ревновать, дорогая жена, потому что я, как и ты, доволен нашим положением. — Максим так близко склонился к Никки, что она почувствовала запах вина в его дыхании. — Я должен уведомить вас о нашей традиции особых вечеров. Одаренная знать часто присоединяется к вечерам удовольствий, большим и малым, и все они интимного характера. Вы заметили, как огромен особняк. У нас полно комнат с кроватями... а также напольными подушками или качающимися гамаками. Возможности не могут быть безграничными, но сомневаюсь, что за полторы тысячи лет мы успели все изучить. Вы окажете мне большую честь, присо-

единившись к нам. Позвольте показать вам истинные вершины экстаза. Уверяю, мы постигли множество искусных техник.

Никки посмотрела на него своими ясными голубыми глазами. Она не отстранилась, не вздрогнула и не выдала ни намека на поощрение.

— Думаю, нет. У меня множество своих приемов, и они не всегда приятны.

— Я знаю, что вы имеете в виду... — Максим хмыкнул. — Есть те, кто получает удовлетворение от получения и причинения боли. Это другая форма наслаждения, хотя многие по-прежнему считают ее плотским экстазом.

Никки сидела неподвижно. Взгляды членов палаты волшебников были устремлены на нее.

— Вы неправильно меня поняли. Я не собираюсь участвовать в ваших вечерах удовольствий. Вообще.

— Но мы ценим предложение, — поспешно вмешался Натан. — Должен сказать, что с Никки в прошлом плохо обращались, и пережитый опыт исказил для нее то, что другие называют удовольствием. Но если это приглашение для вас так важно, если это традиция, то я могу предложить свою кандидатуру. Я — странствующий посол Д'Хары.

За столом раздалось неловкое бормотание. Эльза выглядела смущенной. Она ободряюще похлопала по ладони старого волшебника:

— Благодарим за вашу готовность, Натан, но есть одна загвоздка. Видите ли, наши вечеринки удовольствий только для одаренной знати. — Ее слова повисли в воздухе.

Квентин, сидевший по другую сторону стола, вмешался в разговор:

— Вы ясно дали понять, что потеряли дар. Он покинул вас. Мы по-прежнему рады видеть вас в Ильдакаре, но пока дар не будет восстановлен, вы не сможете принимать участие в вечерах удовольствий.

— Помнится, существовала традиция при особых обстоятельствах допускать гостей извне, — поразмыслив, сказала Эльза. — Может, сейчас как раз такой случай, поэтому нам не обязательно отстранять несчастного.

— Подумайте об этом, Натан Рал. А если ваше состояние заразно? — спросила Тора. — Особенно при близком, интимном контакте.

— Уверяю вас, это не так, — ответил Натан.

Грубиян Айвен разразился хохотом.

— Сможет ли этот волшебник поднять свой посох?

Натана было не так просто смутить. Он положил руки на стол, поправив отороченные медью рукава зеленого балахона.

— Смейтесь, если хотите. Я надеялся на сочувствие к моему печальному положению, но после такой прекрасной и обильной трапезы меня больше интересует сон, чем разнузданные мероприятия.

Амос и его товарищи, устав от разговоров, поднялись из-за стола.

— Мы возьмем Бэннона Фермера с собой и покажем ему немного веселья. Не беспокойтесь за нас.

Молодой мечник выглядел смущенным, но побоялся отказаться. Тем не менее, Никки была уверена, что он сам о себе позаботится.

— Я согласна с Натаном, сон — прекрасное времяпрепровождение. Завтра нам предстоит многое обсудить.

Она встала, и Натан тоже поднялся. Собрав все свое достоинство, он пошел с колдуньей прочь мимо живой изгороди из цветущего по ночам жасмина, белые цветы которого источали сладкий аромат.

Когда они покинули обеденный зал, Натан погрузил руки в маленькую чашу с водой на стене холла, расплескивая воду.

— Спасибо, колдунья. Чистая мягкая постель сейчас гораздо лучше, чем любой экстаз.

Никки уклончиво что-то буркнула. Хотя ее покои в Твердыне были весьма удобными, она продолжала думать о том, как делила их с бедной Чертополох, которая любила свернуться на овчине, лежавшей прямо на каменном полу.

— С утра повелитель плоти Андре хочет пригласить меня в исследовательский павильон и изучить мое состояние. Мне не терпится получить ответы на свои вопросы.

— Я буду рада, когда твои силы вернутся и ты станешь прежним, — сказала Никки, а затем пожелала ему доброй ночи и, раздвинув фиолетовые занавески на двери, зашла в свою комнату.

Колдунья сняла черное платье и надела удобную ночную сорочку, оставленную слугами. Лежа на кровати, она наслаждалась прохладой простыней и слушала шепот ночного ветерка в ночи. Никки выпустила струйку дара, чтобы погасить лампы. В тусклом полумраке комнаты было очень одиноко без Чертополох. И без Мрра.

Связанная заклинанием песчаная пума умчалась прочь, когда появились Амос и его спутники. Пока они шли по равнине к Ильдакару, Никки ощущала, что большая кошка следит за ними с безопасного расстояния... Но с тех пор она не видела Мрра.

Никки лежала, позволяя своим мыслям спокойно плыть. Она не скользнула в сон, а последовала за слабыми узами, потянувшись в ночь. Она знала, что Мрра бродит за городскими стенами и охотится в холмах. Никки чувствовала беспокойство в разуме сестры-пумы. Мрра боялась трех парней, а сейчас ненависть кошки к великому городу пересиливала животные инстинкты.

Ильдакар был опасен. Ильдакар был местом боли и плохих воспоминаний. Никки уже снились некоторые из этих воспоминаний. Она узнала многие загадочные руны, высеченные на зданиях Ильдакара — такие же символы были выжжены на шкуре Мрра.

Проваливаясь в сон, Никки размышляла о такой разнице: песчаная пума в одиночестве бродит по пустоши, а Никки находится в просторной спальне после прекрасного ужина.

И все же Никки боялась, что она в более опасном положении.

Глава 13

Амос и его друзья покидали огромный особняк в приподнятом настроении. Бэннон последовал за ними, радуясь, что после пира у него есть компания. Джед и Брок непристойно шутили и прыскали от смеха, неторопливо спускаясь с верхнего уровня Ильдакара по наклонным мощеным улочкам. Впереди были тесные нижние улицы с домами состоятельных аристократов.

Молодые люди покинули ухоженный район богачей с цветущими цитрусовыми садами, благоухание которых кружило Бэннону голову. Он обнаружил, что из-за выпитого кровавого вина с трудом переставляет ноги, хотя происхождение напитка все еще тревожило его.

— Так кто такие шелковые яксены? — спросил он. — Вы так мне и не сказали. — Он старался, чтобы в его голосе звучали интерес и любопытство, но слова выговаривались медленно и неожиданно трудно.

Он рассмешил Джеда и Брока, и их губы растянулись в широких улыбках.

— Скоро узнаешь, — ответил Амос. — В квартале шелковых яксенов много питомников, но я предпочитаю один конкретный.

— У нас там постоянный счет, — добавил Джед.

Амос с прохладцей окинул взглядом Бэннона.

— Я даже заплачу за тебя. На первый раз я угощу нашего гостя издалека. — Он потянулся в карман шаровар за мешочком, достал из него пять золотых монет и небрежно вручил их Бэннону. — Вот, возьми на всякий случай.

— На какой?

— Если захочешь чего-то особенного, — хохотнул Амос.

— Спасибо, — пробормотал Бэннон. — Мать учила всегда благодарить. Я благодарен тебе. Спасибо, что показываешь город. — Он понял, что говорит невнятно, но спутники словно не замечали этого.

Его сапоги с жесткими голенищами не давали подвернуть ногу, но шаги получались неуверенными. Голову словно набили ватой.

Давно, когда он был еще мальчишкой, Бэннон со своим другом Яном наблюдали за вошедшим в порт торговым судном с товарами из Серримунди. Отец Бэннона спустился в доки, когда моряки выгружали ящики с чужеземными лекарствами, рулонами тканей, железными плотницкими инструментами и новыми сельскохозяйственными орудиями для сбора урожая капусты. А фермеры продавали квашеную капусту в запечатанных глиняных горшках и терпкий эль, сваренный из морских водорослей, растущих возле берегов Кирии.

Отец Бэннона встретился с первым помощником капитана, отдал ему монеты и ушел с тремя бутылками бренди из винокурни побережья Ларрикан. Бэннон и Ян проследили за ним до самого дома, где он спрятал две бутылки в поленнице за домом, а затем ушел с оставшейся бутылкой, чтобы напиться в одиночку.

Сгорая от любопытства, юные Бэннон и Ян переложили дрова и вытащили одну из коричневых стеклянных бутылок. С этим трофеем они поспешили в небольшую пещеру в скалах и сидели там, подначивая друг друга выпить редкий и недешевый бренди. Когда спиртное обожгло горло, Бэннон закашлялся, еле сдерживаясь, чтобы его не вырвало. Ян сделал глоток

побольше, поэтому Бэннон посчитал, что ему нужно превзойти друга. После третьего глотка он понял, что вкус не такой уж и гадкий. Когда они выпили половину бутылки, Бэннон ощущал одновременно тошноту и эйфорию. Кожу покалывало, голова казалась пузырем, и мир вокруг вращался.

Когда бренди ударил в голову, что-то внутри подстегнуло выпить еще, чтобы сохранить ощущение тепла и искаженной удовлетворенности или даже усилить ощущения. Когда они с Яном прикончили бутылку, обоим стало дурно, сознание затуманилось. Неопытные в пьянстве мальчишки обнаружили, что уже почти стемнело. Когда они попытались подняться на берег, то споткнулись и соскользнули вниз.

К тому времени начался прилив, и вода затопила их укрытый пляж. Вымокшие мальчишки были слишком дезориентированы, чтобы взбираться по рыхлым скалам, но после нескольких неудачных попыток им удалось подняться. Чудом они не разбились и не утонули.

Бэннон согнулся пополам и исторг из себя большую часть выпитого. Ян счел это невероятно забавным. Друзья пошли разными путями, и Бэннон, вернувшись домой, застал разгневанного отца. Мальчик пытался притвориться, что он в порядке, но едва мог говорить и с трудом передвигался. Отец накричал на него за хамство, пьянство и разочарование. Он избил Бэннона, и тот потерял сознание — больше из-за бренди, чем от непрекращающихся ударов. На следующий день Бэннон очнулся, страдая от ушибов и синяков. Его череп раскалывался от неутомимой головной боли, которая заглушала все мысли о его распухших глазах и щеках.

Фразы, брошенные его отцом, были просто кучей слов ненависти, но в конце концов он понял, что тот злится не из-за того, что сын пришел пьяным, а из-за кражи дорогого бренди.

Мать Бэннона ухаживала за ним, вытирая лицо влажной тряпкой, и, плача, тихонько пела. Она склонилась к его постели и настойчиво прошептала: «Не стань таким, как он. Он пло-

хой человек. Спиртное виновато не во всем, но совершенно точно выпускает бесов».

Бэннон думал об этом сейчас, пока нетвердой походкой шел за тремя ильдакарскими юношами. Его желудок закрутило. На самом деле он не собирался пить вино, но теперь не мог допустить, чтобы его стошнило при Амосе, Джеде и Броке. Он сжал зубы и занял себя другими мыслями, до тех пор, пока не утихнет тошнота...

Улицы Ильдакара были освещены светящимися белыми шарами на железных столбах. Свет пульсировал от таинственных символов. Район знати был хорошо освещен, словно на бульварах поселились сотни мерцающих в ночи, но кривые улочки нижних уровней походили на лабиринт из низких зданий при свете свечей. Изгороди из темнолистого олеандра перекрывали вид с улицы.

— Расскажи нам об архиве Твердыни, — попросил Амос. — Это какая-то библиотека? Деревня с коллекцией книжек?

— Архив не может быть крупнее библиотек Ильдакара, — сказал Джек.

— О, он крупнее! — возразил Бэннон. — Полагаю, это величайшая коллекция в мире, скрытая три тысячи лет назад, когда начались войны волшебников.

— Что-то не верится, — сказал Амос.

— Пресвятая Мать морей, это правда! Архив спрятан в извилистых каньонах по ту сторону Кол Адаира, к западу отсюда. Он был тысячи лет укрыт маскирующим саваном... таким же, как ваш.

— И как же вы его нашли? — в голосе Брока слышался вызов.

— Маскировки больше нет, и у нас был проводник. — Он подумал о Чертополох. Отважная девочка отдала все, чтобы привести их туда. — Нам нужно было многое изучить, чтобы найти способ уничтожить Поглотителя жизни.

Трое юношей многозначительно переглянулись, и Бэннон задумался, не сболтнул ли чего лишнего.

Амос с непривычным дружелюбием хлопнул его по спине.

— Бэннон, друг мой, у тебя такие интересные истории. — Он медленно пошел по выложенной плиткой дорожке между темными изгородями к дверному проему, где на табурете сидел мужчина, охраняя вход. — Это наш любимый питомник. Здесь разводят самых прекрасных шелковых яксенов.

Оранжевый свет внутри здания обеспечивал достаточное освещение, но дальние углы тонули в тенях. Мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и клочковатыми волосами сидел у двери на удобном деревянном сиденье. Его одежда, хотя и ладно скроенная, была кремового и коричневого цветов, а не ярких оттенков знати. Медный горшочек возле табурета был полон монет. Мужчина одарил парней сдержанной улыбкой, хотя в глазах читалась подозрительность.

— Добро пожаловать, господин Амос. Всегда рады вам. — Тон его голоса говорил об обратном.

Юноша бросил монеты в помятый медный горшок.

— Это за нашего нового друга, Бэннона Фермера. Возможно, он не знает, как тут себя развлечь.

— Меня можно научить, — сказал Бэннон, все еще чувствуя себя неуверенно. — Я отлично обращаюсь с мечом, потому что Натан научил меня.

— В квартале удовольствий нет необходимости в оружии. — Портье с сомнением взглянул на Крепыша у бедра Бэннона. — Сегодня вы будете пользоваться другим клинком, молодой человек.

— Крепыш останется при мне, чтобы защитить нас, если понадобится, — сказал он, но теперь до него стало доходить. Квартал удовольствий? Судя по приглушенному оранжевому свету, тихому смеху и еле слышному разговору внутри, это мог быть игровой притон. Когда они вошли в здание, Бэннон

увидел очаровательных женщин, отдыхающих на кушетках, и понял то, о чем должен был догадаться с самого начала.

— Шелковые яkensы — это проститутки? — Несколько женщин были заняты благородными клиентами, а другие смиренно ждали у стены. — Питомник... просто... бордель?

— Промежность Владетеля, не обычные проститутки! — сказал Амос. — Шелковые яkensы — куртизанки, специально выведенные для этой цели.

Все еще чувствуя в голове приятный гул от вина, Бэннон не мог придумать довод или отговорку. Он позволил трем своим друзьям провести его вглубь помещения. В небольших жаровнях курились благовония, добавляя запах гвоздики и меда необычному терпкому дыму, проплывающему по комнате.

Амос повернулся к портье:

— Мелоди свободна?

— Как всегда, она в вашем распоряжении. Нашему новому гостю я могу предложить Кайлу. Она прекрасна и уже готова.

— Да особой разницы и нет, — пробормотал Джед. Он пошел туда, где у стены возле жаровни с благовониями стояли пять необыкновенно красивых девушек, залитых оранжевым свечением. С отсутствующим выражением на лице они смотрели на какой-то воображаемый объект посреди комнаты.

— Кто из вас Кайла? — спросил Брок.

На него взглянула женщина с длинными вьющимися локонами цвета корицы. Улыбка затрагивала только ее губы.

— Кайла — это я.

Брок дернул ее от стены и подтолкнул к Бэннону. Она беспрекословно двинулась в его сторону. Брок выбрал следующую женщину в очереди, с бледной кожей и волосами того же цвета, что и у Кайлы.

— Мне нравится, как ты сегодня выглядишь. — Он взял ее за руку словно рыбак, тянущий свой улов.

Джед выбрал брюнетку. Он даже не удосужился заговорить с ней, просто взял ее за запястье и потянул к одной из незанятых кушеток.

Кайла стояла перед Бэнноном, ничего не говоря и не встречаясь с ним взглядом. Она выглядела как кукла, но кукла с идеальными женственными формами. Она медленно моргала и не улыбалась, напоминая овцу, безмятежно щиплющую траву на пастбище, не осознающую никакой угрозы и не проявляющую никакого интереса.

Щеки Бэннона горели, и он был рад, что в тусклом свете никто не заметит его смущения. Он вежливо протянул руку Кайле.

— Меня зовут Бэннон. Рад с тобой познакомиться.

— Спасибо. — Она взяла протянутую руку. — Я тоже очень рада.

Он понизил голос до хриплого шепота:

— Что нам теперь полагается делать?

— Все, что ты захочешь, — сказала она обычным голосом, не заботясь, что другие ее услышат.

Он слышал смешок с одной из кушеток, где рослый дворянин средних лет лапал совсем молоденькую девушку. Стащив ее полупрозрачное одеяние, он выставил ее грудь на всеобщее обозрение. Бэннон с трудом сглотнул и прошептал:

— Пресвятая Мать морей!

Кайла действительно была прекрасна, а тонкое платье демонстрировало ее роскошную фигуру. Затянутый поясок подчеркивал узкую талию и изгибы бедер. Боковой разрез на платье выставлял напоказ икру и бедро.

— Я... Я думаю, мы должны присесть, — сказал Бэннон, споткнувшись о скамью. Кайла послушно последовала за ним.

— Где Мелоди? — рявкнул Амос, оглядывая освещенную свечами комнату.

Его громкий выкрик потревожил других мужчин, которые сидели с выбранными ими шелковыми яксенами. Огненно-

оранжевые занавески в нише сместились в сторону, и в комнату вошла миниатюрная светловолосая женщина. У нее были большие круглые глаза, казавшиеся темными в тусклом свете. Она неторопливо зашагала к Амосу, который не сделал ни шага ей навстречу и просто ждал.

— Я здесь, господин Амос, и я к вашим услугам, — сказала она.

— Кто бы сомневался. — С похотливой улыбкой он взял Мелоди за руку и потащил к Бэннону и Кайле. — Эти шелковые яксены красивы и совершенны, одни из великолепнейших творений Ильдакара.

— Да, они все красивы, — согласился Бэннон.

Кайла сидела так близко, что ее нога прижималась к его бедру. Она скользнула рукой вокруг его талии и приникла к его груди, но, похоже, сделала это скорее для удобства, чем для романтики.

— Повелители плоти создавали чудовищное оружие во время древних войн, но, как по мне, шелковые яксены — самое прекрасное их творение. — Амос крикнул: — Кто-нибудь, принесите нам еще кровавого вина! У меня здесь гость, и мы должны произвести на него впечатление.

— Все в порядке, — сказал Бэннон, — правда, я...

Не успел он договорить, как менее привлекательная служанка в серой одежде торопливо принесла графин и налила в кубки красное вино — один для Амоса и один для Бэннона. Женщинам она вина не предложила.

— Шелковые яксены — превосходные куртизанки, с безупречной кожей... такой теплой и шелковистой. — Амос кивнул ему: — Давай же, потрогай и убедись сам. — Он схватил руку Бэннона и положил на плечо Кайлы. Кожа девушки была теплой и необычайно гладкой. Она даже не вздрогнула. — Но не жди от нее разговоров. Они просто тупые животные, выращенные для питомников, в которых работают. Обычные яксены были созданы для перевозки грузов, а эти женщины несут

другое бремя и не возражают. Так ведь, Мелоди? — Он посмотрел на нее, и та покорно кивнула. — А ты, Кайла? — Девушка с волосами цвета корицы тоже кивнула.

Бэннон чувствовал себя неуютно.

— Имеешь в виду, что они как ... домашний скот в женских телах?

— Повелители плоти вывели их для определенной цели, которой они и служат, — пояснил Амос. — Но не ожидай от них чего-то большего. На самом деле имя «Мелоди» означает, что она воспринимает музыку или способна петь. — Он холодно рассмеялся. — Однажды я попросил ее спеть для меня романс — хотел вообразить себя ее возлюбленным. — Он фыркнул. — Но звучало как вопли кошки, попавшей в клетку повелителя плоти. Я прав?

— Да, господин Амос, — согласилась Мелоди.

— Покажи ему, — сказал он насмешливо. — Спой Бэннону.

Не колеблясь ни секунды, Мелоди запела. Голос был неровным и неуверенным, и она не попала в несколько нот песни на незнакомом Бэннону языке. Прежде чем она допела первый такт, Амос дал ей пощечину, заставив замолчать. Мелоди съехала.

— Плевать, что я сказал, больше никогда не пой, — сказал он и ударил ее снова, сбив со скамьи.

— Стой! — вскочил Бэннон. — Нельзя так делать!

Амос удивленно моргнул:

— Почему? Это же шелковые яксыны, для этого они и нужны. Считаешь, что совокупление — это единственное удовольствие, которое они могут дать? Ты скоро это узнаешь. — Он залпом выпил свое вино, затем потащил через комнату спотыкающуюся и безропотную Мелоди, откидывая в сторону занавески. Ведя ее в незанятую отдельную комнату в задней части борделя, он побеспокоил другие обнимающиеся в полумраке пары.

Бэннон сжал кулаки и с трудом сглотнул. Помутнение от вина как рукой сняло. Отец называл его мать шлюхой, обвиняя в том, чего она никогда не делала, и под этим предлогом избивал ее до потери сознания. Когда Бэннон был слишком маленьким, он не понимал, кто такая шлюха; только после своего побега на парусном судне, проводя время с бывальыми моряками, он узнал о проститутках.

Первый любовный опыт Бэннона случился в Твердыне с тремя молодыми послушницами: Одри, Лорел и Сейдж. Красивые и добрые девушки многому его научили, доставляя наслаждение ему и себе, разделяя юношу между собой. От тех воспоминаний у него кружилась голова, но они треснули и разбились от того, кем стали эти три девушки — монстрами Госпожи Жизнь...

Из дальней комнаты, куда Амос затащил Мелоди, доносились звуки пощечин и всхлипывания. Джек и Брок отвели своих женщин в отгороженные ниши, а рослый дворянин, ничуть не смущаясь, срывал одежду со своей девушки прямо на кушетке посреди комнаты. Другие клиенты прервались, чтобы посмотреть на это зрелище.

Кайла села рядом с Бэнноном.

— Тебе нравится так же? — Ее теплое дыхание касалось его щеки, а густые волосы цвета корицы поблескивали в оранжевом свете. Она казалась покорной и желающей угодить, равнодушной к тому, что он может с ней сделать.

Его желудок сжался от мысли, что другие уже причиняли ей боль.

— Нет... я так не думаю. — Он поднялся, оставив свое вино нетронутым. От хмеля не осталось и следа. — Я... Я думаю, что просто отыщу дорогу назад и хорошенько выплусь.

Кайла не стала его отговаривать и никак не отреагировала. Она просто устроилась поудобнее и чинно сидела на скамейке, ожидая, когда ее заметит кто-нибудь другой.

Слезы жгли Бэннону глаза, когда он спешил к выходу из питомника, ожидая, что вслед полетят насмешливые издевки, но никто не обратил внимания. Портье взглянул на него и неожиданно слегка кивнул с намеком на уважение. Бэннон не знал, как на это реагировать.

Мужчина потянулся к горшку рядом с табуретом и вытащил несколько монет.

— Вот, молодой человек. Возьмите ваши деньги.

— Но это не мои деньги. Амос заплатил за меня.

— Тогда заберите их. Вы не воспользовались тем, что он оплатил.

Бэннон увидел его настойчивость и взял монеты, решив, что может вернуть их позже.

Он бродил по извилистым улочкам и после нескольких неудачных попыток вышел к главной городской улице, от которой ответвлялись переулки, ведущие к домам среднего сословия, лавкам торговцев и купцов. Он тяжело дышал.

— Пресвятая Мать морей, — снова пробормотал он, разувенный в этом легендарном городе. Он знал, что Натан должен был прийти сюда, что город жизненно важен для возвращения его дара, но Бэннон надеялся, что скоро они уйдут. Он уже видел верхние уровни города и если просто продолжит подниматься по крутым улицам, то найдет башню властителей и роскошный особняк с его покоями. О произошедшем никому не хотелось рассказывать.

Завернув за угол, он увидел темную фигуру в коричневом одеянии, которая пряталась в тени боковой улицы. Чужак сунул руку в мешок и вытащил яркий серебристый предмет, вспыхнувший, когда в нем отразился случайный отблеск света одного из сияющих фонарей. Незнакомец сунул зазубренный предмет в трещину стены.

Бэннон коснулся рукояти меча.

— Эй, ты! Что ты там делаешь?

Фигура в капюшоне убежала, растворившись в тенях. Бэн-нон подошел к месту, где была фигура, и увидел осколки зеркала. Небольшой обломок был засунут в щель между кирпичами. Он вспомнил, что говорил Верховный капитан Эйвери о мятежниках и их лидере Зерцалоликом, и к его горлу снова подступил ком. Он поспешил вернуться на хорошо освещенные улицы, стремясь добраться до своих покоев, но не был уверен, что хоть где-нибудь в Ильдакаре безопасно.

Глава 14

Утром Никки проснулась от ощущения чьего-то присутствия. Открыв глаза, она увидела главнокомандующего волшебника Максима, который навис над кроватью с тонкой ухмылкой на губах.

— Я пришел поприветствовать вас, колдунья, — сказал он, глядя на завернутую в тонкие простыни Никки. — Надеюсь, ночь была спокойной и приятной... хотя и не такой приятной, какой могла быть в менее спокойной постели.

Едва сдерживаясь, Никки чувствовала вспыхнувший в ней дар, готовый атаковать. С большим усилием она подавила свой порыв. Максим по праву звался великим волшебником.

— Вам повезло: я проснулась достаточно быстро, чтобы осознать, где нахожусь. Иначе я убила бы вас, даже не поняв, кто вы.

Главнокомандующий волшебник приподнял брови:

— Всегда хорошо знать, кого убиваешь, ведь это лучший способ убедиться, что убил кого нужно. — Он погладил свою бородку.

На колдунье была открытая тонкая сорочка, которая нашлась среди оставленной слугами одежды. Никки села, не

потрудившись прикрыться и не выказывая смущения. Она не стеснялась своего тела.

— Что вы делаете в моей комнате?

— Вообще-то, это моя комната. Это мой дом, а вы моя гостья.

— Гости заслуживают определенного уважения.

— Я пришел вас разбудить. В знак уважения, — снисходительно сказал он. — Тора предположила, что вы с Натаном захотите посетить центральную пирамиду, которая поможет вам понять Ильдакар.

Никки вспомнила ступенчатую пирамиду.

— Мы видели ее по пути к башне властителей. Это какой-то храм?

— Храм? — рассмеялся Максим. — Мы сами обладаем великими силами, так зачем нам поклоняться в храме? Мы признаем Создателя и Владетеля за завесой смерти, но у нас нет нужды полагаться на вмешательство высших сил. Мы доказали, что сами являемся внушительной силой, когда на нас пошла армия генерала Утроста.

Она продолжала сидеть с шелковыми простынями на коленях.

— Уходите. Я оденусь и присоединюсь. Натану уже сообщили?

— Властительница лично пошла его будить. Надеюсь, ей понравилось так же, как и мне. — Он игриво улыбнулся и вышел из комнаты, оставив обеспокоенную Никки.

Она легко могла вызвать огонь и сжечь его по пути к двери, но Максим был главнокомандующим волшебником. Она не забывала, что Натан нуждается в помощи волшебников Ильдакара.

Умывшись и облачившись в свое черное платье и черные ботинки, Никки расчесала золотистые волосы, а потом принялась за завтрак из фруктов, пирожных и сыра, который принесли в покои, пока она спала. Отсутствие уединения и уязви-

мость внушали тревогу. Она решила, что с этого момента будет спать с двумя кинжалами под рукой.

Найдя в главном холле Натана, она заметила, что он расчесал свои длинные белые волосы и снова надел отороченный медью зеленый балахон волшебника. Было видно, что он нравился себе в таком облачении — в нем он определенно был больше похож на волшебника, чем в черных брюках, ботинках и рубашке с рюшами.

Главнокомандующий волшебник с энтузиазмом повернулся к стоявшей рядом Торе:

— Я же говорил, Никки придет. — Он понизил голос до театрального шепота. — Казалось, она просто жаждет увидеть пирамиду.

— Колдунья жаждет? — переспросил Натан. — Уверен, вы неправильно истолковали ее настроение.

— Верно, — сказала Никки. — И это не единственная вещь, которую он истолковал неправильно.

Натан заговорил тоном осторожного дипломата:

— Нам нужно многое узнать о культурах друг друга. Я так понимаю, пирамида — сердце силы вашего города? Она питает саван вечности? Я бы хотел внести ясность. — Казалось, он уже обдумывает, как описать сооружение в книге жизни, которую носил с собой.

— Пирамида — точка пересечения линий изошренных заклиний, пронизывающих улицы и здания Ильдакара, — объяснила Тора.

Выйдя из огромного особняка, они пошли по тропинке под навесом, в котором гудели пчелы, опылявшие розовые цветы. Саван упал, открыв Ильдакар внешнему миру и чистому голубому небу. С вершины плато город казался первозданным, мирным и нетронутым.

Впереди возвышалась внушительная постройка из темно-серых каменных блоков. Она состояла из квадратного основания и семи меньших по размеру площадок, которые, подобно

гигантским ступеням, вели к вершине. Через центр широких уровней проходила сравнительно узкая лестница, предназначенная для людей.

Максим, пребывавший в радостном настроении, вел их к ступеням.

— Это место, из которого исходит вся наша магия. Здесь мы снова запустим саван.

— Может, именно туда мне нужно пойти, чтобы вернуть свой дар, — предположил Натан.

— Сначала мы должны выяснить, что с вами не так, — сказал Максим. — Уверен, Андре справится с этим.

— Пирамида используется для ритуала кровопролития, воздвигающего саван, — сказала Тора. — Необходимая для этого сила должна оставаться нетронутой.

Никки не понравилось слово «кровопролитие».

— Это было лишь предположение, — тут же сказал Натан. — Я всегда просчитываю все варианты.

На полпути ко второй площадке Максим обернулся и сверху вниз посмотрел на Натана:

— Все? Даже тот, в котором не удастся вернуть дар? А если придется остаться обычным бессильным человеком до конца жизни?

— В таком случае, — сказала Тора, — у него нет причин оставаться в Ильдакаре.

— Мы и не собирались, — сказала Никки, поднимаясь по каменным ступеням.

— Чуть позже я отправлюсь к повелителю плоти Андре, — сказал Натан. — Поскольку я тоже ученый, мы можем объединить усилия и понять, что делать. Ведьма предсказала, что я должен оказаться здесь.

— Очень любопытно, — насмешливо сказала властительница Тора. — А еще ваша недалекая ведьмочка предсказала, что колдунья спасет мир. Как по мне, она пыталась потешить

самолюбие Никки, а не дать полезный совет. Уверены, что именно об этой колдунье говорит предсказание?

Никки не отреагировала на колкость, но Натан упал духом.

Верхняя платформа была заставлена сверкающими зеркальными устройствами. Максим и Тора стояли среди них, как король и королева из стратегической игры, в которую часто играли сестры Света во Дворце Пророков. Каменный пол был прорезан облицованными серебром каналами. Эти борозды складывались в сложные рисунки заклинаний с множеством углов и петель.

Внимание Натана привлекло отдельно стоящее отполированное устройство, состоящее из металлических дуг и пустых чаш, которые сияли, как огромные плавильные котлы, в которых плавится солнце. Высокие металлические столбы по четырем углам устремлялись к небу подобно громоотводам; на вершине каждого столба была установлена кварцевая призма. В центре устройства были две поворотные линзы в металлических оправках.

Никки шагнула в переплетение рисунков заклинаний. Она не видела узора целиком, но с легкостью поняла его предназначение.

— Волшебники используют эту пирамиду как фокальную точку, когда творят мощное заклинание? Так они собирают энергию, необходимую для восстановления защитного савана?

— Обычно да, — сказал Максим. — Но со временем для кровопролития нужно все больше и больше усилий. — Он вздохнул. — Мы еще не определили точную величину.

— Но мы должны ее определить, — прервала его Тора. — В последние десять лет саван исчезал слишком часто, оставляя нас без защиты от внешних угроз.

Прикрыв глаза от солнца, Натан вглядывался за пределы огромного города, повернувшись сначала к отвесному берегу реки Киллрейвен, а потом к равнине. Он указал на ряды каменных солдат, разбросанные по простору лугов.

— Но вы же давно наложили заклятие. Вы превратили в камень армию генерала Утроса, и они больше не представляют угрозы. Зачем поддерживать саван, если для этого требуется столько энергии?

«И столько крови», — подумала Никки.

Тора помрачнела.

— Саван создавался не только для защиты от кровожадных армий императора Кергана, но и для сохранения нашего общества, которое нужно уберечь от внешней порчи. Теперь саван исчезает, и меня очень беспокоит наше будущее. — Она скривилась. — Эта незащищенность разрушает то, что мы создали.

Главнокомандующий волшебник не разделял ее мнения.

— С другой стороны, дорогая, открытие Ильдакара внешнему миру дало приток ресурсов и оживило наше общество. Подумай, сколько свежей крови привезли нам работорговцы.

— А сколько рабов сумело удрать в пустошь? — спросила она.

Посмеявшись над уязвленным выражением лица жены, Максим повернулся к Никки и Натану:

— Как видите, мы много спорили об этом.

— За полторы тысячи лет внешний мир сильно изменился, — сказала Никки, думая о Ричарде и Д'Харе. — Лорд Рал положил конец притеснениям, сверг тиранов, победил Имперский Орден. Рабство должно остаться в прошлом.

Тора выглядела раздосадованной.

— И он провозгласил это со своего настолько далекого трона, что никто о нем и не слышал. Вы наивны.

— Я верна своим убеждениям, — ответила Никки. — И они правильные. Я видела яд тирании и не намерена ее терпеть. Даже Ильдакар может измениться к лучшему. Мы поможем.

Натан занервничал от напряжения в голосе колдуньи, но та не собиралась отступать.

— Вы пришли менять основы этого общества? — Тора сузила глаза цвета морской волны. — В одиночку? Ильдакар

прекрасно существовал тысячи лет без вашей помощи... и без вашего вмешательства.

— Прекрасно? Спорное утверждение, — сказал Максим. — За эти годы ты утратила не только любовь ко мне, но и объективность. Илздакар изменился. Беспокойство народа растет, и Зерцалоликий пользуется этим. Возможно, небольшое изменение привычного положения вещей сможет вернуть спокойствие. Разве это не лучше, чем ждать взрыва?

— Я не жду, — с надменной усмешкой сказала Тора. — У нас не будет причин для беспокойства, как только мы уничтожим Зерцалоликого и покончим с проблемами, которые он создал.

Глава 15

Легкие облака мчались по послеполуденному небу, когда Натан подошел к жилищу повелителя плоти. Он немного нервничал, его снедало любопытство и нетерпение. Он рассчитывал на способности этого одаренного человека и надеялся найти простое и понятное решение своей проблемы. Указания Рэд привели его сюда.

Отыскать особняк Андре было несложно: он стоял не на вершине плато, как дома большинства членов палаты волшебников, а немного ниже, неподалеку от впечатляющей открытой арены и обнажения песчаника. Большой и добротный особняк повелителя плоти был высотой в три этажа и состоял из нескольких соединенных крыльев, занимавших немалую площадь. Стены были выложены из белого камня с каменоломни. На высокие колонны с каннелюрами опирались галереи и арки, которые образовывали внутренний дворик под открытым небом.

Натан шел по дорожке, и под его сапогами хрустели мелкие камешки со сверкающими прожилками кварца. Экзотический сад завладел его вниманием — словно охотничья собака, не желающая отпускать пойманную птицу. Пышные живые изгороди имели жутковатый нереалистичный оттенок, переплетенные ветви изгибались в обратную сторону, будто их медленно пытали, ломали, а затем заставляли неправильно срастаться. Яркие оранжевые цветы походили на гибискус, но со странным горьковатым ароматом. В саду росли низкие уродливые деревья, стволы которых изгибались под невероятными углами, напоминая гусиную шею, сломанную в двух местах. И все же, эти исковерканные фруктовые деревья утопали в розовых цветках.

Оказавшись в особенной части сада, Натан остановился перед цветами высотой ему по плечо; соцветия размером с человеческую голову держались на толстых стеблях. Растения походили на подсолнухи с алыми лепестками. Подавшись вперед, Натан разглядел, что поблескивающие семена в центре шевелятся, словно глаза насекомых.

Натан счел растения сада пугающими, но очаровательными. Хотя они и выглядели необычно, в них не было угрозы — если не заикливаться на изначальных формах, задуманных Создателем. Натан воздал должное Андре, у которого явно было оригинальное воображение.

Пророк изучил множество малопонятных магических томов в Твердыне в поисках способа вернуть свой дар, но никаких зацепок не нашел. С каждым днем, когда ему приходилось обходиться без привычных умений вроде разжигания костра с помощью магии или призыва небольшого огонька, Натану было все тяжелее. Он пытался скрыть, как сильно зависит от магии, потому что считал себя вполне дееспособным и без дара. Например, необходимость заставила его улучшить свое мастерство в обращении с мечом.

Но он чувствовал себя опустошенным. В нем чего-то не хватало, он был уже не тем человеком. Когда перемещение звезд распустило его пророческий дар, Натан потерял не только его, но и гораздо больше. Всякий раз, когда он ощущал крошечную вспышку вернувшейся магии, результат его действий был либо гротескно преувеличенный, либо противоположный намерениям. Он больше не смел прибегать к своей магии, и в то же время боялся остаться беспомощным. Ему необходимо вернуть дар, и он был готов поспорить, что кто-нибудь в Ильдакаре — Андре, как он надеялся, — поможет ему. Натан был готов на все ради своей цели.

— Вижу, мой сад произвел впечатление, ммм? — спросил повелитель плоти Андре, который вышел из своего особняка и встал под входной аркой, увитой змеиными лозами. Он небрежно прислонился к одной из колонн.

Натан не показал, что захвачен врасплох внезапным появлением повелителя плоти, и признательно ему улыбнулся.

— Растения очень необычны. Где ты нашел такие странные экземпляры?

— Нашел? — рассмеялся Андре. — Ну что вы, я их создал. Большинство из них просто полет фантазии, но на некоторых я отработывал свои новые идеи. — Повелитель плоти поджал губы. — Я получаю уникальные знания, разрывая на части живые существа, изучая их устройство, а затем снова собирая их.

Натан прошагал мимо высоких красных глазастых цветов.

— Надеюсь, твои особые познания окажутся полезными для меня.

Собеседник дернул себя за заплетенную бороду.

— Твой случай и правда интересен, бывший волшебник. Я обещаю, что подробно изучу твое состояние и проведу необходимые эксперименты, чтобы найти ответ. Может приступим, ммм?

Натан последовал за мужчиной в похожий на пещеру холл с высокими колоннами. Он был рад отзывчивости повелителя плоти, хотя Андре скорее стремился удовлетворить свое любопытство, чем помочь волшебнику. Андре повел его в первое крыло, в котором было темно, несмотря на ясный полдень. Решетчатые потолки, затянутые тканью цвета индиго, создавали атмосферу ночи. В нишах и по углам стояли горшки, источавшие магический свет.

В большой, но давящей комнате стояли три длинных пустых стола — достаточно больших, чтобы на каждом поместился человек во весь рост. Натан слышал, как пузырится какая-то жидкость и тихо шипит дымок, сбегаящий из неплотно закрытых сосудов. Тяжелый влажный воздух был пропитан запахами едких порошков и стухшей еды.

Полки вдоль стен были заставлены бутылочками из цветного стекла и непрозрачными банками с порошками. В аквариумах с мутной жидкостью плавали странные бесформенные предметы. Рядом стоял еще один аквариум с относительно чистой водой, в которой плавала рыбоподобная тварь — ее длинные зазубренные плавники походили на перья тропической птицы. С осторожным любопытством Натан подошел к емкости, в которой среди завихрений мутной жидкости угадывались очертания отсеченной руки.

— Живые тела подобны глине, — с гордостью сказал Андре. — Кость, мышцы, плоть и даже волосы изменчивы в руках опытного повелителя плоти. Я скульптор. Я гончар. Я смотрю на живых существ как на сырье, из которого могу сделать, что нужно... или что захочу.

Натан окинул взглядом три пустых стола, многочисленные никак не помеченные бутылочки на полках, причудливые острые инструменты в чашах и на тарелках, и его воображение само дорисовало картину того, чем на самом деле занимается здесь Андре.

— Здесь ты проводишь свои опыты?

— Здесь я работаю. — Андре похлопал Натана по плечу и позволил своим пальцам задержаться на руке высокого волшебника, проведя ими по зеленому шелку рукава. — И здесь буду изучать тебя. Жилые помещения находятся в глубине здания, но я в основном провожу время в этом крыле: в кабинетах для расчленения и повторной сборки, возле демонстрационных столов и, конечно, в галерее излечения.

Помещение с тремя составленными в ряд столами, ожидавшими пациентов или подопытных, напоминало Натану пустующий полевой госпиталь, совмещенный со скотобойней. Он подавил беспокойство, сосредоточившись на своей цели.

— Приступим к делу — мне нужно найти ответы. Спасибо, что пригласил в свою лабораторию.

— Хмм, лаборатория? — усмехнулся Андре. — Я предпочитаю называть это студией. Повеление плотью — искусство, и я создал множество шедевров. Я внимательно изучаю свои образцы. Я считаю их сырьем, пустыми холстами, и придумываю, как их улучшить.

Натан вздрогнул, когда в аквариуме плеснулась странная рыба, и прочистил горло. Он слишком нуждался в помощи Андре.

— Мне станет значительно лучше, если мы вернем мой дар. Тогда я докажу, что не уступаю по силе волшебникам Ильдара.

— О, на это стоит посмотреть. Но сначала я должен тщательно осмотреть тебя, ммм? — Андре повернулся к нему, рассеянно поглаживая свою заплетенную бороду. Его серые глаза стали бесстрастными, словно повелитель плоти видел перед собой не волшебника, а нечто другое. Он потянул шелковые складки балахона Натана. — Раздевайся, что бы я мог взглянуть.

Натан почувствовал себя неловко.

— Хочешь, чтобы я стоял здесь голым, а ты трогал меня и щупал?

— Ну да.

Прошлым вечером аристократы Ильдакара говорили о бурных, многолюдных вечерах удовольствий, где, несомненно, было столько обнаженных тел, что этого зрелища хватило бы на всю жизнь.

— Тебе же нужна моя помощь? — Андре поднял брови.

Удивившись своей скромности, Натан все же отбросил смущение. Он был высоким, статным и хорошо сложенным, ему нечего стыдиться. Андре потянул за пояс, которым был прихвачен позаимствованный балахон волшебника. Натан передернул плечами, позволив зеленому одеянию соскользнуть с его плеч на пол, и перешагнул через ткань. Хотя в помещении было жарко и душно, пророк ощутил, как по его бокам забежали мурашки.

— Исподнее тоже? — спросил он, уже зная ответ.

Андре фыркнул.

— Ты же хочешь вернуть магию во все тело, не так ли?

Натан со вздохом подчинился. Он нагой стоял перед неестественно нетерпеливым повелителем плоти.

Андре обошел вокруг, изучая подтянутую фигуру старого волшебника. Он что-то мычал себе под нос, иногда вопросительно, иногда одобрительно. Натан хорошо сохранился, проведя тысячу лет во Дворце Пророков, а когда покинул дворец, стал делать упражнения, поддерживая и развивая свою физическую форму. Женщины никогда в нем не разочаровывались.

Но Андре выказал нездоровый исследовательский интерес к его телу. Стоя позади Натана, повелитель плоти провел ладонью по спине своего пациента сначала от лопатки к лопатке, а затем по выступающим позвонкам. От слишком длительного прикосновения на его щеках вспыхнул румянец, но он заставил себя стоять неподвижно.

Андре обошел вокруг Натана и встал перед ним, хмыкая себе под нос. Он дотронулся пальцем до лба Натана и провел им сначала по одной щеке, потому по другой, повторяя овал лица.

— Я ощущаю в тебе линии хань, которые похожи на шрамы. Но они исчезают... как шрамы со временем.

— Я не хочу, чтобы мой дар исчез, — сказал Натан.

— Это мы и пытаемся исправить, ммм? Возможно, нам придется поискать дар в другом месте и привить его тебе, снова собрать тебя, начиная из самой сути... Похожим образом я собрал особей для боевой арены, и весьма успешно. — Он так широко ухмыльнулся, что Натан разглядел все его не очень ровные зубы. — Главный укротитель Айвен говорит, что мои творения делают наши представления на арене самыми захватывающими в истории Ильдакара. Я помогаю создавать новых боевых тварей именно для этой цели.

— Боевых тварей? — Натан подумал об ужасном монстре, с которым они столкнулись в дубовой роще. — Кажется, мы встретились с одним из твоих чудищ. Он был похоже на медведя.

Андре кивнул.

— Хмм, несколько наших боевых медведей вырвались на свободу. Их очень трудно убить, они гораздо опаснее обычного медведя.

— Мы его убили, — сказал Натан, — но это было непросто.

— Ах, как печально. Я так упорно над ними трудился. — Повелитель плоти пожал костлявыми плечами. Он наклонился и прикоснулся к груди Натана, а затем проследил какую-то невидимую линию, ведущую к животу. — Но мои творения созданы для того, чтобы сражаться, убивать... и умирать. Полагаю, медведь послужил своей цели. — Сильно надавливая, он провел от живота Натана до его левого бедра. Старик вздрогнул и напрягся.

Внезапно с внутреннего двора за арочным холлом послышались грубые мужские голоса:

— Повелитель плоти! У нас для вас новый материал. Воины Адессы чуть не поубивали друг друга в учебном поединке. Мы

решили, что вы можете их спасти... или использовать в своих целях.

Андре отвлекся от обнаженного тела Натана.

— Одевайся — я увидел все, что нужно. Пойдем посмотрим, что за диковинку нам привезли. — Повелитель плоти устремился прочь, оставив Натана торопливо надевать зеленый балахон и восстанавливать самообладание.

Покинув лабораторию с синим потолком, они устремились на яркий солнечный свет. В конце посыпанной щебнем дорожки стояла деревянная телега с запряженным в нее понурым яксом. Через борт свешивалась окровавленная человеческая рука. Андре нетерпеливо заглянул в телегу, и догнавший его Натан тоже посмотрел на тела двух мускулистых мужчин, одетых только в набедренные повязки; их кожу покрывала паутина старых шрамов, а также свежие открытые раны, из которых сочилась кровь. Оба были смертельно ранены и едва цеплялись за жизнь. Один мужчина был побрит налысо. На его черепе был бледный участок неровной кожи — след от давно зажившей раны. Кровь вытекала из его шеи, в которую почти до самого позвоночника был воткнут клинок.

— Ему почти отрубили голову, — сказал один из мужчин возле телеги. — Затупленным мечом! Предполагалось, что этот бой будет тренировочным.

У второго рабочего были иссиня-черные бакенбарды, которые топорщились как проволока. Он вдруг взволнованно усмехнулся.

— Адесса приказывает им сражаться так, будто на кону стоит их жизнь... иногда я думаю, что эти воины хотят умереть.

— Они живут только для того, чтобы сражаться и умирать, — пренебрежительно сказал Андре. — Посмотрим, что мы можем сделать из этих двоих.

Натану было не по себе от стонов и тяжелого дыхания умирающих. Они оба истекали кровью от глубоких ран на груди и

боках, нанесенных мечом; они почти изрубили друг друга на куски. Нога лысого воина была искалечена, а правая рука отрублена по самый локоть.

— Отнесите их в студию, и побыстрее. — Дрожащий голос Андре был полон воодушевления. Он улыбнулся Натану. — Прошу прощения, но сегодня я буду занят с этими двумя. — Он поспешил к двоим рабочим, которые вытащили умирающих от ран воинов из телеги и понесли в особняк через ухоженный сад Андре. Повелитель плоти провел их в главное помещение с темно-синей тканью на потолке.

— Кладите их на два соседних свободных стола, ммм? Я хочу, чтобы эти образчики были рядом друг с другом.

Рабочие последовали указаниям, не мешкая и не проявляя отвращения. Как только они взвалили пострадавших на столы, Андре погнал их прочь.

— Передайте Адессе мою благодарность и сообщите главному укротителю Айвену, что у меня может быть кое-что интересное для представления.

Двое перемазанных в крови рабочих были так рады убраться, что даже не стали дожидаться оплаты. Натан тоже хотел уйти, но чувствовал, что обязан остаться, хотя и не знал, чем может помочь. Он стоял в стороне, чтобы не мешать и не испачкаться в чужой крови, но все же до него доносились их мучительные стоны.

Андре обошел столы, собирая инструменты, специальные сосуды, порошки, колбы с яркими жидкостями и пакетики с сушеными травами. Натан заметил, что по периметру каждого стола выгравированы еле заметные загадочные рисунки заклинаний. Лабиринты линий были предназначены для поддержания жизненной силы пациента, пока повелитель плоти выполняет свою работу.

Андре посмотрел на Натана, как на коллегу.

— Это два довольно известных воина из боевых ям. Они тренировались долгие годы и очень сильны. Отличные экземпляры.

— Кажется, они умирают, — сказал Натан. — Я видел столько умирающих, что уже всех и не помню.

— Может, они и умирают, но мы можем их использовать. — Андре был не на шутку взволнован. — Времени не так много. Этот почти мертв. — Он указал на глубокую рану на шее, из которой с бульканьем вытекала кровь. — Рука отрублена, нога повреждена... уцелевшая часть его тела бесполезна. Но голова, кажется, цела. Второго можно исцелить... но, вероятно, ему пойдет на пользу хань первого. Двое вместе. Они выживут и станут бóльшим, чем совокупность их частей. — Он чуть не пританцовывал от ликования. — Я никогда такого не делал. Пересадка головы одного человека на плечи другого. Интересно, какой мозг будет главенствующим? Ммм?

Натан был в ужасе.

— Ты действительно хочешь пересадить голову второго на плечи первого?

— Почему нет? Повеление плотью вполне на это способно. Мне придется разделить и передвинуть позвонки, чтобы создать опору для их шей. — Он заговорил быстрее, словно главный повар, планирующий грандиозный пир. — Я вытяну нервные окончания и присоединю к мозгу второй головы. Подключить кровеносные сосуды и срастить плоть будет так же просто, как для скульптора лепить из глины.

— Добрые духи, — пробормотал Натан, — не знаю, что и сказать. Зачем тебе это делать?

Андре моргнул, словно услышал глупый вопрос.

— Потому что могу. Потому что это интересно.

Натан уже не был так уверен, что этот человек сможет решить его проблему. Он сомневался, хочет ли, чтобы повелитель плоти переделал его плоть, разум и хань.

Андре казался нетерпеливым.

— Без своего дара ты не сможешь ассистировать мне в операции, Натан. На самом деле твоя утрата магии может ослабить и мои способности. Я бы предпочел, чтобы ты покинул студию. Позволь мне поразмыслить, как вернуть твой дар, но я уже увидел достаточно, чтобы принять решение. Я знаю, что с тобой не так.

Натан уже собрался уходить, но последняя фраза заставила его остановиться.

— Ты знаешь, почему я утратил свою магию?

— Дар неотъемлем от тебя, но ты потерял сердце волшебника. Тебе нужно вернуть его обратно. Искра в тебе изменилась с перемещением звезд, но это можно исправить.

— Как? — спросил Натан.

Два умирающих воина стонали и кашляли на столах, истекая кровью в очерченные заклинаниями чаши. Тот, у которого была тяжелая рана на шее, зловеще затах.

— Твое сердце нужно заменить сердцем могущественного одаренного, и тогда твой хань станет цельным. Ты снова станешь великим волшебником, которым всегда хотел быть. — Повелитель плоти склонился над двумя окровавленными телами, больше не интересуясь Натаном. — Но сегодня я ничего не могу для тебя сделать. Позволь мне заняться работой, пока еще есть время, а эти две несчастные души не превратились в бесполезные куски плоти.

Натан, преисполненный досадой и отвращением, поспешил прочь из обители Андре.

Глава 16

Аббатиса сестер Света, прибыв в Танимуру, увидела, что город сильно изменился, но не столь глобально, как остальной

мир. Верне трудно было это принять, но она старалась оставаться сильной, потому что от нее зависели сестры.

Когда лорд Рал одержал победу над императором Сулаканом и отправил машину предсказаний Регулу в подземный мир, которому она и принадлежала, все пророчества исчезли. Звезды переместились, и магия во всем мире изменилась. Ричард Рал считал, что это к лучшему.

Но орден сестер Света внезапно превратился в корабль без штурвала, паруса которого изорвал бушующий шторм изменившейся действительности. Они посвятили несчетные столетия и жизни изучению и толкованию пророчеств, но теперь все эти усилия оказались напрасными. Возвращение в Танимуру было горьким напоминанием о том, насколько все переменялось.

Верна пришла на юг с отрядом солдат д'харианской армии, которым лорд Рал поручил укрепить империю. Она часто путешествовала по своим нуждам, иногда в сопровождении сестер, если предстоял долгий путь, а иной раз скрытно. На этот раз аббатису сопровождал настоящий военный эскорт, и она ехала на прекрасном скакуне. Во время ее первого путешествия с Ричардом, когда она забрала его на обучение во Дворец Пророков, он научил ее заботиться о лошади.

Но даже верхом путешествие из столицы Д'Харианской империи заняло больше десяти дней. Солдаты — особенно энергичный молодой капитан по имени Норкросс — всячески заботились о комфорте аббатисы, хотя она привыкла довольствоваться малым. Норкросс следил, чтобы ее палатку ставили должным образом, чтобы постель была мягкой и сухой и чтобы Верна первой получала порцию из походной кухни. За несколько дней путешествия Верна поняла, что рвение капитана отчасти обусловлено тем, что его младшая сестра Эмбер недавно стала послушницей сестер Света. Хотя Верна была аббатисой ордена, она мало знала об этой девушке. За последние годы произошло так много потрясений...

Она ехала на черной кобыле рядом с капитаном Норкроссом. Преодолев подъем, они начали спускаться по укатанной дороге к окрестностям Танимуры, и она увидела раскинувшийся на берегу город, зелено-голубой полумесяц гавани и многочисленные корабли, рассекающие морские просторы.

Она уже не в первый раз возвращалась в Танимуру. Когда она искала Ричарда, то провела двадцать лет вдали от Дворца Пророков и его препятствующих старению чар, вплетенных в структуру дворца. В итоге она нашла Ричарда и убедила — на самом деле, вынудила — отправиться во дворец, где сестры обучат его обращаться с даром.

Это дало толчок столь многим масштабным событиям... ради исполнения пророчества. Но теперь пророчеств не существовало.

— Прекрасный вид, аббатиса, — сказал Норкросс. — Я вырос в окрестностях Эйдиндрила и никогда не видел океана. Как корабли не теряются в этой водной пустыне?

— Капитаны обладают особой магией, — сказала Верна, — которую некоторые называют навигацией. Но вам ведь и не нужно отправляться в дальнее плавание, капитан?

— Да, мы здесь, чтобы основать гарнизон. Генерал Зиммер уже занял несколько крупных зданий на береговой линии и сейчас укрепляет их, чтобы там могли разместить пятьсот или даже тысячу новоприбывших солдат. И это только начало. — Рыжеволосый капитан улыбнулся, и она заметила, что кривоватый левый клык придает мужчине плутоватый вид. — Теперь, когда Имперский Орден побежден, мы обоснуем гарнизоны вдоль побережья и по всему Древнему миру.

Верна поджала губы.

— Это лучший способ проследить, что новые тираны не обретут власть.

Вдоль дороги попадались сосны, но многие холмы были вырублены — деревья пошли на дрова и строительные материалы. Они ехали вперед по жаре. Верне хотелось отдохнуть в

тени и перекусить, но еще сильнее ее тянуло в Танимуру, домой...

Они ехали по изрезанной колесами дороге, когда она услышала неровный грохот лошадиных копыт, и их обогнала колонна из сотни д'харианских солдат.

На окраине города они увидели загоны для овец и коз, большие приусадебные участки, сады со старыми яблонями и грушами. Ближе к городу дома располагались теснее. Одни жилища были неухоженными и ветхими, а в других явно жили семьи, которые считали, что даже хижина должна быть чистой и отремонтированной, поскольку это их дом. Люди выходили посмотреть на солдат под знаменами Д'Хары. Капитан Норкросс поднял руку в кольчужной перчатке и помахал им.

Верна с прямой спиной сидела на черной кобыле, глядя на улыбающихся людей и чувствуя себя неуютно. Ее карие глаза по-прежнему блестели, хотя во взгляде начал отражаться возраст; волнистые волосы еще оставались каштановыми, хоть и с редкими седыми прядями. Она обнаружила это, когда разглядывала себя в зеркале. Годы давили на нее не только из-за времени, но и из-за немалой ответственности.

Она знала минимум о десяти сестрах, прибывших в Танимуру раньше нее и надевавшихся вернуться во Дворец Пророков. Сердце аббатисы Верны тоже стремилось туда, но, когда она посмотрела за линию берега на плоский бурый остров Халзбанд, ее сердце наполнилось болью.

На острове, к которому вел мост через реку Керн, когда-то стоял поистине колоссальный дворец — древнее строение, способное посоперничать в размерах с Замок Волшебника или Дворцом Исповедниц в Эйдиндриле. Но дворец сровнялся с землей, когда Ричард разрушил его, задействовав встроенную магическую сеть. Эта катастрофа уничтожила препятствующие старению чары, защитные сети, бесчисленные залы и коридоры, башни, библиотеки, хранилища под ним. Дворец Пророков просто рассыпался. Ричард сделал это, чтобы спасти

от Джеганя хранящиеся там бесценные знания. Злой сноходец мог использовать их, чтобы сокрушить мир.

В той неразберихе пророк Натан каким-то образом смог сбежать, освободившись от железного Рада-Хань на шее, и сымитировать собственную смерть. Он ускользнул от предшественницы Верны, аббатисы Энн. Верна не хотела такой ответственности и предпочла бы вернуть ее Энн.

— Остров выглядит таким пустым, — сказала она. — Кто-нибудь исследовал руины дворца?

— Лучше спросите генерала Зиммера, — ответил Норкросс. — Я там не был, но слышал, что там даже руин не осталось. — Его улыбка превратилась в гримасу. — Там нет... ничего.

Копыта их лошадей цокали по брусчатке улиц Танимуры. На площадях, мимо которых они проезжали, дети взбирались на стены зданий и вешали знамена Д'Хары. Маленькие собаки лаяли на длинный строй солдат из укрытия переулков, но д'харянские лошади были вышколены не хуже своих всадников, поэтому даже не вздрагивали.

Норкросс продолжал махать рукой, крича людям:

— Мы приехали передать поздравления и добрые пожелания от лорда Рала.

— Лорд Рал, лорд Рал! — скандировали люди на улицах, махая руками.

Верна знала, что здесь, на юге, люди столкнулись с гнетом Имперского Ордена и приветствовали победу Ричарда. Но их не затронула недавняя война с бездушными полулюдьми во главе с Ханнисом Арком и императором Сулаканом.

Когда они, наконец, добрались до набережной, Верна вдохнула соленый воздух и улыбнулась, глядя на оживленную гавань. Возле причалов поскрипывали двухмачтовые и трехмачтовые корабли. Торговцы рыбой, продавцы ракушек и разнообразных экзотических предметов соперничали за внимание прохожих. Разукрашенные женщины в полупрозрачных наря-

дах высывались из окон борделей и флиртовали с солдатами. Они были уверены, что скоро их дела пойдут в гору.

Верна заметила штаб гарнизона, построенный на месте нескольких складов на причале. Штаб был огорожен частоколом из свежетесанной древесины. Капитан Норкросс сообщил, что теперь у солдат есть новые просторные казармы в гарнизоне, но многие постоянные дворы и большие склады тоже готовы вместить возросший воинский состав. Длинная конная колонна еще двигалась по набережной, но часовые на стенах гарнизона уже затрубили в рог, созывая солдат на построение. Ворота в частоколе распахнулись, и навстречу колонне вышли солдаты в доспехах.

Лошади легким галопом проскакали в гарнизонный двор, а солдаты выстроились по сторонам, приветствуя их. Капитан Норкросс соскочил со своего серого в яблоках коня и принял поводья черной кобылы Верны.

— Я помогу вам спешиться, аббатиса. Генерал Зиммер захочет увидеть вас прямо сейчас.

— Вы переоцениваете мое влияние. Я всего лишь гостя, — сказала она. — Его больше должно волновать, как разместить в гарнизоне ваших людей.

— Добрые духи, аббатиса, иногда вы говорите удивительные вещи! — рассмеялся Норкросс. — Разве вы не понимаете, как важны?

Верна прикусила язык, думая о том, что принципы ее ордена превратились в песок с исчезновением пророчества. Дворец Пророков превратился в воспоминания и кучу камней.

— Теперь я не так важна, как вам кажется.

Еще одна игла вонзилась в ее сердце, когда она подумала об Уоррене, который сначала был ее учеником, а затем любимым мужем. Его смерть стала для нее ударом. Иногда она думала, что участь вдовы гораздо труднее, чем пост аббатисы сестер Света.

Когда Ричард спустился в подземный мир, пойманный в ловушку на сумеречной грани смерти, он поговорил с духом Уоррена и передал Верне весточку, которая была ей дороже любого пророчества. Но это было только ее сообщение, и она хранила его в своем сердце, завернув в полотна памяти. Сейчас она была одинока, но у нее было много работы. Она вернулась в Танимуру, и у нее были определенные обязанности.

Среди собравшихся во дворе солдат она заметила платья — красные, зеленые, голубые. Это были сестры Света, которые прибыли раньше нее. Одна послушница казалась совсем девочкой, слишком юной, чтобы иметь какие-либо обязанности или обучаться у сестер.

— Эмбер! — кричал Норкросс и со смехом поспешил вперед.

Темно-русые локоны обрамляли лицо Эмбер и ниспадали ей на плечи. Ее темно-синие глаза блестели и искрились от смеха, как и ее голос.

— Ты явно наслаждался неспешным путешествием, братец. Я чуть не оставила тебя, чтобы найти другого мужчину, который будет обо мне заботиться.

— На тебе будет счастлив жениться кто угодно, Эмбер, — сказал он. — Но ты еще слишком маленькая.

— Я сестра Света и горжусь этим, — ответила девочка, а потом вдруг заметила, что на нее смотрит Верна. Она побледнела и залепетала: — Простите, аббатиса. Мне не следовало вести себя столь легкомысленно в вашем присутствии.

Верна по-матерински взглянула на нее:

— Дитя, сестры не настолько угрюмые и занятые наукой, чтобы избегать счастья. Наслаждайся воссоединением с братом. — Она понизила голос, говоря скорее с собой, чем с молодой послушницей. — Добрые духи, мы пережили достаточно боли. Мы должны дорожить теми радостями, что нам выпадают.

— Аббатиса Верна! — прогудел чей-то бас. — Я рад, что вы охраняли моих солдат на пути сюда.

Повернувшись, Верна увидела генерала Зиммера, молодого мужчину, с которым она познакомилась, когда он был гораздо ниже рангом. Сейчас ему было всего тридцать лет, но из-за больших потерь среди командования в последней войне Зиммер неожиданно вырос в звании — намного выше собственных ожиданий. Его сердце и разум были сильны, и он принимал на себя долг всякий раз, когда гиб один из вышестоящих офицеров, оставляя ему свою должность. У Зиммера были темные волосы и толстая шея, но когда он улыбался, то выглядел гораздо моложе своих лет.

Устремившись вперед, он предложил ей руку и повел в свой кабинет в двухэтажном штабе, окруженном стеной. Здание было построено из свежесрубленных сосновых бревен, ошкуренных и подогнанных друг к другу. Они все еще распространяли запах леса, напоминавший ей о весне. Рабочие на крыше приколачивали деревянную обрешетку кровли. Внутри огороженной забором территории рядом с тренировочной площадкой расположились ряды брезентовых палаток, в которых солдаты жили, пока строились деревянные бараки. Шум от пил и молотков был таким же громким, как и выкрики солдат, занимавшихся учебными построениями.

Зиммер привел ее в кабинет на верхнем этаже. Через открытые большие окна внутрь залетал морской бриз. Сырые половицы заскрипели под их ногами, и Верна присела на предложенный деревянный стул перед столом генерала.

— Я распорядился приготовить чай, как только заметил ваше приближение, аббатиса, — сказал генерал. — Он поможет взбодриться и настроиться на разговор. — Он почесал щеку, на которой уже пробивалась щетина, хотя полдень едва миновал. Зиммер крикнул своему адъютанту, и тот поспешил в кабинет, неся дымящийся горшок, две фарфоровые чашки и не-

большую банку меда. — Думаю, после долгой дороги вас порадует это маленькое удовольствие.

— Меня не нужно баловать, генерал, — сказала Верна, хотя и была очень благодарна за чай.

— А кто мне запретит? — Он наполнил чашку сначала Верне, затем себе, и щедро положил меда. — Иногда такие мелкие блага цивилизации напоминают нам, за что мы сражаемся.

Она улыбнулась и сделала глоток.

— Тогда выпьем чаю с медом — за Д'Хару!

— За Д'Хару! — Хотя он стал служить в очень молодом возрасте, Зиммер уже приобрел манеры бывалого военного. Он сразу перешел к делу. — Вы принесли вести из Народного дворца? Люди спрашивают, собирается ли лорд Рал посетить Танимуру.

— Я ничего не знаю о планах лорда Рала. Ему нужно управлять империей, и, я уверена, у него много неотложных дел.

Генерал задумался.

— Однажды он сказал мне, что Д'Харианская империя охватывает весь мир, но откуда нам знать, насколько он огромен? Откуда ему знать? Хотя мое путешествие в Танимуру прошло без происшествий и этот гарнизон безопасен, я видел карты с прибрежными городами и даже краткие отчеты о дальних территориях Древнего мира — о городах, Призрачном берегу и островах. Может, пока что мы видим лишь одну песчинку на огромном пляже.

Верна кивнула:

— Возможно, так и есть, генерал. Найдутся исследователи, найдутся послы. Мы узнаем этот мир и удостоверимся, что золотая эпоха лорда Рала коснется всех.

Зиммер улыбнулся, будто только и ждал этих слов.

— Кстати говоря, аббатиса, у меня есть новость, которая может вас заинтересовать. Натан Рал, волшебник и пророк, был в Танимуре несколько месяцев назад.

Натан? Верна удивилась.

— Он больше не пророк. Пророчества больше не существуют.

Зиммер ничуть не обиделся на поправку.

— Пусть так, но этому человеку нравятся его титулы. Он был с Никки. Они уплыли из Танимуры на трехмачтовом галеоне, «Бегущем по волнам».

Верна всегда поражалась, слыша о бывшей сестре Тьмы и том, как она изменилась. Никки провела бок о бок с Верной во Дворце Пророков много лет, но тайно служила Владетелю. Колдунья многое сделала для уничтожения ордена, как и Ричард Рал. Она изменилась. Никки, когда-то называвшаяся Госпожой Смерть, теперь была одним из самых верных союзников Ричарда.

Губы Верны изогнулись в рассеянной улыбке.

— Я знала, что лорд Рал отправил их вместе, но удивлена, что Никки осталась с Натаном. Вот уж не думала, что они станут хорошими попутчиками.

— Солдаты выполняют свой долг, — сказал Зиммер. — Натан и Никки не солдаты, но у них общая цель — помочь делу лорда Рала.

— Когда они уплыли и куда направились? — спросила Верна.

— На юг. С тех пор от «Бегущего по волнам» не было вестей. Видимо, они отправились исследовать земли, о которых мы ничего не знаем, встречаться с местными правителями и рассказывать им о лорде Рале. Возможно, они заключают договоры или соглашения. У них много работы.

Он снова наполнил чашки чаем. Верна добавила немного меда, перемешала и сделала глоток. Чай был удивительно хорош для сурового военного гарнизона.

Лицо Зиммера потемнело.

— Хотя Джегань побежден, а Имперского Ордена больше нет, многие земли не исследованы и неподконтрольны нам. Судя по всему, Древний мир — благодатная почва для тиранов.

Верна обхватила пальцами чашку, чувствуя ее тепло и наслаждалась ощущением безопасности. Она сидела напротив отважного солдата, вдыхала запах свежей сосны и смотрела на яркий солнечный свет в окне.

— Даже если там дюжина новых тиранов, я все равно ставлю на Никки, — сказала она.

Глава 17

На следующий день Никки вернулась в башню властителей, где проводилось совещание палаты волшебников. Властительница Тора и главнокомандующий волшебник Максим заняли свои изысканно украшенные троны на платформе, выступающей из голубого мрамора пола. Тора нарядилась в переливающееся оранжевым и алым цветами платье, которое льнуло к ее стройному телу и подчеркивало потрясающие глаза цвета морской волны. Ее длинные волосы были уложены уже в другую причудливую прическу из локонов и косичек, удерживаемых на месте драгоценными заколками. Она, казалось, излучала силу, подкрепленную ее собственной уверенностью.

Поскольку не было неотложных дел, только несколько членов палаты соизволили принять участие в собрании — Эльза, Ренн и Квентин. Чуть позже из ям арены пришел мускулистый Айвен. Смуглый главный укротитель был потным и пребывал в скверном настроении. Он прошел по залу, что-то ворча, но другие советники не обратили на него внимания: по видимому, Айвен нередко так себя вел.

— Сегодня пришлось убить еще двух непослушных животных — песчаную пуму и пятнистого кабана. Своим даром я обычно могу их подчинить, заставить покориться, даже если приходится сломать парочку костей или вскрыть несколько кровеносных сосудов. Но эти два зверя продолжали набрасываться на меня. Мне понадобилась помощь подмастерья Дорбо, чтобы добиться послушания. — Он скривил свои толстые губы, будто собирался плюнуть. — Они оказались пустой тратой времени и сил. — Подойдя к своему месту за мраморным столом, он оглядел зал. — Где Андре, создатель этих существ?

— Возможно, создает тебе новые трудности, главный укротитель, — явно забавляясь, сказал Максим, откинувшись на спинку кресла.

— У меня уже и так хватает треклятых проблем. — Он тяжело опустился в свое кресло.

Никки пригласили понаблюдать, но не вмешиваться. Она стояла в обзорной беседке, из высоких окон которой открывался вид на город, и хранила молчание. Никки сощурила голубые глаза и внимательно следила за взаимоотношениями между членами палаты. Насколько она могла судить, правящему совету Ильдакара недоставало сострадания к остальному городу. Она не могла себе представить, как они поддерживали жизнедеятельность Ильдакара, когда он был укрыт защитным саваном в течение пятнадцати веков.

Если принять во внимание зеркальца, вставленные в стены переулка, то можно догадаться, что под этой мнимой утопией называют скрытые волнения.

На Никки накатили недоверие и неприязнь, но она напомнила себе, что она и ее спутники здесь лишь гости и ее основная миссия — распространение известий о Д'Харианской империи. Пока что она вела себя осторожно, но настроена была серьезно. Эти люди обращали на нее мало внимания — они не знали, кто она на самом деле.

Натан также присоединился к заседанию совета, но оставался непривычно спокойным. Он выглядел расстроенным после вчерашней встречи с повелителем плоти Андре. Молчание обычно словоохотливого бывшего пророка встревожило Никки. Она не станет открыто предлагать свою помощь, но будет готова оказать содействие, как только увидит такую возможность. Натан верил, что нуждается в помощи этих волшебников, но, возможно, он тоже заметил разногласия в их обществе.

В зале появился Бэннон. Вместо свободного наряда с банкета на нем были добротные холщовые штаны, вычищенные и залатанные, а также потрепанные дорожные сапоги. Но все же он надел шелковую коричневую ильдакарскую рубашку с пышными рукавами, сужающимися к манжетам. Как всегда, у бедра юноши покоился в ножнах Крепыш. Натан тоже не расстался с изысканным мечом. Палату волшебников ничуть не смущало, что их гости носят смертоносные клинки, и это подсказало Никки, насколько советники уверены в своей магии.

Когда рыжеволосый юноша вошел в зал властителей, волшебники неодобрительно взглянули на него. Тора нахмурилась, не скрывая своего недовольства от присутствия неодавленного.

— Тебе нечем заняться с нашим сыном и его друзьями?

Бэннон — Никки была уверена, что намеренно, — проигнорировал настроение Торы и пожал плечами.

— Мне нравится компания Амоса и остальных, но я предпочитаю проводить время с моими друзьями — Никки и Натаном. Мы вместе проделали долгий путь, чтобы отыскать ваш город.

— И ты можешь посидеть с нами, мой мальчик. — Натан указал на скамейку рядом с собой, а затем вышел из обзорной беседки и прочистил горло, будто Тора своим замечанием пригласила всех к открытой дискуссии.

— Повелитель плоти Андре неустанно трудится над каким-то новым масштабным проектом, который занял все его вни-

мание. Я уверен, он приносит свои извинения за свое отсутствие на сегодняшнем собрании палаты волшебников.

— Он редко посещает заседания палаты, — сказал Максим с ноткой сарказма. — Мы будем вынуждены обойтись без его славной компании.

— Какая жалость. — В тоне властительницы Торы звучал тот же сарказм.

— Он создает что-то особенное для арены, — сказал Айвен, счищая пятно со своей безрукавки из шкуры пумы. Его широкий рот расплылся в ухмылке. — Я предоставил ему сколько угодно времени, но он сказал, что скоро все будет готово.

Никки бросила на своего компаньона вопросительный взгляд, но Натан отвернулся, повысил голос и продолжил разговор с советниками палаты.

— До того как погрузиться в работу, Андре успел определить причину моей проблемы. По всей видимости, из-за фундаментальных изменений после перемещения звезд я потерял... сердце волшебника. Повелитель плоти размышляет, как исправить это. У него есть некоторые идеи, но четких ответов пока нет.

— По крайней мере, это означает, что ваша болезнь не заразна, — со вздохом сказал Ренн. — Когда он сможет вас излечить?

— Сначала он закончит мой проект, — вставил Айвен, потирая красный рубец на бицепсе, словно не помнил, как получил ранение.

— Он явно заинтересован этим проектом и, кажется, всецело на нем сосредоточен, — несколько смутившись, согласился Натан.

— Надеюсь, это не отнимет у него слишком много времени, — сказал главнокомандующий волшебник. — Должно быть, больно жить с таким бессилием, Натан... ведь вы неспособны сотворить даже самые незначительные чары.

Натан покраснел:

— Я бы не стал использовать слово «бессилие».

— Пока вы не сможете продемонстрировать магию, ваше положение остается неопределенным, — скривившись, сказала Тора. — Пока что мы оказываем вам честь, называя своим гостем, но если вы намереваетесь остаться в Ильдакаре навсегда, то должны избавиться от своего недостатка.

Вены Никки ожгло огнем. Уже второй раз они упоминали о такой возможности.

— Мы не собираемся оставаться здесь навечно.

— У вас не останется выбора, если вы окажетесь внутри стен, когда мы поднимем саван, — сказала Тора.

— Тогда мы пока не можем позволить вам восстановить саван. — Голос Никки прозвучал сурово, и властительницу удивил такой вызов. — Мы еще не закончили здесь.

Ричард совершенно недвусмысленно направил ее на поиски тирании и притеснений. Ей, возможно, придется перекроить всю правящую структуру города, если она со всей душой отнесется к этой миссии. Стоит ли Ильдакар таких усилий? Хотя властительница и главнокомандующий волшебник не стремились, подобно Джеганю, покорить мир, они все же представляли угрозу свободе.

— Сомневаюсь, что вы захотите оставить меня в этой ловушке.

Прежде чем Тора смогла возразить, у входа в башню слышались громкие шаги и резкие выкрики. Шаги поднимались по каскаду ступеней, отстукивая быструю дробь, минуя пролет за пролетом, и вскоре в просторную палату властителей вошла группа людей.

Никки, Натан и Бэннон обернулись и увидели трех грозных женщин, которые вели неряшливого юношу в грубой тунике и штанах раба. Он был бос и измазан не то грязью, не то экскрементами. Его непослушная копна волос выглядела так, будто он стригся заточенной ложкой. Карие глаза вызывающе метались из стороны в сторону. Свежие синяки проступали сквозь

грязь, размазанную по щекам. Никки с удивлением узнала молодого погонщика яксенов, который вызвал негодование у верховного капитана Эйвери в день их прибытия.

Но ее внимание, как магнит, притягивали три поджарые женщины, сопровождавшие пленника. Хорошо сложенные воительницы состояли из одних мускулов, будто повелитель плоти создал их из металлических стержней и мотков проволоки, а затем покрыл получившийся каркас женственной плотью. Каждая из троицы была одета в две узкие полосы из черной кожи: одна вокруг бедер, вторая вокруг груди. Ноги, руки и верхняя часть живота женщин оставались открытыми. Обуты они были в окованные металлом сандалии с черной кожаной шнуровкой, идущей по всей длине голени.

Их обнаженная кожа была холстом, разрисованным не татуировками, а настоящими клеймами с тайными символами Ильдакара, которые превращали женщин в ходячие книги заклинаний. Подобные символы Никки видела на шкурах Мрра и ужасного боевого медведя, которого они убили.

Несмотря на их шрамы, эти едва одетые женщины-воительницы были невероятно красивы. Они излучали силу и опасную чувственность. Волосы их были коротко обрезаны — возможно, для защиты от врагов, хватающих за локоны.

Тора подалась вперед в своем высоком кресле:

— Кого ты притащила, Адесса? Он похож на грязного раба, а не на одного из ваших обученных воинов.

— Для воина слишком тощий, — пробормотал главный укротитель Айвен. — Но он мог бы пойти на корм для моих голодных зверей.

Самая старшая и мускулистая из трех женщин вышла вперед. Ее короткие черные волосы были усыпаны сединой, а темные глаза сверкали, как у ворона. При других обстоятельствах она могла бы быть красивой. Адесса доложила с военной краткостью:

— Он не один из моих бойцов и не новобранец из клеток, а просто грязный погонщик яксенов. Мои Морасит поймали его. Он поддерживает повстанцев.

Две другие облаченные в черное женщины, держа сопротивляющегося пленника за руки, потащили его по полированному голубому мрамору к помосту. Запястья мальчишки были связаны спереди.

Натан, глядя подбородок двумя пальцами, повернулся к Никки:

— «Морасит»? Это слово похоже на «Морд-Сит». Они, очевидно, сильные и опасные женщины, и у них даже есть склонность облачаться в кожу, хотя она едва ли может служить в качестве доспехов.

Никки рассматривала женщин.

— Возможно, названия произошли от одного слова из древних времен. — Эти Морасит, воины-наставницы, действительно напомнили ей Морд-Сит, невосприимчивых к магии женщин, которые носили кожу и клялись защищать лорда Рала ценой своей жизни. — Я не знаю происхождения Морд-Сит в самой Д'Харе, а эти, возможно, могли стать ответвлением тысячи лет назад, отделившись еще во времена Великой войны. Ильдакар был запечатан на многие века. Эти женщины могли развиваться самостоятельно, придерживаясь своего пути. В чем-то они похожи на Морд-Сит, но, полагаю, различий будет много.

Бэннон не мог отвести взгляда от воительниц.

Айвен крикнул со своего места за мраморным столом:

— Если он непокорный раб, почему бы нам не посадить его в тренировочные ямы? Избавимся от него.

— Раб, которого невозможно контролировать, бесполезен для Ильдакара, — согласилась Тора.

— Я не непокорный, — вызывающе крикнул молодой человек. — Я борюсь за свободу!

Адесса искоса взглянула на главного укротителя, но сосредоточила свое внимание на властительнице.

— Мы схватили его возле клеток с животными, рядом с загонами арены. Он явно намеревался освободить зверей, чтобы создать хаос среди добропорядочных горожан, — как это уже делали повстанцы.

— Животных нужно натаскать на кровь аристократов! — Раб безуспешно пытался высвободиться из хватки двух Морасит.

— Увы, зверям придется довольствоваться горьким мясом рабов, — сказала Тора. — Клыки и когти освободят тебя.

— Я уже свободен, — настаивал погонщик яксенов. — Зерцалоликий освободил меня, и он освободит всех нас.

Среди советников прокатился ропот. Эльза выглядела глубоко обеспокоенной, а Ренн, Деймон и Квентин тихо переговаривались.

— Почему они называют его Зерцалоликим? — спросил Натан. — Необычное имя.

— Потому что он прикрывает лицо маской, сделанной из зеркала, — ответил Квентин. — Это же очевидно.

— Это не отвечает на вопрос «почему», — сказала Никки.

— Говорят, его лицо было жутко изуродовано повелителем плоти, — пояснил Максим. — Его облик настолько чудовищен, что люди предпочитают смотреть на отражение своих лиц.

— Возможно, он хочет отразить окружающее его уродство, — предположила Никки, заслужив раздраженный взгляд Торы. Максим усмехнулся:

— Или ему просто нравится, что люди рассказывают о нем истории. Он кажется более загадочным и могущественным, чем есть на самом деле. — Он скрестил ноги, облаченные в шелковые черные штаны. — Какова бы ни была причина, я не стал бы относиться к его мелочным выходкам всерьез. Это придаст Зерцалоликому слишком много уважения.

— Вы слышали его претензии? — спросил Натан. — Повстанцы обычно бунтуют против чего-либо.

— Недовольство подпитывает само себя. Лучше просто морить его голодом, — сказала Тора.

Никки шагнула вперед, глядя на пленника:

— Я хотела бы поговорить с этим мальчиком. Простой погонщик яксенов? Он не похож на героя или мученика. Неплохо было бы понять, почему он демонстрирует неповиновение, зная, что это приведет к его смерти.

— В этом нет необходимости, моя дорогая колдунья, — сказал Максим. Он поднялся с трона и развел руками. — Мы и раньше справлялись с подобной ерундой, и я могу позаботиться об этом быстро.

Никки посмотрела на дерзкого, но испуганного пленника:

— И все же это случилось снова.

— Вам не стоит вмешиваться, — холодно произнесла Тора.

— Разве вы не хотите узнать, что можно у него выяснить?

— Никки не могла поверить, что они упускают такую возможность.

— Нет необходимости и интереса. — Максим согнул пальцы, концентрируясь, и вокруг него закружилась извлеченная из воздуха сила, напоминавшая затаившуюся грозу. Короткие волосы волшебника приподнялись от возрастающей энергии, образуя подобие короны. — К тем, кто нарушает совершенный порядок Ильдакара, должны быть применены соответствующие меры. Я не только главнокомандующий волшебник, но и главный скульптор города.

Адесса и две другие Морасит отступили от пленника, предоставив Максиму пространство для работы. Молодой погонщик яксенов боролся с веревками на запястьях. Он распрямил колени, насмехаясь над советниками, Торой и над самим Максимом. Он скривил губы, собираясь плюнуть. В этот момент волшебник выпустил свой дар.

В воздухе закружилось мерцание, точно невидимые отражения. Завихрения ветра уплотнились в надежные оковы. Запачканная рубаха раба стала белой, словно покрылась гипсовой пылью. Его кожа затвердела и посерела, буйные непослушные волосы кристаллизовались. С гулким потрескиванием раб застыл в своей вызывающей позе, и теперь на полу зала стояла новая статуя.

Заклинание окаменения оказалось в точности таким же, как то, что обезумевший Судия использовал против жителей Локриджа и Никки. Однако Судия был поработщен своей магией. Максим управлял останавливающей время магией легко и непринужденно.

Айвен встал с каменной скамьи, стиснув кулаки.

— Ты потратил силы впустую, Максим. Нам стоило отвести мальчишку в тренировочные ямы, где он мог бы стать прекрасным развлечением. И что нам теперь с ним делать?

Тора окинула мужа хмурым взглядом, затем медленно кивнула.

— Смерть на арене превратила бы мальчишку в мученика и спровоцировала бы больше глупостей от Зерцалоликого и его сброда. Хорошо, что мы избавились от него вот так.

— И мне так редко удается попрактиковаться, — сказал Максим. Он посмотрел на Никки, и в его тоне появился явный оттенок бахвальства. Она предположила, что он пытается произвести на нее впечатление или даже заставить не отказывать, когда он пригласит ее на ильдакарский вечер удовольствий. — Я мастер магии окаменения. Я создал и контролировал заклинание, столетия назад превратившее в камень всю армию генерала Утреса.

— Да, ты был ключом, — сказала Тора. — Но все мы смогли повернуть замок. Ты не единственный, кто может использовать эту магию. Я сама позаботилась о Лани, когда она продемонстрировала несносное неповиновение. — Она посмотрела на каменную колдунью у стены палаты властителей.

— Конечно, моя дорогая. Я бы никогда не стал принижать твои способности. — Максим сложил руки, выглядя удовлетворенным от того, что превратил мятежного раба в камень. — Предлагаю поместить новую статую на видном месте... возможно, на рынке рабов, где она послужит прекрасным украшением — и явным предупреждением.

После, как рабочие унесли статую юного погонщика яксенов, Тора откинулась на спинку трона, оглядывая палату властителей.

— Главный укротитель Айвен прав. Прошло слишком много времени с тех пор, как мы смотрели представление на боевой арене. Давайте устроим его при первой же возможности. Айвен, когда ты будешь готов?

В башню вошел повелитель плоти Андре, опоздавший на заседание. Его просторный белый балахон был покрыт выцветшими пятнами от проделанной в его «студии» работы. Он вытер пот со лба и широко раскинул руки.

— Кажется, я как раз вовремя, ммм? Мой эксперимент закончен — работа с плотью прошла успешно. Наш новый воин готов дебютировать на боевой арене хоть завтра.

Главнокомандующий волшебник Максим не скрывал восторга:

— Тогда устроим представление завтра!

Глава 18

Великодушно улыбаясь, Максим предложил Никки место в зрительской башне знати над огромной городской ареной. Теперь, когда Андре озвучил перспективы вернуть Натану дар, остальные советники позволили ему присоединиться к ним в особой ложе, расположенной высоко над грязной и неуправляемой толпой.

Амос и его товарищи звали Бэннона составить им компанию на среднем ярусе, поближе к полю боя, но он предпочел сидеть со своими друзьями: Никки и Натаном. Волшебники были несколько недовольны присутствием неодаренного, но уступили, хотя и с явным нежеланием.

Когда солнце над Ильдакаром достигло зенита, толпы людей расселись на зрительских местах, расположенных кольцами над боевой ареной — широким глубоким кратером, выкопанным в песчанике. Поле для сражений, усыпанное песком и гравием, было окружено отвесной стеной. Зрительские места для низших сословий шли вдоль края арены, а одаренная знать наблюдала за представлением из лож, которые возвышались над песчаником. Башни обеспечивали хороший обзор и полную безопасность.

Никки догадалась, что некоторые животные на арене настолько опасны, что могут ворваться на зрительские трибуны и бесчинствовать там.

В видениях, переданных от пумы посредством связывающего их заклинания, она видела воспоминания Мрра о сражениях здесь.

Сидевший рядом с Никки Максим отметил, что она вновь в своем черном платье, хотя ей были предложены разнообразные наряды.

— Не нравится ильдакарский стиль? У нас много разных нарядов, от длинных платьев до довольно коротких шелковых сорочек. Уверен, если бы вы облачились в такое одеяние, все были бы в восторге.

Она твердо посмотрела на него:

— Я предпочитаю носить черное по личным причинам.

— Вот в чем дело, — усмехнулся Максим. — Я поручу лучшим портным нашего города предоставить сотни нарядов из черной ткани. Для меня будет честью помочь вам примерить их и выбрать тот, что лучше всего подходит.

— Мое платье подходит мне как нельзя лучше.

— Да, вполне, — признался он, — хотя оставляет слишком много простора для воображения.

— Тогда я надеюсь, что воображение у вас отменное.

По нижним рядам прошел гул предвкушения, который все нарастал с приближением к времени представления.

— Уже полдень. Где наше угощение? — требовательно обратилась к прислуге властительница Тора. — Или вы хотите, чтобы вас скормили боевым тварям?

— Тогда хоть кто-то пообедаст, — пробормотал волшебник Деймон, поглаживая свои длинные усы.

Рабы в серых туниках, прихваченных поясами, поспешили принести на пробу небольшие порции разнообразных изысканных яств. Тут были нанизанные на шампуры и зажаренные певчие птички, политые медом; малиновые кубики сырой яксеновой печени и тонкие, как бумага, ломтики вяленого мяса яксена; мотки сахарной ваты, напоминавшие гусеничные коконы; кисловатые дольки мандаринов; тарелки с рубиново-красными зернами граната.

Тора первой взяла то, что ей понравилось, а Максим галантно предложил угощение Никки. Она сделала выбор без особого интереса. Натан проявил больше любопытства и попросил прислугу рассказать о каждом блюде. Он попробовал по кусочку, затем выбрал те блюда, которые ему больше понравились. Сырая печень яксена пришлась ему не по нраву, в отличие от фруктов.

Когда советники насытились, остатки еды предложили Бэннону. Он весело улыбнулся и поблагодарил слуг, которые от этого смутились, а потом вспомнил, что благодарить надо хозяев.

По периметру боевой арены через равные промежутки стояли высокие каменные колонны, увенчанные бронзовыми чашами в форме пламени. Одаренные дворяне стояли у подножия колонн и после звуков фанфар коснулись каменных столбов, выпуская свою магию. В бронзовых чашах зажглось осле-

пительно-белое пламя, напоминавшее сигнальные огни. Толпа на трибунах разразилась приветственными воплями.

Настороженная Никки сидела молча, пытаясь распознать разновидность используемой здесь магии. Древние волшебники заложили узоры заклинаний и сложные магические сети в архитектуру города — словно акведуки, по которым течет вода.

Коренастый мужчина с бритой головой и в свободном желтом одеянии сидел на высокой платформе над полем боя. Он говорил в большой кристалл на серебряной подставке, и его голос гремел из волшебных огней, как будто его слова исходили из колонн.

— Обожаемый нами чемпион остается непобежденным последние пять месяцев. Он защищает свой титул и занимает наши сердца. Пусть он выйдет на арену, чтобы согреться лучами солнца Ильдакара, радостными возгласами нашего народа... и кровью очередного побежденного врага.

Открылись расположенные внизу железные ворота, и мускулистый мужчина шагнул на смешанный с пеплом песок. Он поднял в небо меч с широким лезвием и вызвал этим зрительские овации. На нем были коричневые кожаные ботинки, набедренная повязка и массивный ремень с острыми шипами, от которого поднимались два широких кожаных ремешка, перекрещивающихся на спине и груди. Наряд обеспечивал лишь минимальную защиту. Цельный шлем с наносником и широким подбородником скрывал его лицо.

Бледная кожа чемпиона была покрыта сетью шрамов; мускулы налились силой за долгие годы тренировок. Никки видела, что он грозный боец.

Язык его тела излучал радость и уверенность, а не страх загнанной жертвы. Кажется, он наслаждался обстановкой. Чемпион медленно поворачивался из стороны в сторону, пронзая мечом воздух, чтобы услышать больше выкриков публики. Она отвечала, как и ожидалось.

Палата волшебников в обособленной зрительской башне походила на отстраненных наблюдателей. Повелитель плоти Андре подался вперед с нетерпеливым блеском в серых глазах:

— Чемпион никогда не сталкивался с таким противником, как наш новичок. — Он поднял брови, глядя на Натана. — Ммм? Скоро вы все увидите результат моей работы.

— Надеюсь, это будет стоящее зрелище, — прорычал Айвен. — Моим зверям не помешает практика.

— Ты же не хочешь, чтобы чемпион их всех поубивал? — спросил Андре.

Главный укротитель остался при своем мнении.

— А что, если он убьет твоё новое творение?

— Я уверен в своей работе. Но если это произойдет, в следующий раз мне нужно будет усовершенствовать проект, ммм?

Ведущий продолжал говорить усиленным закливанием голосом:

— Наш чемпион сегодня столкнется с соперником, который еще никогда не выходил на боевую арену. — Слова прогремели через яркие языки пламени, и зрители погрузились в зловещую, напряженную тишину. — Узрите новое творение повелителя плоти!

Айвен взял покрытую медом певчую птичку и принялся с хрустом жевать ее, не отрывая глаз от поля боя. Андре ерзал, едва сдерживая волнение.

Чемпион присел, выставив перед собой короткий меч и вперив взгляд в зарешеченные ворота на противоположной стороне арены. Его дерзкое оживление ушло. Хотя шлем скрывал черты его лица, Никки заметила напряженную сосредоточенность бойца. Она не ощущала в нем дара — чемпион обрел свои боевые навыки благодаря упорному труду.

Решетчатые ворота открылись, и из темных ям под ареной кто-то вышел. Зрители, вероятно, ожидали увидеть грозного зверя вроде боевого медведя, но существо двинулось вперед на

двух ногах и шагнуло на солнечный свет. Все увидели мускулистые бедра, зашнурованные до верха голени крепкие сапоги, набедренную повязку с металлическими пластинами и две вытянутые руки — в каждой был короткий меч, такой же, как у чемпиона.

Когда противник вышел на свет, открылось его истинное безобразие. На широких плечах бойца разместились две головы на шеях, которые выходили из раздвоенного позвоночника. Оба лица рычали и скалились в муках и ярости. Из рта левой головы — лысой, с большим круглым шрамом на макушке — текла слюна. Темная кожа гладкой головы не соответствовала оттенку плеча, к которому была приращена. Ноги пьяно волочились по песку, будто получали противоречивые указания от соперничающих голов, но обе руки, вооруженные мечами, были высоко подняты и беспорядочно рубили воздух.

Толпа ахнула и зароптала. Чемпион отшатнулся при виде своего нового противника.

— Наш великий чемпион никогда не видел ничего подобного, ммм? — усмехнулся Андре.

— Он повидал и убил множество противников, — сказал Айвен.

Подобно оружию, направленному на цель, двухголовый воин неуклюже зашагал вперед, вызывая крича в обе глотки.

Натан наклонился ближе к Андре:

— У твоего нового творения есть два человеческих разума, но он, кажется, утратил свой интеллект.

— Ему нужен не интеллект, а мастерство. Я был вынужден пожертвовать некоторыми качествами, чтобы улучшить другие. Например, шелковые яксены были созданы ради красоты, а не остроумия. Этой тварью никогда не будут восхищаться за красноречие.

Качающаяся походка двухголового воина сбивала с толку, но чемпиона это не одурачило. Он метнулся, выставив свой короткий меч, как жало. В тот момент, когда он приблизился

на расстояние удара, жуткий противник размылся в движении, взмахнув сначала левым мечом, затем правым, как будто намереваясь убить чемпиона дважды. Мужчина отпрыгнул, отступая так быстро, что зацепился пяткой о пятку, и тогда один из клинков противника полоснул по плечу чемпиона, пустив кровь. По толпе вокруг арены пронесся всеобщий вздох ужаса. Чемпион пригнулся, словно и не заметил раны.

Двухголовый боец снова двинулся на него, размахивая, коля и рубя обоими клинками. Чемпион с громким лязгом парировал удары. Он откинулся назад, когда другая рука чудовища махнула клинком, а потом поднырнул, нанося колющий удар мечом. Двухголовое существо крутанулось на месте, и клинок, вместо того чтобы вспороть живот, лишь прочертил длинную красную линию по ребрам. Он взревел от боли обеими глотками, а затем опустил левую руку с мечом, нанеся удар наверху по прочному шлему чемпиона. Тот пошатнулся, оглушенный, а потом отступил и поправил шлем.

Двухголовый воин бросился в атаку, чемпион неловко споткнулся, покачнулся... и Никки поняла, что он делает. Он заманивал чудище ближе, и как только правая рука противника повела клинок вниз, чемпион сделал выпад вверх, пробив бицепс соперника, а затем дернул меч вниз, словно мясник, разрезающий большой кусок мяса. Правая рука монстра была ранена до кости и безвольно повисла, судорогой отбросив меч. Пересаженная голова с этой же стороны взревела, закатив глаза. Левая рука отреагировала, пытаясь защититься вскинутым мечом. Но стойкий чемпион был полон энергии и больше не притворялся дезориентированным. Он увернулся и, взяв короткий меч обеими руками, нанес мощный удар сбоку, как валяющий дерево лесоруб, и отрубил родную голову воина, отделив ее от шеи. Из обрубка на плече потекла кровь, ужасное создание пошатнулось и дрогнуло, стоя на пропитанном кровью песке.

Отрубленная голова перезрелой тыквой упала на землю, истекая кровью, ее лицо все еще искажалось последними проблесками жизни.

Оставшаяся лысая голова, приращенная к плечам, завопила. Никки подумала, что крик полон горя, а не боли. Неуклюжие ноги согнулись, и монстр опустился на песок. Отбросив меч, он потянулся здоровой и покалеченной руками и поднял отрубленную голову. Баюкая ее, он причитал и отчаянно стонал.

Чемпион двинулся вперед без жалости и сострадания — или это все же была жалость, подумала Никки. Одним ударом он снес вторую голову, и та скатилась на неровную землю, упав возле своей напарницы. Тело двухголового воина рухнуло на песок, точно бык, вырубленный кувалдой мясника. Толпа взревела, внезапно освободившись от мрачного ощущения тревоги. Теперь они чествовали чемпиона с подлинным ликованием.

Главный укротитель Айвен скрестил свои мощные руки на жилете из шкуры песчаной пумы:

— По крайней мере, это было хорошее зрелище.

Андре выглядел разочарованным.

— У чемпиона нет усовершенствований. Он всего лишь человек и не должен побеждать мои творения.

— Это будет держать тебя в тонусе, — с ухмылкой сказал Максим. — Тебе просто нужно делать их немного лучше.

— Послушайте толпу, — сказала Тора. — Они все еще приветствуют чемпиона. Я думала, люди уже устали от него.

Эльза наклонилась вперед:

— Они чествуют способности чемпиона, властительница, и они не хотели, чтобы его повергло такое чудовище. Нужно заставить его сражаться все с лучшими и лучшими человеческими воинами. Народ примет в качестве чемпиона только другого человека.

— А пока пусть наслаждается победой, — сказал Максим, а затем его губы изогнулись в улыбке. — Уверен, Адесса до-

стойно вознаградит его. Она уже сделала его своим любовником, не так ли?

Тора фыркнула.

— Конечно. Она берет себе в любовники каждого чемпиона.

Внизу, на арене, стоя над истерзанным телом творения повелителя плоти, чемпион поднял свой окровавленный меч и медленно поворачивался, купаясь в овациях толпы. Когда восторженные крики достигли своего пика, он протянул руку к шлему, снял его и отшвырнул на залитый кровью песок. Улыбаясь и греясь под открытым небом, он триумфально поднял обе руки.

Бэннон с трепетом наблюдал за жестоким боем. Он сам сражался и убил множество врагов с тех пор, как присоединился к Натану с Никки. Он не чувствовал угрызений совести, когда защищался от свирепых сэлок или пыльных людей Поглотителя жизни. Но сама идея кровавой бойни ради забавы демонстрировала жестокость, которой он не мог понять. Он был уверен, что его грубиян-отец наслаждался бы этим зрелищем.

После ухода с острова Кирия Бэннон закалился. Самые мрачные и отвратительные дни пребывания дома едва не сломили юношу, но он цеплялся за искру оптимизма и существовавшее в мире добро, сколько бы несчастий ни выпало на его долю. Теперь его передергивало от ликующих возгласов и вида резни. Этот ужасный монстр заслуживал смерти не больше, чем перекроенный боевой медведь, с которым им пришлось сразиться... Но подобных чудовищ вообще не должно было существовать. Они были противоестественными и отвратительными.

Он боролся со своими чувствами, но не понимал их. Когда он наблюдал, как чемпион убивает своего противника, то был вынужден признать, что это битва за выживание. Бэннон полагал, что люди, попавшие в чрезвычайные обстоятельства, делают что угодно, лишь бы остаться в живых. Он и сам поступил бы также.

Когда чемпион снял шлем, открыв зрителям свое лицо, и повернул голову, оглядывая толпу, Бэннон застыл. Он узнал это лицо. Узнал глаза, широкие скулы, округлый подбородок и даже ухмылку. Он видел эту улыбку на лице мальчишки, когда они веселились в детстве, но все закончилось насилием и рабством.

Ян!

Чемпион оказался его другом Яном, похищенным норукайскими работорговцами много лет назад.

Глава 19

Таддеус, новый глава бухты Ренда, был рад принять двух молодых ученых из Твердыни.

— Мы поможем вам, — сказал он Оливеру и Перетте. — Для колдуньи Никки и волшебника Натана мы сделаем все возможное, чтобы выразить нашу благодарность. Они спасли наше поселение. — Мужчина растянул губы в улыбке. — Даже мечник Бэннон поверг гораздо больше норукайских работорговцев, чем приходилось на его долю. Думаю, у него с ними свои кровавые счета.

Оливер кивнул:

— Да, мы видели, как эти трое сразили немало непобедимых врагов. Им есть что рассказать. — Он похлопал по сумке на боку, где хранились отчеты, которые Никки и Натан пору-

чили доставить в Д'Хару. — Я бы не поверил им, если б не видел собственными глазами, на что они способны.

— Да, мы знаем кое-что из того, что они пережили, — сказал Таддеус. — Приходите на праздник сегодня вечером, и мы поделимся историями.

— Я могу рассказать наши истории с невероятной точностью, — сказала Перетта, потрянув тугой копной темных кудряшек. — Я помню каждую деталь.

— Она действительно может, — добавил Оливер, — и не даст вам забыть об этом.

Худенькая девушка обиделась, будто нашла слова Оливера оскорбительными. Юноша засмеялся, потому что рассчитывал именно на такую реакцию. И все же, он наслаждался компанией своей спутницы. Когда Перетта взглянула на него, ее лицо смягчилось.

— Мы с Оливером слишком долго путешествуем вместе и иногда угадываем мысли друг друга.

— Я думаю о тебе только лучшее, Перетта, — сказал он с дружелюбной улыбкой. — У нас с тобой важная миссия.

— Все так, и я считаю наши отношения... более-менее терпимыми.

Оливер почувствовал, как краснеет, и Перетта хихикнула. Он знал, что они чем-то похожи — оба родились и выросли в Твердыне, обучались у ученых, в них воспитывали любовь к истории и знаниям, хранящихся в книгах архива.

Отец Оливера был садовником и пчеловодом. В детстве Оливер помогал ему собирать яблоки и груши, а также правильно устанавливать ульи, чтобы потом можно было собирать мед. Но мальчика часто жалили пчелы, поскольку тот был слишком рассеян, грезя о книгах великого архива. Когда Оливер научился читать, отец позволил ему подняться в Твердыню и пройти испытание ученых. Когда эта мечта завладела его разумом, мальчик не мог думать ни о чем другом.

Однажды Оливер случайно опрокинул улей, выпустив в каньон сердитый жужжащий рой. Мальчик едва спасся от бесчисленных укусов, нырнув с головой в стремительный ручей. Причиной стало то, что он погрузился в мысли о каталогизации типов заклинаний, хотя весьма смутно представлял, какие вообще существуют виды заклинаний. Разгневанный отец повел его, все еще мокрого, вверх по извилистой каменистой тропинке.

Там он представил его ученому-архивариусу Саймону.

«Обещаю, для вас он окажется полезнее, чем для меня. Здесь он будет счастлив, а мы с его матерью сможем навещать его, когда захотим. — Он с тревогой взглянул на сына. — Читай сколько влезет, а я пока пойду и посмотрю, смогу ли починить тот улей».

Оливер любил свою семью, но зов великой библиотеки и всех ее знаний всегда был сильнее. Даже сейчас он мечтал вернуться к родным и любимым книгам, хотя он добровольно вызвался выполнить поручение Никки и убедил себя, что в путешествии познает мир гораздо лучше, чем за всю предшествующую жизнь... Он повидал необъятные земли, горы, океан, а теперь и жителей бухты Ренда.

Чтобы поприветствовать гостей, жители устроили на главной площади застолье: стол ломился от жареной козлятины, огромного котла вареных мидий, смешанных с солеными водорослями. Многие селяне желали с ними побеседовать, и Оливера смущало такое внимание. Он думал о времени, проведенном в одиночестве в архивах Твердыни, когда единственными его товарищами были книги да свитки. Юноша сидел на треснутой деревянной скамье рядом с Переттой, которая была далеко не такой застенчивой. Общительная молодая помнящая болтала со всяким, кто проявлял хоть немного интереса.

Никки ясно дала понять, что ее донесение должно быть распространено как можно шире, чтобы люди Древнего мира

могли объединиться и следовать основным правилам, установленным магистром Ралом в Д'Харианской империи. В свою очередь, жители поселения приукрасили страшную историю об атаке норукайцев, и о том, как колдунья отбросила их, уничтожив три крепких змеиных корабля.

Когда наступила полная темнота и ужин подошел к концу, Таддеус представил закаленного мужчину, лицо которого загрубело от соленого ветра. Его длинные каштановые волосы с пробором посередине были заправлены за уши. Густая жесткая коричневая борода была способна скрыть множество мелкой живности.

— Это Кеннет, — сказал глава поселения, — рыбак с собственной лодкой и беспокойным сердцем.

Кеннет протянул большую мозолистую руку и встряхнул руку Оливера так сильно, что чуть не повредил юноше локоть. С Переттой рыбак обошелся гораздо нежнее, но ручка девушки утонула в его большой ладони.

— Самое важное, ничто не держит меня в бухте Ренда, хотя я и вырос здесь.

— Кеннет имеет в виду, что он охотно отвезет вас на север на своей лодке, — пояснил Таддеус.

— Я слышал о некоторых городах, но сам их никогда не видел. — Кеннет поскреб бороду, в которой его пальцы скрылись до второй фаланги. — Я всегда ждал повода.

— У тебя есть схемы и карты? — спросил Оливер. — Ты знаешь, куда мы направляемся?

— Понятия не имею, но если мы поплывем вдоль берега на север, то рано или поздно обязательно что-нибудь найдем.

Не посоветовавшись со своим товарищем, Перетта сказала:

— По рукам, Кеннет. Мы пойдем с тобой.

— Н-но нам нечем заплатить, — промямлил Оливер.

— Жители бухты Ренда и так в неоплатном долгу перед колдуньей, — сказал Кеннет. — Кроме этого, если я пойду с вами и вернусь, то жители бухты целый год будут бесплатно

поить меня в трактире. Я считаю эту плату достаточной. — На тарелке Кеннета были влажные дымящиеся водоросли и кусок жареной козлятины, из которого торчала кривая кость. Он сел на скамейку рядом с Переттой, хотя на другой стороне было много места, и с большим удовольствием набросился на еду. — Не часто выдается возможность отведать козлятины. Для рыбака всякая пища отдает морем. Красное мясо имеет совершенно другой вкус, — сказал он с набитым ртом.

Таддеус горделиво стоял позади них.

— Мы позволим взять часть оставшегося мяса в ваше плавание, Кеннет.

— Когда отправляемся? — спросил Оливер, с нетерпением ожидая ночи, которую проведет в удобной кровати в бухте Ренда.

— Завтра, разумеется. С первыми лучами солнца, — ответил Кеннет. — Основные припасы уже загружены на борт моей лодки — «Дейзи». Бочонки полны воды, в море мы наловим рыбы, так что еды будет вдоволь.

Хотя Оливер выпил всего несколько глотков кислого местного вина, он почувствовал глубокую усталость. Заявление Кеннета встревожило его.

— Мы отплываем на рассвете?

— Вы же спешили, — сказал рыбак.

— Так и есть, — ответила Перетта.

— Да, — согласился Оливер, стараясь убрать из голоса нотки разочарования — он рассчитывал на более продолжительный отдых.

— Жду вас на борту «Дейзи» за час до рассвета, чтобы подготовиться к отплытию.

Кеннет опустошил свою большую тарелку, затем вернулся к общему котлу и выловил небольшую гору раскрытых черных мидий.

Солнце поднялось над сушей на востоке, окутав ярко-оранжевой вуалью холмистые земли, через которые они пришли в поселение. Рыбацкая лодка отчалила из бухты Ренда и отправилась на север. Кеннет расправил паруса, чтобы поймать освежающий бриз, и скоро они набрали приличную скорость.

Когда Оливер предложил свою помощь в рутинной работе, рыбак лишь внимательно осмотрел юношу.

— Уж больно ты тощий. Бьюсь об заклад, что в своей жизни ты не поднимал ничего тяжелее книги.

— Думаю так и есть, — хихикнула Перетта.

— Я уже давно управляюсь с «Дейзи» в одиночку, — заверил их Кеннет. — Если мне потребуется помощь, я попрошу вас об этом.

Когда потеплело и солнце ярко засияло над открытой водой, рыбак снял свою грубую рубашку и кинул ее в каюту. Он подставил ветру обнаженную грудь, и Перетта смущенно отвернулась. Бородатый мужчина рассмеялся:

— Как я уже сказал, я давно управляю этой лодкой, поэтому не вижу причин что-то менять из-за того, что сейчас не один.

— Все в порядке, — сказал Перетта натянутым голосом.

Позже, когда дневная жара усилилась, Оливер снял свою рубашку, и Перетту, казалось, позабавила его худоба.

Кеннет окинул юношу оценивающим взглядом:

— Я бы любезно дал тебе возможность нарастить свои мускулы. — Он понизил голос и произнес театральным шепотом, но так, чтобы слышала Перетта: — Ты же не собираешься произвести впечатление на юную леди с таким телосложением.

— Я не пытаюсь произвести впечатление. Она уже под впечатлением, с того момента, как узнала о моих способностях в науке. — Оливер знал, что оправдывается, но поступил так из-за смущения.

Перетта пришла ему на помощь.

— Я признаю, что Оливер — очень талантливый ученый.

Кеннет раскатиисто захохотал.

— Тогда ты, парень, гораздо лучше меня. А у меня все руки не доходят до чтения. Слишком много рыбных мест вокруг.

Когда солнце опустилось к горизонту и стало прохладнее, Оливер ощутил холодок, усиленный зудом горячей кожи. Прежде он никогда не снимал рубашку так надолго, чтобы сгореть на солнце. Он вздрогнул и оделся.

«Дейзи» уже шесть дней шла на север по неисследованным водам, не отходя далеко от берега. За все время плавания они не встретили ни других парусных судов, ни городов, ни малых поселений.

— Вот почему здесь так хорошо рыбачить — нет конкуренции, — сказал Кеннет, вытаскивая очередную сеть с мечущимися серебристыми созданиями. Он вывалил улов на палубу и отобрал только тех рыб, которые, по его словам, были вкуснее, а остальных швырнул за борт. — Если проголодаемся, завтра наловим еще.

Кеннет съел все припасы жареной козлятины в первые два дня. Хотя он предложил мясо двум путешественникам, Оливер и Перетта, зная, какой это для него деликатес, довольствовались дарами моря. Для жителей каньонов рыба была в диковину.

— Думаю, это Призрачный берег, — сказал Кеннет. Уже два дня они видели только пустынную линию берега. — Когда минует его, увидим первые города.

Однажды утром они проснулись в таком густом тумане, что почувствовали удушье. Оливер и Перетта стояли на палубе, восхищаясь туманом, словно тот был самым удивительным, что им довелось повидать. Кеннет был совершенно сбит с толку их странной реакцией, пока Оливер не объяснил, что в пустыне тумана не бывает.

— Наслаждайтесь, пока можете, — ответил Кеннет. — Но сейчас этот треклятый туман весьма некстати. Я не вижу, куда

мы плывем. — Он стоял на носу, всматриваясь вперед и плавно направляя судно.

Оливер присоединился к нему и прищурился, пытаясь рассмотреть скрытые препятствия, но его зрение было плохим даже в лучшие времена, так что проку от него было мало. Перетта принесла из каюты одеяло, накинула его на свои узкие плечи и встала рядом с ними.

Они стояли все вместе, наблюдая, как расходится густая пелена, словно скульптор сдергивал покрывало, открывая свое новое творение. Перетта ахнула, увидев силуэт, а затем черты огромной фигуры, возникшей перед ними.

— Пресвятая Мать морей! — воскликнул Кеннет, а затем рассмеялся над собственными словами. — А ведь это и правда она.

Каменная фигура красивой женщины была высечена в скале, поднимавшейся из воды. Статуя была огромна и невыразимо прекрасна. Каменные локоны подобно отливным волнам спускались по утесу и уходили обратно в скалу. Морская вода накатывала на покрытые водорослями скалы у основания утеса, где заканчивалась статуя. Мать Морей был изображена лишь по пояс. Она словно поднималась из воды, вытянув ладони к небу. Возле ее резного лица и округлых грудей кружили птицы.

Волны разбивались, а туман продолжал рассеиваться. Кеннет поправил курс и повел Дейзи дальше.

— Мы почти дошли до Серримунди! Эта статуя легендарна. Не думал, что когда-нибудь ее увижу.

Когда туман исчез, они заметили в воде другие рыбацкие лодки и большие парусники. Кеннет уставился на береговую линию и домики на сваях, усеивающие холмы возле гавани.

— Здесь, на севере, люди строят большие города.

Оливер прищурился, рассматривая высокие храмы, большие белые здания, немыслимые каменные арки, взмывающие в воздух над двумя реками, которые протекали через Серримун-

ди и вливались в море. Самой высокой постройкой в поле зрения была колокольня с золотой крышей.

— Я читал о многих огромных городах древних времен, но к этому оказался не готов.

— А я думала, что великая библиотека в Твердыне — самое большое здание в мире, — молвила Перетта. — Я была права.

Оливер, который путешествовал с ней уже много недель, удивился, что молодая помнящая признала свою ошибку, но дразнить ее не стал. Втроем они стояли рядом и восхищались великолепными видами. Кеннет вел «Дейзи» в оживленную гавань.

— Серримунди. Я обещал, что доставлю вас сюда. Куда вы и хотели.

— Это только начало, — сказала Перетта. Она сделала глубокий вдох и выдохнула, улыбаясь, как и Оливер.

— Нам предстоит пройти еще долгий путь, — отозвался юноша. После их свершений он понял, что путешествие не такое уж и немислимое.

Глава 20

Когда повелитель плоти Андре снова позвал Натана в свою студию, тот испытывал скорее неловкость, чем волнение, но был решительно настроен отыскать способ вернуть свой дар. Он верил, что где-то в Ильдакаре хранится секрет, который вернет ему целостность.

Он неохотно рассказал Никки о странных вещах, увиденных в лаборатории повелителя плоти. Что бы Андре ни говорил, Натан не мог считать этого человека вдохновленным художником — особенно после того, как увидел, с каким ликованием

тот срастил двух покалеченных воинов. Как швея, сшившая из обрывков ткани лоскутное одеяло.

Впрочем, ему не обязательно восхищаться или испытывать симпатию к человеку, который ему помогает. Повелитель плоти был чудаковатым, временами даже жутким, но в то же время он действительно был могущественным волшебником. Натан только надеялся, что Андре не сделает его частью извращенного эксперимента — вроде создания двухголового воина. А он мог. Если Натану нужна помощь волшебников Ильдакара, чтобы вернуть дар, он потерпит. Он прикидывал, как скоро сможет покинуть это место вместе со своими спутниками. Несмотря на очарование мифов Ильдакара, Натан теперь видел лишь тусклое пятно вместо сияющего мегаполиса. Втроем они не смогут справиться с перестройкой целого общества...

Он отправился в особняк повелителя плоти. Возможно, сегодня у Андре будет конкретное решение, как восстановить «сердце волшебника» Натана. Он прошел через искаженные сады, мимо живых изгородей уникальной формы, цветов и чахлых деревьев. На ходу Натан заставлял себя улыбаться, цепляясь за намек на оптимизм, — этому его научил юный Бэннон Фермер.

Прежде чем он успел объявить о своем прибытии, повелитель плоти вышел ему навстречу с нетерпеливым и целеустремленным выражением лица.

— Добро пожаловать, Натан-который-должен-вновь-стать-волшебником. — Его заплетенная борода торчала вперед, напоминая кукурузную метелку. — Жду-не дождусь, когда мы продолжим наши исследования. После вчерашнего неудачного представления на боевой арене я просто обязан продемонстрировать свое мастерство иными способами. — Он сощурил сверкающие глаза. — Позволь добиться потрясающих успехов в решении твоей проблемы, ммм? Я готов сделать все возможное. — Он наклонился ближе. — А ты?

Еще несколько дней назад, когда Натан не так хорошо был знаком с Ильдакаром, он бы без раздумий согласился. Теперь ему было не по себе, и он тщательно выбирал слова:

— Я буду тесно с тобой сотрудничать. Мне важно вернуть дар.

— И это важно для Ильдакара. Заходи, нам надо составить карту тела и провести опыты.

Андре провел его через крылья большого особняка и через главную студию с развешанными полотнами цвета индиго. Столы были тщательно отмыты от следов крови двух искалеченных воинов. В воздухе все еще висело кислое зловоние. Емкости с тем, что Андре называл «компонентами плоти», кипели на медленном огне, а экзотическая рыба неестественного вида плавала в своем аквариуме.

Андре хмыкал себе под нос, пока они шли по выложенной плиткой дорожке к уединенному дворику позади дома.

— Для следующего опыта потребуется солнечный свет. Мне нужно составить карту твоего дара, запутанных каналов в фибрах твоей сущности, а также шрамов, оставшихся от угаснувшего дара. Мы должны все восстановить. — Он погладил пальцами свою тугую бороду. — Хмм, это может оказаться не так уж просто.

Снаружи колыхались свисающие лозы, хотя ветра не было. Странные чешуйчатые пальмы были выше крыши особняка. Опушенные листья имели бритвенно-острые края, а чешуйчатые стволы напомнили Натану шкуру серого дракона Брома, который охранял драконьи кости в юдоли Кулот. Две пальмы стояли на расстоянии шести футов друг от друга, а между ними на тонких, как паутинка, веревочках вертикально висел тугο натянутый квадрат белой ткани с рост человека. Участок земли под чистой тканью был засыпан мелким белым песком.

— Вот холст, с которым нам предстоит работать, друг мой, — сказал Андре. — Но это не просто чистый лист. В начале каждого проекта художник рассматривает бесконечные воз-

возможности того, над чем ему предстоит работать. — На низком столике перед растянутой тканью стояли глазурированные глиняные горшки, наполненные зернистыми порошками: бирюзового, ржаво-красного и ярко-желтого цветов. Повелитель плоти нетерпеливо махнул рукой: — Встань перед тканью. По твоему, как еще я должен составить карту, ммм?

— Я не смыслю в такого рода картах, — сказал Натан, нерешительно шагнул вперед. — Как она создается?

— Порошки и химикаты — мое собственное изобретение. Когда я брошу их, они отобразят линии твоей ауры. Можно зарисовать хань, прослеживая линии силы. Ни я, ни ты не сможем увидеть это своими глазами, но порошки налипают на них, как железные опилки, отмечающие линии притяжения вокруг магнита.

Натан неуверенно шагнул на мягкий песок и встал лицом к чистой ткани.

— Вот так?

Андре скрестил руки на груди.

— Ты настаиваешь на том, чтобы все усложнять, да? Неудивительно, что ты потерял свой дар!

— Теперь-то что не так?

Повелитель плоти раздраженно замахал руками:

— Ты должен быть голым, конечно! Как еще порошок найдет следы твоего хань?

— И в самом деле, как? — со вздохом пробормотал Натан. Он знал, что лучше не спорить. Он скинул с плеч балахон волшебника и снял сапоги. Теперь он готов для исследования.

Бормоча что-то под нос, Андре изучал порошки в горшках. Он опустил палец в бледно-голубую смесь, понюхал ее, а затем попробовал желтое вещество. Кивнув, он схватил горсть ярко-желтого порошка и подошел к подопытному.

Натан нахмурился:

— Что именно ты...

Повелитель плоти швырнул порошок, и брызги пыли попали в середину груди. Натан вздрогнул, отшатнулся и чихнул. Когда он посмотрел на свою голую грудь, то не увидел ни крупинцы порошка. Он пропал.

Андре пошарил по горшкам, зачерпнул порошок синего цвета и бросил его, прицелившись чуть ниже. Натан смотрел, как порошок ударился в его тело... и впитался в кожу. Он ощутил обжигающее покалывание. Повелитель плоти посмеивался, словно считал это игрой. Горсть за горстью он кинул еще четыре разных порошка. С каждым облаком пыли, которое попадало в Натана и исчезало, он чувствовал себя слабее. Что-то его истощало.

— Теперь еще раз — но сейчас ты должен попытаться использовать свой дар. Сконцентрируйся, сделай что-нибудь простое. Создай мерцающий огонек в руке.

Натан нахмурился:

— Да, раньше это было легко. — Он вспомнил, что пытался сделать подобное на палубе «Бегущего по волнам» перед бурей и атакой сэлок. То было первым признаком угасания дара. — Но это может вызвать обратную реакцию. Время от времени дар искажает магию и выпускает то, что полностью противоречит моим желаниям. Я могу... могу сжечь твой особняк.

— Да ладно, — усмехнулся повелитель плоти, — если я не смогу это остановить, тогда я сам не такой уж и волшебник, ммм? — Он резко и нервно крикнул: — Используй магию!

Натан инстинктивно потянулся к своему дару, чтобы создать огонь на ладони. Он напрягся и раздвинул пальцы, усилием воли разжигая пламя. Андре бросил еще больше пыли, швырнув в грудь Натана все содержимое горшка.

Никакой магии. Даже крошечной вспышки не возникло. Особняк не загорелся. Единственное тепло исходило от напряжения Натана. По его лбу скатилась капля пота, только и всего.

— Ничего. Мне жаль.

— Тем не менее, этого достаточно. — Повелитель плоти с улыбкой хлопнул в ладони, послав в воздух клубы пыли. — Теперь давай полюбуемся нашей работой, ммм? — Он отодвинул Натана в сторону.

Бывший пророк, у которого дрожали колени, отошел от белой ткани и обернулся, чтобы посмотреть на недавно пустовавший холст. Каким-то образом, когда Андре бросал в него порошки, они проходили прямо через его тело и оседали на ткани. Линии и завитки приглушенных цветов создали замысловатую схему, подобно карте морских течений или зарисовке всех ручьев горного хребта. Но эти линии имели смутные очертания человека — Натана.

— Это мой дар? — спросил он. — Его линии внутри меня?

Андре медленно кивнул.

— Это интересное предположение того, что должно быть. Но ты сам можешь увидеть проблему. — Он указал на разноцветный рисунок. — Здесь.

Не обращая внимания на свою наготу, Натан зачарованно смотрел на результат теста, который даже не потребовал ни крови, ни боли.

Андре указал на центр схематического изображения, где вроде бы была грудь Натана:

— Видишь, насколько бледно это пятно? Пустоту там, где должно быть твое сердце? В этом месте исчез твой дар. Хань пронизывает каждый кровеносный сосуд, каждое мышечное волокно, каждый дюйм кожи и каждый волос. Но здесь его нет. Ты можешь видеть, что ты потерял.

Натан почувствовал, как на него навалилась тяжесть. Он действительно это видел. Обозначения необычной карты были понятными.

— Значит, он исчез?

— Исчез. — Андре со стуком закрывал крышками горшки с порошками. — Но это не значит, что его нельзя заменить. Нам просто нужно найти утраченное и поместить обратно. Разуме-

ется, я принимаю вызов. — Андре казался заинтригованным. — И другие волшебники будут рады услышать, что это не заочно. Как я и подозревал.

— Мне тоже приятно это слышать, — сказал Натан.

— Твое восстановление в рамках наших возможностей. Ты же знаешь, волшебники Илдакара творят невероятные вещи, ммм?

Натан попытался убрать нотки неуверенности из своего голоса:

— Я видел некоторые твои творения. Кто-то может счесть их... оригинальными. Ты называешь себя художником, но теперь пытаешься излечить меня. Ты считаешь себя еще и целителем?

Андре фыркнул.

— Целители и мучители — мастера одного и того же искусства. Оба прекрасно разбираются в боли и выносливости, жизни и смерти. Я знаток во всех аспектах. — Он снова взмахнул руками. — Теперь я должен кое-что показать тебе в другом крыле особняка. Одевайся — мне не интересно смотреть на голого старика, если в этом нет необходимости.

Натан улыбнулся:

— Как ни странно, я рад слышать это от тебя. — Он снова надел балахон волшебника и сел на одну из садовых скамеек, чтобы натянуть сапоги.

Дожидаюсь его, Андре возбужденно рассказывал:

— В древние времена, когда было много войн и врагов, нам приходилось создавать могущественное оружие, которое было в состоянии защитить город и его людей. Ты уже видел, как мы подняли равнину над рекой Киллрейвен... и что может произвести большее впечатление, чем заклинание окаменения главнокомандующего волшебника Максима, превратившее армию генерала Утрона в статуи? Или магия крови, что создает саван, ограждающий нас от времени?

— Все это действительно впечатляет, — сказал Натан, топая пяткой, чтобы сапог лучше сидел на ноге.

Глаза Андре сверкнули.

— Я сам создал исполинских воинов, настоящих богов войны. Хмм, я очень горжусь ими. Хочешь посмотреть?

Натан разгладил ткань своего зеленого балахона волшебника.

— Эти воины помогли вам победить в войне?

— У меня еще не было шанса их использовать, — разочарованно сказал он. — Но они готовы — всегда готовы. Пойдем, я хочу их тебе показать.

Натан последовал за повелителем плоти через арку в другое крыло особняка с высокими потолками.

— Я назвал их воинами Иксакс. Несмотря на все мои усилия и умения, я смог создать только троих... но трех воинов Иксакс достаточно, чтобы спасти наш город от самого ужасного врага.

Когда они вошли в похожее на пещеру крыло, Андре отдернул занавес и показал трех великанов. Они были ростом по пятнадцать футов и стояли навтыжку, как неподвижные исполины. Воины Иксакс имели телосложение человека. У них были широкие плечи, туловище размером с большой фургон и голова с колесо телеги. Исполины были облачены в объемные доспехи, похожие на клепаные стальные панцири, которые закрывали их объемные бицепсы, талии и древоподобные бедра. На голове у каждого был шлем, похожий на котел, сплюснутый со стороны щек, с узкими щелями для рта и глаз. Большие круглые заклепки усеивали грудь, на руках были массивные боевые перчатки с шипами на костяшках пальцев, на талии — пояс. Одной ногой в огромном сапоге они могли раздавить лошадь. Великаны стояли неподвижно, замерев на месте. Руки опущены по бокам, ноги словно приросли к полу.

— Узри моих воинов! — Андре не скрывал восхищения. — Я создал их пятнадцать столетий назад, когда мы узнали, что

армии императора уже на подходе. Я взял три человеческие особи и, используя всю свою магию, совместил все, что понимал о плоти, жизни и могуществе. Из простых людей я создал их: три гигантских и несокрушимых орудия, самых могущественных солдат из когда-либо сотворенных. Один Иксакс достаточно силен, чтобы погубить пять тысяч вражеских солдат — такими я их сконструировал. — Он нежно погладил перчатку ближайшей фигуры. Иксакс не шелохнулся. — Они на взводе и полностью готовы... и стоят так уже полторы тысячи лет.

Натан был действительно впечатлен, размышляя о том, что будет, если послать этих исполинов на ничего не подозревающую вражескую армию.

— Значит, они под заклинанием стазиса? Застыли во времени, пока их не спустят с привязи?

— О нет, они полностью готовы. Мы ведь не можем допустить никаких задержек, если город окажется под угрозой, ммм?

— Что ты имеешь в виду?

— Эти три воина Иксакс бодрствуют и находятся в сознании, но не способны двигаться — в течение пятнадцати веков.

— Бодрствуют... и в сознании? — Натан посмотрел на них с внезапным беспокойством.

— Простое сковывающее заклинание удерживает их неподвижными, но они слышат наш разговор.

— А они спят? — спросил Натан, боясь услышать ответ.

— Нет, они бодрствуют каждую секунду каждого дня. Мы не можем оказаться неподготовленными. Это оружие может стать нашим последним средством. Иксакс не могут ничего делать, кроме как стоять здесь и думать о своем долге, который когда-нибудь должны выполнить.

Натан нервно шагнул назад, пытаясь осознать кошмарное положение этих трех воинов — неважно, добровольцы они или их заставили силой. Они были преобразованы магией повели-

теля плоти, вынуждены стоять неподвижно и смотреть перед собой — каждую секунду на протяжении пятнадцати веков. По спине Натана пробежал холодок.

Сейчас эти воины Иксакс, должно быть, совершенно безумны.

Сквозь прорезь в железном шлеме ближайшего воина Натан увидел блеск желтых глаз, пристально смотревших на него.

Глава 21

Бэннон шел по улицам Ильдакара, погрузившись в свои мысли и ощущая груз вины, которая походила на тяжелую тележку, полную тесаного камня. Он так стискивал зубы от сдерживаемого гнева и отвращения, что его челюсти ныли. С тех пор, как он увидел, что кровожадным чемпионом арены был Ян — простодушный, беззаботный, смешливый Ян с острова Кирия, — Бэннона настолько поглотили темные воспоминания, что он едва мог мириться с самим собой.

Утром, пробудившись от полного кошмаров сна, он посмотрел на свое лицо в зеркальную гладь чаши, плеснул водой в покрасневшие глаза и снова уставился на свое теперь искаженное отражение. После представления на арене он избегал Никки и Натана, хотя его друзья знали печальную историю о том, как он сбежал от норукайцев, позволив тем захватить в плен своего лучшего друга...

Когда юноша покинул огромный особняк, не зная, что делать дальше, то встретил Амоса, Джеда и Брока. Наряженные в яркие цвета товарищи, смеясь и толкая друг друга, формально предложили Бэннону составить им компанию в делах, намеченных на этот день. Бэннон, однако, чувствовал себя лишним в их обществе.

— Нет, спасибо... У меня другие планы на это утро.

Казалось, им было все равно, присоединится он к ним или нет.

Собравшись с мужеством, Бэннон решил столкнуться с одним из самых горьких моментов своего прошлого и теперь спускался по улицам в поисках тренировочных ям воинов арены. Он смотрел только вперед, ни с кем не разговаривал и не отвечал на призывы уличных торговцев и ремесленников.

Возле его бедра в ножнах покоился Крепыш, а пальцы Бэннона лежали на потертой кожаной оплетке рукояти меча. Юноша не собирался сражаться, но привычное ощущение клинка под рукой придавало ему сил для того, что он должен сделать. Его терзал тот день на Кирии, когда он и Ян спустились в свою тайную бухту с приливными заводами, полными ракушек, крабов и интересных рыбок. Это было прекрасное место для игры двух любопытных мальчишек с горящими глазами, и Бэннон считал его убежищем от своего отца. Когда он бывал там со своим лучшим другом Яном, то чувствовал себя в безопасности и мог представить себе более яркий мир.

Но бухта оказалась небезопасным местом. Корабли норукайских работорговцев обогнули мыс и отправили к берегу лодки. Свирепые покрытые шрамами мужчины схватили Бэннона и пытались утешить, чтобы сделать рабом. Но Ян бросился на них, дав своему другу шанс сбежать... и при этом сам попал в плен. Вместо того чтобы вернуться помочь, сражаться и спасти Яна, Бэннон убежал. Последнее, что он помнил после того, как вскарабкался на вершину обрыва и оглянулся, — отчаянный взгляд своего друга, которого работорговцы швырнули в лодку. Они уплыли с ним навсегда...

Бэннон и не надеялся увидеть Яна вновь. Он полагал, его друг сгинул в какой-нибудь зловонной адской дыре. Теперь он знал: Яна привезли сюда и продали в рабство, где его научили сражаться. Бэннон припомнил кровавую ярость, овладевшую им во время битвы с норукайцами в бухте Ренда. Он убил многих обезображенных мужчин, когда всплеск гнева привел его в

бешенство, которого он никогда прежде не испытывал. Должно быть, Ян, приговоренный жить и умереть на арене, сражался так каждый день. Только вчера он стоял на песке перед ликующей публикой, лицом к лицу с чудовищным двуглавым воином. Эта битва не была необычной: такова была жизнь Яна.

Бэннону стало плохо. Он приложил руку к животу, пытаясь успокоить клочкавший от эмоций желудок. Он должен увидеть своего друга, должен поговорить с ним. Чего бы ему ни стоило, как бы ни пришлось умолять Амоса или властительницу и главнокомандующего волшебника, он должен освободить Яна, хотя и опоздал на много лет.

Юноша приблизился к высоким стенам арены и оказался перед зверинцем с незнакомыми и смертельно опасными созданиями. В стене песчаника, на котором был построен город, было несколько входов в туннели, ведущие к темным камерам. Оттуда слышались вой, рык, шум и грубый голос главного укротителя Айвена, который кричал на животных. Доносившееся из проема густое зловоние отдавало мускусом, экскрементами и было наполнено болью. Бэннон всмотрелся в туннель и с трудом сглотнул. Ему сказали, что один из этих больших туннелей ведет к подземным тренировочным ямам — там держали и обучали бойцов арены.

В больших зарешеченных загонах держали хищных зверей, которые шагали взад-вперед и были готовы наброситься на любого врага. Бэннон уставился на огромного боевого медведя, который снова и снова бросался на крепкие железные прутья. Серо-зеленые ящеры размером с небольшого дракона шипели и фыркали, плескаясь в луже нечистот на полу своего загона.

В освещенном факелами широком туннеле стоял Айвен. Рядом с ним была тележка, нагруженная кровавыми кусками мяса, разрубленными толстыми костями и сваленными в кучу влажными внутренностями. На вершине горы мяса лежали две отрубленные головы яксенов. На их обмякших мертвых мор-

дах было удивительно человеческое выражение отчаяния. Айвен поднял одну из голов за спутанные черные волосы и бросил в зарешеченное логово, в котором обитали три песчаные пумы.

Когда глаза Бэннона привыкли к полумраку, он стал смотреть, как кошки сражаются за голову. Он подумал о Мрра, которая осталась за городом, и его сердце сжалось от осознания, что кошка знала, каким зловещим был этот славный город. Неудивительно, что она убежала, когда к ним направились Амос и его товарищи.

На рыжеватых шкурах пум были выжжены символы заклинаний — такие же, как у Мрра... и на кожаной жилетке главного укротителя. Айвен рычал на них, словно подражая своим же пленным зверям. Он хлопнул широкой ладонью по решетке, издавая грохот:

— Разорвите голову на части! Думайте о ней как о жертве — у вас будет больше еды, если вы убьете хоть кого-то на боевой арене.

Трока пум смотрела на главного укротителя, и их золотистые кошачьи глаза сверкали ненавистью. Айвен согнул пальцы на левой руке и сосредоточился, явно используя дар. Пумы съежились, словно получали приказ, а затем напали друг на друга, сражаясь за уже потрепанную голову. Айвен рассмеялся.

Чувствуя еще большее отвращение, Бэннон отшатнулся от зверинца и вошел в соседний туннель, прорубленный в песчанике. Он надеялся, что проход приведет его туда, где держат плененных бойцов.

В двух шагах от входа в туннель, прямо за тем местом, куда доставали косые лучи солнечного света, стояла Морасит, прислонившись к стене и наблюдая за ним. Она выглядела не слишком настороженной, но само ее присутствие было угрозой. Бэннон предположил, что никакой другой охранник и не требовался. У женщины были коротко постриженные русые

волосы и темно-карие глаза. Незакрытая одеждой кожа на ее руках, животе и бедрах была украшена шрамами в виде узоров и заклинаний. Когда Бэннон замешкался, Морасит равнодушно и безо всякого интереса посмотрела на него. Она скрестила руки на полосе из черной кожи, прикрывавшей ее грудь, но ничего не сказала, вынуждая его рассказать, зачем он пришел.

— Я... мне нужно увидеть чемпиона.

— Хочешь сразиться с ним? — спросила она. — Вряд ли ты справишься с чемпионом. Сегодня мы не проводим бои с добровольцами.

— Нет... он мой старый друг. Его зовут Ян. Я знал его, когда он был ребенком с острова Кирия. Он помнит меня.

— Он — чемпион, — сказала Морасит. — Ему не нужно другое имя, а когда его победят и убьют, появится новый чемпион. У Ильдакара всегда был чемпион.

— Но он мой друг, — упорствовал Бэннон. — Я просто хочу поговорить с ним. Я был там, когда... — Он тяжело сглотнул. — ...когда его захватили норукайские работорговцы.

Морасит фыркнула.

— Ни у кого из наших бойцов нет прошлого. Теперь не имеет значения, чем они занимались до обучения. — Она посмотрела на него, желая увидеть мольбу на его лице. Но юноша не оправдал ее ожиданий и не отступил. Наконец, Морасит выпрямилась. — Но это останется на усмотрение Адессы. Я позволю тебе поговорить с ней.

Надменно повернувшись, Морасит пошла по темному туннелю, ожидая, что юноша последует за ней. Бэннон поспешил за женщиной, заметив, что на ее голой спине тоже нанесены узоры заклинаний. Она была жилистой и мускулистой, и повязка на талии прикрывала ее крепкие ягодицы, при этом плотно их облегая. Ее дразнящая и соблазнительная походка излучала болезненную чувственность. Бэннон с трудом сглотнул, заставляя себя думать о Яне, запертом в этих клетках, ис-

тязаемом все эти годы, вынужденном сражаться. Жизнь его друга была кошмаром.

Жизнь Бэннона начала разваливаться, когда он потерял своего друга. Он получил множество других глубоких ран. Юноша бежал с Кирии в поисках новой идеальной жизни. Он не смог ничего сделать, чтобы спасти свою убитую мать или утопленных котят, которые стали для него символом многочисленных утрат.

Но, возможно, он мог как-то помочь Яну

Морасит вела его через прохладные туннели в песчанике, которые перешли в широкий, хорошо освещенный грот. Несколько круглых ям в каменном полу наверняка служили тренировочными площадками. Многочисленные проходы в скалистых стенах вели к отдельным камерам с решетками, которые служили бойцам и домом, и тюрьмой.

— Адесса! — крикнула Морасит. — Этот тщедушный кусок мяса хочет видеть чемпиона. Заявляет, что он его друг.

Суровая наставница вышла из большой камеры, выдолбленной в каменной стене.

— У чемпиона нет друзей, кроме меня. Я его наставница. Я — причина его существования.

Адесса была старше и опытней молодой Морасит, стоявшей на страже. Изгибы ее тела больше ассоциировались со сжатой пружиной, чем с женственными формами. На ее лице были морщины, а темные волосы пестрели сединой. Карие глаза смотрели на него, как наконечники арбалетных болтов, нацеленные опытным лучником.

Бэннон едва не дрогнул, но собрался с силами. Прикоснувшись пальцами к рукояти Крепыша, он встретился взглядом с Адессой.

— Имя чемпиона — Ян. Он мой друг. Он вспомнит меня. — Затем юноша понизил голос и пробормотал: — Пресвятая Мать морей, надеюсь, он меня вспомнит.

Адесса посмотрела на него с любопытством.

— Смутно припоминаю, как он давным-давно сказал, что его зовут Ян. К тому моменту, как он попал ко мне, норукайцы почти выжгли в нем эту личность. Но это может быть интересно. — Ее тонкие губы сжались в жесткую линию. — Лила, возвращайся на свой пост. Я сама разберусь.

Молодая Морасит бросила быстрый взгляд на Бэннона, а затем неторопливо пошла по туннелю, чтобы вернуться к своим обязанностям.

Адесса повела юношу через главный тренировочный грот в боковой туннель, в котором было полно тюремных камер, закрытых решетками.

— Я предоставила ему самую просторную камеру. Это право чемпиона — одна из наград за то, что он боец. — Адесса посмотрела на Бэннона и перевела взгляд на его меч. — Ты воображаешь себя воином?

Он расправил плечи:

— Я убил мечом многих, но только когда это было необходимо.

— Убийство всегда необходимо, если борьба оправдана, — произнесла Адесса. — Однако сомневаюсь, что тебя обучили должным образом.

— Меня тренировал волшебник Натан Рал. Он выдающийся фехтовальщик.

— Я слышала, что он даже не волшебник, — сказала Адесса. — Чемпион — лучшее, что у нас есть. Я суровый наставник, но я горжусь им и вознаграждаю разными способами.

— Тогда вы можете наградить его свободой, — предложил Бэннон. В его голосе звучала смелость, которой он на самом деле не ощущал. — Его схватили на Кирии, когда он был еще мальчишкой. Он не раб.

Глаза наставницы Морасит расширились, и она едко усмехнулась:

— Ты не понимаешь, что значит «раб». Его жизнь не принадлежит ему. Ею владеет Ильдакар, и он служит своей цели.

Я обладаю им. Тренирую его. Вознаграждаю до тех пор, пока он меня не подведет. И тогда у нас будет следующий чемпион.

— Его имя Ян, — настаивал юноша. А затем добавил: — А меня зовут Бэннон.

— Имена переоценены. — Адесса остановилась перед стеной из железных прутьев, за которой была хорошо освещенная камера. Обстановка состояла из плетеного коврика на каменном полу, спального тюфяка, таза воды и ночного горшка.

— Чемпион, — позвала Адесса, — к тебе посетитель.

Сердце Бэннона чуть не разбилось при виде парня, лежавшего на тюфяке. Он узнал Яна во время боя на арене, но теперь он увидел своего друга вблизи. Когда чемпион сел на тюфяк и посмотрел на него, Бэннон понял, что Ян — больше не Ян. Он стал незнакомцем.

— Это я, Бэннон, — хрипло сказал он. — Помнишь меня? Помнишь Кирию? Наш дом? В детстве мы были друзьями.

Чемпион поднялся с тюфяка и подошел к решетчатой двери. На нем была только набедренная повязка. Его тело состояло из бугров твердых мышц и белых шрамов. Он молчал.

— Я Бэннон, — снова сказал юноша, схватив прутья клетки и умоляюще глядя в глаза своего друга. — Раньше мы играли вместе, исследовали остров, работали на капустных полях. Разве ты не помнишь? Мы плескались в волнах прибоя и обыскивали лужи, оставшиеся после отлива. А потом, в тот день... — Горло Бэннона пересохло. Он вздохнул. — В тот день пришли работорговцы.

— Бэннон? — спросил его собеседник, словно пробуя на вкус это слово. Он сжал зубы, голос стал тверже и мрачнее: — Бэннон.

— Да, работорговцы пытались схватить нас обоих, но ты помог мне вырваться. И я... — Он не был уверен, что сможет продолжить. Воспоминания о том дне были почти невыносимы, но все же он сказал: — Я убежал, и они тебя забрали. Я тебе не помог. Прости. Мне очень жаль! — Слезы текли по его

лицу. Его грудь свело судорогой, и он зарыдал. — Пресвятая Мать морей, мне очень жаль!

Лицо Яна оставалось непроницаемой каменной маской. Он никак не реагировал и не узнавал своего друга. Бэннон смотрел на него сквозь пелену слез. Ему было мучительно смотреть на такое преобразование. Глаза его друга выглядели мертвыми, наполненными желанием убивать. Из беззаботного мальчика с острова он превратился в беспощадного бойца.

— Я тебя нашел, — сказал Бэннон. — Я вернулся, и у меня есть друзья в Ильдакаре. — Он стиснул железные прутья решетки. — Я сделаю все возможное, чтобы освободить тебя. Я вытащу тебя отсюда. — Он умоляюще потянулся в камеру.

— Бэннон?.. — снова спросил Ян. Теперь в его глазах вспыхнул гнев. — Я помню.

— Да, мы были друзьями, и в тот день...

— Ты позволил им схватить меня. — Со скоростью змеи Ян схватил запястье Бэннона.

Вскрикнув, юноша попытался вырваться, но продолжал смотреть в лицо своего друга.

— Я освобожу тебя. Обещаю, я постараюсь...

— Я не хочу, чтобы меня освобождали. Я чемпион. Я боец... и я здесь. — Он смотрел на Бэннона, а потом взглянул на Адессу, и его лицо смягчилось, выражая почтение. — Я не хочу, чтобы меня освобождали. — Другая его рука метнулась между прутьев и схватила Бэннона за шею, как челюсти бойцовой собаки.

Бэннон задыхался и отбивался, пытаясь отстраниться.

— Прошу...

Адесса некоторое время забавлялась зрелищем, а затем схватила цилиндрический предмет с черной рукоятью, висевший у ее бедра. У оружия был тонкий острый наконечник, как у шила сапожника. Морасит уколола острием предплечье Яна и каким-то образом послала взрыв боли, подобный молнии. Ян разжал руку, пошатнулся и рухнул на пол.

Бэннон упал перед решеткой камеры.

— Ян...

— Он больше тебя не побеспокоит, чемпион, — сказала Адесса.

Оправившись от волны боли, Ян поднялся и встал в своей камере. Он смотрел на Бэннона с гневом и отвращением.

Адесса схватила Бэннона за ворот его свободной коричневой рубашки, будто сцапала животное за загривок.

— Я не могу допустить, чтобы мой чемпион был выбит из колеи. Ты должен уйти. — Она оттащила его от камеры.

— Ян! — прокричал Бэннон. — Прости!

— Он не хочет иметь с тобой ничего общего, — сказала наставница Морасит. — Оставь его в покое.

Глава 22

Приближалась ночь. Никки в одиночестве шла по выложенным плиткой просторным коридорам огромного особняка и смотрела на россыпь сверкающих звезд через открытые окна в крыше, обрамленные лозами. В нишах и в углах стояли мраморные статуи ильдакарцев из разных слоев общества: стройная молодая женщина с кувшином воды на плече; широкогрудый охотник с двумя зайцами, подвешенными на пояс; стражник в короткой накидке, чешуйчатом нагруднике и наплечнике — таких же, как у верховного капитана Эйвери; даже старуха со сгорбленной от непосильного труда спиной с выражением горькой злобы на лице: ее голова была повернута в сторону, будто она осуждала каждого, кто проходит мимо.

Никки никогда не была ценительницей искусства, хотя, когда она пленила Ричарда и жила с ним в Алтур'Ранге, называя своим мужем, то видела его удивительно красивую резьбу по камню. Особым его творением была вдохновляющая и впечат-

ляющая статуя «Жизнь», чья художественная сила была настолько неоспорима, что спровоцировала революцию в угнетенном городе.

Однако статуи в огромном особняке не казались обычными украшениями. Они не были настолько жуткими, как отвратительные скульптуры, при помощи которых брат Нарев стремился показать недостатки человечества, но все же вызывали тревогу. Никки догадалась, что это были настоящие граждане Ильдакара, обращенные в камень в наказание за преступления — как погонщик яксенов. Главнокомандующий волшебник Максим считал себя главным скульптором Ильдакара, хотя работал с магией и плотью, а не с камнем.

Бэннон ушел из особняка — наверно, проводил время со своими новообретенными друзьями, — поэтому Никки поужинала вместе с Натаном в его покоях. Непривычно немногословный волшебник рассказал о своей работе с Андреем:

— Я верю, что повелитель плоти может отыскать решение. Сегодня мы создали карту линий моего хань и обнаружили очевидный недостаток. Нам нужно продолжать работу, чтобы вернуть дар.

— За этим мы сюда и пришли, волшебник. — Она заметила, как он оживился, когда она назвала его волшебником, хотя он был неспособен коснуться своего хань. — Но я не хочу тратить время впустую. Этот город тревожит меня. Мы должны распространять известия о магистре Рале, но я боюсь, что гниль Ильдакара уходит глубоко в корни. — Во многом этот город напоминал ей Алтур'Ранг.

Натан разобрался с десертом в виде медового пирожного и облизал пальцы.

— Не могу не согласиться. Сомневаюсь, что Ильдакар могут спасти непокорная колдунья и сопровождающий ее волшебник... даже если ко мне вернутся силы. Нам стоит уйти подальше, пока они не подняли свой саван и не запечатали город вне времени.

Никки беспокоилась и опасалась, что ей все-таки придется противостоять волшебникам Ильдакара. Она вернулась в свои покои, чтобы поразмыслить над своими умениями — над навыками, которым ее научили сестры Света, и над ужасающей магией Ущерба, обретенной тогда, когда она стала сестрой Тьмы и служила Владетелю. У Никки имелся арсенал заклинаний, превосходящий умения самых одаренных противников, но волшебники Ильдакара уже продемонстрировали свои выдающиеся способности. Они превратили сотни тысяч людей в камень и изолировали свой город от времени. Даже Никки не могла с этим соперничать.

После перемещения звезд она была не уверена, что изученные ею хитросплетения магии — контрольные сети, заклинания, действия, последствия и взаимодействия — будут работать как прежде. Оказавшись одна в своих покоях, Никки стояла перед неглубокой чашей с водой и изучала в отражении свои яркие голубые глаза и светлые волосы, которые она зачесала назад и скрепила драгоценной ильдакарской заколкой. Ее лицо было прекрасным.

Бесчисленное количество мужчин смотрело на нее с вожделением, многие воспользовались ее телом. Однако единственный мужчина, которого она любила, никогда не желал ее. Ричард Рал уважал Никки и высоко ценил ее помощь. Он восхищался ею как другом, советником и одним из ключевых союзников в его стремлении к миру и свободе во всем мире. Но истинную любовь Ричард испытывал к Кэлен.

Любовь не измерялась одной лишь человеческой красотой. Никакое беспристрастное жюри не взялось бы судить, кто привлекательнее — Никки или Кэлен. Обе женщины были прекрасны, но красота Кэлен была исключительно для Ричарда, а красота Никки оставалась ее собственной.

Погрузившись в мысли, она опустила пальцы в чашу, отчего по ее идеальному отражению прошла рябь. Она плеснула водой в лицо.

Никки давно лишилась теплого и сострадательного человеческого сердца, но теперь она была сильнее, была на правильной стороне и посвятила себя делу Ричарда — делу свободы. Впрочем, Никки сомневалась, что когда-либо найдет — или даже пожелает найти — настоящую любовь. Тем не менее, колдунья знала, что сейчас она более человечна, чем когда-либо.

Выпустив свой дар, чтобы погасить свет в комнате, Никки откинулась на прохладные шелковые простыни и погрузилась в сон, спокойствие и грезы...

Когда ее сознание унеслось прочь, впервые за последние дни она ощутила магическую связь со своей сестрой-пумой Мрра. Ее мысленный взор видел глазами кошки, тело стало гибким, она почувствовала силу своих мускулов и опасную остроту когтей, пока бежала через поросшую травой равнину. Мрра было легко найти добычу: здесь ей попадались жирные антилопы, зайцы и даже суслики. Она ела досыта, но беспокоилась, дожидаясь Никки.

Мрра несколько дней бродила вокруг древних каменных солдат. Ее чуткое кошачье восприятие не видело угрозы в статуях мужчин в доспехах, но по-настоящему ее тревожил величественный город, наполненный зданиями, людьми... и болью. Мрра уже давно могла уйти в холмы, но связанная заклинанием с Никки кошка осталась возле охваченного беспокойством города.

Песчаная пума не оставила Никки — даже ее друзей, Бэннона и Натана, которые хорошо к ней относились. Мрра хотела защитить их всех, но ничего не могла поделать, пока они были в большом городе. Никки неоднократно видела сны с воспоминаниями о заточении Мрра, о том, как главный укротитель клеймил ее, обучал их трою, как они убивали противников на боевой арене... Теперь Никки в реальности узнавала кристально-четкие детали этих видений.

Никки было некомфортно в качестве гостя Ильдакара, но во сне колдунья, связанная с большой кошкой, снова стала свободной. Мрра жила своей жизнью и видела мир глазами хищника, игнорируя навязанные обязательства или политику. Она просто жила: охотилась, бегала, спала. Благодаря магической связи, Мрра больше не была одинокой кошкой. Никки стала ее частью. Теперь, когда их связь возобновилась, в разуме пумы что-то пробудилось. Она помчалась по равнине сквозь шелест сухой травы — ее рыжеватый мех сливался с ней, и кошка оставалась невидимой... пока не решала напасть.

Ночью, когда ее зрение обострялось, Мрра рыскала под городскими стенами, чуя человеческий запах и резкое зловоние тех мест, куда они опорожнялись ночные горшки прямо с каменных стен. Мусорные кучи были разбросаны вдоль нагромождений камней. Мрра исследовала границы большого города, избегая закрытых на ночь массивных ворот. Она вскарабкалась на пестрый гранитный выступ и перескочила на покрытый лишайником высокий валун, примыкающий к низкому участку стены. Десятилетия назад желудь упал в трещину в скале, и за эти годы вырос большой дуб. Он тянулся ввысь, раскалывая гранит своими извилистыми корнями.

Цепляясь когтями, Мрра полезла на дуб и взобралась на самый верх. С высокой крепкой ветки кошка смотрела на неприступную стену, оценивая высоту — стена была выше дерева на пятнадцать футов. Прикидывая расстояние, она напрягла мускулы. Мрра не раздумывала и не колебалась. Она с силой оттолкнулась и прыгнула в воздух.

Большая кошка почти допрыгнула до верха широкой стены. Она проскребла выпущенными когтями по торцу крайнего каменного блока и зацепилась за одну из свисающих лоз. Отталкиваясь задними лапами и молотя хвостом, Мрра карабкалась вверх. Напрягшись, пума наконец забралась на стену. Она тяжело дышала, язык вывалился из пасти, но она отдыхала совсем недолго; прижавшись к земле, она пошла дальше. Мрра

ползла по стене, пока не оказалась возле крыши здания на нижнем уровне города.

Снова прыгнув, Мрра приземлилась на эмалированную черепицу. Она сбила несколько плиток, которые загремели и загрохотали, скатываясь вниз. Из жилища донеслись крики, но Мрра прыгнула в темный переулок и метнулась прочь до того, как на улицу вышли мужчина с лампой в руках и его жена. Они кричали, браня незваного гостя. Пума не понимала слов, слышала только шум и человеческие голоса. Мрра чуяла их страх.

Теперь она была внутри Ильдакара, ненавистного города, места боли. Здесь была ее сестра-пума.

Никки беспокойно ворочалась во сне, чувствуя тревогу. Ей был непривычен страх песчаной пумы.

Мрра отбросила робость и продолжила двигаться. Она держалась в тени. Здесь было много еды, хотя охота отличалась.

Никки, пребывая в некоем трансе, пыталась докричаться до Мрра: «Ты должна спрятаться! Спрячься! Укройся где-нибудь до рассвета».

Мрра продолжала идти по нижним уровням города, которые ночью были довольно пустыми. Стражники патрулировали улицы, и Мрра издалека ощущала солдат в доспехах. Кто-то из них шел в одиночку, кто-то — группами по три-четыре человека. Попадались и другие люди: ночные рабочие, которые придерживались главных улиц, и другие, которым, как и Мрра, нравились тени. Человеческие охотники.

Она услышала впереди приглушенный крик, звуки потасовки и борьбы. Мрра стало любопытно, и она осторожно и мягко прошла дальше и нырнула за угол переулка, откуда можно было увидеть открытую улицу. Три человека в коричневых одеждах атаковали одного из одиноких городских стражников.

Никки видела глазами пумы, но воспринимала все через призму опыта Мрра. Все казалось другим. Три человеческих фигуры атаковали стражника подобно трое пум, сбив с ног

большую добычу. Стражник сопротивлялся, но человеческие хищники были сильнее.

Мрра учуяла запах крови.

Никки учуяла запах крови.

Но ни одна из них не испытывала голода. Драка привлекла внимание, и Мрра растворилась в темноте, заботясь только о том, чтобы найти место, где спрятаться до восхода солнца.

Глава 23

То, что осталось от Дворца Пророков — если там вообще хоть что-то осталось — и манило Верну, и отталкивало. Остров был опустошен, а огромное строение, прослужившее сестрам три тысячи лет, было уничтожено. Но возможность найти какую-то крошечную драгоценную частичку дворца вынудила аббатису преодолеть долгий путь в Танимуру.

С тех пор, как мир изменился — как и многие правила, которым следовали сестры Света — Верна искала ответы или, скорее, правильные вопросы. Может, она найдет их здесь. Женщина напредила себе, что она все еще аббатиса, хотя теперь и не знала, что это значит.

После того как Верна прибыла в Танимуру и посетила гарнизон, она могла бы сразу отправиться на остров Халзбанд и увидеть все своими глазами, но в тот день решила отдохнуть и наладить связи с десятью сестрами, прибывшими ранее. Наверняка они уже побывали там и оплакали их бывший дом.

Солдаты д'харианской армии занимались строительством казарм для новоприбывших, но генерал Зиммер уже выделил одно здание для сестер. Верна оценила жест и приняла апартаменты, но подумала, что женщинам было бы лучше подыскать место в городе. Тысячи лет сестры пользовались большим

уважением в Танимуре, и она была уверена, что хоть у кого-то остались о них теплые воспоминания.

С другой стороны, сестры Тьмы учинили в городе настоящий погром, разрушив гавань и разнеся корабли в щепки. А когда Ричард привел в действие опасную световую сеть, охватывавшую весь дворец, магия Ущерба вызвала больше разрушений, чем когда-либо видел город. С тех пор остров опустел.

Но, возможно, что-то и осталось. Возможно...

Генерал Зиммер пригласил ее к себе на ужин, но аббатиса отклонила приглашение, зная, что капитану Норкрессу необходимо передать инструкции из Народного Дворца и подробно описать планы восстановления Д'Хары после окончания недавней войны в Темных землях. Настало время для исцеления и расширения границ, — и для того, чтобы отдать долг памяти павшим.

Воссоединившись с десятью сестрами, Верна проговорила с ними до поздней ночи, но на следующее утро проснулась свежей и отдохнувшей. Руины дворца звали ее, и она знала, что должна идти. Поскольку другие сестры уже ходили к развалинам, кто в одиночку, кто группами, Верна хотела исследовать обломки одна — неважно, найдет она там что-нибудь или нет.

Некоторые из сестер пытались ее отговорить.

— Мы уже все там обыскали, аббатиса, — сказала сестра Рода. — Искали вновь и вновь. Это разобьет вам сердце.

— Действительно, ничего полезного там не осталось, — добавила сестра Элдин. Ее густые черные волосы были заплетены в косу. — Это только напомнит вам обо всем, что мы потеряли.

— Мое сердце уже разбито. Возможно, мне не помешает вспомнить, что мы утратили. — Верна уже приняла решение. — Я должна пойти. Я считаю это паломничеством.

Послушница Эмбер, розовощекая сестра Норкресса, очень хотела составить аббатисе компанию, и Верна решила взять ее с собой. Может, вдвоем будет легче.

— Мы с Эмбер осмотрим остров, — объявила она.

Сестры одобрительно закивали, хотя явно сомневались, что аббатиса найдет то, что они могли упустить.

После восхода солнца Верна и молодая послушница покинули гарнизон. Они шли через город и по широким мостам, перекинувшимся через рукава устья реки Керн, которая впадала в море. Аббатиса была слишком сосредоточена на своей цели, чтобы замечать на улицах нарядно одетых людей и реющие желтые флаги Д'Хары со стилизованной буквой «Р» — символом магистра Рала.

Что-то в очаровательной Эмбер напоминало Верне ее дочь Лейтис, когда та была молода. Когда-то давно Верна родила от волшебника Джелидии... так давно, что Лейтис уже умерла от старости, а Джелидия погиб из-за своего предательства. А Верна продолжала жить. Она уже не знала, кто она сейчас. Может, здесь она найдет ответы.

Две женщины прошли ткацкую улицу и миновали склад, заполненный рулонами ткани: теплой шерстью, окрашенным хлопком и даже дорогим шелком. Эмбер глазела по сторонам, ее бездонные голубые глаза распахнулись от восхищения, но Верна продолжала быстро идти вперед.

— Почему ты присоединилась к сестрам, дитя? — спросила она девушку.

— Потому что я к этому стремилась, аббатиса. — Девушка выпрямилась, снова приняв решительный вид. — Надеюсь, что благодаря упорному труду и преданности делу я смогу стать достойной сестрой.

— Я уже вижу, что сердце твое достойно. Но пророчества исчезли, а наши учения больше ничего не значат, и я не знаю, что могут предложить тебе сестры. Мы были слишком заиклены на пророчествах.

Они остановились перед перекрестком, и мимо них на двух лошадях проехали нарядно одетые мужчина и женщина. Муж-

чина коснулся края шляпы и почтительно кивнул Верне, которая не понимала, как тот ее узнал.

Эмбер продолжала:

— Сестер уважают. Я всю жизнь мечтала присоединиться к вам и теперь не собираюсь отказываться от своей мечты.

— Возможно, это всего лишь мечта, — сказала Верна.

— Но сестры по-прежнему настоящие, — настаивала Эмбер.

Верна с улыбкой уступила:

— И мы рады, что ты с нами.

Когда они достигли окраины города и места, где река расширялась, Верна увидела остров Халзбанд, до которого было рукой подать. Ее сердце замерло от ужаса.

— Я думала, что готова, но к такому невозможно подготовиться.

Мосты, некогда соединявшие остров с материком, были уничтожены, — испарились при взрыве световой сети, обрушившем дворец. Сам остров выглядел так, будто чья-то огромная рука смела со стола мусор, оставив только пустынную поверхность. Теперь голая река, текущая мимо острова, отрезала его от суши. Некогда зеленая вода впадавшей в океан реки теперь была насыщена илом. Большие обломки скалы торчали из воды, делая движение по реке опасным. Несколько рыбаков на плоскодонках плыли по неглубокой воде, отталкиваясь шестами от речного ила.

— Как мы переправимся? — спросила Эмбер.

Верна пошла вниз по склону, раздвигая низкие кусты по пути к речному берегу.

— Один из этих рыбаков возьмет нас, — уверенно сказала она. — Я все еще аббатиса. Сомневаюсь, что они откажут мне.

Оказавшись на песчано-каменистом берегу, Верна подняла руку, чтобы привлечь внимание лодочников. Эмбер помахала более энергично и крикнула. Молодой рыбак направил к ним свою плоскодонку, очевидно, больше заинтересованный хо-

рошенькой послушницей, чем немолодой аббатисой. Когда лодка прибилась к берегу, Верна увидела у ног парня четырех длинных сомов, лежавших брюхом кверху. Их головы были разбиты, но усы упрямо торчали вверх и подергивались.

— Должно быть, вам так нужен сом к ужину, что вы спустились за моим уловом, не дожидаясь, пока я поплыву на рынок, — сказал молодой человек. — Чем я могу помочь, дорогие дамы?

— Нам нужна не рыба, а лодочник. Мы хотели бы переправиться на остров. Можешь переправить нас?

Загорелое лицо молодого человека омрачилось.

— На остров никто не ходит.

— Тогда мы будем вынуждены сделать это сами.

Он недоверчиво повернулся к Эмбер.

— Ты действительно хочешь туда отправиться?

Один из сомов на дне лодки заметался, и парень, схватив левой рукой дубинку, снова ударил его. Раздался чавкающий звук.

— Да, хотим, — сказала Эмбер. — Я и аббатиса. Мы желаем посмотреть, что осталось от Дворца Пророков.

— Почти ничего. — Он понизил голос. — Я был там однажды ночью. Это плохое место.

— Оно имеет большую историческую ценность, — заявила Верна. — И оно дорого моему сердцу.

— Ты перевезешь нас? — спросила Эмбер. — Пожалуйста!

— Конечно.

Верна с прямой спиной сидела на единственной низкой скамеечке плоскодонки, а Эмбер переговаривалась с молодым рыбаком, который плыл поперек течения. Наконец, они подплыли к берегу острова Халзбанд. Верна окинула взглядом пустынную, каменистую поверхность, но ничего не заметила... Совсем ничего.

— Вы хотите, чтобы я высадил вас в каком-то определенном месте? — осведомился рыбак.

— Добрые духи, похоже, это не важно, — сказала Верна и вздохнула. — Мы сойдем здесь.

Балансируя, она вылезла из плоскодонки, а Эмбер легко спрыгнула на берег.

— Как мы попадем обратно?

— Я вернусь за вами, — предложил парень.

Эмбер сверкнула кокетливой улыбкой.

— Мы были бы очень благодарны, но как мы с тобой свяжемся?

— Просто вернитесь сюда, когда будете готовы. Я могу ловить рыбу неподалеку, выше и ниже по течению, и увижу вас. Буду поглядывать в эту сторону.

— Это вполне нас устроит, — сказала Верна и стала подниматься по камням.

Эмбер последовала за ней, махнув на прощанье рукой отчаливавшему лодочнику.

Верна медленно брела, устремив взгляд вперед. Под башмаками хрустели обломки камней. От слез щипало глаза, и она старалась не смотреть на Эмбер — у послушницы могли возникнуть вопросы, на которые Верна была не в силах отвечать. Она не знала, изменится ли это когда-нибудь.

— Ты слишком юна, чтобы помнить это место. Дворец Пророков был одним из величайших зданий Древнего мира, построенный волшебниками три тысячи лет назад — еще до Великой войны и возведения барьеров. Я приехала сюда намного позже и стала послушницей. Со временем взяла на себя обязанности по обучению, затем по подготовке учеников. Мы помогли многим одаренным юношам. Тот, кто не знал, как справиться со своей растущей магией, страдал от головных болей и умирал, если не успевал получить нашу помощь.

— Магистр Рал был одним из них, не так ли? — спросила Эмбер.

— Да-да, был. Я провела вдали от дворца не одно десятилетие, разыскивая Ричарда, но не зная, где именно искать. — Она

коснулась своих седеющих волос и мелких морщинок на коже. — Я посвятила много времени тем поискам, потратив слишком много выделенных мне лет. — Верна знала, что останься она в замедляющей старение сети дворца, она бы все еще была молодой и здоровой. — Но я не жалею об этом, — прошептала она.

— Что вы сказали, аббатиса?

Вздвогнув, Верна огляделась, но увидела только гладкую гальку — сровненные с землей останки великолепного дворца.

— Ничего. Мы должны продолжить поиски; посмотрим, сможем ли найти путь в подземелья. Некоторые катакомбы, возможно, уцелели при взрыве. — Она глубоко вздохнула. — Я знаю, что под дворцом существовала еще одна тайная библиотека — центральный узел. Натан и Энн рассказали мне о ее существовании, но было уже слишком поздно. Если бы император Джегань заполучил эти знания... — Аббатиса покачала головой. — Возможно, эта цена заплачена не зря — хотя она и велика. — Верна судорожно вздохнула.

Они прочесывали развалины, перебираясь через невысокие холмики и скользя по шатким камням и насыпям обломков, потревоженным впервые за многие годы. Вдвоем они поднимали плиты с удивительно гладкими краями — камень был оплавлен. Обломки сдвинулись и со стуком стали падать в пустоту под обвалом. Эмбер поскользнулась, и ее нога угодила в расщелину, но Верна схватила девушку за руку, и та успела только ахнуть. Вместо сломанной лодыжки Эмбер отделалась царапиной. Послушница с облегчением отряхнулась от пыли.

В крошечном зазоре между упавших больших блоков каким-то чудом уцелела маленькая глиняная фигурка жабы. Глаза фигурки были комично большими, губы растянулись в улыбке, а спину покрывала зеленая глазурь. Верна никогда раньше не видела этой жабы. Она осторожно подняла фигурку и рассмотрела ее в солнечном свете.

Эмбер просияла.

— Это восхитительно! Как она уцелела? Разве не чудо?

— Случайность и хорошее расположение, — сказала Верна.

— Это какой-то могущественный талисман? Может, он принадлежал аббатисе Энн? — Девушка наклонилась ближе, но жабу у Верны забирать не стала.

— Скорее всего, просто безделушка одной из сестер. — Она потеряла большим пальцем зеленую глазурь на спинке жабы. Хотя фигурка не имела никакого реального значения, теперь она обрела его, потому что сохранилась после разрушения дворца. Считай, выжила.

Они все ходили по разрушенной местности, надеясь найти больше, хотя даже не знали, где искать. Верна не могла понять, где были стены основных башен и фундамент главных стен. Не виднелось никаких проемов, ведущих в катакомбы — только ямы с осыпавшимся щебнем. Остров Халзбанд сровняли с землей. Суть этого места, все его тайны были разрушены и раздроблены.

Хотя Верна получила ответ на свой вопрос вскоре после прибытия, они пробыли на острове несколько часов. Она поняла, что бесчисленные книги, тысячелетиями хранившиеся под дворцом, стали устаревшими учениями и объяснениями мира, который ныне претерпел необратимые изменения. Истинно неодаренные покинули этот мир, когда Ричард даровал им новую вселенную, и это укрепило основы магии. Но потом перемещение звезд снова все изменило. Хотя одаренных по-прежнему было немало, многие законы магии изменились неизвестным образом: что-то стало сильнее, что-то слабее, а что-то просто стало другим, непредсказуемым.

— Боюсь, нам придется заново открывать наши знания, — сказала Верна. — Все, что мы знали...

Эмбер неожиданно улыбнулась.

— Значит, у сестер Света теперь есть твердая цель, да, аббатиса?

Верна остановилась, размышляя, и почувствовала, как с ее плеч свалился груз. Воздух, который она вдыхала, стал немного свежее.

— Может, ты и права, девочка моя.

Вместе они прошли через завалы и вернулись к берегу, где их уже ждал молодой рыбак на своей лодке.

— Сегодня вечером у нас на ужин будет сом, — объявила Верна.

Глава 24

Следующим утром верховный капитан Эйвери разыскал властительницу Тору. Он выглядел потрясенным и шагал по главному залу башни властителей так, словно был подмастерьем палача.

Никки решила понаблюдать за надменной политической дискуссией, дожидаясь, когда Натан вернется с консультации Андре. Она могла бы высказаться по поводу методов, которыми они смогут лучше служить своему народу, но не надеялась, что ее послушают. Казалось, у правящего совета нет серьезных дел, и потому они ведут бессмысленные разговоры. На этот раз из палаты волшебников присутствовали только Ренн и Квентин — видимо, им больше нечем было заняться в городе; места Андре, Айвена, Эльзы и Деймона пустовали.

Властительница сидела на своем троне и со скучающим видом постукивала покрытыми лаком ногтями по резному деревянному подлокотнику. Максим сидел и наблюдал за кружащей вокруг него жирной мухой; продолжив пальцем ее траекторию, он с быстрой усмешкой выпустил свой дар. Муха превратилась в камень и упала на голубой мраморный пол, словно кусочек гальки. На Никки никто не обращал внимания.

А потом в зал ворвались Эйвери и еще один стражник, сопровождаемые грохотом обитых железом ботинок и звоном чешуек прочных нагрудников. Их лица были пепельными. Эйвери ударил себя кулаком в сердце и преклонил колено перед двумя правителями, опустившись на голубые мраморные плитки.

— Властительница, главнокомандующий волшебник! Произошло убийство!

Никки мгновенно насторожилась, взгляд ее голубых глаз стал напряженным. Ренн и Квентин выпрямились, забыв свой пустой спор не то о ремонте, который требовался на крупнейшей в городе кожевенной фабрике, не то о выборе цвета черепицы на одном из питомников шелкопрядов.

— Убийство? — Максим был скорее заинтригован, чем напуган. — Поподробнее.

Эйвери поднялся, но смотрел на Тору, а не на главнокомандующего волшебника.

— Прошлой ночью один стражник из ночного патруля подвергся нападению на площади среднего уровня — там еще стоит фонтан с танцующими рыбками.

— Прекрасный фонтан, — заметил Максим.

— Помолчи, муж мой! — рявкнула Тора. — Как он был убит?

— Его зарезали, — ответил Эйвери.

Второй стражник сказал дрожащим голосом:

— Кровь была повсюду. Лейтенанта Керри несколько раз ударили ножом. Ему перерезали горло... — Казалось, он не мог найти слов.

Эйвери продолжил за него:

— Раны были нанесены зазубренными осколками стекла.

— Откуда вам знать? — спросила Тора. — Порезать можно и ножом.

— Потому что повстанцы, убив Керри, воткнули ему в глаза осколки зеркала. — Эйвери кивнул на стоявшего рядом страж-

ника, который выглядел так, словно его сейчас стошнит. — Капитан Тревор обнаружил тело.

— Когда мне доложили о происшествии, было уже светло, — сказал круглолицый Тревор, и его бледная кожа слегка порозовела. Он снял шлем, и его светло-каштановые волосы встали торчком. — Тело пролежало там несколько часов. Даже если кто-то видел его, никто не сообщил страже. Но кто-то должен был его заметить — ремесленники, торговцы и рабы занимались своими утренними делами. А Керри лежал там, в фонтане, мертвый... Кругом была кровь. — Он тяжело сглотнул. — А в глазах осколки зеркала.

— Сейчас нужно осушить и почистить фонтан, — сказал Максим. — Мне нравится танцующая рыбка — одна из лучших скульптур.

— Это сделал Зерцалоликий, — проворчал сидевший на скамье Ренн, проведя пальцем между вторым и третьим подбородками. — Он и его гнусные последователи наглеют с каждым днем.

— Согласна, — сказала властительница Тора, лицо которой побелело от гнева. — Мы должны их уничтожить.

Никки знала, что жестокие правители Ильдакара сами провоцировали подобные бесчинства. В Алтур'Ранге и других южных городах люди натерпелись от несправедливости Имперского Ордена и в итоге яростно свергли его.

— Если бы палата волшебников предложила людям равенство и свободу, то им не понадобился бы Зерцалоликий. — сказала Никки.

Она знала, что эти волшебники не станут прислушиваться к ее доводам. Их разумы словно окаменели от заклинания Максима.

Тора бросила на нее раздраженный взгляд.

— Волшебники Ильдакара должны править твердой рукой. В городе много одаренных, но мы сильнейшие и должны уметь распоряжаться доступными ресурсами. — Она смерила

Никки взглядом цвета морской волны. — Раз уж вы так стремитесь помочь, колдунья, нам нужно понять, с кем мы имеем дело. Пока Андре восстанавливает дар Натана Рала, мы должны выяснить, как вы можете нам помочь.

— Я не боюсь сражаться за правое дело, — сказала Никки.
— Все зависит от того, кто наш истинный враг.

Квентин издал своими пухлыми губами непристойный звук.

— Враг очевиден. Эти мясники зарезали невинного стражника и воткнули ему в глаза осколки зеркал.

— Люди по-разному выражают недовольство, — сказала Никки.

Она подумала об ужасных пытках, которым император Джегань подвергал своих пленников, слуг или любовниц, если те вызывали его недовольство. Она вспомнила одного лысеющего слугу с темной челкой. Бедняга оступился, неся графин любимого вина Джеганя. Он поскользнулся в луже крови, натекающей из тела тощей молодой женщины, которую Джегань только что убил, разбив голову об угол каменного стола. Никки — Госпожа Смерть — наблюдала за всем этим, равнодушная к жестоким наклонностям Джеганя. Он часто вымещал свой гнев на ней.

У девушки было очень красивое лицо, но, когда он разорвал на ней платье, намереваясь изнасиловать, то обнаружил большие темные родинки на груди и с отвращением ее убил. Смерть девушки была быстрой, как ответ на его ярость и недовольствие.

Но спустя несколько мгновений, когда несчастный слуга поскользнулся в ее крови и пролил вино, Джегань потратил больше времени, определяя ему наказание. Он выставил мужчину за пределы командного шатра на вытопанную траву. Один из хирургов разрезал живот слуги, стараясь его не убить; затем он вытряхнул в брюшную полость корзину голодных крыс и снова все зашил. Он оставил достаточно зазоров для доступа воздуха, чтобы крысы не задохнулись, дав им время

пожрать все внутренности несчастного, прежде чем они доберутся к его сердцу и легким.

Нет, ее не испугают осколки стекол в глазах мертвеца.

— Зерцалоликий указывает на недостатки вашего общества, — продолжила Никки. — Убийство стражника и осколки в его глазницах должны привлечь ваше внимание. Если вы удосужитесь узнать, чем недоволен ваш народ, то сможете предотвратить следующие убийства.

— Мы предотвратим их, когда поймем Зерцалоликого, — сказал Максим, а затем понизил голос: — Если это возможно.

Тора поднялась с трона и сошла с помоста.

— Никки, пойдете на мою террасу. Там мы обсудим ваши способности.

— Только при условии, что я тоже узнаю о ваших способностях, — ответила Никки, решив не упускать возможность. — Волшебники Ильдакара используют свой дар не так, как меня учили.

Максим спрыгнул со своего трона и поспешил к ним.

— Я с вами.

Лицо Торы скривилось.

— Разве тебе есть, что сказать?

— Я могу предложить свою очаровательную компанию. — Он помахал руками. — Верховный капитан Эйвери, идите и уберите мусор из того чудесного фонтана. Отправьте людей на поиски убийц. Хотя сомневаюсь, что вам повезет больше, чем с тремя прошлыми убийствами.

— Было еще три убийства? — спросила Никки.

Главнокомандующий волшебник пожал плечами:

— Город большой.

* * *

Стены просторной террасы владетельницы были украшены фресками с изображениями цветов, деревьев, водопадов и

пастбищ, на которых развлекалось множество обнаженных соблазнительных женщин и мужчин с большим естеством.

Тора задержалась у клеток из тонкой золотой проволоки, в которых теснилось почти две дюжины жаворонков.

— Их пение безупречно и изысканно. Я обретаю покой, просто наблюдая за ними. Мои любимцы радуют меня, но самое главное, что они знают свое место. — Она искоса взглянула на Никки. — Они живут в клетках, хорошо поют и не стремятся к большему.

— Откуда вам знать, о чем думают певчие птицы? — поинтересовалась Никки.

— Об этом говорит их пение. Будь они несчастны, то вряд ли бы пели.

Джегань наслаждался криками пыток своих жертв.

— Возможно, они кричат от боли, — предположила Никки. — А вы слышите в этом музыку.

Властительница нахмурилась.

— Вы наша гостя, но продолжаете критиковать наши методы правления.

— Я здесь, чтобы помочь своему другу Натану. Как только повелитель плоти восстановит его дар, мы покинем Ильдакар.

Через мгновение на террасе появился Максим, за которым следовали слуги с обедом. Они подали запеченную рыбу, фаршированную зеленью и политую маслянистым соусом, поставили на стол корзины с еще теплой выпечкой и бутылку кровавого вина. Главнокомандующий волшебник первым наполнил тарелку слоистой рыбной мякотью и аккуратно вытащил кости. К его трапезе никто не присоединился.

— Вскоре мы снова поднимем саван. Не хотите остаться с нами?

— К тому времени мы уйдем, — отказалась Никки.

Главнокомандующий волшебник цокнул от разочарования.

— Когда наш город снова будет в безопасности, наши обычаи больше не затронут ваши чувства. — Тора откусила кусо-

чек рыбы. — А сейчас мы должны бороться против этих отвратительных мятежников. Вы говорили, что можете вызвать огонь волшебника? Весьма необычно для колдуньи. Какие еще заклинания вам известны?

— Я использую различную магию в зависимости от обстоятельств, — сказала Никки. — Я приобрела много способностей, когда убила волшебника, а еще меня обучали сестры Света и сестры Тьмы.

— Ах, значит, магия Ущерба, — сказал Максим. — Весьма необычно.

— Вы служили Владетелю, а теперь жалуетесь на наши методы? — презрительно фыркнула Тора.

— Это была ошибка. Сейчас я служу лорду Ралу и помогаю ему приблизить золотую эпоху — когда все люди будут вольны выбирать свою судьбу и жить, как им хочется.

— Оригинально, но непрактично. — Держа в руках тарелку, Тора постучала по золотой клетке, и напуганные жаворонки запели еще громче. — Наверное, вы правы, и они поют из-за страха. Тем не менее, для меня это прекрасная музыка.

Никки положила себе рыбу и свежий хлеб, а Максим наполнил кубки темно-красным кровавым вином. Он сделал большой глоток.

— Где еще вы учились магии? У других наставников? В других библиотеках?

— Я училась на жизненном опыте, а он у меня огромен. С каждым брошенным мне вызовом я совершенствовала умения и находила новые способы применения дара. Когда я вступаю в схватку с опасным противником, то тщательно выбираю оружие. — Ее голос стал тихим и хриплым при мысли о бедной Чертополох и смертоносной стреле, отравленной кровью из ее сердца. — Иногда оно отвратительно.

Максим перебил ее:

— Ваш компаньон Бэннон упоминал некую огромную библиотеку. Архив магических знаний. Это не вымысел?

— Он назвал этот архив Твердыней, — сказала Тора, — вероятно большой архив, который был спрятан во времена Великой войны.

Никки мгновенно насторожилась.

— Бэннон говорил об этом?

— Он рассказал это нашему сыну, — ответил Максим. — Звучит великолепно! Мы просто обязаны изучить архив. — Он повысил голос, чтобы его слышали слуги: — Кто-нибудь, разыщите Ренна! Он нужен мне прямо сейчас. Скажите, что его хочет видеть главнокомандующий волшебник.

Никки слышала шорох шагов, когда слуга убежал по коридору.

— Зачем вам Ренн? — спросила Никки.

— Он самый радивый ученый палаты волшебников. И от него Ильдакару меньше всего пользы. Уверен, он с энтузиазмом воспримет новость о Твердыне. Вы должны рассказать ему, как найти архив.

Никки колебалась.

— Он был скрыт по веской причине.

— Да-да, в извилистых каньонах по другую сторону Кол Адаира. Это нам известно, — сказал Максим. — Полагаю, найти Твердыню будет не слишком трудно.

Тора порылась в рулетах, но ни один не пришелся ей по вкусу.

— В нашей истории говорится, что древние волшебники пытались тайно сохранить мировые знания и не дать императору Сулакану уничтожить их. Считалось, что Твердыня утрачена.

— Нам лучше снова ее отыскать и выяснить, какие знания там хранятся, — сказал Максим.

Никки напряглась.

— Но знания Твердыни опасны. Неподготовленные ученые, которые не ведали, что творят, уже чуть не уничтожили мир. Дважды.

— Еще один повод отправить туда нашего эксперта. — Максим улыбнулся, когда увидел торопливо шагавшего к ним волшебника Ренна, за которым едва поспевал бордовый балахон. Мужчина шел, переваливаясь с ноги на ногу — не потому, что был слишком толстым, а потому, что его ноги были слишком короткими.

Тора взглянула на Максима с неизменным холодным выражением.

— Один из тех редких случаев, когда я согласна с мужем. — Она посмотрела на озадаченного волшебника. — Ренн, у нас для тебя поручение. Существует огромный архив под названием Твердыня, в котором хранятся великие магические знания. Возьми отряд и найди архив. Никки сообщит тебе всю нужную информацию.

Никки подбоченилась.

— Вам никогда не найти архив. Он был скрыт тысячелетиями.

— Вы сами сказали, что скрывающее заклинание было развеяно. Я уверен, Ренн сможет отыскать Твердыню. — Максим указал на Ренна. — Она находится по ту сторону Кол Адаира. Пересеки горы и найди пустынные каньоны. Это совсем несложно.

Ренн изумленно открывал и закрывал рот, словно в нем боролись восхищение и страх.

— Мне больше всего на свете хотелось бы отыскать новый архив. За последние пятнадцать столетий я перечитал все книги в Ильдакаре. Но если архив находится снаружи и... так далеко. — Он причмокнул. — Путешествие может быть опасным.

— Тогда возьми эскорт. Дюжину вооруженных солдат, — фыркнул Максим. — Почему бы тебе не взять того стражника? Капитана... как его там? А, точно, Тревор.

— Здесь он все равно бесполезен, — добавила Тора. — Вид крови производит на него слишком большое впечатление. Пусть лучше командует твоим эскортом.

— Вряд ли это мудрое решение, — громко предупредила Никки.

Тора снова хмуро посмотрела на колдунью.

— Вы не одобряете наши порядки, но Ильдакар пока терпит это. Я — властительница и сама принимаю решения. — Она жестом приказала Ренну удалиться. — Это мой приказ, а ты как член палаты волшебников обязан его исполнять. Найди Твердыню и посмотри, что там полезного. Все равно все ее знания принадлежат нам. — Она распрямила узкие плечи и кивнула. — Большая часть книг архива была взята из Ильдакара три тысячи лет назад. Пришло время вернуть их.

— Властительница, но... — пролепетал Ренн, пальцы которого дрожали. Он смахнул со лба пот и вытер руку о балахон. — Вы собираетесь вновь поднять саван. Вдруг это случится до моего возвращения?

Максим допил кровавое вино.

— Тогда мы будем чрезвычайно разочарованы, что ты не успел доставить сюда записи Твердыни. — Он снова наполнил свой кубок, потом подлил кровавого вина Торе и нахмурился, когда заметил, что Никки едва пригубила из своего кубка. Он замахал рукой:

— Иди, Ренн, тебе лучше поторопиться.

Волшебник спешно удалился.

Глава 25

Бэннон, терзавшийся мыслями о судьбе Яна, больше не замечал чудес Ильдакара. Он провел день в одиночестве, пытаясь придумать, как помочь своему другу.

В его голове медленно кружился водоворот из сожалений и приятных воспоминаний. Они с Яном собирали с капусты извивающихся зеленых гусениц, засовывали их в банку, а потом кормили обрывками капустных листьев. Через некоторое время гусеницы сбрасывали кожу и окукливались. Вскоре они превращались в обычных белых бабочек, которые порхали по полям. Губы Бэннона изогнулись в вымученной улыбке, когда он представил, как они с Яном бегают по рядам зеленой капусты и ловят новорожденных бабочек.

Иногда они с Яном использовали кочаны в качестве мячей. Скучающие мальчишки всегда находили себе развлечение — например, спускались в укрытую бухту и играли в приливных заводях...

Затем, подобно осколку стекла, его пронзило воспоминание об отчаянии на лице Яна, которого норукайские работорговцы избили и потащили к лодке, пока сам Бэннон удирал. Он не мог вообразить боль и страдания, которые выпали на долю Яна. Должно быть, бедного мальчика избивали и унижали. Бэннон вспомнил узоры шрамов на коже своего повзрослевшего друга. Сколько порезов и ушибов ему досталось? Сколько переломов, сотрясений, скрытых травм?

Бэннон неосознанно застонал. Он молил друга о прощении, но знал, что не заслуживает этого. То секундное колебание, то предательство оказалось большой ценой для его сердца.

Ян же потерял все.

Но что привело его друга сюда? Какая сложная цепь событий могла привести пленника с острова Кирия в этот легендарный древний город и заставить сражаться на боевой арене? Как? Пресвятая Мать морей, как... и почему?

«Здесь должен был быть я, — подумал Бэннон. — Я не должен был бросать его, ведь сначала они поймали меня».

Спустя столько времени он по-прежнему испытывал острую душевную боль и хотел, чтобы все было иначе: чтобы похити-

ли только его, а Ян сбежал и жил со своей любящей семьей: матерью, отцом и маленькой сестрой Айрин.

Когда Бэннон добежал до деревни, поднял тревогу и позвал на помощь, было уже слишком поздно. Семья Яна была раздавлена потерей сына, а отец Бэннона поколотил его за трусость. Мальчик и не пытался избежать наказания, потому что знал, что на этот раз заслужил его.

Раз уж его собственная жизнь и так была полна боли из-за пьющего отца, может, он должен был пожертвовать собой и позволить другу спастись. Тогда Ян мог бы вырасти в счастливом доме, жениться на красивой девушке с острова и иногда произносить тост за пропавшего друга Бэннона.

Но Бэннон остался и еще несколько лет страдал от побоев, а потом попытался спасти бедных котят... и оставил любимую мать незащищенной перед этим жестоким человеком. И в итоге он так никого и не спас. И Яна тоже...

На вершине плато было тепло, а солнце ярко светило. Вспотевший Бэннон бродил по улицам, глубоко погруженный в свои мысли. Много позже, вернувшись в особняк, он наткнулся на Амоса, Джеда и Брока, которые маялись от безделья.

— Наш друг Бэннон выглядит хмурым, — сказал Амос, — а нам нечем заняться. Давайте развеселим его.

— И как мы это сделаем? — спросил Джек.

Брок хмыкнул.

— Отведите его к шелковым якседам, даже если он не хочет пользоваться их услугами.

— Он может посмотреть на меня с Мелоди, — сказал Амос.

— Обещаю, что на этот раз не буду заставлять ее петь.

Покраснев, Бэннон затряс головой.

— Я в порядке. Просто пойду в свою комнату.

— Нет, не пойдешь, — сказал Амос. — Оставайся с нами, развлечемся.

Бэннон собрался с силами и придал своему лицу оптимистичное выражение.

— Есть кое-что, что ты можешь сделать... — Он вздохнул и нервно пригладил длинные рыжие волосы. — Хочу попросить об одолжении.

— Об одолжении? — спросил Амос. — А ты его заработал? Бэннон нахмурил брови.

— Меня учили, что одолжение — это то, чего ты просишь, а не зарабатываешь.

— Может, в Ильдакаре учат по-другому, — сказал Брок.

— Вчера, — начал он, — я спустился в тренировочные ямы около боевой арены.

Трое молодых людей рассмеялись.

— Адесса может с тобой покувыркаться, но это еще нужно заслужить, Бэннон. Ты должен продемонстрировать свое мастерство в бою, чтобы кто-то из Морасит воспринял тебя всерьез.

— Н-нет, дело не в этом, — забормотал он, подбирая слова. — Пресвятая Мать морей... — Он потряс головой. — Мне нужна твоя помощь, чтобы освободить моего друга Яна. Чемпиона. У тебя есть деньги и связи. Распорядители арены послушают тебя.

— Чемпиона? — переспросил Брок. — Сомнительно.

Амос, казалось, задумался.

— Возможно, мы сможем это уладить. Только дай нам время. Поговорим об этом позже.

Бэннон не мог понять, серьезно говорит юноша или просто шутит. Может, они обманывают его, но другого пути нет.

— Позже? Через сколько? Если бы вы просто пошли со мной, чтобы увидеть его...

— Завтра, — сказал Амос. — Сегодня и так слишком много дел.

— Ты вроде как сказал, что вам нечем заняться.

— Промежность Владетеля, мы еще не показали тебе реку и обрыв — одно из самых удивительных мест Ильдакара. Тебе

стоит это увидеть, и лучше всего, если мы будем твоими проводниками. Мы можем рассказать много интересного.

Джед прислонился к мраморной колонне, а Амос поднялся и стал приплясывать на мелком белом гравии. Брок поправил пятнистый плащ, расправил плечи и крутанул руками, словно разминался перед боем.

— С вершины утеса можно смотреть на лодки и грузовые суда, которые плывут вверх по течению, — сказал Амос и вскинул бровь, глядя на Бэннона. — Там даже ты можешь почувствовать себя лордом.

— Никогда не хотел быть лордом, — произнес Бэннон. — В глубине души я просто капустный фермер и искатель приключений. Я хотел увидеть мир. — Он похлопал по наверху Крепыша. — А Яна забрали...

Амос и его товарищи явно не желали об этом слушать. Они широкими шагами двинулись по улице, и Бэннон последовал за ними, спускаясь с вершины плато по извилистой главной городской артерии. Дорога вела их к склону, обращенному к реке.

Они миновали бакалейщика, тянувшего вверх тележку с лаймами, лимонами и гроздьями черного винограда. Плотники с закинутыми на плечо инструментами шли к своим рабочим местам — Илдакар постоянно чистили, ремонтировали и достраивали. Им попалась прогуливающаяся одаренная дворянка в длинном платье из розового шелка, рядом с которой шел раб, ведущий на поводке рыжую полосатую кошку, весьма упитанную. Они проходили мимо фонтанов, где рабочие и рабы умывались, черпали воду и несли кувшины в свои дома. Вода уходила по узким каналам, выложенным плиткой, а под улицами проходили снабжавшие город водой акведуки.

Когда Амос привел их к крутому берегу реки Киллрейвен, Бэннон глянул вниз, и его желудок сжался. Отвесный утес был из комковатого и пористого песчаника. Какой-нибудь ловкий

отчаянный скалолаз мог бы взобраться по этой опасной стене, но малейшая ошибка вела к смерти.

Амос, стоявший рядом с Бэнноном, указал на обрыв:

— Видишь, на что способны волшебники Ильдакара? Город располагался прямо на берегу реки Киллрейвен, которая пересекала великую долину и равнину, но доступность со стороны реки делала нас слишком заманчивой и легкой мишенью.

— Мы никогда не были слабы, — сказал Джед.

Амос нахмурился из-за того, что его перебили.

— Мы были достаточно уязвимы, чтобы привлекать захватчиков, как труп привлекает личинок. — Он широко расставил руки. — Поэтому наши волшебники потянули пласт земли, оторвали эту сторону равнины и подняли ее, создав высокий отвесный берег. Они оставили внизу охраняемый порт, к которому могут причалить речные суда и большие корабли, которые приплывают из далекой бухты, где река Киллрейвен впадает в море.

Бэннон увидел далеко внизу сложную сеть доков и пирсов, выступающих из песчаника на уровне реки. Там были небольшие лодки, грязные суда тралового лова, рыбаки, сборщики раковин и тростника.

— Как груз попадает из порта в город? — спросил Бэннон. Он посмотрел на две плоские баржи, привезшие бочки из поселений выше по течению.

— Присмотрись, — сказал Амос.

Бэннон наклонился и увидел высеченные в стене ступеньки, ведущих головокружительными зигзагами от одного уровня к другому. Он вспомнил, как взбирался по стене каньона к огромным библиотекам Твердыни, но здесь лестницы выглядели куда коварнее.

— Как тут можно подняться, неся при этом груз?

— Мы ведь не хотим, чтобы от реки до города было легко добраться, — резко сказал Амос. — В этом весь смысл, не так ли? Смотри, как рабы делают свою работу.

Рядом с одним из деревянных доков рыбак загружал корзины со свежим уловом на дощатую платформу, от которой поднимались канаты, протянутые через систему рычагов, шкивов и противовесов. Другой торговец доставил камни, добытые в каменоломне на другом берегу реки. Когда они загрузили товары на платформу, рабочие на среднем уровне отвесного обрыва повернули большие соединенные между собой колеса, натянув канаты, и платформы поползли вверх.

— Люди пусть поднимаются по лестнице, — пояснил Амос, — а вот товар запросто можно поднять.

— Запросто, пока у нас хватает рабов, — сказал Джед, и Бэннон задумался, почему они не могут сделать это при помощи своей могущественной магии.

Река текла далеко под обрывом, пенясь зелеными и белыми завитками.

— Волшебники древности даже изменили течение, подведя Киллрейвен ближе, а затем направили ее на юг, сделав землю за крутым берегом большим непроходимым болотом. Топи представляют собой лабиринт с кривыми деревьями и ямами грязи. — Губы Амоса изогнулись в язвительной улыбке. — И наши повелители плоти превратили некоторых местных зверей в ужасных монстров, змей и крупных ящеров, и теперь болото кишит ими. Никто не может там пройти.

— Но генерал Утрос явился из-за гор и пошел по равнине, — сказал Бэннон. — Они бы разрушили ваши стены, проломили ворота и захватили город.

Джед и Брок обеспокоенно переглянулись. Амос только фыркнул:

— Вот поэтому нам пришлось превратить их всех в камень. Утрос потерпел неудачу, власть императора Кергана рухнула... а Ильдакар все стоит, такой же могущественный, как и прежде.

На краю обрыва, в нескольких улицах от них, стояла высокая узкая башня со смотровыми окнами наверху. Бэннон заме-

тил внутри башни двух человек, которые смотрели в сторону реки, махали руками и что-то кричали. Дозорные сменили знамена, развевающиеся на вершине башни: флаг с изображением символа города — солнца и молнии — сменился синим треугольным полотнищем, захлопавшим на ветру. Когда другие ильдакарцы заметили изменения и услышали крики, они подхватили клич.

— Что такое? — спросил Бэннон. — Они что-нибудь увидели?

Амос, Джед и Брок смотрели на реку вниз по течению.

— Смотрите! Корабли идут довольно быстро.

Бэннон заметил два больших низких судна, идущие против течения. У каждого был туго натянутый темно-синий квадратный парус. Его кровь застыла.

— Должно быть, они потратили много крови, чтобы вызвать такой ветер, — критически высказался Амос. — Надо поспешить к докам.

— Они увидели Ильдакар и поняли, что саван опущен, — сказал Джед. — Хотят поторговать, пока не поздно.

Два корабля быстро приближались. Хотя они шли против течения, их словно вела непреклонная магия. У Бэннона скрутило желудок, пока он рассматривал широкие балки и низкие полированные корпуса; он знал, что на носу каждого корабля будет чудовищный резной морской змей.

— Эти норукайские корабли, — прошептал юноша. — Они собираются напасть на Ильдакар? — Бэннон надеялся увидеть, как они будут уничтожены магическим штормом, который обрушат на них волшебники. Юноша сжал в потной ладони рукоять меча. Он сразится с ними, если потребуется.

— Конечно нет, дурень! — усмехнулся Амос. — Норукайцы — наши лучшие торговые партнеры. Держу пари, эти два корабля доставили сотню, а то и две, пленников.

— Нам нужна свежая кровь, — сказал Брок. — Завтра на рынке рабов будет оживленно.

— Рабы? — воскликнул Бэннон. — Они налетчики! Норукайцы захватывают в деревнях невинных людей.

Таких, как Ян.

— Они привозят рабов, которых мы покупаем, — сказал Амос, кинув на него странный взгляд. — Мы должны восполнить их численность. Из-за Зерцалоликого рабы убегают. Но кто знает, сколько магии крови потребуется, чтобы снова поднять саван?

Бэннон думал о муках, которые пережил его друг, о его шрамах и боли. Зрение юноши затуманила черная пелена гнева.

Он не разделял воодушевления ильдакарцев, которые приветствовали корабли налетчиков, пришвартовавшиеся к отвесному берегу под городом.

Глава 26

Через день после прибытия в Серримунди Оливер и Перетта со слезами на глазах прощались с рыбаком Кеннетом, который доставил их сюда из бухты Ренда. Бородачу понравилось долгое путешествие, но ему не терпелось вернуться на борт «Дейзи» и отправиться домой.

Он сжал узкие плечи Оливера с такой силой, что у молодого ученого хрустнули два позвонка. Кеннет обнял Перетту столь же горячо, но гораздо аккуратнее.

— Не волнуйся, девочка, ты выглядишь хрупкой тростинкой, но я буду осторожен.

Она нахмурилась:

— Я могу выдержать то же, что и Оливер.

— Так и есть, — подтвердил Оливер. — У нас хорошая команда, Перетта. Мы уже так далеко ушли.

Перетта притронулась к своему виску и закрыла глаза.

— Я сохранила в своем разуме все впечатления и детали.

— Я не помнящий, но подробно все записал в свой дневник,

— сказал Оливер. — Так другие смогут прочитать о нашем путешествии.

Перетта одарила его утешительным взглядом, словно он признался в своей слабости.

— Даже без помощи вас двоих на борту «Дейзи» обратное путешествие на юг доставит мне не меньшее удовольствие, — сказал Кеннет. — Всегда предпочитал уединение. — Он посмотрел на кремово-белые здания Серримунди в окружении высоких кедров, напоминавших темно-зеленые наконечники копий вдоль бульваров и на холмах. — Никто из бухты Ренда не заплывал так далеко, но теперь, когда я это сделал, найдутся и другие. Иногда такие путешествия не помешают.

За время пребывания в большом порту Кеннет нагрузил свою рыбацкую лодку оружием — мечами, щитами, топорами, булавами и молотами, — изготовленным известными оружейниками Серримунди.

— У нас дома есть мастера по изготовлению стрел и луков, но трудно добыть хорошую сталь для мечей. Эти вполне сгодятся, — заговорщицки сказал он, стоя одной ногой на борту лодки, а другой на причале. Он покачнулся, чтобы сохранить равновесие. — Я даже приобрел чертежи осадных башен и оборонительных стен. Возможно, что-то мы сможем использовать для защиты бухты Ренда. Мы будем готовы к следующему приходу норукайцев... а они еще придут.

— Удачи, — сказала Перетта.

— Кто-нибудь в Серримунди поможет нам добраться до Нового мира, — произнес Оливер. — С нами все будет в порядке.

Кеннет развязал канаты и отбросил их ботинком. Он поднял парус и отплыл от шумной гавани. Оливер и Перетта наблюдали, как он плывет к огромной статуе Матери морей, которая словно выходила из высоких скал в устье гавани.

— Будет ли? — спросила Перетта.

Оливер моргнул.

— О чем ты?

— Будет ли с нами все в порядке?

Он коснулся ее плеча:

— До сих пор у нас все было прекрасно. — Оливер знал, что не был ни отважным воином, который поведет за собой войска, ни лазутчиком, который мог ориентироваться на неизведанной местности. Но их с Переттой навыки были приблизительно равны. — С нами все будет хорошо. Ты помогаешь мне, а я — тебе. Разве ты не запомнила уйму всего о тех местах, куда мы направляемся?

— Не совсем. — Смущенно сказала она. — Но мне известны торговые пути. Может, с помощью этих знаний я найду того, кто доставит нас в Танимуру, а оттуда — к магистру Ралу.

Она закрыла глаза и сконцентрировалась, вороша запомненные сведения, а Оливер принялся разглядывать лодки в гавани. Наконец, они покинули пристань и вместе отправились в город.

Серримунди был построен на разветвленной дельте реки, впадающей в море. Люди укротили рукава дельты, заперев их в каналах. Гондольеры на небольших лодках сновали по водяным улицам, доставляя людей к небольшим придомовым причалам.

В городе было полно занятых людей в красочной одежде. Оливера и Перетту оглушила какофония голосов, музыка, которую играли моряки из далеких стран, скрежет и скрип канатов в блоках, грохот деревянных ящиков, плеск волн о корпуса кораблей, выкрики торговцев вином, продавцов ракушек и уличных пророков, которые обещали предсказать судьбу.

Темные глаза Перетты заискрились, когда ей пришла идея:

— Нам следует доложить обо всем хозяину порта. Он имеет влияние в Серримунди.

Оливер похлопал по поясной сумке, в которой лежали документы.

— Да, и у нас есть для него новости... о «Бегущем по волнам».

* * *

Оливер и Перетта сидели в расположенном на втором этаже кабинете хозяина порта, Отто. У него было плоское лицо с честным выражением, глаза цвета карамели и выющиеся темные волосы, достававшие до плеч. Даже в кабинете он не снимал широкополую кожаную шляпу. Окна были широко распахнуты, и их беседа перемежалась криками чаек. Свежий соленый бриз ворошил бумаги на столе.

Оливер снял свою сумку, выложил перед собой дневники и документы и прижал их рукой. Он колебался, зная, что придется сообщить Отто плохие новости.

В кабинет вошла женщина с подносом, на котором стояли фруктовые соки и тарелка маленького круглого печенья со сверкающими крупинками тростникового сахара. Отто поднял глаза и улыбнулся.

— Ах, это моя дочь Шира. Вообще-то она должна быть дома и присматривать за своими детьми, но она любит работать в канцелярии. На самом деле, она мой деловой партнер.

Женщина посмотрела на них и откинула волосы.

— Мой муж сейчас в море, а дети могут позаботиться о себе сами. — У Ширы были длинные гладко расчесанные темно-каштановые волосы и широкие бедра. Она родила нескольких детей и вела непростой семейный быт, но все еще оставалась красивой.

Когда Шира подошла с подносом освежающих напитков, Оливер заговорил:

— У нас есть новости от трех путешественников, отправившихся вглубь материка: колдуньи, волшебника и молодого мечника. Они были на борту корабля «Бегущий по волнам».

Шира замерла с подносом.

Оливер не заметил, что она резко затаила дыхание.

— Сэр, я с прискорбием сообщаю, что «Бегущий по волнам» потерпел кораблекрушение после нападения элоков неподалеку от Призрачного берега. Как хозяин порта вы должны это узнать. Вся команда погибла, за исключением трех упомянутых людей.

Раздался грохот и звон: Шира уронила поднос с соком и печеньем. Она стояла, дрожа, будто кто-то ее ударил; затем отвернулась и заплакала.

— Мне нужно увидеть Мать морей. Помолиться... — Она подошла к двери и остановилась, вцепившись в косяк так сильно, что костяшки пальцев побелели, а ногти впились в дерево. Она несколько раз тяжело вздохнула и обернулась. По ее щекам текли слезы. — Я должна молиться о наставлении, как сказать детям, что их отец погиб в море.

Она выбежала из кабинета.

Отто выглядел хмурым и мрачным. Его плечи поднялись и опустились, когда он издал вдох, походивший на шум ветра при надвигающейся буре.

— Капитан Корвин был порядочным человеком, достойным мужем и отцом. Каждая жена капитана корабля знает, что рано или поздно она обязательно получит такие вести. «Бегущий по волнам» находился в плавании большую часть года, но капитан выполнил свои обязательства. Он позаботился, чтобы у моей дочери и их детей были и пища, и кров.

Двигаясь с мучительной медлительностью, словно не в силах смириться с новостями, хозяин порта выдвинул ящик стола и достал пачку побуревших от давности рукописных документов — на некоторых даже выцвели фиолетовые чернила.

Наконец, он извлек старое свидетельство о браке и покачал головой.

— Шира — дочь хозяина порта. С ней и ее детьми все будет в порядке. Я найду для нее другого капитана, и брак будет заключен на тех же условиях.

Оливеру стало неимоверно грустно. Судя по рассказам Никки, Бэннона и Натана, капитан Эли Корвин был хорошим человеком, который до последнего сражался за свой корабль. Оливер ничего не знал о его семье.

Отто посмотрел на них через стол:

— Спасибо за эту новость. Я говорю совершенно искренне.

Перетта, казалось, растерялась.

— Но мы только что сказали вам, что корабль затонул, а капитан мертв. Почему вы нас благодарите?

— Беспокойные терзания часто хуже, чем тупая боль горя. Лучше знать ужасную правду, чем проводить месяц за месяцем в пустых надеждах. Каждый день Шира спускалась к пристани встретить вновь прибывшие суда и спрашивала, нет ли вестей о «Бегущем». Теперь она знает. — Он вздохнул. — Мы сделаем большое пожертвование в храм Матери морей... и я сообщу весть ныряльщикам за жемчугом. Их наставник отправил на борт «Бегущего по волнам» пятерых своих лучших ныряльщиков, запросив непомерную плату, на которую капитан Корвин согласился. Полагаю, наставник надеялся в следующий раз отправить и других ныряльщиков. Теперь им придется искать другое судно с амбициозным капитаном.

Он разложил на столе еще какие-то документы и прижал их тяжелыми кусками высушенных кораллов, чтобы бумаги не сдул морской бриз.

— Мы надеялись, что наши новости окажутся для вас ценными, — сказала Перетта, — потому что у нас есть миссия. Серримунди теперь является частью Д'Харианской империи. Лорд Рал принес свободу во все города Древнего мира.

Отто сдвинул брови вместе и поправил шляпу.

— Я слышал пару историй об этом, но наша повседневная жизнь ничуть не изменилась. Если лорд Рал считает себя нашим новым правителем, то наверняка отправит своих людей обложить нас налогами.

— Как мы поняли, лорд Рал заинтересован лишь в том, чтобы обеспечивать, а не навязывать образ жизни, — сообщил Оливер.

Хозяин порта поморщился.

— Как Имперский Орден? Серримунди пришлось неискренне выразить императору Джеганю свою преданность, подкрепив слова солидным платежом — лишь бы он оставил нас в покое. Поскольку Серримунди не доставил ему никаких проблем, он направил свои армии в другое место. — Отто внезапно сел прямо. — Он вроде как направил все свои войска на север, чтобы сразиться с каким-то новоявленным лидером Ричардом Ралом. Хмм...

— Да, все так, — сказал Оливер. — Но магистр Рал не собирается навязывать жесткие правила, как это делал Имперский Орден. Он хочет, чтобы все города и земли давали своим людям свободу, позволяя им самим выбирать свою судьбу, сохранять достоинство и свергать тиранов. Чтобы стать частью Д'Харианской империи, все земли должны соблюдать свод установленных правил, основанных на человечности и порядочности.

По крайней мере, так ему сказали Никки и Натан.

Отто придавил куском коралла стопку бумаг, которые он еще не просмотрел.

— Тогда Серримунди полностью устраивать такая обстановка. Но что нужно вам?

— Нам нужно на север, — ответила Перетта. — Мы прибыли из Твердины, которая находится в глубине материка. Мы в пути уже почти месяц, но должны добраться до Нового мира и найти того, кто поможет нам доставить отчеты магистру Ралу. Я могу пересказать их по памяти, если встречу с ним лично.

— А у меня все записано. — Оливер собрал свои бумаги и запихнул их в кожаную сумку.

— Наши корабли ходят вдоль побережья на север, и многие доплывают до самой Танимуры.

— Мы неприхотливы, — произнес Оливер, а затем понизил голос: — Потому что нам нечем заплатить.

— В таком случае у меня есть кое-что именно для вас. Корабль моего брата Джареда занимается добычей кракенов, и завтра он собирается отплыть. Он потерял часть своей команды... при несчастном случае во время последнего рейса, но теперь намерен охотиться в водах к северу отсюда. Если вы готовы помогать команде и корабль для охоты на кракенов вас не смущает, то вам найдется там место.

— Мы не знаем, что такое охота на кракенов, — сказал Оливер.

— Тем лучше. Я все улажу.

Глава 27

— Легенды об Ильдакаре гораздо лучше действительности, — произнес Натан, заметив напряженность Никки. Они находились на невольничьем рынке. — Это тебя беспокоит, колдунья, и я знаю почему.

— Меня беспокоит рабство во всех его проявлениях, — ответила Никки. — Меня и саму когда-то звали Королевой-рабыней, но Ричард изменил меня.

Яркие цвета, сладкий аромат цветов и возбужденная болтовня не могли скрыть того, что рынок был зловещим местом. Когда Никки смотрела вокруг, в ней закипал гнев.

— Прекрасные цветы, растущие в куче навоза, не смогут скрыть его зловоние.

Рынок рабов представлял собой открытую площадь, вымощенную идеально подогнанными каменными плитами и окруженную высокими белыми зданиями. Они прошли мимо новой белой статуи — это был недавно обращенный в камень дерзкий молодой погонщик яксенов. Большинство прохожих не обращали на статую внимания, но некоторые бросали на нее такие взгляды, словно знали, откуда она взялась. Никки увидела отблески крошечных осколков зеркала вокруг постамента — уборщики еще не успели их убрать.

Люди стекались с переулков и главных улиц, желая увидеть, кого привезли норукайские корабли. За разодетыми купцами и торговцами плелись рабы в серых туниках и простых сандалиях. Одаренная знать кичилась своими шелками, мехами, золотыми ожерельями, драгоценными амулетами и застежками плащей.

Подобно цветам, распускающимся в пустыне после внезапного дождя, повсюду возникли винные прилавки. Прикатили телеги с бутылками кровавого вина и множеством глиняных, оловянных или хрустальных кубков.

Торговцы поспешили занять хорошие места на окраинах площади. На небольших жаровнях шипело мясо, а продавцы зазывали один громче другого, нахваливая свой товар. Понурые рабы несли рулоны тканей портным, готовым продать новую одежду тем, кто купил рабов и собирается одеть их соответствующим образом.

В центре рынка была пустая прямоугольная платформа, способная вместить не менее сотни людей. Над площадкой возвышалась деревянная беседка с вьющимися вокруг балок темно-зелеными лозами, которые будто силились задушить древесину. С решетчатой крыши свисали пышные благоухающие цветы — малиновые глицинии, похожие на брызги крови.

Спешивший мимо них волшебник Ренн взволнованно вытер лоб и поправил бордовый балахон.

— Мне нужна еще дюжина рабов, но я отправлюсь в дебри на поиски Твердыни. — Он покачал головой. — Борода Владетеля, как все это не вовремя! — Измученный Ренн устался на Никки и Натана. — Вы подробно описывали ваше путешествие. Скажите, как найти этот огромный архив, и мой поход быстро и благополучно окончится.

Натан быстро скрыл свой озадаченный вид, а Никки довольно прохладно ответила:

— Как я уже говорила властительнице, мы должны уважать их желание оставаться в уединении.

Нижняя губа Ренна оттопырилась от досады:

— Я рассчитывал на вашу помощь. Значит, просто отправлюсь на запад, пересеку горы и обыщу каньоны. Со своим даром я точно не пропущу Твердыню. — Он издал протяжный вздох, оглядывая невольничий рынок. — Досадно упускать такую возможность.

Квентин фыркнул и взмахнул руками. Облако его темно-седых волос походило на грозовую тучу.

— Сейчас самое время обзавестись рабами, которые будут управляться с твоим домом. Можешь купить их и оставить в особняке на время отсутствия.

Ренн посмотрел на него с ужасом:

— Необученных рабов? Да они сравняют мой дом с землей!

Квентин снова фыркнул.

— Если до этого дойдет, мы их прилюдно выпотрошим и дадим урок остальным.

— Ценой моего дома? Нет уж, спасибо. — Он завертелся, но уступил, не скрывая раздражения: — Мне нужно собрать людей и провизию. Солдаты капитана Тренора уже готовы, и мы планируем покинуть город до заката. Предстоит долгое путешествие. — Он с надеждой взглянул на Натана. — Это место находится сразу за горами?

Осмотрительный Натан лишь пожал плечами.

— Тогда мне пора идти. — Ренн резко развернулся, от чего подол его балахона взметнулся. Волшебник покинул рынок рабов, излучая недовольство.

Почтенная Эльза, у которой были короткие седеющие волосы и крепкая фигура, остановилась рядом с Натаном и неприужденно произнесла:

— Мне быгодилисьеще четверо или пятеро рабов, чтобы вести домашнее хозяйство. Норукайцы уже несколько месяцев не привозили новых, но... — Она пожала плечами и слабо улыбнулась. — Я уже много лет не покупала рабов. Полагаю, пришла пора это сделать. Многие мои рабы настолько стары, что едва справляются со своими обязанностями, но я хорошо с ними обращаюсь.

Неподалеку от прямоугольной платформы на возвышении стояли каменные скамьи, где потенциальные покупатели демонстрировали мешки с монетами, делали заявку и получали право участвовать в торгах. Члены палаты волшебников рассаживались по местам на каменных ступенях, но когда Никки с Натаном попытались присоединиться к ним, стражники подняли руки.

— Прошу прощения, — сказал молодой солдат с жиденькой бородкой и каменным выражением лица. — Вы двое не являетесь гражданами Ильдакара, а эти места предназначены только для участников торгов. Или вы не собираетесь тратить деньги на рабов?

— Нет, не собираемся, — отчеканила Никки.

Натан с расстроенным видом наклонился к Никки:

— А может, стоит, колдунья? Если у нас хватит золота, мы можем купить несколько несчастных, чтобы дать им лучшую жизнь и свободу. Мы могли бы подать этому городу хороший пример.

Она посмотрела на своего компаньона, гордясь его решительностью, но считая его несколько наивным.

— Я бы с радостью, но где взять столько денег, чтобы перебить ставки знати Ильдакара?

— Будь у меня дар, я бы мог наколдовать столько золота, сколько нужно. Это очень полезный навык...

— Тогда волшебники Ильдакара могли бы сделать то же самое. Нет, нам нужно мыслить более масштабно, чтобы найти способ разобраться с корнем проблем. Покупка одного или двух рабов мало что изменит. — Она прищурила голубые глаза и оглядела толпу, заметив возбуждение и нетерпение на лицах.

— Но это изменит жизнь одного или двух рабов, которых мы освободим, — сказал Натан, понизив голос.

— В этом ты прав, — призналась она. Ее мысли рыскали в поисках возможности изменить ситуацию, как кошка, вышедшая на охоту. Выражение ее лица оставалось безучастным, пока она рассматривала продолжавшую разрастаться толпу. — Я всегда считала себя свободной, но Имперский Орден сковал меня цепями моих собственных убеждений. Я служила Джеганю, не зная, что была рабом своих же заблуждений.

Натан погладил свой гладкий подбородок:

— И как сестра Тьмы ты была в ловушке своей верности Владетелю.

Никки медленно выдохнула, чтобы успокоиться, но она не хотела успокаиваться. Ей нужно сосредоточиться. Как можно сражаться с целым городом, образ жизни которого укоренился за тысячи лет, и с группой могущественных волшебников, чьи возможности ей даже неизвестны?

— Но сейчас я по собственной воле служу Ричарду Ралу и стремлюсь подарить свободу остальным людям. — Она осмотрела рынок рабов и почувствовала тяжесть в сердце. — Но здесь цепи слишком толсты и крепки.

— Сестры держали меня в плену, — заметил Натан. — Я был рабом пророчества, запертым в неприступной башне из-за своего дара. Но я вырвался на свободу, а ты сумела сбросить

оковы Владетеля и Джеганя. Не будем отчаиваться, ведь нет ничего невозможного.

— Нет ничего невозможного, — согласилась Никки.

Опоздавший повелитель плоти Андре торопливо пробирался сквозь толпу. Он с ухмылкой бросил взгляд на Натана.

— Хмм, возможно, мне удастся купить подопытных, и тогда мы сможем поискать способ вернуть столь необходимое тебе сердце.

Поскольку все места для участников торгов были заняты, Андре пришлось сесть на одно из нижних мест, из-за чего у него подпортилось настроение. Впрочем, повелитель плоти оживился, когда за пределами площади загремели барабаны. Публика в ожидании повернулась к источнику звука. Толпа зашевелилась и расступилась, словно поток воды, огибающий камень.

Норукайские работорговцы прошеествовали по площади, двигаясь через толпу, как через воздух.

Никки ошетичилась. Норукайцы были крепкими мужчинами и прирожденными бойцами, закаленными полной насилия жизнью на обдуваемых всеми ветрами островах. Их руки были толщиной с бедро обычного мужчины. Они были одеты в разношерстные грубые жилеты из толстой чешуйчатой кожи — похожей на акулю, но с более крупными чешуйками. На каждом норукайце были окованные железом кожаные сапоги и черные обтягивающие штаны с широким металлическим поясом. Оружие у них было самое разнообразное: двусторонние топоры, мечи, грозные железные дубинки и ножи. Некоторые щеголяли плетеными кожаными кнутами, кончики которых напоминали конский хвост. Многочисленные пряди наверняка хлестали очень болезненно.

Лица норукайцев были обезображены схожими шрамами. Когда-то они разрезали свои щеки от уголков губ до челюстного сустава, а затем грубо сшили плоть. У некоторых мужчин

были татуировки в виде чешуи — они стремились походить на могучих резных змеев, которые украшали носы их кораблей.

— Я помню, как убила немало норукайцев, — произнесла Никки.

— Мы спасали жителей бухты Ренда, — сказал Натан и коснулся богато украшенного меча на бедре. — Я доказал, что и без магии могу быть смертоносным воином. — Его лазурные глаза блеснули. — Но я бы предпочел иметь в своем распоряжении магию.

Норукайцы вели за собой более сотни пленных мужчин, женщин и детей. Пленники, одетые в лохмотья, были изможденными, грязными и жалкими. У некоторых на ногах еще остались рваные ботинки или сандалии, но остальные ковыляли босиком, оставляя на каменных плитах кровавые следы. Большинство шли, опустив голову и не сводя глаз с пяток впереди идущего. Кто-то забормотал, увидев широкую платформу в центре рынка.

Желудок Никки сжался, она разжала ладонь и стиснула ее в кулак, вскипая от гнева. В один миг она могла выпустить огонь волшебника и убить всех этих налетчиков... но что хорошего это принесет? Прежде Никки безрассудно сражалась даже в безнадежной ситуации, но теперь ей предстояла более важная битва, и она должна все сделать правильно.

Одна пленница стонала и шмыгала носом, из последних сил стараясь не зарыдать. Норукаец ударил ее по лицу, и его косяшки врезались в висок с такой силой, что женщина пошатнулась. Когда она начала падать, работорговец схватил ее за волосы и потащил за собой. Она спотыкалась, путаясь в ногах, и пыталась вернуть контроль над телом. Кто-то из товарищей по несчастью подхватил ее под руку, пытаясь помочь. В конце концов, каким-то образом женщина нашла в себе силы переставлять ноги. Пока работорговцы отвлекались на спотыкающуюся женщину, оборванный мужчина выскочил из рядов

пленников и бросился к толпе, собираясь затеряться среди людей.

— Что это он задумал? — воскликнул Натан.

Никки выпрямилась, готовая сражаться в случае потасовки.

— Он просто глупец.

Отчаянный мужчина сделал четыре шага с поднятыми руками, надеясь, что кто-то из ильдакарцев защитит его.

Двое норукайцев сорвались со своих позиций и бросились за ним, напоминая волков. Один норукаец выхватил меч, замахнулся и вонзил клинок в ребра беглеца. Красный цветок крови распустился на боку мужчины. Второй норукаец, изуродованные губы которого не могли сложиться в улыбку, с радостным блеском в глазах снял с пояса железную палицу с металлическими клыками шипов. Он взмахнул оружием и ударил пленника в плечо, пробивая кожу и кости. Отчаянный мужчина уже падал, и так смертельно раненый ударом меча. Несмотря на это, второй норукаец ударил его по затылку, пробив череп.

Ильдакарские зрители отступили, чтобы их не забрызгало кровью, и теперь зачарованно наблюдали за развернувшейся сценой. Еще один удар, и лицо мужчины ткнулось в каменные плиты площади. Первый норукаец снова вскинул меч и пронзил спину бедняги, а затем нанес еще пять ударов, пока его товарищ продолжал молотить своей шипастой железной палицей. Вскоре их жертва превратилась в растекшееся по мостовой пятно с человеческими очертаниями.

Двое работорговцев с довольным видом убрали оружие и вернулись в конвой. Остальные пленники, объятые ужасом и испытывавшие дурноту, поняли урок.

Город словно был готов к такому повороту событий — на площадь прибежали ильдакарские рабы с ведрами и щетками и принялись убирать месиво.

Во главе процессии шел лидер норукайцев. У него были нависшие брови и высокий лоб; лицо и голова были гладко

выбриты, но над левым виском прямо из кожи торчал острый треугольный зуб — возможно, акулий. Казалось, вживленный зуб сам пророс из его черепа.

— Добрые духи, они весьма изобретательны в том, чтобы уродовать себя, — пробормотал Натан.

Сидевший неподалеку Андре щелкнул языком.

— Да, жалкое зрелище. Их методы слишком грубые. Я легко мог бы видоизменить их с помощью дара, но они будто наслаждаются болью и шрамами.

— Нет никаких сомнений, что от этого они чувствуют себя сильными и храбрыми, — сказала Никки. — Знала я таких.

Облаченные в строгие одежды торговцы рабами собрались на прямоугольной платформе под навесом с красными цветами и дожидались прибытия пленников. Глава норукайцев вызывающе повысил голос. Его изувеченная нижняя челюсть искажала слова, но в голосе чувствовалась сила:

— Я Кор, капитан этой связки кораблей. Мы привезли на ваш рынок сто шестьдесят рабов и ожидаем хорошую цену. Мы будем рады избавиться от этого ходячего мяса.

Норукайцы загнали пленников на большой помост. Запуганные и всхлипывающие мужчины, женщины и дети встали под высоким решетчатым навесом с вьющимися растениями. Налетчики кидали на них сердитые взгляды, издавая гортанные звуки и брызгая слюной. Их выдохи звучали как змеиное шипение.

Ильдакарские торговцы рабами торопливо дернули вниз пышные зеленые лозы глицинии. Когда усики растений касались пленников, словно пытаясь удержать их смехотворно тонкими веревочками, рабы становились покорными. Выражение ужаса на их лицах сменялось умиротворенной апатией.

Даже со скамьи участников торгов, на которой сидела Никки, докатилось цветочное благоухание, которое становилось все более насыщенным и опьяняющим. У колдуньи закружи-

лась голова, и она предположила, что это некий дурман. Успокаивающий эффект цветов был усилен даром торговцев.

Когда все пленники утихомирились, работорговцы прошли по их рядам, срывая лохмотья, стягивая туники, обрывки ткани, платья и платки, которые прикрывали тела изможденных и измученных пленников. Продавцы с особым удовольствием обнажали молодых женщин и даже щупали их грудь, пока зрители приглядывались и сравнивали. Самых красивых девушек вывели вперед. Один из работорговцев хлопал каждую по внутренней стороне бедра, заставляя раздвинуть ноги, чтобы все потенциальные покупатели увидели кудрявые волосы.

Детей, тоже раздетых, согнали в отдельный угол. Их собирались продать для удовлетворения более мерзких потребностей ильдакарцев. Самых сильных пленных мужчин отделили. Женщин среднего возраста, которые станут хорошей домашней прислугой, тоже согнали в отдельную группу. Толпа зрителей гудела от непринужденных разговоров. У Никки жгло в горле, словно все ее невысказанные слова превратились в кислоту.

Эльза указала на группу женщин среднего возраста и крикнула:

— Какова начальная цена за этих четырех?

— Те мужчины, что впереди, умеют сражаться? — спросил грубым голосом главный укротитель Айвен. — Смогут биться на арене?

Капитан Кор усмехнулся покупателям на трибунах.

— Я не расспрашивал их об умениях. На наших змеиных кораблях нет нужды в домашней прислуге, поэтому они ежились от страха под палубой. Во время набегов мы убивали любого, кто давал нам отпор, поэтому я бы сказал, что это не лучшие бойцы. — Он оглядел пленников, толпившихся на помосте, и испепеляюще посмотрел на покупателей. — Вы зададите вопросы, которые меня не интересуют. Это всего лишь хо-

дичее мясо. Норукайцы — погонщики и, при необходимости, мясники. Покупайте их и делайте с ними все, что пожелаете.

Краем глаза Никки увидела молодого человека, пробиравшегося через толпу. Бэннон. Он выглядел угрюмым, его длинные рыжие волосы были завязаны в хвост, достававший до лопаток. Юноша подошел к Никки и Натану и покачал головой.

— Я был с Амосом и остальными, когда мы увидели приближающиеся корабли. Но я... я должен был прийти сюда. Я должен был увидеть. Все эти пленники... — Он тяжело сглотнул. — Много лет назад Ян был среди них.

Никки знала, о чем он думает. Наверняка его друг был в таком же положении: избитый, заморенный голодом, слабый, неспособный бороться, покорный от дурмана кроваво-красной глицинии.

— Предлагаю четыре золотых за этих четырех женщин, — сказала Эльза. — Они выглядят неплохо, и я буду хорошо с ними обращаться.

— Мне все равно, что вы будете с ними делать, — отозвался Кор.

— Четыре золотых? — проворчала другая женщина. — Вы установили слишком высокую цену!

— Если хорошо заплатить и хорошо к ним относиться, они и служить будут хорошо, — сказала Эльза.

Толстый аристократ соединил кончики своих пальцев, и его руки напомнили паука, танцующего на зеркале.

— Сколько за этих трех нежных маленьких мальчиков?

Голые мальчишки даже не вздрогнули. Они стояли на углу платформы, и до них дотрагивались усики лоз.

— Довольно — рынок закрывается! — раздался властный голос Торы, которая пришла с главной улицы в сопровождении Максима. Она по-прежнему не проявляла теплоты по отношению к своему мужу, но теперь они были едины в своих замыслах.

— Мы заявляем о привилегии города, — произнес Максим, — и покупаем всю партию.

Продавцы рабов выглядели удивленными.

— Но мы еще не установили справедливую цену, главнокомандующий волшебник.

— В нашем распоряжении вся городская казна, — легкомысленно сказал Максим. — Цена будет справедливой... но мы хотим их всех.

— Вы можете забрать не всех? — спросил Квентин. — Но-рукайцы прибыли впервые за несколько месяцев. Весь город нуждается в рабах. Слишком многие сбежали, когда саван спал, и все из-за Зерцалоликого.

— Наши личные рабы неплохо размножаются, — сказала Тора. — А эти потребуются для магии крови, чтобы снова воздвигнуть саван. Тогда побеги прекратятся.

Эльза выглядела нервной и разочарованной.

— Раньше для поднятия савана требовалось всего пятнадцать-двадцать рабов. Здесь их сто шестьдесят.

Тора фыркнула.

— Возможно, в этот раз мы совершим более масштабное кровопролитие, чтобы заклинание действовало дольше.

— И лучше перестраховаться, — добавил Максим. Он указал на каменные скамьи, где сидели разочарованные участники торгов. — Эльза установила цену — четыре золотых за четырех рабов. Пусть казначей рассчитается с торговцами. — Он вежливо кивнул капитану Кору. — Вам хорошо заплатят, и я надеюсь, что вы вернетесь, когда саван спадет в следующий раз.

— Если мы когда-нибудь позволим ему сойти, — сказала Тора.

По толпе прошел ропот недовольства от того, что их развлечение так быстро закончилось. Торговцы вином снизили свои цены и стали зазывать покупателей. Продавцы еды размахивали оставшимися шампурами и выпечкой.

Сдерживая тошноту, Бэннон покачал головой.

— Мне не нравится этот город, — сказал он, взглянув на Натана. — Есть ли надежда, что Андре скоро вернет ваш дар? В Древнем мире еще полно неизведанных земель. — Он сглотнул. — Разве нет?

— Мне тоже не терпится тронуться в путь, — ответил Натан.

Но Никки твердо стояла на своем:

— Я не хочу бросать этих людей. Ильдакар когда-то был великолепным легендарным городом, а теперь превратился в гнойную рану. Магистр Рал поручил нам миссию. Разве есть большая нужда, чем у этих людей? Как мы можем не помочь им? Мы должны найти способ свергнуть эти обычаи и принести им свободу, — как завещал Ричард.

Натан выглядел так, будто съел кусочек гнилого фрукта.

— Я не могу помочь тебе бороться, пока не верну дар... и чтобы добиться этого, мне придется потакать этим людям, хотя я уже начинаю презирать этот город. — Он выглядел обескураженным и злился на свою беспомощность. — Колдунья, ты не сможешь обрушить многовековые традиции в одиночку.

Она вперила в него взгляд голубых глаз.

— Я не одинока. У меня есть ты.

Бэннон подошел ближе и дотронулся до рукояти своего меча.

— И я.

Глава 28

Вечером властительница и главнокомандующий волшебник устроили праздничный ужин — на этот раз в честь прибытия мерзких норукайцев. Никки, Натана и Бэннона тоже пригласили, несмотря на второстепенность их присутствия: в центре

внимания были грубые работорговцы. Капитан Кор и еще трое со змеиных кораблей пришли на ужин с палатой волшебников. Остальным тридцати норукайским морякам разрешили отправиться в городские питейные заведения, трактиры и питомники шелковых яксенов. Главные волшебники города оказали честь Кору и его дюжим спутникам — Ларсу, Йорику и Дару, — но те явно предпочли бы присоединиться к остальным норукайцам и провести время в более свободной обстановке.

Никки, которая едва сдерживалась, заняла место в дальнем конце стола рядом с Натаном. Бэннон, сидевший рядом с Амоссом, Джемом и Броком, явно чувствовал себя неловко. Никки уже несколько дней не видела на лице юноши улыбку и понимала почему. Она тоже не улыбалась.

Норукайский капитан сидел, расставив локти и собираясь есть обеими руками. Рабы принесли на плечах вертел с огромным куском жареного яксе́на; вровень с ними шли рабы помладше и несли под мясом блюдо, в которое капал сок. Слуги кружили вокруг стола, наполняя кубки кровавым вином, но Кору это не понравилось.

— Вы слишком долго возитесь! — грубо заявил он. — Просто принесите мне и моим людям по бутылке. — Он издал горланый звук, отдаленно напоминавший смех. — Нет, Йорику принесите две, иначе он будет жаловаться.

Дар отхлебнул из кубка и вытер запястьем рот, когда струйка красной жидкости просочилась через шрам на щеке.

— Хорошее вино.

Остальные норукайцы выпили и согласились с ним.

Кор сдернул с пояса кожаный мешочек и бросил его Дару. Золотые монеты в кошеле звякнули.

— Здесь часть сегодняшней прибыли. Найди торговца вином и купи столько, сколько влезет на борт наших судов.

— Мы же все выпьем на обратном пути, — заявил Йорик.

— Лучше придержать хотя бы бочонок для короля Скорбь, — урезонил его Кор.

Норукайцы заметно напряглись при упоминании этого имени.

— Хорошо, отложим один для него.

Максим кивнул на мешочек с монетами:

— Золота хватит на несколько бочонков.

— Хорошо, тогда возьмем и немного мяса. — Кор своим ножом отрезал толстый ломоть мяса, пока слуги аккуратно отрезали самые лакомые кусочки для гостей.

Настороженная Никки молча наблюдала за движениями норукайцев, как готовый к атаке хищник. Волшебники Ильдакара заставляли ее нервничать, но норукайцев она ненавидела. Как второстепенных гостей, ее и спутников обслужили последними. Никки спокойно принялась за еду, чтобы не привлекать к себе внимания. Натан поглощал лежавшие на его тарелке мясо и корнеплоды, промокая сок свежим хлебом, а Бэннон к еде так и не прикоснулся.

— Где в городе лучшие шлюхи-яксены? — спросил Кор.

— Нам хотелось бы опробовать их, — сказал Ларс, — но мы не собираемся зря тратить время.

— Я знаю, где самые лучшие, — вставил Амос.

Властительница Тора сидела во главе стола и ела с помощью украшенных драгоценностями столовых приборов. Кажется, она сделана из кружева и золотой проволоки.

— Да, мой сын хорошо в них разбирается.

— Возможно, наш друг Бэннон пожелает присоединиться, — сказал Джед, но это была скорее издевка, чем приглашение. — Мы о нем хорошо позаботимся.

Бэннон покраснел и осторожно признался:

— Эти женщины очень красивые.

Покрытые шрамами налетчики переглядывались и фыркали от смеха, бормоча что-то на своем грубом языке, который напоминал скрежет камней.

— Женщины Ильдакара слишком хрупкие — того и гляди сломаются, — сказал Дар.

— Мы предпочитаем прочную красоту норукайских баб, — добавил Кор, — но сойдут и ваши. В море нам было слишком одиноко. Рабы тоже пригодны, но едва ли могут утолить мужскую жажду.

— Поскольку вы наши уважаемые торговые партнеры, — сказал главнокомандующий волшебник, — мы приглашаем вас на один из вечеров удовольствий, если вы предпочитаете благородных ильдакарских женщин. Мы можем сделать для вас исключение, и этот опыт вы забудете не скоро. — Он со злобной улыбкой указал на властительницу. — Моя прекрасная жена с большой охотой примет вас. Она не слишком разборчива в связях.

Тора одарила его ядовитым взглядом.

— Сегодня вечером у нас действительно намечается вечер удовольствий для знати. Вы и ваши люди можете присоединиться, капитан Кор, — через силу сказала она.

Норукайцы плотоядно глазели на нее.

— И колдунья Никки, как всегда, желанный гость, — добавил Максим.

— Как всегда, — ответила Никки. — И, как всегда, я предпочитаю отказаться.

Он добродушно хохотнул.

— Как пожелаете. Вы держитесь так холодно, что некоторые дворяне считают, будто у вас соски из колотого льда.

— Дураки могут выдумывать что угодно, — сказала Никки.

Натан, сидевший рядом с ней, не удержался от улыбки.

Максим снова засмеялся.

— Восхитительно, просто восхитительно.

Кор перевел взгляд с Торы на советников, а потом повернулся к молодому Амосу, который накладывал себе вторую порцию мяса яксена.

— Мы предпочитаем бордель. Аристократки слишком много говорят, когда разговоры совсем излишни.

Вскоре слуги принесли блюда с маленькими запеченными птичками — каждая всего на один укус. Волшебник Деймон оживился, поглаживая свои длинные усы:

— Ах, восхитительно! Жаворонки в меду. Твои, владелица?

Тора кивнула.

— Да, их пение сладкозвучно, но плоть слаще. Нужно будет поймать их побольше. Мы уже растянули на крышах сети.

— Сколько рабов вам еще нужно? — вмешался Кор. — И когда? В устье реки и на островах много наших кораблей. Наберем, сколько нужно — просто скажите.

— Рабы гибнут. Но и размножаются они довольно быстро, — сказал Айвен и поднял пустую тарелку, нетерпеливо ожидая, когда слуга положит ему еще мяса.

— Сегодняшняя группа хорошо нам послужит, — сказала Тора. — Наше заклинание сработает, и саван простоит очень долго.

— Если вы установите саван, то как мы продадим вам новую партию рабов?

— Ильдakar много веков жил под саваном, — сказал Максим. — Город был закрытой системой без внешней торговли, но я больше предпочитаю приток привозных товаров и свежей крови. Поверьте, нам все равно придется время от времени развеивать саван, чтобы обновить наши ресурсы.

— Думаете, мы просто будем ждать на кораблях, пока ваш город снова не покажется? И что тогда станет с нашим грузом? — спросил Кор.

Бэннон смотрел в свою тарелку, ковыряясь в еде острокопечной вилкой.

— Они не груз, — прорычал он достаточно громко, чтобы все его слышали. — Это люди... как и мой друг Ян. Он был юношей, у которого вы отобрали будущее. Но мы освободим его. — Он бросил многозначительный взгляд на Амоса, но тот его проигнорировал.

Норукайцы явно удивились, что Бэннон заговорил. Андре, потешаясь, погладил свою густую заплетенную бороду.

— Так значит, у неодаренного мечника есть голос? Разве не занимательно, ммм?

— В нашем совершенном обществе у каждого человека своя задача, — произнесла Тора. — Некоторые несут бремя лидерства. Другие просто работают. Они знают свое место.

Никки увидела, как Бэннон осушил свой бокал с кровавым вином. Он покраснел от гнева и заговорил громче:

— Мы видели, как норукайцы нападают на беспомощные деревни. — Он с лязгом ударил вилкой по тарелке. — Видели, как вы охотитесь на невинных.

В глазах Кора загорелся нехороший огонек. Другие норукайцы выглядели раздраженными, но позволили капитану говорить за них.

— Мы не охотимся на невинных — мы охотимся на слабых. Так устроена природа. Мы отбраковываем человеческое стадо. Некоторые умирают, другие становятся рабами. Мы сильны, поэтому делаем, что пожелаем.

Бэннон рвался в бой. К счастью, ему не позволили принести на ужин меч, иначе он мог спровоцировать кровавую стычку.

Никки коснулась руки своего спутника, и он замер, хотя все еще выглядел готовым взорваться. Она обратилась к работорговцам, воспользовавшись другим оружием:

— Если вы так могущественны, капитан Кор, то объясните, что мы видели на пути в Ильдакар? — Ее голубые глаза сверкнули, и все замолчали, ожидая продолжения. — Нам повстречались четыре норукайца... точнее, четыре норукайских головы. Они были насажены на высокие пики и оставлены гнить на дороге в качестве предупреждения. Они были слабы?

По обеденному столу прокатился недовольный ропот, подобный отзвукам далекой грозы. И властительница, и главнокомандующий волшебник имели смущенный вид, но не оправ-

дывались. Амос взглянул на Бэннона, который ничуть не смутился.

— Возможно, это просто некое украшение, — невинно предположил Натан. — Но не очень красивое.

— За пределами защитного савана поджидает множество опасностей, — сказала Тора. — Кто знает, что случилось с теми норукайцами? Поскольку это произошло не в Ильдакаре, мы тут никак не замешаны.

Йорик осушил очередной бокал вина, допив первую бутылку, и принялся за вторую.

Когда последние блюда унесли, в зал промаршировал верховный капитан Эйвери. Он склонился к Торе:

— Желаете еще что-нибудь, властительница?

— Пожалуй, да. — Она дотронулась до его руки. — Сегодня будет вечер удовольствий, и я хочу, чтобы вы были моим личным гостем.

Привлекательный капитан кивнул:

— Как пожелаете, властительница. Я буду служить Ильдакару всеми доступными способами.

Максим закатил глаза и с надеждой посмотрел на Никки, но она холодно взглянула на него через стол.

Натан неуверенно обратился к повелителю плоти:

— Андре, может, обсудим, как усилить хань, который мы отобразили на карте моего тела? Я хотел бы посвятить этой проблеме больше времени.

— Не сегодня, дорогой Натан. Нам нужно расслабиться и прийти в себя, ммм? Лучше отдохни и наберись сил.

Норукайцы допили остававшееся на столе вино, а потом Амос и его друзья предложили провести грубых гостей на нижние уровни Ильдакара. Бэннона больше не приглашали, но он не расстроился.

Глава 29

Бэннон вышел в темноту, но из-за гнева тени были красными. Он совсем не хотел развлекаться с Амосом и его друзьями, и тем более с отвратительными норукайцами. Амос небрежно пообещал помочь Яну в ближайшие два дня, но Бэннон не слишком ему поверил. Он решил сделать все от него зависящее. Его охватило опасное беспокойство, когда он увидел, что его бедный друг жив, но при этом сломлен.

Его воротило от норукайцев. Они хохотали и фыркали во время застолья, обедаясь жареным яксеном и поглощая кровавое вино... а члены совета приветствовали их как желанных гостей и уважаемых торговцев. На невольничьем рынке Бэннон видел, как избитых пленников выставили на продажу. Каждый походил на юного Яна — избитого и похищенного из мирной бухты Кирии...

Бэннон сморгнул горячие слезы, когда оказался на среднем уровне города. По оживленным вечерним бульварам сновали покупатели. В тавернах и трактирах подавали еду и напитки, а торговые лавки оставались открытыми допоздна, и их владельцы всячески заманивали к себе дворян, вышедших на вечернюю прогулку.

Бэннон знал, куда идти. Он прошел мимо большой и зловеще пустой боевой арены, направляясь прямо к туннелю в песчанике. Этот проход вел к тренировочным ямам.

Перед туннелем стояли железные подставки с горящими факелами, но не было ни ворот, ни охраны. Бэннон глубоко вздохнул, устремил вперед свои карие глаза и вошел в темный проход.

Его рука дернулась к бедру, но Крепыша там не оказалось — хозяева настояли, чтобы он оставил клинок в своих покоях. Ильдакар считался идеальным обществом, так зачем кому-то оружие для защиты? Правда, совсем недавно убили одного из городских стражников, так что улицы небезопасны... по край-

ней мере, для некоторых. Бэннон чувствовал волнение народа, как расплзающуюся по бочке яблок гниль. Раз меча не было, он стиснул руку в кулак.

Юноша шагал во враждебную темноту туннеля, ведущего к воинским клеткам. Если он сумеет освободить Яна, все наладится.

Услышав внезапное движение, он обернулся к выпрыгнувшей из теней бледной фигуре. В него врезалась твердое мускулистое тело. Чья-то рука схватила его за грудь и швырнула в стену из песчаника, а еще одна рука вцепилась в длинные волосы и дернула обратно.

Бэннон принялся размахивать кулаками и по счастливой случайности угодил в податливую плоть. Раздался слабый вскрик боли на выдохе. Он ударил снова, но жилистый противник обрушил на него град мощных точных ударов. Бэннон получил кулаком по ребрам, а потом его ударили по виску, и его голова врезалась в стену туннеля. Перед глазами заплескали искры, и он пошатнулся, отбиваясь. После резкого тычка в основание шеи у него подкосились ноги.

Когда Бэннон начал оседать на пол, противник схватил его за ворот рубашки и потащил за собой. Враг тяжело дышал, но молчал. Бэннон слышал только звон в ушах. Брыкая ногами, он пытался упереться в землю каблуками сапог, но от этого не было никакого толку. Наконец, тьма вокруг посветлела, и Бэннон очутился в большом гроте с тренировочными ямами. В боковых туннелях располагались многочисленные клетки воинов.

Пытаясь собраться с мыслями, он увидел молодую Морасит с короткими русыми волосами. Лила. На ней были только две повязки из черной кожи: одна на бедрах и одна на груди.

— Обычно я убиваю непрошенных гостей, — сказала она, — но ты меня заинтересовал.

Он стер с губ кровь и с трудом поднялся на ноги.

— Пресвятая Мать морей, зачем так делать? — Он потряс головой, и звон начал утихать.

— Просто тренировалась. — Тонкие губы Лилы изогнулись в улыбке. Ее кожа была покрыта выжженными символами, которые она носила как награду, а не как шрамы. — Я могла бы ударить тебя между ног, и ты лежал бы камнем, но тогда разговора бы не вышло. — Она подбоченилась. — А теперь скажи, зачем пожаловал?

— У меня есть друг, Ян, — сказал он. — Я пришел к нему.

Лила фыркнула.

— Ты не только слаб, но и туп? Он не хочет тебя видеть и ясно дал это понять.

— А вот я хочу его увидеть. И освободить. Я сделаю что угодно. Может, нужно заплатить за его освобождение? Как можно договориться о его помиловании?

Лила моргнула.

— О помиловании? Он не преступник. Он наш чемпион.

— Норукайские работаровцы забрали Яна мальчиком и оторвали от семьи! Кто знает, какие муки он испытал? А теперь его заставляют сражаться на боевой арене.

Морасит бросила на него испепеляющий взгляд.

— Он был слабым ребенком, которому светило лишь одно — быть грязным фермером на скучном острове. Его закалили и обучили. Он убил сотни противников и стал чемпионом Ильдакара. Сама Адесса сделала его своим любовником. Именем Владетеля, с чего вдруг он захочет оставить все это?

— Чтобы стать свободным, — ответил Бэннон.

— Никто не свободен, — усмехнулась Лила. — Каждый человек скован цепями, теми или иными.

— Но не я, — возразил Бэннон.

— И ты тоже... или когда-нибудь будешь. Возможно, твои цепи — это неосведомленность о том, как устроен мир.

Бэннон отряхнулся, снова вытер кровь с рассеченной губы и попытался принять деловой вид. Он достал золотые монеты,

выданные Амосом на случай, если он пожелает «особых услуг» шелковых яксенов, и добавил монеты, которые вернул ему портье.

— Я хочу купить его свободу. — Он протянул монеты. — Это настоящее золото.

Она презрительно рассмеялась.

— Несколько монет? За чемпиона? Золота недостаточно.

— А что тогда нужно?

Лила словно развлекалась.

— А что ты можешь предложить?

— Все, что у меня есть, — сказал он, расправив плечи.

Это ее не впечатлило.

— Тогда у тебя нет ничего интересного. Ты можешь получить разрешение от главнокомандующего волшебника? Или властительницы? Будет ли кто-нибудь из членов палаты волшебников говорить от твоего имени о передаче права собственности на чемпиона?

Бэннон отвел взгляд:

— Пока нет.

Он мог бы попросить помощи Никки и Натана, но они тоже имели мало влияния в городе. Они хлопотали о том, чтобы волшебники помогли Натану вернуть дар. Сердце Бэннона щемило, и он чувствовал настоящее отчаяние.

— Я что-нибудь придумаю.

— Тогда лучше продолжай думать.

Лила развернула его и направила обратно в туннель. Впереди он разглядел наступившую ночь, звезды и уличные фонари.

— Но я хочу снова увидеть Яна.

— Я тоже много чего хочу, — ответила Лила. — Мы не всегда получаем то, чего хотим. Тебе нужно многое узнать о жизни, мальчик.

Она подтолкнула Бэннона, и тот вылетел на улицу. Лила стояла у входа в туннель — стройная, свирепая и волнующе привлекательная.

Бэннон обернулся и долго смотрел на нее, но она даже не моргнула. Юноша понял, что ему придется действовать по-другому. Нужно найти другого союзника, иначе Ян останется пленником навечно.

Глава 30

Этой ночью Никки спала беспокойно, а ее разум рыскал по темным улицам. Она была взбудоражена пиром и норукайскими работорговцами, и подсознательно выискивала чары, связывающие ее с Мрра. Большая кошка рыжей тенью скользила сквозь ночь, незримо блуждая по извилистому лабиринту большого города.

Сознание Никки свободно парило, а затем воссоединилось с сестрой-пумой, и она отстраненно ощутила силу кошки. Мрра являла собой скопление обостренных чувств, образов и запахов, сливающихся в симфонию ощущений. Она хорошо видела в свете из приоткрытых окон и от далеких уличных фонарей. Каждый едва уловимый запах рассказывал свою историю: грязные брызги коричневой воды, вылитой из ночных горшков в выложенные плиткой желоба; свежий запах чистой воды, бегущей по узким акведукам под улицами; вонь крысиного помета и резкий запах домашних кошек, которые охотились в переулках. Цветы на подоконниках источали тошнотворно-сладкий аромат.

Она запрыгнула на декоративную каменную ограду, затем, почти не прилагая усилий, перемахнула на наклонную черепицу высокой крыши и мягко пробежала по коньку. В следующий миг она спрыгнула на соседнюю крышу, распложенную ниже, и пошла по ней, глядя по сторонам.

Мрра нашла временное прибежище, где могла спать в светлые часы: большой зерновой склад с укромными тенями. Лю-

ди редко туда заходили, и на складе было полно крыс. Она ловила их, хотя из-за пыли морщила усы и чихала.

Ночью она могла свободно исследовать огромный город. Мрра прокралась мимо того места, где главный укротитель истязал животных арены. Она оскалилась, и в горле заклокотало низкое рычание.

В постели Никки согнула пальцы, желая разорвать что-нибудь на части из-за темных воспоминаний о времени до побега троки. Мрра помнила боль, кровь и сражения.

Даже сейчас она чувала еще одну троку песчаных пум в глубине кошмарного туннеля. Мрра поняла, что с этими кошками обращаются так же жестоко, как когда-то с ней, и что их разум искажен жестоким даром главного укротителя... которого они люто ненавидели. Эти натренированные хищники раздирали жертв на смертоносном песке арены, но на самом деле желали разорвать на части Айвена.

Мрра чувствовала то же самое, и Никки ощутила этот вкус в глубине своего горла.

Большая кошка прыгнула во тьму, позволив тням окутать ее. Она хотела подняться на вершину плато и увидеть свою сестру-пуму, но Никки безмолвно предупредила Мрра, чтобы та держалась подальше от большого особняка.

«Жди, сестра-пума, — сквозь сон подумала Никки. — Жди».

* * *

Через несколько часов после полуночи Никки проснулась. В ее голове кружились остатки кошачьих снов. Потянувшись, Никки вспомнила мускулы пумы. Она полностью проснулась, чувствуя настороженность и нетерпение, хотя солнце еще не поднялось.

Надев черное платье, Никки выскользнула в ночь и зашагала по улицам. Она думала о рыщущей где-то пуме, но решила,

что встречаться с ней слишком рискованно. Поэтому Никки в одиночку скользила по городу — не в теле песчаной пумы, а в своем. Она колдунья, и этого довольно.

Она шла по мощеным улицам, и над ней нависали ветви декоративных ив, наполнявшие тишину загадочным шелестом. Сияющие сферы на железных стойках освещали голубым светом перекрестки, создавая тени в других местах.

Никки спустилась мимо богатых домов мелких аристократов, которые отчаянно пытались показать свою значимость, и увидела ярко-зеленые глаза рыжей домашней кошки, вышедшей на улицы в поисках ужина. Кошка молча метнулась прочь.

Спускаясь с холма по главной улице, Никки миновала раскачивающиеся деревянные вывески гостиниц и домов торговцев, где люди останавливались на ночь.

Она вышла на тихую площадь с фонтаном, из зубчатой верхней чаши которого вытекала тонкая струйка воды. Знамена с символом окруженного молниями солнца безвольно повисли в неподвижном сыром воздухе.

Никки заметила отблеск на стене соседнего здания — зазубренный осколок зеркала был воткнут в щель между кирпичами. Еще один осколок сверкал в стене напротив.

Обострив чувства, Никки осторожно пересекла площадь, обнаружив еще больше осколков зеркала на бортике фонтана. Они походили на дерзкое заявление, сделанное под покровом ночи. Затем она заметила в переулке едва заметное движение фигур в капюшонах. Они не убегали, а ждали, сливаясь с чернильными тенями. Никки повернулась к ним, уверенная в своих силах и безопасности. Она ждала, что они двинутся первыми.

Затаившиеся в темноте незнакомцы не издавали шума, не окликали ее и не бросали вызов. Повинуясь импульсу, Никки наклонилась, подобрала с бортика осколок зеркала и подняла.

Несколько человек в капюшонах подались вперед. Их лица были закрыты черными полупрозрачными шарфами, и у каждого на шее висел деревянный амулет с ильдакарскими рунами. Глядя на их неясные очертания, Никки тряхнула головой, и ее длинные светлые волосы разметались по плечам.

— Мне не нужно скрывать, кто я.

— А нам нужно, — произнес один из незнакомцев. — Нам еще многое предстоит сделать, чтобы спасти наш город.

— Я не из Ильдакара, — сказала она.

— Мы знаем, — сказал другой незнакомец. Люди в капюшонах повернулись к самым глубоким теням в переулке и подняли руки, подавая знак. Появился еще один человек в струящемся балахоне цвета серой грозы. Когда он ступил в тусклый свет, вместо его лица Никки увидела под капюшоном спутанные беспорядочные образы.

Зеркало.

Вместо лица у него было зеркало.

— Я знаю тебя, — сказала она. — По крайней мере, знаю о тебе.

— Все в Ильдакаре наслышаны обо мне, — ответил мужчина, голос которого был приглушен гладким зеркалом с прорезями для глаз и рта. — Каждый раб и каждый угнетенный житель Ильдакара знает, кто я такой. Мы сражаемся за свободу. Некоторые открыто поддерживают нас, другие делают это в своих умах и сердцах.

— Волшебники тоже знают о тебе, — сказала Никки, — И хотят убить.

— Многие пытались, но, как видишь, не преуспели. Мои последователи освобождают рабов, с которыми плохо обращаются их ужасные хозяева. У нас есть тайные укрытия в городе, и мы можем вывести рабов из Ильдакара. Они уходят в горы, находят другие поселения и начинают там новую жизнь. Пока саван не восстановлен, мы должны сделать как можно

больше. Если мы освободим достаточно рабов, то у волшебников не хватит жертв для кровопролития.

— Тогда почему они все не ушли? — спросила Никки. — Почему ты остался?

— Потому что настоящая битва здесь. Я останусь до тех пор, пока мы не покончим с репрессиями и не свергнем палату волшебников. Такова моя цель.

— Достойная цель. — При мрачном воспоминании о невольничьем рынке она почувствовала, как искра негодования внутри нее разрослась до бушующего пламени. — Я и мои спутники поддерживаем вас и можем помочь, если есть план. Народ Ильдакара сильно угнетен.

Человек в маске медленно кивнул.

— Да, но не окончательно. Мы наблюдаем за тобой.

Никки удивилась.

— У тебя есть последователи в главном особняке? В палате волшебников?

— Наши последователи повсюду, — ответил Зерцалоликий.

— Мы видим тебя насквозь. Ты одна из нас, колдунья Никки.

Никки все еще была настроена скептически.

— Союзников найти непросто. Кто ты такой? Правда ли ты носишь маску потому, что твое лицо обезображено повелителем плоти?

Из-за зеркальной маски раздался странный приглушенный смехок.

— Они так говорят? Возможно, это правда. А возможно, я ношу эту маску, чтобы люди вместо моего лица видели свое отражение и понимали, что они могут внести свой вклад в восстание. Этот некогда величественный город превратился в болото за долгие столетия в ловушке савана. — Снова раздался приглушенный смех. — «Саван» — очень подходящее слово, ведь им укрывают мертвецов.

Его последователи забормотали и закивали.

— Мы делаем, что можем, но ты, Никки, обладаешь огромной силой и способна нарушить равновесие этого города. Мы давно наблюдаем за тобой.

Люд в плащах загомонил, соглашаясь с ним.

— Мы давно наблюдаем за тобой.

Зерцалоликий поднял своей тонкой белой рукой осколок зеркала и вложил его в ладонь Никки.

— Будь готова. — Он сжал ее пальцы вокруг осколка: не так сильно, чтобы она порезалась, но так, чтобы она почувствовала острые края. — Подумай об этом.

Он развернулся, и его темно-серый балахон взметнулся. Его последователи бросились в темноту, и Зерцалоликий исчез, оставив Никки с осколком зеркала в руках. Она держала этот кусок зеркала, радуясь тому, что пришла сюда поздней ночью. Теперь будущее Ильдакара не казалось ей таким безнадежным.

Она нашла союзников.

Глава 31

Спящий город по-прежнему был погружен в тишину, пока Никки возвращалась на верхние уровни плато. Впереди, недалеко от огромного особняка, виднелась внушительная пирамида, освещенная волшебными факелами. В серебристом устройстве на ее вершине отражалась алмазная россыпь звезд, проглядывавших через тонкую пелену облаков.

Никки вернулась в особняк, осторожно проскользнув через арку в коридоры с причудливыми скульптурами. Наверняка эти статуи были окаменевшими жертвами разгневанного волшебника. Когда осадившая город армия обратилась в камень, жители Ильдакара радовались свободе, но со временем спасшая их сила превратилась в угнетателя. Взгляд Никки наткнулся на статую злобной старухи, и она вспомнила свою

беспомощность, когда Судия заточил ее в каменную ловушку, заставив переживать момент величайшей вины. Никки не могла сопротивляться этому заклинанию. Она была уверена, что властительница Тора или любой из палаты волшебников окажутся куда худшими противниками. Ей придется найти способ бороться с ними. Возможно, Зерцалоликий и его восстание смогут помочь.

Проходя мимо покоев Натана Рала, она заметила свет. До рассвета было еще несколько часов, но волшебник уже не спал. Никки помедлила, раздумывая, стоит ли его беспокоить. Он мог бы почувствовать ее своим даром, но после утраты магии все равно что ослеп.

Никки постучала.

— Я отдыхаю. Не беспокойте меня, — в его голосе слышался испуг.

— Это Никки, — сказала она.

Раздался удивленный возглас, и волшебник распахнул дверь.

— Колдунья! А я уж решил, что кто-то из знати пришел требовать моего присутствия на их разнузданном вечере удовольствий.

Никки вскинула брови.

— Они беспокоили тебя прошлым вечером?

Натан отвернулся, двумя пальцами поглаживая чисто выбритый подбородок.

— Не то что бы, но я набирался смелости на случай, если мне придется им отказать. У меня свои принципы.

Никки проскользнула в его покои. На маленьком письменном столе были разбросаны бумаги, залитые теплым желтым светом ламп.

— Я записываю в книгу жизни то, что мы увидели и узнали, — пояснил Натан. — Когда-нибудь мы доставим этот том в Д'Хару, и Ричард удивится нашим приключениям.

Он опустился на стул у письменного стола и жестом предложил Никки сесть. Колдунья примостилась на углу на его кровати и разгладила черную юбку.

Натан закрыл книгу с кожаным переплетом, которую дала ведьма.

— Я не сожалею о том, что вызвался быть посланцем. Я уже повидал гораздо больше, чем ожидал. — Его тонкие губы изогнулись в улыбке. — На протяжении столетий во Дворце Пророков я мечтал о приключениях и страстно желал исследовать неизведанные земли. Я сочинял и записывал истории. Даже сейчас меня удивляет, насколько популярными стали некоторые мои рассказы — например, «Приключения Бонни Дэя». Но теперь, когда я сам стал искателем приключений, часть меня — небольшая, но растущая с каждым днем, — хотела бы вернуться домой.

— Искатель приключений сам выбирает, где его дом. — Никки убрала с лица отбившийся локон и заправила его за ухо. — Но я отправилась не в приключение, а на задание магистра Рала. Он хотел, чтобы я удостоверилась, что другие следуют его принципам, что люди вольны стремиться к своим мечтам и исполняют свои обязанности. — Никки понизила голос, хотя прекрасно знала, что для Натана это не секрет. — Я люблю Ричарда, и всегда его любила, так или иначе. Что важнее, я дала ему клятву, поэтому должна помогать людям и учить их свободе. Мы обязаны свергнуть тиранов, где бы они нам ни встретились. В том числе и здесь.

— Всецело согласен, дорогая колдунья, — произнес Натан. — Если бы не моя беспомощность, мы бы с тобой возглавили низложение правящего совета и освобождение народа Ильдара.

— Мы все еще можем это сделать, — сказала Никки. — Мы должны найти способ свергнуть правительство города.

Натан прижал кулак к груди и крепко надавил, словно пытаясь выжать из себя немного силы.

— Если бы только Андре сделал меня цельным. — Он покачал головой и посмотрел в книгу жизни.

Никки заметила, что та открыта на первых страницах, где были записаны слова Рэд: *Волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность*. Никки знала продолжение, явно предназначенное ей: *А колдунья спасет мир*.

— А если повелитель плоти не восстановит твое сердце волшебника, Натан? — спросила Никки. — Возможно, где-то в Ильдакаре кроется другой ответ. Может, чтобы исцелиться, тебе нужно вернуть целостность этому городу.

— А ты планируешь спасти мир, колдунья?

— Я посмотрела в глаза тем, кто сидит в палате волшебников, — сказала Никки. — Я рассказала им о магистре Рале и его замыслах и увидела в их взглядах насмешку, потому что Ричард невероятно далеко. — Она стиснула зубы и понизила голос: — Но я-то рядом, и именно этого им следует бояться.

Да, они прибыли в этот город за помощью для Натана, но после разговора с Зерцалоликим она уже не стремилась уйти. Может, ее миссией был Ильдакар. Когда Никки изучала надменных волшебников, заседавших в башне властителей, она не просто пыталась их понять. Она искала их слабые места.

Натан казался печальным и неуверенным.

— Опять-таки, колдунья, я бы с радостью поклялся тебе помочь, но сила не на нашей стороне.

Никки сузила глаза.

— Когда мы поступаем правильно, сила оказывается на нашей стороне. Правящий совет падет.

Она поднялась и прошла через комнату к установленной на стене чаше для умывания. Рядом стояла небольшая ваза с травами — розмарин, судя по запаху. Никки взглянула на свое отражение в воде и повернулась к пророку.

— Может, пока не стоит отсюда уходить. Лучше остаться и убедиться, что город изменится к лучшему. Как колдунья я

уверена, что смогу противостоять любому члену палаты волшебников. Возможно, мне стоит бросить им вызов и стать одним из правителей Ильдакара. — Ее губы сложились в недобрую улыбку. — Свергнуть их, если они не будут содействовать. Так мы смогли бы изменить Ильдакар.

— Смогли бы, дорогая колдунья, — сказал Натан, хмуро глядя в книгу жизни. Он переворачивал страницы и искал конец своих записей. — Действительно смогли бы.

Глава 32

Переполненный зловонным грузом корабль для охоты на кракенов шел, низко погрузившись в воду. Паруса и канаты жалобно застонали, когда корабль, наконец, вошел в гавань Графана. Матросы улюлюкали, размахивая руками и шапками, хотя никто на берегу еще не мог их разглядеть. Грязные паруса были залатаны разномастными кусками серой и коричневой ткани. Среди заплаток выделялся невесть откуда взявшийся квадрат белой парусины.

Оливер перегнулся через поручни, и его в очередной раз вырвало, хотя желудок уже давно опустел. Море было спокойным, и корабль медленно покачивался на волнах. Живот Оливера скрутило не столько от морской болезни, сколько от смрада, пропитавшего корабль.

Перетта стояла рядом с ним с прямой спиной, словно кто-то привязал палку к ее спине. Бледная девушка крепко сжимала губы.

— Я помнящая, и сохранила в памяти каждое мгновение нашего долгого путешествия из Серримунди, — сказала она и тяжело сглотнула. — Иногда этот дар кажется проклятием.

Охотники на кракенов смеялись и толкали друг друга, обрадованные приходом в порт.

— Первым делом отправлюсь в бордель, — произнес мужчина с лошадиным лицом. Сделать его внешность привлекательной могло только изрядное количество монет, причем золотых.

— Как по мне, нужно как следует поесть и напиться, — сказал другой моряк. — А бордель уже после.

Худошавый юноша — не старше Оливера, — руки которого загрубели от суровой жизни, крикнул:

— Мужики, это ж Танимура! Множество портовых домов терпимости подадут все это сразу, так что вам не придется выбирать.

Мужчина с лошадиным лицом серьезно кивнул.

— А если напьешься в стельку, то за дополнительную плату там можно и заночевать.

Капитан Джаред, брат владельца гавани из Серримунди, вышел на палубу, на которой дул освежающий бриз, и ухмыльнулся:

— Пусть вас не заботят цены. У нас хороший улов кракена, и я дам каждому премию по пять серебряных монет, и еще по две, если вы вернетесь для обратного рейса.

Оливер снова в пустой судороге перегнулся через перила, а потом вытер рот тыльной стороной руки.

— Боюсь, мы с Переттой не вернемся, — прохрипел он.

— Другого я от вас и не ждал, — отозвался капитан.

— У нас есть дела в Д'Харианской империи, — обернувшись к нему, с выстраданной вежливостью сказала Перетта. — Спасибо, что взяли нас на корабль.

Когда судно неуклюже вошло в гавань и направилось к свободному доку, охотники на кракенов надели перчатки. Юнги спустились в трюм, чтобы закрепить веревки, а потом принесли тесаки и пилы, чтобы рубить на куски слизистые щупальца, усеянные присосками.

— Многие в Танимуре считают свежее мясо кракена деликатесом, — пояснил Джаред. — Его засаливают или маринуют.

ют, а потом продают повсюду, даже в Срединных землях. В Эйдиндриле есть особый магазин, который закупает мясо кракена целыми бочками.

Оливер тяжело сглотнул.

— Видимо, к этому вкусу надо привыкнуть.

После поимки первого чудовища со щупальцами моряки устроили настоящий пир из свежего мяса кракена, сваренного в огромном железном котле на средней палубе. Оливер решил, что мясо на вкус просто отвратительное — жесткое, тягучее, жирное и с рыбным привкусом. Моряки выбросили за борт бесформенную массу отходов из головного мешка кракена, и через несколько мгновений появились акулы, желавшие полакомиться останками. Тогда же Оливер понял, что блестящий лак на досках палубы на самом деле был образован слоями затвердевшей слизи от предыдущих уловов.

Хотя благодаря владельцу гавани Отто денег за проезд с них не взяли, корабль охотников на кракенов шел не прямым курсом, а две недели бороздил море в поисках добычи.

Капитан Джаред — высокий мускулистый мужчина — стоял рядом со своими пассажирами, по привычке широко расставив ноги, чтобы устоять на палубе даже в бурю.

Теперь, когда корабль направился к докам, и экипаж работал, как хорошо смазанный механизм — или, точнее, как вымазанный в отходах убитых кракенов, — капитан Джаред смотрел на приближавшийся берег.

— А ты что выберешь? — спросил он Оливера, едва скрывая веселье. — Бордель, еду или вдоволь выпивки?

— Ванна звучит заманчивей, — смущенно произнес Оливер. Он не представлял, как избавиться от рыбного зловония. Еще нужно где-то найти чистую одежду. — Большей части вашей команды она тоже не помешала бы.

— А мне хочется в мягкую кровать, — сказала Перетта.

Оливер вспомнил, как корабль тошнотворно раскачивался, когда он пытался задремать на веревочном гамаке под палубой.

— И мне тоже.

— Ах, мягкая, теплая и большая постель! — подначивал капитан Джаред Оливера и Перетту. — Если вы вместе, то и бордель не нужен, правда же? Ха-ха!

Оливер залился краской, а Перетта фыркнула:

— Мы ученые и путешествуем с важной миссией.

— Конечно, но одно другому не мешает, верно? — Прежде чем они успели ответить, капитан удалился и принялся командовать экипажем, который вел к пристани осевший под тяжестью груза корабль.

Подоспевшие работники гавани поймали брошенные веревки и пришвартовали скрипящее залатанное судно. К тому времени, как моряки перебросили шаткий трап, на пристани уже собралась толпа торговцев. Молодым людям пришлось ждать своей очереди, чтобы сойти с корабля. Едва они снова оказались на твердой земле, выглядывая представителей Д'Харианской империи, Оливер понял, что они с Переттой при высадке невольно взяли друг друга за руки.

* * *

— Никаких записей из Дворца Пророков не сохранилось, — сказала Верна, глядя на озабоченные лица сестер, собравшихся вокруг нее и Эмбер. — Вообще ничего, ни заклинания избавления от кашля, ни журнала учета поставок сыра во дворец. — Она потрясла головой, а затем достала покрытую глазурью глиняную фигурку жабы. — Мы нашли только эту побрякушку, и то случайно.

Сестра Рода улыбнулась.

— Кажется, это вещица сестры Эрминии — сувенир из родного города.

Сестры всполошились:

— А она не осквернена? Эрминия ведь была сестрой Тьмы.

Верна держала фигурку на ладони и разглядывала смотревшие на нее потешные глаза лягушки.

— Я не чувствую в ней ни магии, ни чего-то необычного.

— Наверное, она просто посчитала ее забавной, — сказала сестра Рода. — Маленькая безделушка.

Верна не могла себе представить, чтобы мрачная и серьезная Эрминия посчитала что-либо забавным. Она убрала фигурку обратно в карман платья.

— Мы можем вернуться и годами копаться в руинах, но это бессмысленно. Уничтожены даже катакомбы.

— Должно быть, защитная сеть доходила до самого скалистого основания, — сказала молодая послушница Эмбер. — А гнев магистра Рала, когда он решил уничтожить дворец, был очень силен. — Ее голос звучал мелодично и выразительно, и она казалась маленькой девочкой.

Верна кивнула.

— Да, гнев Ричарда часто бывает силен... и спасает мир.

— Поэтому мы должны радоваться, — произнесла сестра Элдин. Ее возраст исчислялся столетиями, но выглядела она не старше сорока лет из-за препятствующего старению заклинания, которое пронизывало Дворец Пророков.

— Да, радоваться, — сказала Верна, но тон ее слов говорил об обратном. Из-за изменения мира она все еще чувствовала себя брошенной на произвол судьбы.

Имперский Орден потерпел поражение, как и кровожадные армии воскресшего императора Сулакана, но аббатиса Верна не знала, что делать. Она надеялась обнаружить кладезь документов в тайных помещениях глубоко под обломками дворца, но эта надежда была разбита. Сейчас они с сестрами разместились в новом большом гарнизоне, построенном генералом Зиммером и его солдатами, но все женщины согласились, что им следует покинуть казармы, чтобы не стеснять солдат, кото-

рых с каждым днем становилось все больше. Зиммера не радовал их уход, но Верна чувствовала в этом необходимость.

Сестры Света были разбросаны по всей Д'Харианской империи, многие осели в Эйдиндриле, а некоторые даже отважились отправиться в Вестландию — родину Ричарда Рала, где тот был лесным проводником.

Обитавшие в Танимуре десять женщин были костяком оставшихся сестер. Они цеплялись за свои учения и следовали руководству аббатисы. Пока они занимались утренними хлопотами, в парадную дверь их казармы постучали. На крыльце стоял ухмылявшийся молодой капитан Норкросс.

— Аббатиса, к нам только что прибыли путешественники с далекого юга Древнего мира. Они принесли интересные новости. Вы наверняка захотите услышать, что они расскажут.

— Путешественники? — переспросила Верна. — Из какого-нибудь прибрежного города?

— Намного дальше, — сказал Норкросс, смущенно улыбаясь своей сестре Эмбер. — У них есть новости от волшебника Натана и колдуньи Никки.

Верна поспешила к двери, а сестры присоединились к ней.

— Генералу Зиммеру уже сообщили о них?

Норкросс кивнул так энергично, что мог заполучить сотрясение.

— Я могу сопроводить вас в его кабинет прямо сейчас.

— Ждите здесь, — сказала Верна сестрам. — Сначала я с ним поговорю. — Она никогда не была уверена в том, что касалось Никки и Натана.

В кабинете генерала царил сладковатый запах свежей древесины и смолы, смешанный с сильной рыбной вонью, исходившей от двух юных посетителей.

Когда Верна вошла в комнату, генерал Зиммер встал из-за стола.

— Аббатиса, рад вас видеть. Этим двоим есть что сообщить.

Оба худошавых гостя в потрепанной одежде выглядели так, словно позади у них было долгое путешествие. Кажется, они были не старше послушницы Эмбер.

— Мы проделали долгий путь, — сказал юноша, шурясь и моргая. Его волосы были взъерошены, а лицо нуждалось в бритье, хотя легкий пушок едва покрывал его щеки. — Никки и Натан поручили нам доставить подробный отчет магистру Ралу... он здесь, в Танимуре?

— Боюсь, нет, — сказал Зиммер. — Он в двух неделях пути на север, в Народном Дворце. Но магистр Рал руководит огромной империей, поэтому вполне может находиться в Срединных землях, Вестландии или Андерите. — Генерал пожал плечами. — Может потребоваться очень много времени, чтобы отыскать его.

Двое молодых посланников обмякли на своих стульях, озадаченные такими сложностями.

— Мы уже слишком долго путешествуем и очень хотим домой, — сказала девушка с копной темных кудряшек на голове.

Зиммер стряхнул с рукава опилки и взглянул на Верну.

— Оливер и Перетта принесли много записей о свершениях Никки и Натана после их ухода из Танимуры. Тянет на целую эпопею.

— Я не удивлена, — сказала Верна. — Наверняка Никки намеревается в одиночку принести свободу и спокойствие Древнему миру.

— Да! — сказал Оливер, быстро моргая. — Думаю, так и есть. Она уже добилась больших успехов.

— И Натан... никогда не знаешь, какие проблемы он может доставить, хоть и действует из лучших побуждений.

Молодые люди наперебой принялись рассказывать, как Никки и Натан справились с Язвой и побороли Поглотителя жизни, а затем и дикую, неконтролируемую жизненную силу Виктории.

— Она спасла Твердыню, — сказала Перетта. — И сам архив, и его обитателей.

— Она спасла мир, — добавил Оливер. — Госпожа Жизнь поглотила бы земли от моря до самых гор.

Они пробудили любопытство Верны.

— Великий архив? Что за Твердыня?

Она зачарованно слушала рассказ двух путешественников о древней библиотеке, скрытой в узких каньонах и сохранившейся со времен великих войн волшебников.

— Никки предостерегла нас не использовать заклинания и не забавляться с магией. По-видимому, это опасно, — испуганно произнес Оливер. — Поэтому наши ученые просто занимаются составлением каталогов, и работы у них хватает.

— Они — хранители знаний, но не смеют даже пытаться их использовать. — Перетта отбросила темные локоны. — Это рискованно.

— Так и есть. Я рада, что вы это понимаете. — Верна нахмурила брови. — Тысячи лет сестры Света учили других использовать самую могущественную магию.

— Как бы хотелось, чтобы вы отправились в Твердыню, — вздохнул Оливер. — Нам действительно нужен опытный наставник.

У Верны участился пульс, и она повернулась к Зиммеру.

— Генерал, если этот архив и правда так огромен, как они говорят, то он не только мощный инструмент, но и может стать опасным оружием в руках врага. — Она поджала губы. — Возможно, нам нужно защитить его и помочь ученым освоить знания?

Зиммер снова сел за стол и сощурил глаза, обдумывая варианты.

— В чем-то вы правы, аббатиса. Меня послали сюда основать гарнизон, но в Танимуре все спокойно, и все служат магистру Ралу. Сюда придут еще тысячи миротворцев, и мы от-

правим их на юг в другие города. Часть моей миссии — устройство баз в неизведанных областях Древнего мира.

— Он вовсе не неизведанный, — сказала Перетта. — Мы с Оливером знаем дорогу.

— Я старательно делал пометки, — согласился молодой человек. — А она все помнит.

— Никто не подготовлен для изучения древних знаний лучше, чем сестры Света, — отметила Верна. — А вы и ваша армия как нельзя лучше подходите для защиты архива, чтобы он не попал не в те руки.

Генерал Зиммер медленно кивнул.

— Возможно, будет разумно взять несколько сотен солдат. Мы можем доверить гарнизон в надежные руки, чтобы мне не пришлось беспокоиться. Скоро с севера прибудет подкрепление, и, согласно плану, оно отправится на побережье Ларриккан, в Керим, Серримунди и другие города, в которых пока не побывал никто из Д'Хары. — Он размял свои большие ладони, затем переплел пальцы и перегнулся через стол. — Ну а мы могли бы разместить в Твердыне экспедиционный корпус и организовать другие аванпосты по пути. И заодно сопроводить этих двоих домой.

Перетта положила руки на колени, поправляя складки изношенной юбки.

— Но мы должны найти магистра Рала. Никки сказала, что мы должны доставить этот отчет ему. Она говорила, что это очень важно.

— Предоставьте это мне, юная леди, — сказал Зиммер. — Я отправлю на север, в Народный Дворец, своих лучших гонцов. Они как можно быстрее доставят эти документы магистру Ралу и Матери-Исповеднице. — Он взглянул на двух юных путешественников. — Мы были бы очень признательны, если вы позволите нам пойти с вами в Твердыню. При условии, что вы покажете дорогу.

— Сообщения будут доставлены? — спросил Оливер, желая убедиться в этом. — Клянётесь честью?

— Конечно. Я человек слова.

— А мы возвращаемся домой! — воскликнула Перетта.

Верна потеряла щеку и поняла, что улыбается.

— Мы позаботимся о том, чтобы архив оказался в надежных руках.

Глава 33

На следующее утро после неприятного банкета с норукайцами Амос и его спутники облачились в дорожную одежду вроде той, в которой Бэннон впервые увидел их в предгорьях. Юноши вооружились дубинками с железными наконечниками и выглядели готовыми что-нибудь разрушить. В левой руке Амос держал еще одну дубинку.

Он бросил оружие Бэннону:

— Пойдем с нами. Лучше прогуляться на свежем воздухе и размять ноги, пока не стало слишком поздно.

Бэннон поймал тяжелое оружие.

— Что ты имеешь в виду — пока не стало слишком поздно?

— Норукайцы привезли свежих рабов, и через несколько дней родители используют кровавую магию, — ответил Амос.

— Они накроют Ильдакар саваном — по крайней мере, временно.

— И тогда мы снова окажемся взаперти. — Джед вел себя нервно, перекидывая дубинку из одной руки в другую.

Брок вскинул свое оружие:

— Ну а пока есть возможность погромить статуи солдат.

Бэннон удивился, что они хотят взять его с собой. Амос зашагал по улице, ожидая, что юноша последует за ним.

— Может, ты и не одаренный, но махать дубиной ведь умеешь, да?

Бэннон неуверенно держал перед собой дубину.

— Да, умею. А еще я неплохо владею мечом.

Трое парней засмеялись над его непримечательным клинком.

— Но я лучше пойду в тренировочные ямы. Ты обещал помочь освободить Яна. Пойдешь со мной? Слова сына властительницы и главнокомандующего волшебника будет достаточно.

Амос выпятил грудь:

— Ты, пожалуй, прав, но все зависит от моих родителей. Я уже говорил им о твоей просьбе и напомню о ней позже. Не волнуйся.

Ощутив искру надежды, — возможно, тщетной, — Бэннон с дубинкой в руке поспешил за тремя юношами. Меч у бедра успокаивал. Амос и его друзья разговаривали между собой, делая неприличные замечания о проходивших мимо рабах.

Их насмешливые комментарии вгоняли Бэннона в краску: парни сравнивали размер груди рабынь и обсуждали, может ли у простой служанки быть идеальная грудь. Амос задал вопрос, остановив робкую девушку, которая несла кувшин с водой из одного из фонтанов. Они заставили ее поставить кувшин на землю, и Амос приказал ей расстегнуть сорочку и оголить грудь. Та в ужасе отказалась, что-то бессвязно бормоча.

Бэннон коснулся рукояти Крепыша:

— Ты не должен так обходиться с людьми.

— Она рабыня, — возразил Амос.

В нетерпении он схватил коричневую ткань ее сорочки и с силой дернул вниз, разорвав одежду. Обнаженная девушка сгорала от стыда, но была слишком напугана, чтобы бежать.

— Видишь? Я говорил тебе, — сказал Амос, указав на сыпь на ее левой груди. — Не идеальная.

— Промежность Владетеля, ты прав, — выругался Джед.

Брок хихикнул, задержав взгляд на изгибе ее груди и идеальной форме сосков. Больше ничего не говоря, Амос помчался к нижним уровням города и внешней стене.

Бэннон виновато посмотрел на девушку-рабыню:

— Мне очень жаль.

Она, не встречаясь с ним взглядом, кое-как прикрылась разорванной рубашкой, затем взяла кувшин с водой и поспешила прочь.

Молодые люди увидели верховного капитана Эйвери, патрулирующего улицы, и Амос поднял дубину в насмешливом приветствии.

— Мы отправляемся к каменным солдатам — продолжить борьбу за Ильдакар. — С ухмылкой он добавил: — Не забывайте бережно охранять мою мать в наше отсутствие.

Бэннон заметил напряженное выражение на лице Эйвери, когда парни не спеша прошли мимо капитана.

Добравшись до стены, все четверо прошли через ворота и оказались на плохо сохранившейся дороге, по которой в Ильдакар когда-то шли торговые караваны. Через брусчатку проросла трава и высокие сорняки. Равнина была усеяна руинами старых зданий: повсюду виднелись каменные фундаменты, обрушившиеся стены, призраки отдаленных деревень, почти канувшие в историю.

— Когда саван вновь опустится, то пройдет десять или пятнадцать лет обычного времени, прежде чем мы снова сможем выйти наружу, — сказал Амос.

— Десять или пятнадцать лет? — воскликнул Бэннон.

— Благодаря могущественной магии савана время вблизи Ильдакара движется несколько иначе. Даже когда саван рассеивается, остаются некоторые искажения. Неясно, сколько недель, месяцев или столетий проходит за пределами нашего города, но нас это не заботит, — пояснил Амос. — Наш мир внутри савана.

— Но... столько лет? — Бэннон не мог поверить в услышанное. — Это половина моей жизни, может даже больше!

Амос, шагая вперед, взмахнул железной дубиной и сокрушил большой чертополох, росший на его пути.

— Ты прожил всего двадцать лет, Бэннон Фермер, но наша юность длится уже несколько столетий. И продлится еще долго.

Бэннон был сбит с толку.

— Столетия? Но я думал, что мы с тобой одного возраста.

Молодые люди рассмеялись.

— У тебя с нами очень мало общего, — сказал Брок.

Вскоре они достигли первых рядов окаменевших солдат генерала Утроса, облаченных в искусные доспехи с толстыми нагрудниками и вооруженных короткими мечами, боевыми топорами и щитами. Джед обратил внимание на юношу, который снял свой шлем и держал его в руке, облаченной в боевую рукавицу. Его короткие волосы торчали во все стороны, за исключением короткого хвоста у основания шеи. Застывшее выражение лица солдата было искажено гневом, губы обнажали зубы, глаза были сощурены, и он скалился на Ильдакар.

— Надо же! Разве он не выглядит вызывающе? — Джед ударил дубиной так сильно, что отколол статую ухо.

Смеясь, Амос и Брок по очереди заколотили по талии дерзкого солдата, разбивая пластинчатую юбку доспеха, пока не превратили промежность мужчины в серый порошок.

— Разомнись, Бэннон, — сказал Амос. — Чего ждешь? Мы здесь, чтобы повеселиться.

Бэннон взглянул на тысячи каменных воинов, рассредоточенных по равнине и предгорьям. По всей видимости, некогда это была грозная разрушительная армия, но теперь остались просто статуи давно умерших людей. Спутники настаивали на его участии, поэтому Бэннон дал волю своему гневу. Воображая пленивших Яна норукайских захватчиков с безобразными ртами и татуировками в виде змеиной чешуи, он принялся

бить по голове одного из каменных солдат. После семи ударов он уничтожил голову статуи.

Амос, Джед и Брок подбадривали его. Затем Бэннон вспомнил об отце, который бил его, утопил котят и избил до смерти мать. Он снова взмахнул дубиной, выискивая подходящую мишень, которая оплатит за преступления этого презренного человека.

Вскоре все четверо размахивали дубинками, уничтожая одного окаменевшего солдата за другим. Звон металла о камень, их выкрики и радостные возгласы разносились по странно безмолвной равнине. Мишеней было так много, что Бэннону не приходилось выбирать. Ряды окаменевших врагов казались бесконечными.

Он тяжело дышал, с его длинных рыжих волос капал пот, руки болели, а запястья онемели от нанесения ударов по твердому камню. Жадно глотая воздух, он не испытывал радости, но, по крайней мере, избавился от напряжения и выпустил гнев. Впрочем, он бы предпочел биться с достойным врагом, а не с древними статуями.

Слева от Бэннона, в отдалении от остальных юношей, атаковавших неподвижных врагов, послышался звук: стон, а затем неразборчивое бормотание. Мужской стон медленно перерастал в вопль.

Бэннон огляделся, но увидел только статуи, которым было полторы тысячи лет. Затем он заметил движение. Один воин из рядов каменных солдат пошевелился. Он сделал шаг и поднял руки, а крик стал еще громче. Бэннон перекинул дубину в левую руку, а правой нашарил меч. Воин попытался двинуться, а затем рухнул на колени.

— Ох, что происходит? Ох...

Голос был столь жалобным и отчаянным, что Бэннон невольно пошел в ту сторону. Цвет лица древнего воина отличался от остальных, хотя и оставался бледновато-серым, слов-

но посыпанный мукой. К доспехам вернулся оттенок бронзы и кожи; символ пламени на щите стал ярко-красным.

— Ох!

Бэннон с колотящимся сердцем остановился в десяти шагах от странного воина, и тот посмотрел на него сквозь шлем. Они безмолвно уставились друг на друга.

— Ты пробудился, — наконец сказал Бэннон. — Наверное, заклинание перестало действовать. — Он с тревогой оглядел бесчисленные статуи воинов, опасаясь, что все они могут ожить, но равнина оставалась неподвижной — воины генерала Утроса были белым мрамором.

Древний солдат в замешательстве снял шлем, и Бэннон увидел, что бойцу времен императора Кергана не больше двадцати пяти лет. Радужная оболочка его глаз была серой, но сливалась с белками, как будто еще частично состояла из камня. Его короткие темные волосы казались неестественно жесткими. Он медленно размял руки.

— Что случилось? — У него был странный акцент. Мужчина оглядел статуи своих товарищей. — Моя армия... мой господин.

Бэннон подошел ближе, когда пробудившийся воин сгорбился и несчастно помотал головой.

— Что произошло?

— Давным-давно на тебя наложили заклинание, — сказал Бэннон. — Ваша армия прибыла сюда во время войны, которая закончилась пятнадцать веков назад.

Воин снял рукавицы и согнул пальцы, напомнив Бэннону кузнеца, сгибающего полосу железа, недостаточно нагретую для обработки. Его предплечья цвета мела еще были частично окаменевшими.

— Меня зовут Бэннон Фермер. Я путешественник, остановился в Ильдакаре.

Лицо воина стало напряженным.

— Ильдакар... мы здесь, чтобы завоевать этот город от имени Железного Клыка. Генерал Утрос сказал, что таков приказ императора. — Он глубоко вдохнул, и воздух со свистом прошел через его нос и рот. Грудь воина потрескивала, будто в его легких было полно каменной пыли. — Я Ульрих, пехотинец десятого ранга, и отдам свою жизнь за императора Кергана.

— Боюсь, император давно обратился в прах, — сказал Бэннон.

Ульрих со стоном выпрямился. Бэннон не знал, что делать, но решил, что Натан захочет поговорить с этим человеком — как и волшебники Ильдакара.

— Война давно закончилась, и тебе больше не нужно сражаться. Можешь пойти с нами в город.

— Что ты там делаешь, Бэннон? — крикнул Амос.

Бэннон помахал рукой:

— Один из солдат проснулся! Заклинание почему-то рассеялось.

Трое молодых ильдакарцев поспешили к Бэннону.

— Заклинание рассеялось? Промежность Владетеля, как такое могло случиться?

Ульрих поднял руки, будто все еще не мог поверить, что действительно пробудился.

— Я едва могу двигаться. Пожалуйста, помогите мне.

— Мы должны отвести его в город. — Бэннону стало жалко древнего солдата. — Ему может понадобится медицинская помощь, и историки наверняка захотят с ним поговорить. Разве главнокомандующему волшебнику не интересно, почему заклинание исчезло?

— Мы отведем его в город, — сказал Амос и махнул рукой солдату. — Пойдем с нами.

Воин, потерянный и сконфуженный, неуклюже пошел за ними.

— А что насчет моей семьи? Моих товарищей?

— Их больше нет, — ответил Амос. — Радуйся, что пробудился.

— Я... не понимаю, — произнес Ульрих.

— Все прояснится, когда попадем в Ильдакар. Там раздобудем тебе поесть, — заверил его Бэннон.

Ульрих задумчиво коснулся живота.

— Я не голоден... и все еще ощущаю себя камнем.

Они быстро шагали сквозь ряды статуй к высоким стенам города. Ульрих разглядывал окаменевшие фигуры и отчаянно бормотал:

— Помогите мне добраться домой.

— Сомневаюсь, что твой дом все еще существует, — сказал Бэннон. — За прошедшие столетия многое изменилось.

Оказавшись возле стены, Амос, Джед и Брок принялись кричать, размахивая своими дубинками:

— Эй, Ильдакар! У нас неподвиженная ситуация. Ильдакар!

У ворот их уже ждали солдаты, готовые отразить атаку. Но ильдакарцы увидели только четырех парней и их странного спутника в старинных доспехах давно поверженного войска. Бэннон шел прямо за Ульрихом. Верховный капитан Эйвери подошел к высоким воротам, с подозрением глядя на компанию, поправил красный наплечник и положил руку на рукоять своего короткого меча.

Ульрих неуверенно шагнул вперед, ошеломленный тем, что оказался так близко к огромному городу, который когда-то давно пытался завоевать.

— Верховный капитан Эйвери, это пробудившийся воин из армии императора Кергана, — заговорил Бэннон.

Амос протолкнулся вперед:

— Он враг Ильдакара. Схватить его и бросить в подземелье, пока он не натворил бед.

Ульрих обернулся, сбитый с толку таким поворотом событий. Бэннон тоже был застигнут врасплох:

— Подождите, мы ведь собирались ему помочь!

— Не дури, — усмехнулся Амос. — Этот человек намеревался покорить Ильдакар. — Он улыбнулся. — Наконец-то мы сможем привлечь одного из них к ответственности. Каждый в городе захочет увидеть это!

Ульрих казался обманутым, и Бэннон понял, что и его самого одурачили.

Глава 34

Никки, присутствовавшая на заседании в башне властителей, обернулась на крики и суматоху. Советники встревоженно повставали со скамеек. Максим, заинтересовавшись причиной переполоха, тоже встал, но Тора осталась сидеть на троне, будто поднять ее могло только что-то совсем уж неординарное.

Верховный капитан Эйвери прошествовал в зал, сопровождаемый скрипом кожи и звоном стали своего доспеха. Шестеро городских стражников вели опасного на вид воина, все тело которого имело блеклый оттенок, словно его доспехи и кожа были присыпаны белесой пылью. Короткие темные волосы мужчины казались посыпанными тальком. Пленник двигался с трудом, пошатываясь под тяжестью массивных железных цепей на плечах и вокруг груди. Эйвери мрачно смотрел перед собой, и Никки поняла, что он напуган.

— И что это? — Властительница Тора, наконец, поднялась на ноги.

Узнав стилизованный символ пламени на нагруднике пленника, Никки раньше волшебников догадалась, что случилось.

Эйвери приблизился к возвышению.

— Властительница, главнокомандующий волшебник. Один из окаменевших воинов очнулся. Ваш сын и его друзья были среди каменных солдат, когда это произошло.

— Меня зовут Ульрих, — раздался низкий голос с сильным акцентом. Странный воин попытался скинуть цепи. — Что вы сделали с моими товарищами? Что вы сделали со мной?

Обычно высокомерное выражение лица Максима сменилось тревогой, а его кожа стала почти такой же бледной, как у древнего солдата.

— Заклинание развеялось? Как такое возможно?

— Что натворил Амос? — рявкнула Тора. — Это дело рук нашего сына?

— Властительница, кажется, это произошло случайно, — сказал Эйвери. — Юноши привели солдата к городским воротам, где мы его и схватили.

— Мудро, — изрек Айвен.

Повелитель плоти Андре не стал сдерживать свое любопытство и заспешил к пленнику по голубой плитке пола. Напряженные и настороженные стражники окружали воина в старинных доспехах, но Андре действовал решительно. Он потыкал и пощупал доспехи, а затем дотронулся до щеки мужчины. Ульрих поморщился, мотнул головой и клацнул зубами, пытаясь откусить пальцы повелителя плоти, но Андре оказался проворнее.

— Кожа жесткая и твердая, все еще бледноватая. — Он поднял взгляд. — Хмм, хорошие новости, главнокомандующий волшебник — твоё заклинание развеялось не полностью.

— И в самом деле, новость неплохая. — В голосе Максима не слышалось ни капли удовлетворения. — Будем надеяться, это не повторится.

Квентин постучал пальцами по столу и упрекнул Эйвери:

— Ты привел в палату волшебников вооруженного врага? Почему его не раздели донага?

— Мы не могли снять доспехи, — стал оправдываться он. — Мы забрали щит, шлем и меч, но остальное... словно приплавлено к коже.

— Его кожа еще твердая как камень. — Андре постучал костяшками пальцев по бицепсу Ульриха над кожаной полосой с шипами. — Очень интересно. Такого противника весьма не просто убить. — Ульрих вздрогнул и свирепо посмотрел на Андре, но повелитель плоти словно и не заметил этого.

Айвен стукнул мощным кулаком по каменной столешнице.

— Он враг Ильдакара. Этот человек намеревался уничтожить наш город, насиловать наших женщин и истязать наших детей.

Деймон взглянул на властительницу с непочтительной усмешкой.

— Я всегда думал, что твой сын и его друзья поступают глупо, когда отправляются крушить статуи. Но теперь я понимаю, что нам следовало бы поощрить их и отправить на уничтожение каменной армии целые отряды.

— Пустая трата времени, — пробормотал Квентин. — Там сотни тысяч...

Все еще злившийся Айвен поднялся и скрестил руки на безрукавке из шкуры пумы, выставляя напоказ накачанные мышцы.

— Превратив эту армию в камень, мы одержали неслыханную победу, но лишились возможности свершить правосудие. Теперь в наших руках оказался один из врагов! — Он оглядел зал и хмуро глянул на растерянного древнего воина, который едва стоял под тяжестью оков. — Давайте бросим его на боевую арену и заставим сражаться. Все ильдакарцы смогут увидеть, как его разорвут в клочья.

— Его следовало бы допросить и вызнать все о планах генерала Утраса. — Когда Никки заговорила, все удивленно повернулись к ней. — Вам представилась исключительная возможность сделать это.

— Это важно как для истории, так и для защиты города, — заметил Натан.

— Пустая трата времени, — сказал Квентин. — Какая польза от его знаний, устаревших на столько столетий? Император Керган давно мертв, его войско — просто камень.

— Кроме того, это обычный пехотинец, — добавил Деймон. — Вряд ли он что-то знает.

По собственному опыту Никки знала, что пехотинцы часто знают то, о чем не догадываются другие. Один из дознавателей Джегана мог бы несколько месяцев допрашивать этого древнего воина, и процесс вовсе не был бы тихим и спокойным. Нужно не только понять причину, по которой заклинание рассеялось, но и добыть все сведения, которые мог предоставить этот обычный пехотинец. Избавляться от него было напрасной тратой ресурсов.

— Ильдакар — мирный город, — произнес Максим. — Мы мало смыслим в пытках и допросах. — Он фыркнул. — Лучше использовать воина для другой цели. Например, выпустить его на арену.

Закованный Ульрих впал в смятение, его лицо исказилось от гнева.

— Я сражусь со всеми, кого вы против меня выставите. Во имя Железного Клыка.

— Уже что-то, ммм? — сказал Андре. — Принимаю предложение.

— Если заклинание окаменения теряет силу, то у нас будут большие проблемы, — пробормотал Максим. Он постучал по левому уголку рта, будто это помогало ему думать. — Мы должны устранить эту аномалию и убедиться, что уязвимость не распространяется. — Он кивнул властительнице. — Да, я согласен. Отправим его на боевую арену, и получим прекрасное представление. Главный укротитель, у тебя найдется для него интересный соперник?

— Всегда найдется. — Айвен прищурил глаза с набрякшими веками, будто прикидывая что-то в уме.

— Созывайте горожан, — повелела Тора. — Мы покажем им исключительное зрелище.

* * *

Песок боевой арены искрился на ярком солнце. Купцы, торговцы, садовники, портные и ремесленники бросили свою работу, закрыли лавки и мастерские и отправились смотреть поединок. Много веков назад генерал Утрос едва не разрушил их город, и его древнюю армию ненавидели больше, чем любую другую. Теперь, когда один из каменных воинов освободился от заклинания, у них появился шанс увидеть, как восторжествует справедливость. Люди желали посмотреть, как будет сражен и убит вражеский солдат.

Смертельные поединки всегда были неотъемлемой частью культуры Ильдакара, и его жители наслаждались, выплескивая разочарование и гнев. Теперь, когда Никки стала свидетелем нарастающей напряженности среди населения, она задалась вопросом, не специально ли палата волшебника направляла недовольство народа на конкретную цель, тем самым отвлекая его от себя.

Натан последовал за колдуньей в зрительскую башню для знати. Вокруг царила толкотня, гудели голоса собирающейся толпы. Проблески ярких тканей и меха богатых посетителей контрастировали с однообразной коричневой одеждой зрителей на нижних скамьях, четко разграничивая классы общества.

По милости Максима Никки снова пригласили на одну из высоких платформ. С другой стороны трибуны сидела Тора, окруженная неустанным вниманием Эйвери — хотя едва ли она нуждалась в защите.

Натан разговаривал с Андре, но повелителя плоти больше интересовал необычный оживший воин, а не восстановление дара старика.

— Мы еще поработаем над этим, мой дорогой Натан. К чему спешить, ммм?

На кровавый поединок пришли посмотреть и дюжие норукайские работорговцы. Кор и его покрытые шрамами мускулистые спутники заняли места на нижних уровнях, растолкав зрителей. Они предпочли скамьи на самом краю арены, где сидели простые работники и немые рабы.

Властительница Тора приглашала норукайцев сесть вместе со знатью на верхних уровнях, но Кор отказался:

— Я хочу видеть пот, почувствовать запах крови и слышать каждый выкрик боли. Нам надо как следует прочувствовать это развлечение, чтобы рассказать о нем королю Скорбь. Ему должно понравиться.

Глубоко встревоженный Бэннон пробрался к Никки и Натану.

— Пресвятая Мать морей, какой стыд, — тихо сказал он. — Когда Ульрих очнулся, он был растерян и сбит с толку, и попросил меня о помощи. Амос заманил его к городским стенам своими обещаниями, но как только мы прошли через ворота, его схватили стражники. А теперь его убьют!

— Он их смертельный враг, — напомнила ему Никки, — воин армии, которая пыталась уничтожить Ильдакар.

— Это было пятнадцать веков назад! — воскликнул Бэннон. — Он больше не опасен.

— Может, и не опасен, — сказал Натан, опустив уголки рта, — но, мой мальчик, на протяжении тысячелетий люди в этом городе негодовали от планов императора Кергана править миром. Они видели, как полумиллионная армия превратилась в статуи, и это их первая возможность отомстить.

— Все равно это неправильно, — пробормотал Бэннон.

— Да, неправильно, — согласилась Никки. — В Ильдакаре много чего неправильного.

Мужчины в безрукавках принялись бить в гонги, и раздавшийся металлический звон заставил зрителей затихнуть.

Ведущий на высоком помосте заговорил усиленным магией голосом:

— Сегодня Ильдакар станет свидетелем казни, весьма необычной.

Толпа загудела, но голос оратора заглушил их:

— Враг из прошлого получит заслуженное наказание — наказание, которого заслуживают они все! Он умрет на нашей боевой арене.

Толпа ликовала, свистела и улюлюкала, выплескивая эмоции и разжигая свой гнев.

Главнокомандующий волшебник Максим явно получал удовольствие, а властительница Тора была рада направить гнев граждан в правильное русло. Когда зрители на нижних скамьях поднялись, желая ничего не пропустить, людям позади них тоже пришлось встать, от чего по толпе прокатилась рябь.

Норукайцы на передней скамье наклонились вперед. Когда кто-то встал, заслонив Дару вид, налетчик столкнул человека с края, и тот упал в яму. Поспешно встав с песка, мужчина испуганно посмотрел на открывающиеся ворота и прыгнул, пытаясь уцепиться за слишком высокий борт арены. Его друзья потянулись вниз, подхватили беднягу и вытянули с арены до того, как на ней появился древний воин.

Ликование сменилось ропотом, когда пробудившийся воин вышел на песок арены. Ульрих медленно шел вперед, его древние прочные доспехи были покрыты серой каменной пылью. Он сжимал в руке свой изогнутый меч, который ему вернули для битвы. Он неуверенно шагал по арене, глядя на толпу, и явно был дезориентирован. Ропот превратился в хор гневных угроз.

Ульрих дошел до середины арены и повернулся к высокой трибуне волшебников.

— Чего вы от меня хотите? — взревел он.

— Мы хотим, чтобы ты сдох, болван! — сказал Максим, а потом хихикнул.

Эльза сидела рядом с Натаном, чопорно сложив руки на фиолетовых юбках.

— Где главный укротитель Айвен? — спросил ее Натан. — Я думал, он захочет посмотреть на бой.

— Он под ареной, — ответила она. — Управляется со зверьми.

От воспоминаний о боевом медведе Никки пробрал озноб.

— Что за звери?

Ульрих повернулся, когда открылись вторые ворота.

Никки напряглась, увидев трех темно-желтых мускулистых кошек. Трока песчаных пум, похожих на Мрра, выпрыгнула на поле боя. Шкуры зверей были покрыты клеймами заклинаний, которые делали пум невосприимчивыми к магическим атакам.

Пумы двигались слаженно, их хвосты подрагивали, а из оскаленных пастей торчали саблевидные клыки. Ульрих расставил ноги и выставил перед собой изогнутый меч, приготовившись встретить подступающих кошек. Вздурораженная толпа ликовала.

Никки смотрела, как трока разделилась. Одна песчаная пума пошла напрямик к противнику, а две другие кошки стали заходить с разных сторон, оценивая врага, изучая его реакцию.

Ульрих медленно поворачивался, стараясь уследить за всеми. Пумы с флангов сделали круг и поменялись сторонами. Воин обернулся, чтобы защитить спину, а затем встал лицом к ближней пуме.

— Добрые духи! — воскликнул Натан. — Я знаю Мрра, но никогда не видел троку в действии. Именно так они и напали в каньонах на вас и бедную Чертополох?

— Да, — сказал Бэннон. — И мы сразились с ними. Нам пришлось.

— Мы убили сестер Мрра, но ее я исцелила, — добавила Никки. — Должно быть, ее трока сбежала из здешних ям для животных.

— Как и боевой медведь, — заключил Бэннон.

— Возможно, зверей выпустили намеренно, — предположила Никки, подумав о Зерцалоликом и его мятежниках. Они хотели посеять хаос, поэтому освобождали рабов и помогали бежать из города.

Тем временем на арене ведущая пума пошла в любовую атаку, прыгнув на древнего воина. Ульрих рубанул мечом, но кошка увернулась и отделалась царапиной, которая красной полосой прочертила ее ребра. Атака была отвлекающим маневром.

Вторая пума врезалась в Ульриха сбоку, и тот пошатнулся. Кошка запустила когти в бицепс воина. Обычному человеку оторвало бы руку, но на серовой коже Ульриха остались лишь белые бороздки, который тут же затвердели. Толпа ахнула и загомонила.

Натан зачарованно подался вперед.

— Он все еще отчасти каменный!

— Наверное, не до конца отошел от заклинания, — предположил Бэннон.

Даже Ульрих удивился своей неуязвимости и озадаченно глядел на рану. С еще большим гневом он вскинул изогнутый меч и с силой ударил навершием по гладкой макушке песчаной пумы. Треск от удара был слышен по всей арене.

Толпа взревела, будто люди сами не знали, за кого болеют. Третья пума напала на Ульриха сзади и повалила его лицом на песок. Кошка пыталась разодрать его спину, но на доспехах оставались лишь белые борозды. Обычный доспех давно был бы порван в лоскуты.

Вторая пума вцепилась зубами в запястье Ульриха и потянула его руку с мечом, но древний воин ударил кошку своим каменным кулаком, и та захромала прочь, явно раненая. Ульрих с трудом поднялся на ноги. Две другие пумы приблизились, но теперь действовали осторожно. Одна из кошек бросилась в атаку, и воин яростно рубанул коротким мечом, оставив в рыжевatom мехе глубокую рану. Ульрих тоже был потрепан: его доспехи кое-где были повреждены, на шее и на руках виднелись белые отметины. Но он сражался так, будто считал себя непобедимым. Раненые песчаные пумы теперь кружили вне его досягаемости.

— Такого воина трудно убить, — заметил Натан. — А представьте сотни тысяч таких.

Толпа зароптала — пумы осторожничали и не атаковали. Трока кружила, кошки делали пробные выпады и тут же отступали. Никки было жаль их. Главный укротитель манипулировал ими, натаскивая убивать. Сестры-пумы действовали сообща, но необычный противник привел их в замешательство.

Через зарешеченные ворота, из которых вышли пумы, на арену вышел крупный мужчина без доспехов. Главный укротитель Айвен.

Он шел вперед так, словно в его жилах бушевал ураган. Айвен был вооружен огромным боевым молотом с толстой рукоятью. Голова молота шириной в фут была утяжелена камнями и с обеих сторон подбита железом. Айвен двигался не спеша, позволив огромному молоту у его бедра раскачиваться подобно маятнику.

Ульрих повернулся к своему новому противнику. Раненые пумы продолжали кружить, но древний воин игнорировал их, зная, что звери не только пострадали физически, но и пали духом.

Айвен издал звериный рык. Не говоря ни слова, он перешел на бег, делая большие шаги и используя импульс внушительного молота.

Ульрих поднял изогнутый меч и отвел назад руку с отметинами когтей, но его клинок казался смехотворно маленьким. Айвен взмахнул своим молотом, и удар пришелся по рукояти меча; рука древнего воина отломилась у запястья. Ульрих отшатнулся и посмотрел на свою культю, похожую на обломок камня, из которого сочилось что-то красное.

Он издал трубный, нечленораздельный рев, бросая вызов главному укротителю, но Айвену не терпелось быстрее покончить с ним. Волшебник бросился вперед, отведя молот за спину, и, когда противник оказался на расстоянии удара, вложил всю свою силу в тяжелое боевое оружие. Айвен описал молотом плавную дугу, и на последних его шагах молот угодил прямо в Ульриха.

Массивный молот обрушился на грудь древнего воина — на того как будто рухнула гора. Молот расколол торс Ульриха, вдребезги разнес ребра и достиг сердца.

Воин рухнул, превратившись в месиво из крови и камней. Теперь он были лишь обломками живого существа.

Зрители возликовали, но Никки заметила в их криках намек на беспокойство. Айвен не стал упиваться восхищением толпы. С молотом в руках он стоял над поверженным врагом; затем укротитель поднял огромное оружие над головой и снова опустил его, впечатав серое каменное лицо Ульриха в песок арены.

Связанные заклинаниями пумы ходили по арене, страдая от боли в ранах. Главный укротитель отвернулся от своей жертвы, протянул руку к трое и выпустил дар, управляя большими кошками, подталкивая их и вынуждая слушаться. Все трое зарычали, упираясь и сопротивляясь. Одна из пум даже сделала робкий выпад в сторону Айвена, но главный укротитель скривился от напряжения, выгнул пальцы и направил больше магии. Непослушная песчаная пума, прихрамывая, отступила. Айвен погнал трех кошек к зарешеченным воротам, а потом в ямы под ареной.

— Захватывающий был бой, ммм? — с восхищением сказал Андре, оглянувшись на Эльзу, Деймона и Квентина.

— Жаль, что Ренна нет с нами, и он этого не увидел, — сказала Эльза.

— Ему лучше вернуться поскорее, — сказал Максим. — Иначе нам придется назначить нового члена палаты. — Такая возможность, кажется, ничуть его не расстраивала.

Бэннон поник на своем сиденье, борясь с огорчением и гневом.

— Ульрих просто хотел помощи. Мы не знаем, почему закливание рассеялось, и он очнулся.

Никки оглядела трибуны, наблюдая за толкотней уходивших с арены горожан.

— И этот воин был лишь одним из многих тысяч, — зловеще сказала она.

Глава 35

Никки стояла у панорамных окон башни властителей и смотрела на крутой обрыв, под которым теснились здания и извивались городские переулки. В помещение залетал прохладный и свежий ветерок.

За ее спиной палата волшебников монотонно вела бессмысленное обсуждение, но Никки их почти не слушала. Мышцы на ее спине трепетали, будто от прикосновения призрачной руки. Светлые волосы ниспадали на плечи колдуньи, а ярко-голубые глаза были устремлены на Ильдакар. Она сосредоточилась на том, что знала, а не на том, что видела. Город еще не успокоился после вчерашнего представления на арене.

Властительница Тора, похожая на ледяную королеву, восседала на высоком троне. Двое безмолвных рабов установили позади нее несколько пустых птичьих клеток, а другие при-

несли шелковые сети, в которых метались маленькие пленники. Птицеловы осторожно вытаскивали из сетей жаворонков и сажали их в золотые клетки. Птицы попискивали и верещали от ужаса, но Тора с холодной улыбкой откинулась на спинку трона.

— Хорошо снова оказаться в окружении музыки, хотя прежние птицы были восхитительны на вкус.

— А как хрустят их косточки, — подхватил норукайский капитан, который слонялся по залу в поисках занятия. Кор и его товарищи без приглашения заявили в башню властителей, заняли свободные места и теперь откровенно скучали. Дар известил, что загрузил на борт своего корабля бочки с вином и сушеные ильдакарские фрукты. Он все еще надеялся вытребовать несколько свежеразделанных яксенов.

— Лучше пусть будут грузом, чем ходячим мясом, — сказал он.

— И все равно это будет дорого, — буркнул капитан, почесав вросший в бритую голову акулий зуб.

— И все же вы возвращаетесь в Ильдакар всякий раз, когда исчезает саван, — заметил Максим. — Похоже, наш город вас немало интересуется.

— Он интересуется короля Скорбь, вот мы и возвращаемся, — пояснил Кор. — Но я бы предпочел остаться на наших островах.

Никки отвернулась от больших окон. Каждый раз, когда она думала о норукайцах, ей хотелось дать волю своему дару и испепелить этих отвратительных существ. Еще ей не терпелось свергнуть самовлюбленных и бессердечных членов правящего совета и освободить народ. Зерцалоликий стремился к тому же.

Но она должна найти действенный способ. Никки не сомневалась, что придумает, как сделать Ильдакар свободным.

Бэннон вновь ушел со своими новыми друзьями, а вот Натан пришел в зал совета ради возможности поговорить с Андре.

— Повелитель плоти, поскольку на повестке дня нет экстренных вопросов, не могли бы мы вернуться в твою студию и продолжить работать над восстановлением моего дара?

Андре отмахнулся от него, как от назойливой мухи:

— Сейчас я обязан изучить останки каменного воина. Вдруг заклинание главнокомандующего волшебника теряет свою силу? Это меня беспокоит.

— Мое заклинание не теряет силу, — возразил Максим. — Что-то изменилось в основах мироздания.

Никки отступила от окна.

— Мы уже говорили вам об этом. Магистр Рал запустил перемещение звезд и навсегда запечатал подземный мир. Вы сами можете увидеть изменения в ночном небе.

— Спасибо за информацию, — сказала Тора. Ее тон был острее битого стекла. — Но наше решение очевидно.

Натан неосознанно отряхнул зеленый шелк на своих рукавах.

— Боюсь, не для меня, властительница. Какое решение вы имели в виду?

— Мы задействуем магию через пирамиду. Норукайцы привезли достаточно рабов, поэтому мы должны незамедлительно укрыть город саваном, пускай это и временная мера. Тогда наш любимый Ильдакар будет в безопасности, даже если огромная армия пробудится.

— Армия статуй — не самая худшая угроза, о которой вам следует беспокоиться, — тихо сказала Никки.

Эльза и Квентин удивленно подняли взгляд. Главный укротитель Айвен, который чистил ногти коротким кинжалом, поинтересовался:

— Что за угроза?

— Не поднимайте свой проклятый саван, пока не отчальят наши корабли, — потребовал капитан Кор, которого не интересовало обсуждение проблем города. — Мы планируем остаться еще на несколько дней.

— Приготовления займут время, — сказал Максим. — У вас полно возможностей покуролесить в Ильдакаре перед тем, как отправиться вниз по реке.

Кор, Ларс, Йорик и Дар ехидно усмехнулись.

— Все равно мы вернемся домой с кучей золота, — сказал Кор.

— И отдельным бочонком кровавого вина для короля Скорбь, — добавил Дар.

Никки посмотрела на Натана. Ни он, ни она не горели желанием застрять в Ильдакаре на годы. Но у каждого из них оставались здесь важные дела.

Напряженное обсуждение было прервано городским стражником, который с шумом ворвался в зал.

— Произошло еще одно убийство! Властительница, это... — он резко замолчал, словно ему стало дурно.

Максим смахнул пылинку со своих черных шаровар.

— Убийство? Снова эти мерзкие мятежники?

Из глаз запыхавшегося стражника потекли слезы.

— Властительница, я побежал вперед, чтобы предупредить заранее, но они уже почти поднялись...

Процессия торопливо одолела последние ступени и вошла в палату. Воины в доспехах несли тело, завернутое в шелковые плащи, уже пропитавшиеся кровью. Мужчины были мрачными и потрясенными.

Тора встала перед троном. Максим быстро зашагал по голубой мраморной плитке, испытывая скорее любопытство, а не ужас.

— И кто это? — Он скинул один из плащей, обнажив окровавленный латный наплечник.

Лицо прибежавшего первым стражника покраснело от напряжения и страха.

— Это верховный капитан Эйвери! Он был в ночном патруле, а утром мы обнаружили его тело на рынке рабов. Оно лежало на всеобщем обозрении. — Мужчина едва мог говорить. Тора, заметно дрожа, сошла с помоста. — Его изранили осколками зеркал.

Тора побелела от ужаса и откинула шелковый плащ с лица трупа. Она уставилась на привлекательное лицо Эйвери, обезображенное порезами и испачканное засохшей кровью. Глаза мужчины были выколоты; из его груди, горла и рта торчали длинные осколки. Его смерть не была легкой.

— Нееет! — пронзительно закричала Тора. Ее безупречно уложенные волосы разметались, а кожа, казалось, потрескивала от яростной магии, бушевавшей внутри. — Эти дикари должны быть уничтожены. — Вне себя от горя, она закрыла свое лицо и отшатнулась.

— Найдешь себе других любовников, моя дорогая, — легкомысленно сказал Максим. Он не дал стражникам положить тело на мраморный пол и погнал их прочь. — Вы не оставите его здесь. Мы не станем устраивать с ним прощание, как с уважаемым одаренным аристократом.

— Но ведь он был верховным капитаном! — сказал главный из стражников.

Максим одарил стражника испепеляющим взглядом.

— Капитан, позволивший уличному сброду себя убить, недостойн.

Никки шагнула вперед, хотя и знала, что к ней не прислушаются.

— Это признак опасных волнений в вашем городе. Вы должны что-то предпринять и выяснить, почему люди так поступили. Позвольте мне и моим спутникам помочь, и, возможно, мы сгладим обстановку, пока не стало слишком поздно. Эйвери — последний, кто должен был умереть.

— Эйвери не должен был умирать! — взвизгнула властительница.

Максим выглядел скорее удивленным, чем напуганным.

— Ильдакар веками оставался прекрасным и стабильным.

— Похоже, все не так уж прекрасно и стабильно. — Натан не отводил взгляда от завернутого в плащи окровавленного тела.

Тора едва ли их слышала. Она покачала головой, закрыла глаза и, дойдя до своего трона, рухнула на него и зарыдала.

Максим бросил взгляд на главного укротителя Айвена.

— Скорми тело животным арены. Так он принесет хоть какую-то пользу, кроме как быть игрушкой для постельных утех властительницы. — Он яростно взмахнул рукой, и обеспокоенные стражники поспешили удалиться с кровавой ношей.

Айвен хрустнул костяшками пальцев.

— Отличное предложение, главнокомандующий волшебник. Я могу использовать его в тренировочных целях.

Он вышел вслед за стражниками, за которыми по голубому мрамору пола тянулась кровавая дорожка.

Норукайцы посмотрели вслед процессии с телом капитана. Кажется, они сочли эту сцену забавной.

Глава 36

Смерть Ульриха на боевой арене очень разозлила Бэннона. Он сидел неподалеку от особняка в сгущающейся темноте и вспоминал, в каком замешательстве был древний воин, пробудившийся после сна длиной в пятнадцать столетий. Бэннон пытался помочь ему, ведь он всегда старался помогать нуждающимся, но Ульриха предали и обманули.

Как ликовали зрители на боевой арене! Так же они ликовали, когда их чемпион Ян боролся за свою жизнь. Те же самые

люди с нетерпением наблюдали, как норукайские воины волокут на невольничий рынок десятки изможденных пленников.

Бэннон был чужим в этом городе, он чувствовал это сердцем. Юноша не понимал жителей Ильдакара и желал уйти отсюда. Не такие приключения он искал, но вынужден был оставаться здесь, пока Натан не получит помощь, а сам Бэннон не найдет способ вырвать Яна из кошмара. Амос, несмотря на все обещания и заверения, ничего не предпринял для освобождения Яна. Кажется, он и не собирался, но Бэннон не знал, что еще делать.

— Ты выглядишь таким мрачным, друг мой! — Амос сильно напугал Бэннона, подойдя к скамье и хлопнув его по плечу. — Сейчас ночь — время, когда оживают наслаждения Ильдакара. — Его лицо озарила улыбка.

За его спиной показались два неотлучных приятеля, одетых в отороченные мехом шелка синего, зеленого и оранжевого цветов.

— Пойдем с нами, — позвал Джед. — Развеешься.

— Я не в настроении, — сказал Бэннон. — Лучше останусь в своих покоях.

— Ты живешь в этих покоях с нашего позволения, — возразил Амос с намеком на угрозу. — Ты рассказываешь хвастливые истории о великих битвах, а сам боишься составить компанию новым друзьям? Мы отправляемся к шелковым якседам. Теперь ты знаешь, чего ожидать, и, возможно, отлично проведешь время.

— Пресвятая Мать морей... — пробормотал Бэннон. — Я уже сказал, что не хочу принимать в этом участия. Идите без меня.

— Пойдем, хоть просто поприсутствуешь, — подначивал Брок. — Посмотришь на прекрасных дам, если уж не хочешь их трогать. Никто ничего от тебя не требует.

— Но вы обещали помочь моему другу Яну.

Амос скорчил недовольную гримасу.

— Поможем, но не сегодня. Он здесь и так уже много лет, так что спешить некуда. А теперь пошли с нами.

Бэннон почувствовал себя в ловушке, но в Ильдакаре он часто испытывал это чувство. Он скучал по тому времени, когда он, Никки и Натан путешествовали в компании Мрра. Ильдакар казался слишком многолюдным и тесным, с крошечными жилищами и узенькими улочками. Теперь он чувствовал давление со стороны трех смотревших на него парней. Может, будет возможность еще раз поговорить о Яне...

— Хорошо, я пойду с вами.

Юноши засмеялись и пошли вперед. Добившись своего и вынудив Бэннона присоединиться к ним, они словно перестали его замечать.

Пока они шли по извилистым улицам, Бэннон дал волю мыслям. Он представлял, как освобождает Яна из тренировочных ям и бежит из города. Вдвоем они смогут выжить в холмах, найдут поселение или городок недалеко от Ильдакара. Или Ян пойдет с ними исследовать огромный Древний мир в поисках удивительных приключений... и Ян с Бэнноном получат шанс возродить свою дружбу.

— Амос, может, отправимся в другой питомник? — выпалил Брок. — В городе предостаточно шелковых яксенов. Тебе не надоела одна и та же?

— Эти женщины рождены быть идеальными. А как может наскучить совершенство? К тому же, Мелоди меня понимает. — Губы юноши изогнулись в саркастической улыбке. — В меру своей тупоголовости.

Бэннон шел за приятелями мимо потрескивающих синих уличных фонарей, через лабиринт тупиковых переулков и цветущих садов. Их обволакивал низкий, успокаивающий стрекот сверчков, а вокруг порхали ночные мотыльки, привлеченные светом ламп.

Шаги Амоса становились все быстрее по мере приближения к его любимому питомнику. Знакомый портье взглянул на них,

не вставая со своего табурета, возле которого стоял полный на две трети горшок с монетами. Не произнося ни слова, портье протянул горшок молодым людям. Амос, Джек и Брок бросили туда по золотой монете, и те со звоном упали в кучу. Бэннон пошарил по своим карманам, но портье поднял руку.

— Юноша, с вас я платы не возьму.

Амос фыркнул.

— Отказываешь платежеспособному клиенту?

— Не отказываю. Я просто знаю, что он не будет делать того, что требует оплаты.

Бэннон неловко перевел взгляд с портье на Амоса.

— Я не собираюсь спорить.

— Он о тебе весьма низкого мнения, — усмехнулся Амос.

Молодые люди прошли внутрь, но Бэннон задержался:

— Почему вы так поступили?

Портье поскреб свою неопрятную бороду.

— Дамам оплачивается, когда клиенты делают то, чего никто другой не захотел бы делать. Вы совсем не такой, молодой человек, но, если вы проведете с этими тремя больше времени, то довольно скоро мне придется взимать плату и с вас. — В его словах звучали горечь и разочарование.

У Бэннона скрутило живот, но он пригнулся и вошел в помещение. Алые светильники и раскаленные жаровни делали обстановку зловещей, а не романтической. Его взгляд скользнул по диванам, смеющимся клиентам и заискивающим, но странно молчаливым женщинам.

Он увидел лица с отвратительными шрамами — двое норукайцев, развалившись на диванах и не удосужившись подыскать более уединенное место, щупали выбранных ими женщин, срывали с них одежду и хватались за груди. Работорговцы пили кровавое вино. Их жертвы издавали слабые невнятные звуки, которые мужчины принимали за стоны удовольствия.

Бэннон узнал Йорика.

— Нравится? — спросил работорговец у девушки с грустными глазами, сильно сжав ей грудь, а затем злобно ущипнув сосок. Девушка захныкала, но с ее лица не сходила застывшая улыбка. Йорик отвернулся и сплюнул. — Ты даже не знаешь, что тебе нравится.

Амос шагнул вперед с радушной улыбкой.

— Вижу, вы выбрали одну из моих любимиц. В этом питомнике лучшие женщины, как я и говорил вам в первую ночь.

— Они ничего, — сказал рослый норукаец. Опустошив бокал, он взял бутылку и влил остатки вина прямо себе в глотку. — Но слишком слабо сопротивляются. Мне нравится, когда в соитии есть элемент борьбы, но эти девки настолько послушны, что мало чем отличаются от трупа.

От его замечания засмеялись все, кроме Бэннона, который не нашел в этом ничего смешного. Ларс, другой норукаец, усмехнулся:

— Смотрите, это же писклявая птишка, которая печется о невинных и слабых.

Бэннон напрягся и приготовился к бою. Он пожалел, что при нем нет Крепыща — он обезглавил бы этих двоих одним взмахом. Прежде чем Бэннон успел дать гневный ответ, вмешался Амос.

— А где моя любимица Мелоди? — спросил он у шелковых якшенов с печальными глазами, которые были заняты клиентами.

Одна кудрявая брюнетка скользнула к Бэннону и прижалась к нему, как ищущий ласки котенок, от чего его пробил озноб.

— Она в отдельной комнате с капитаном Кором, — сказал Йорик. — Ты сможешь поймать ее, когда он закончит.

Ларс рассмеялся.

— Но тебе, возможно, придется ждать долго. В отличие от ильдакарцев, мы не так быстро заканчиваем.

Кор услышал свое имя через занавеску, отделявшую одну из спален.

— Глупая, неуклюжая шлюха! — взревел он. — Хватит, оставь меня! — Бэннон услышал шлепок, вскрик, затем хныканье. Занавески разлетелись, и прекрасная Мелоди, любимица Амоса, вылетела из спальни, попыталась ухватиться за стол, но лишь посбивала с него кубки и упала на пол. Посетители отступили от нее подальше.

Кор вышел из уединенного закутка, сорвав занавески. Он был без одежды, с поникшим мужским достоинством, но, похоже, вовсе не смущался этого. Его тело, покрытое белыми шрамами, напоминало узловатое дерево. Мелоди ползла прочь от него на четвереньках, но норукайский капитан догонял ее.

— Полегче, Кор, — нерешительно сказал Амос.

Норукаец наклонился, схватил Мелоди за горло и поднял в воздух. Она слабо вскрикнула, извиваясь и сопротивляясь.

— Вот так мне больше нравится... и все же не совсем то, — сказал он. — Словно ублажаешь себя с коровой.

— Это яксен, — сказал Амос, — но более привлекательный.

Рослый работороговец ударил Мелоди по лицу, разбив ей губы в кровь и, вероятно, выбив зубы.

— Прекрати! — вскричал Бэннон, но его крик был заглушен ревом возгласов и улюлюканьем.

Кор грубо бросил девушку на стол.

— Пустая трата времени и денег. — Он нырнул в спальню, схватил свою одежду и голым вышел из борделя.

Остальные норукайцы посмотрели на покорных женщин в своих руках. Ларс забавы ради шлепнул свою партнершу, а потом они с Йориком покинули питомник вслед за капитаном. Бэннон бросился к Мелоди и склонился над ней. Она вздрагивала и всхлипывала.

— Ты в порядке? — Юноша коснулся ее распухшего, покрытого кровью лица, на котором уже расцветали синяки. На горле остался красный след от удушающей хватки Кора, а прозрачное платье было порвано. — Все хорошо. С тобой больше ничего не случится.

Она взглянула на него, но в ее безразличном взгляде не промелькнули ни тени узнавания. Однако при виде Амоса ее лицо оживилось, девушка слезла со стола и поползла к нему. Она издала безмолвный стон, умоляя Амоса об утешении, но тот просто стоял. Посмотрев вниз, он поставил ногу на ее плечо и с отвращением отпихнул.

— Ты вся в синяках! В следующий раз, когда я захочу тебя, лучше пусть здесь будет темно, чтобы я не видел твоего уродства.

Джед и Брок выглядели разочарованными.

— Тут есть и другие шелковые яскены, найдем себе получше. Амос, давай останемся, — сказал Брок. — Промежность Владетеля, мы ведь не хотим провести вечер впустую.

Бэннон, дрожа от гнева и ненависти, выпрямился. На его руках осталась кровь Мелоди, и он сжал пальцы, потрясенный не только действиями мерзких норукайцев, но и поведением его мнимых друзей. К горлу подступила желчь, на глаза навернулись слезы. Мелоди казалась все такой же равнодушной.

Его родной отец годами издевался над ним и матерью, украл деньги, которые Бэннон копил на побег с острова Кирия. Этот человек утопил беспомощных котят, чтобы досадить своему сыну, и избил мать Бэннона до смерти. Эти воспоминания почти ослепили Бэннона. Он, пошатываясь, прошел мимо портье и оказался на темной улице. Он слышал о безжалостном императоре Джегане, о Сулакане и Даркене Рале. По его мнению, все агрессоры были полны ненависти и злобы, но каждый по-своему.

Глава 37

Звери арены поражали разнообразием — настоящая коллекция смертоносных машин. Главный укротитель Айвен восхищался этими существами, даже когда калечил их, пытал... и тренировал.

Айвен, одетый в привычную жилетку из шкуры песчаной пумы, которую он был вынужден убить во время тренировки пять лет назад, вдохнул насыщенный мускусный запах загонов для животных. Все его звери содержались возле тренировочных ям — в зарешеченных нишах и во внешних вольерах. Вдохнув, он почувствовал запах их шерсти и ненависти.

Его заметил большой болотный ящер с золотистыми глазами с вертикальными зрачками и раздвоенным черным языком, мелькающим между клыкастых челюстей. Когда Айвен остановился, чтобы посмотреть на ящера, тот сделал на полу вольера лужу мочи. Потянувшись своим даром, главный укротитель почувствовал ненавистный умысел и злость, которую это существо к нему испытывало.

Хорошо. Такие чувства нужно развивать, подпитывать. Выпустив колючее жало магии, он пронзил болью крошечный мозг рептилии, заставив тварь рычать и корчиться. Ящер снова помочился на пол, но на этот раз непроизвольно. Айвен улыбнулся. Для этого и предназначен дар главного укротителя. Зверей нужно держать под контролем — его контролем, — но их жестокость и гнев нужно накапливать и поддерживать горячими, как огонь в кузнице. Айвен был хорош и превосходил любого из своих троих учеников.

Он толкал окровавленную тележку по широкому проходу между клетками и зарешеченными загонами. Колеса, утратившие свою круглую форму, скрипели и болтались, содержимое тележки тряслось на неровностях, и свежий запах разодранного мяса и капающей крови разносился в воздухе. Главный укротитель схватил красную ленту сырых мышц, снятых с

грудной клетки, и бросил ее болотному ящеру. Рептилия тут же забыла о боли, которую Айвен ей причинил, и бросилась за куском мяса.

Кормежка была заботой самых младших учеников Айвена, но ему нравилась рутина, которая могла послужить важным методом провокации, поощрения и лишения. Каждое его действие подкреплялось уколом боли, когда его дар воздействовал на чувствительные нервы зверей. Так они понимали, кто их хозяин.

Айвен подкатил тележку к следующей клетке, оценивая, сколько мяса ему осталось раздать. Подготовительные работы он поручил рабам. Они сняли одежду с тела верховного капитана Эйвери и вернули доспехи в штаб-квартиру стражи, чтобы там очистили от крови металлическую чешую и кожу, прежде чем передать амуницию новоизбранному капитану.

Затем мясники разрубили тело мужчины, используя топоры и тесаки, чтобы отделить конечности от суставов, отсечь ладони и ступни, ноги, руки, голову. Они сложили внутренние органы в отдельные ведра, и Айвен угостит ими своих любимчиков, которые произвели на него большее впечатление.

Огромный черный зверь с раскатистым рычанием врезался в стену клетки с такой силой, что задребезжали прутья и застонали петли. Боевой медведь встал на задние лапы и теперь был в десять футов ростом. Зверь с квадратной мордой и близко посаженными обсидиановыми глазами протянул лапу сквозь решетку и открыл пасть, с которой свисали серебряные нити слюны. На его теле были вживленные пластины, прикрывавшие жизненно важные органы. Усиленные магией когти боевого медведя царапали прутья клетки, высекая искры.

Айвен стоял в нескольких дюймах от зоны досягаемости зверя и хохотал.

— А ты смел. Ненавидишь меня, так ведь? — Он чуть-чуть приблизился к клетке.

Медведь зарычал, его глаза нацелились на него, напоминая искры в кузнице.

— Я здесь. — Айвен подошел еще ближе.

Как только медведь бросился к нему, он выпустил свой дар, послав волну боли в позвоночник монстра. Боевой медведь взревел и откинулся назад, убрав лапы. Как ни странно, он через боль снова бросался на прутья, пытаясь достать своего хозяина.

Айвену пришлось отскочить в сторону.

— Хорошо, хорошо! — В качестве особой награды он взял печень Эйвери и бросил пурпурно-красную горсть медведю. Бросив последний злобный взгляд на своего мучителя, зверь сожрал кровавый орган.

Айвен пошел к другим клеткам, выбирая части тела мертвого капитана стражи: бедро, руку. Он бросил голову некогда симпатичного мужчины в клетку с пятью голодными колючими волками, и те принялись бороться за добычу, разрывая ее на куски.

Айвену нравились дни, когда он мог дать своим питомцам угощение, чтобы подготовить их к боевой арене. Вкусив человеческой плоти, животные лучше атаковали врага перед ликующими зрителями.

Наконец, когда в тележке остались лучшие кусочки мяса и сердце, Айвен остановился перед загоном, в котором находилась трока связанных заклинанием пум. Троица не приближалась к решетке, держась на расстоянии и наблюдая из глубины своего логова. Низкое рычание кошек напоминало ему мурлыканье. Они били хвостами и смотрели на него полными злобы глазами.

Видимо, пумы еще не отошли от поединка с Ульрихом. Когда они сражались с наполовину окаменевшим воином, то получили ранения. Хуже того, они потерпели поражение на глазах у всех. Они разочаровали Айвена, и после боя он наказал

их, вонзив в мозг кошек свой дар, отыскивая болевые центры и нажимая на них.

Однако чем больше силы он использовал в попытке причинить им боль, подчинить и контролировать, тем больше трока сопротивлялась. Три пумы были связаны узами, благодаря которым они чувствовали боль друг друга и могли делиться мыслями. Когда Айвен послал в одну из них вспышку боли, это почувствовали все трое... но трока нашла способ рассредоточить муки и теперь могла выдержать больше. Они научились делиться своей силой. Айвен был обеспокоен. Он не мог позволить этому развиваться, и не хотел, чтобы его дар угас, как у бессильного волшебника, пришедшего извне.

Главный укротитель чувствовал запах их ненависти и гнева, но не страха. Даже после всей боли, которую он причинил, кошки при виде его не сжимались от страха. Вместо этого они вызывающе сидели на месте и отказывались приближаться, невзирая на запах свежего мяса. Они вели себя осторожно, но не были запуганы. Айвен был встревожен, но показать этого не мог.

Он поднял последние кусочки тела верховного капитана Эйвери: бедро и красное, пахнущее медью сердце.

— Восстанавливайте свои силы. Скоро вам предстоит новая битва.

Он бросил угощение в клетку, но все три пумы остались сидеть в глубине вольера. Айвен нахмурился: прежде они так себя не вели.

— Ешьте! — проревел он, и пумы взревели в ответ. От их рыка у него по спине забегали мурашки.

Он сделал шаг назад, глядя на кошек, которые не сводили с него глаз. Он почувствовал, как дар внутри него корчится и извивается, как вылезший после ливня дождевой червь.

Кошки не приблизились к мясу. Айвен подошел к решетке.

— Если хотите, можете поголодать. Я забираю мясо обратно. — Когда он потянулся к замку на двери клетки, три песча-

ные пумы подобрались, напряженные и готовые. Устремленные на него золотистые глаза вспыхнули, и он застыл.

Это был их план? Они хотят обманом вынудить его открыть дверь клетки, чтобы разорвать его на части, как только он войдет?

Прежде Айвен всегда контролировал их... но раз они сопротивлялись ему, то на этот раз он может не справиться с ними. Вдруг они смогут сопротивляться его воле достаточно долго, чтобы повалить его на землю, разорвать когтями горло, вонзить свои изогнутые клыки в живот и вспороть его?

Он долго стоял у решетки, не двигаясь и оценивая ситуацию. Песчаные пумы продолжали пристально смотреть на него, и Айвен медленно попятился.

— Не в этот раз, — сказал он. — Я — ваш хозяин, не забывайте.

Он ушел прочь, толкая пустую тележку со скрипучими деревянными колесами.

Глава 38

Стремясь найти ответы, Натан последовал за повелителем плоти. Он хотел покончить со своим бессилием, готовый на что угодно, лишь бы вернуть дар и бороться бок о бок с Никки за изменение Ильдакара. Если спасти город невозможно, то он желал хотя бы добиться того, ради чего прибыл сюда — снова обрести целостность.

И Андре казался ему лучшим способом решения проблемы.

Поначалу повелителя плоти заинтриговала причина утраты дара, но он легко отвлекался и оставлял многие свои проекты незавершенными. Теперь вместо того, чтобы направиться в свою студию, повелитель плоти повел его по красивым садовым улицам к массивной пирамиде на вершине плато.

— Мы собираемся присоединиться к властительнице и главнокомандующему волшебнику, — сказал Андре. — Пришло время вновь накинуть на город саван.

Натана замутило. Как и всегда, на нем был отороченный медью зеленый балахон, выданный ему Ильдакаром. Возможно, ему было бы комфортнее в щегольской дорожной одежде — облегающих черных бриджах, рубашке с рюшами и накинутом на плечи плаще.

Дойдя до основания пирамиды, Андре бодро зашагал по каменной лестнице. Преодолевая уровень за уровнем, он окликнул Натана:

— Лучше поторопись. Тора и Максим довольно нетерпеливы, ммм?

На предпоследнем уровне пирамиды Натан увидел новую шаткую изгородь из металлических перекладин.

— Похоже на загон, — заметил Натан. — Это для диких зверей или домашнего скота?

Он решил, что там будут держать жертвенных животных.

Андре поднял брови.

— Домашний скот... да, можно и так сказать. Как еще нам задействовать магию крови, которая питает саван?

— Я не знаю, — сказал Натан, а затем пробормотал: — Добрые духи, возможно, я и не хочу знать.

Главнокомандующий волшебник и властительница трудились вместе под ярким утренним солнцем. На серебряных столбах стояли безупречные призмы, превращавшие проходивший через них солнечный свет в радугу. Максим поправлял кристаллы, разворачивая их так, чтобы разноцветные лучи падали на огромную зеркальную чашу, обращенную к небу.

Тора взглянула на прибывших. Ее лицо осунулось, а в глазах притаилось горе после недавнего убийства верховного капитана Эйвери. Максим, однако, выглядел веселым.

— Предстоит много работы! Нам может потребоваться ваша помощь.

— Мы здесь, — сказал Андре. — Просто скажи, что нужно.

— Что за магия крови? — спросил Натан. — Я охотно помогу защитить Ильдакар, но какова цена и как я могу поспособствовать?

На лице властительницы появилось раздражение.

— У вас нет дара, Натан Рал. Вы ничем не можете нам помочь.

— Нет-нет, я хочу, чтобы он наблюдал за нашими действиями, — сказал Андре. — Прежде он был великим волшебником. Для него это может стать умственным упражнением, ммм? По крайней мере, он способен поработать руками.

— С этим справились бы и двое рабов, — сказал Максим. — Но они отказываются это делать, потому что знают, что влечет за собой кровопролитие.

Натан знал, что ходит по лезвию ножа. Он не мог оскорбить этих людей, потому что нуждался в их помощи, чтобы вернуть себе сердце волшебника... если только обретение целостности не подразумевало другие методы. Возможно, заявление ведьмы означало, что он должен бороться, чтобы защитить невинных и угнетенных жителей Ильдакара, как предположила Никки. Но сначала ему следовало убедиться.

— Расскажите мне больше о процессе, — попросил Натан. — Как вы укрываете город саваном?

— Это делает магия крови, — раздраженно проговорила Тора. — Как вы можете называть себя волшебником, если не знаете о магии крови?

— Там, откуда я родом, используют другие методы работы с магией, — сдержанно сказал Натан. — Меня обучали сестры Света. Дар есть дар, и мой хань принадлежит мне. Ильдакар, похоже, имеет другой подход к таким вещам.

— Сейчас у вас вообще нет хань, — странно хихикнув, сказал Максим. — Но мы прибегнем к вашей помощи, если вы сможете ее оказать. Например, отведете в загон новоприбывших.

Натан глянул с вершины пирамиды на пустые загоны с начертанными заклинаниями, располагавшиеся на уровень ниже.

— Вы имеете в виду рабов?

— Мы можем использовать новых пленников, — сказала Тора.

— Нам понадобится примерно дюжина, чтобы традиционное заклинание сработало и саван на какое-то время восстановился, — сказал Максим. — Это все, что нам сейчас нужно. Основная работа потребует больше подготовки, но спешка ни к чему.

— Двенадцать новых рабов? — Ответ стучал у Натана в голове, но он отказался принимать его. — Вы собираетесь принести их в жертву.

Максим заглянул в зеркальную чашу с выгравированными рунами, стоявшую на составленной из колец подставке в центре верхнего уровня пирамиды.

— Магия имеет свою цену, и мы платим кровью. Мы используем жизни этих людей, чтобы сохранить наш город.

— Ты что-то имеешь против, ммм? — спросил Андре. — Мы ведь можем использовать необученных рабов вместо квалифицированных рабочих. Зачем тратить время и силы на их обучение? Мы пустим им кровь и сольем ее в рунный котел, а тот отразит магию в спиральную сеть хань, которая создает наш саван.

Натан раздул ноздри.

— Значит, чтобы замаскировать свой город, вы должны убить невинных людей.

— Пока всего лишь дюжину, и они даже не граждане Иль-дакара. — Максим задумчиво улыбнулся. — Ах, вы бы видели, какой страшной ценой мы превратили в камень армию Утраса. Пришлось пожертвовать почти третью наших граждан, практически всеми низшими сословиями! Потребовались столетия, чтобы восстановить уровень населения. — Он хрустнул ко-

стяжками пальцев. — Но это сработало. Ильдакар уцелел, а ужасная вражеская армия — не более чем статуи.

— За исключением Ульриха, — пробормотал Натан.

— За городской стеной сотни тысяч солдат, и мы вполне можем смириться с парочкой исключений, — отмахнулся Максим.

Взглянув на устройство, Натан подумал, что теперь понимает назначение чаш и облицованных желобов, которые питали заклинания и узоры, вплетенные в саму пирамиду.

— А это так необходимо?

Повелитель плоти нахмурился:

— Я усердно работал ради тебя, Натан. Ты просил меня вникнуть в твою проблему и умолял выяснить, как вернуть твой дар. — Он прищурился. — Тебя напугает цена за это?

Натан пал духом, когда по спине пробежал озноб. Что он готов принести в жертву ради возвращения своего дара?

Магия слишком долго определяла его личность. Дар пророчества привел к тысячелетнему заточению у сестер, и все же магия была его частью. Он научился жить и стал тем, кем хотел быть до того, как распустился его дар. Готов ли Натан пожертвовать стержнем своей сущности ради дара? После нападения сэлок на «Бегущий по волнам», когда дар покинул его, Натан нашел, как защитить себя, как быть самим собой. Неужели так важно вернуть то, без чего он уже научился жить?

Андре выдохнул через рот.

— Не расстраивайся так, Натан. Я просто хотел дать тебе пищу для размышлений. Уверен, скоро твои силы вернуться, и ты станешь настоящим волшебником Ильдакара. — Он усмехнулся, демонстрируя белые зубы. — Саван накроет город, и снова все будет в порядке.

Глава 39

У Бэннона не было ничего общего с Амосом и его товарищами; он понял это и уже сомневался, что они выполняют свои обещания помочь Яну. Он думал о ярких счастливых деньках на острове Кирия, которые провел в компании друга детства... да, они действительно были друзьями. Они с Яном много смеялись, им было весело. До того дня, когда норукайцы пленили его друга в их тайной бухте.

Ян — теперь покрытый шрамами и ожесточенный чемпион, живущий в тренировочных ямах — должен был сохранить глубоко в сердце искру дружбы, и Бэннону осталось лишь ее отыскать. Но для этого ему нужна помощь влиятельных людей Ильдакара. Ни Никки, ни Натан не могли потребовать освободить раба — тем более прославленного чемпиона.

Но Бэннон не собирался оставлять попытки, и это вело его обратно к Амосу, Джеду и Броку. Он чувствовал себя в ловушке, как пленник в тренировочных ямах.

Глядя на Бэннона, Амос изогнул свои темные губы в неприятной улыбке.

— Если тебе нужна наша помощь для чемпиона, идем с нами. Мы найдем главного укротителя Айвена, и он будет рад услышать твою просьбу.

Бэннон почувствовал трепет несбыточной надежды.

— Правда? — Он знал, что не должен верить Амосу, но в безвыходной ситуации стоило уцепиться даже за ложную надежду. Он вспомнил свою красочную картину мира и мечту о месте, где люди помогают друг другу, где кровопролитие и тьма смываются человеколюбием и добрыми сердцами.

Он знал, что это ложная и нелепая картина. Никки отчетливо дала это понять и показала, что его ностальгия — всего лишь струп, прикрывающий гнойные воспоминания. Теперь его раны превратились в шрамы, и он стал гораздо сильнее.

Сейчас он нуждался в этой силе. Ради Яна.

— Хорошо, я иду. — Он боялся Айвена, но решил добиться своего.

— Ты не разочаруешься, — сказал Джед, и два его спутника едко улыбнулись.

Бэннон знал, что как неодаренный мечник он всегда будет предметом их насмешек. Они его не уважали, и он тоже почти не испытывал к ним уважения, но, как и Натан, который был вынужден проводить время с повелителем плоти Андре, Бэннон нуждался в этих троих — по крайней мере, пока не найдет более достойных друзей.

Они спустились на нижние уровни города, не обращая внимания на деловую суету на улицах, рабов и торговцев, которые несли товары в районы, где жили одаренные аристократы.

— Мы возвращаемся на боевую арену? — спросил Бэннон. — Я уже видел клетки, в которых держат зверей главного укротителя.

— Нет, сегодня он будет на рынке, — сказал Джед. — Просто иди за нами.

Бэннону представился пестрый оживленный базар на одной из многочисленных площадей с фонтанами и помостами, который будет совсем не похож на невольничий рынок, запятнанный годами крови и боли. Он вообразил фермеров, собравших урожай с густых садов на террасах, которые занимали каждый клочок плодородной ильдакарской земли. Представил виноделов, предлагающих бутылки с вином, продавцов оливок с большими глиняными горшками, доверху наполненными черными и зелеными оливками, блестящими от рассола.

Но его вели совсем в другое место.

Болтая между собой и посмеиваясь над непонятными Бэннону шутками, юноши направились к площадке с внушительными складами и большими загонами для скота. Он услышал жалкое мычание и стоны животных еще до того, как почуял зловоние. Воздух был густым от запахов навоза, мочи, ведер пролитой крови и животного страха.

— Главный укротитель Айвен всегда приходит на мясной двор яксенов в середине недели, — пояснил Амос. — Он покупает по хорошей цене внутренности и отбросы для своих зверей. Оставшееся после его визита перерабатывают и скармливают рабам.

Бэннону стало дурно. По широким улицам погонщики вели неторопливых яксенов к загонам. Крупные лохматые животные уныло переставляли ноги. Он слышал испуганные крики яксенов, которых вели на скотобойню. Яксены обращали к нему свои до жути человеческие лица с безвольными ртами и короткими рогами на лбу. Их большие темные глаза были влажными от ужаса. Бэннон чувствовал, что они умоляют его о спасении, но ничем не мог им помочь.

Из деревянного здания размером с амбар доносились звуки бойни: тяжелые, хлюпающие удары молотов, затем работа лезвий и пил. В дощатых стенах скотобойни было полно щелей и дырок, через которые виднелось происходящее внутри.

В дверях показался дюжий мужчина без рубашки и в забрызганном кровью фартуке поверх большого живота. Платок, закрывавший его рот, был покрыт красными крапинками. Лево́й рукой он держал тяжелый железный молот. Мужчина прошагал в загон, схватил одного из яксенов за рога и потянул за собой. Животное сопротивлялось, но бицепсы мясника вздулись, и он затащил яксена через темный дверной проем к шумной и неизбежной смерти.

Бэннон увидел главного укротителя Айвена, который стоял у ограждения загона, одетый в свою неизменную безрукавку из шкуры пумы. Он торговался со служащим в деловом облачении уважаемого вельможи, которое было забрызгано свежей кровью. Когда Айвен передал мужчине монеты, рабы вышли вперед и с трудом подняли бочки, полные блестящих органов, внутренностей и обрывков шкуры с прослойками жира.

Айвен направил угрюмых рабов к телеге, стараясь не приближаться к мезиву отходов. Он отчитал рабов, когда они неаккуратно поставили одну из переполненных бочек.

— Не испачкай мою одежду! Я не хочу убивать еще одну песчаную пуму ради запасной безрукавки.

Связка потрохов яксена плюхнулась на дно телеги.

Бэннон поморщился, услышав из скотобойни громкий влажный звук удара, а затем стук чего-то тяжелого, упавшего на землю. Тишина тут же сменилась криками ужаса.

Амос помахал рукой:

— Главный укротитель, мы пришли попросить об одолжении от имени нашего друга.

Айвен с пренебрежительным жестом отвернулся от служащего. Заметив Бэннона, он нахмурился и едва ли заинтересовался.

— Я видел его раньше. Что ему от меня надо?

— Думаю, вы можете мне помочь, — произнес Бэннон.

— Помочь тебе? — Главный укротитель рассмеялся, как обычно смеются жестокие мужчины при виде споткнувшейся и упавшей старухи. — Ты должен убедить меня, что не бесполезен, и только потом я подумаю, стоит ли тебя выслушать. Наверное, ты мог бы поиграть с моими животными. — Он улыбнулся, когда ему в голову пришла идея. — Умеешь сражаться? Ты мог бы поработать с моими учениками-укротителями.

— Я умею сражаться, — дерзко ответил Бэннон и пожалел, что у него нет с собой Крепыша. — Но я здесь, чтобы поговорить с вами о боевой арене. Мой друг Ян — чемпион. Мы росли вместе, но он был захвачен... — Слова пересохли в горле Бэннона, словно нежные цветы от засухи, когда он увидел приближение трех отвратительных личностей.

Капитан Кор и двое его спутников в своих серых чешуйчатых жилетах неторопливо шли к скотобойне.

Губы Бэннона скривились, и он пробормотал:

— Пресвятая Мать морей, зачем этим нелюдям приходиться сюда? — Он фыркнул. — Без сомнения, их привлек запах крови.

Айвен глубоко вдохнул и расправил плечи.

— Волнующий запах, не правда ли?

Кор в сопровождении Йорика и Ларса приблизился, почесывая шрам на левой щеке. По сравнению с ним главный укротитель Айвен выглядел красавцем.

— Так вот откуда берется это восхитительное мясо, — сказал норукайский капитан. — Я пришел купить свежие куски, чтобы взять их в плавание. Мы скоро отправляемся.

Бэннон знал, что в ближайшее время они вернутся с еще большим количеством рабов. Он почувствовал, как его лицо пульсирует от жаркого гнева.

Забрызганный кровью служащий засуетился, перехватывая норукайцев.

— Я могу вам посодействовать, капитан. Как вы видите, мясо очень свежее, а наши одаренные мясники могут наложить чары сохранения, поэтому мясо будет свежим и сочным, когда вы приготовите его на Норукайских островах.

Ларс и Йорик кивнули с нетерпением на лицах, хотя их истинные чувства было трудно прочитать из-за шрамов на щеках.

— Мы можем забить их сами за дополнительную плату?

— Разумеется, — ответил служащий. — У нас большой выбор орудий для забоя.

— У нас есть свое оружие, — сказал Кор.

— И нам нужны еще бочонки кровавого вина, — вставил Йорик. — Я не знаю, что случилось с Даром. Он должен был организовать погрузку вина на корабль.

Кор пристально посмотрел на Айвена.

— Мы целый день не видели Дара. Он исчез в вашем городе, а мы должны найти его до отплытия.

Глядя на этих мужчин, Бэннон чувствовал, как в нем вскипает ненависть, похожая на густое ядовитое варево. Не похоть они Яна, когда тот был еще мальчишкой, Бэннону не пришлось бы сейчас умолять освободить друга. Все эти годы Ян страдал... Он сжал кулаки, не обращая внимания на Амоса и его товарищей. Бэннон ненавидел норукайцев за то, что они сделали — не только с Яном, но и с другими пленниками, пригнанными на рынок Ильдакара. К этому добавилась новая рана, когда он увидел, как Кор жестоко обошелся с Мелоди.

Когда эмоции хлынули через край, Бэннон, не сдержавшись, выпалил с вызывающей насмешкой:

— Вашего друга найти будет не сложно. Все норукайцы одинаково уродливы.

Трое работарговцев повернулись к нему, удивленные подобным оскорблением.

Ярость Бэннона подобно точильному камню заострила его слова:

— Быть может, кто-то убил его и сбросил со скалы в реку. Нужно проверить, не отравлена ли вода, и посмотреть, не уплыло ли его тело заражать болота.

Йорик и Ларс потянулись за оружием. Кор фыркнул и посмотрел на Амоса.

— Почему вы терпите этого задиристого слабака? Вот какое гостеприимство мы получаем от Ильдакара после того, как привезли ценный груз?

— Он говорит не от имени палаты волшебников, да и сам является лишь гостем, — быстро ответил Амос.

— Он недостойный гость, — сказал Ларс.

— У меня достоинства больше, чем у всего вашего народа, — сказал Бэннон во власти красной пелены гнева. Нечто подобное он испытывал в безумном пылу битвы. — У меня больше чести, чем любой норукаец может себе представить. Вы — кровопийцы. — Его правая рука дернулась к мечу, которого при нем не было.

Йорик отхаркнулся и смачно плюнул Бэннону в лицо. Как выпущенный арбалетный болт, Бэннон бросился вперед, выпуская едва сдерживаемый гнев. Он навалился на Йорика, молотя уродливое лицо, но норукаец замахнулся мускулистой рукой и с силой ударил Бэннона в висок. Юноша отшатнулся, и Йорик двинул ему по подбородку.

Бэннон сосредоточился на бое и снова атаковал работорговца. Капитан Кор и Ларс ввязались в драку, вдвоем навалившись на Бэннона и колотя его так сильно, что у него зазвенело в ушах. Хотя юноша отбивался и махал руками, норукайцы одолели его, повалив на землю. Он кричал громче, чем несчастные яксены, которых вели на убой.

Тяжелые сапоги норукайцев били его по бокам, и юноша почувствовал, как треснули ребра. Воздух вырвался из легких, но он продолжал отбиваться. Лежа на земле, он пытался ухватить их ноги.

В глубине сознания всплыло воспоминание о группе головорезов, ограбивших его в переулке Танимуры. Они вырубili его прежде, чем подроспела на помощь Никки. Но на этот раз прекрасная колдунья ему не поможет. Бэннон продолжал метаться, а норукайцы топтали его, оставляя синяки и ушибы. Изо рта и носа брызнула кровь.

В конце концов, его мнимые друзья оттащили норукайцев. Айвен сверху вниз посмотрел на Бэннона, который своими опухшими глазами едва что-то различал сквозь туман крови и гнева.

— Этот человек оскорбил достоинство норукайцев, — сказал Кор. — Он должен быть наказан.

— Кажется, он достаточно наказан, — возразил Брок. — Или вы хотите провести с ним еще несколько минут?

— От имени главнокомандующего волшебника и властительницы я обещаю позаботиться об этом, — сказал Амос. — Бэннон Фермер — гость, но норукайцы гораздо важнее. Мы придумаем, что с ним делать.

Айвен хмыкнул.

— Он назвал себя бойцом. Дайте мне забрать его в тренировочные ямы. Адесса захочет дать своим воинам возможность попрактиковаться, а может, найдет ему другое применение. Если ничего не выйдет, скормлю его своим зверям.

Айвен позвал рабов. Бэннон смутно осознал, как несколько человек окружили его, взяли руки и ноги и связали их, чтобы он не мог бороться. Острая боль была такой сильной, что он едва мог двигаться.

— Нет... — простонал юноша, когда его подняли с земли. Бэннон моргнул, повернул голову и встретился взглядом с надменным взглядом Амоса. — Помогите мне... — Молодой человек даже не шелохнулся. Бэннон снова закричал, но из горла вырвался лишь хрип. — Расскажите Никки и Натану. Дайте им знать! Они помогут!

Амос скрестил руки на груди.

— Конечно, мой друг. Не беспокойся об этом. Мы решим эту проблему.

Бэннон цеплялся за последние проблески сознания, но проиграл битву. Погружаясь во мрак, он увидел, как Амос и его товарищи отвернулись, улыбаясь и кивая главному укротителю.

Глава 40

Облака стремительно бежали по небу, а волшебники Ильдара начали приготовления к возведению защитного савана. Ритуал продлится два дня, своими жизнями пожертвует дюжина новых рабов, привезенных норукайцами. Никки намеревалась найти способ остановить ритуал до того, как станет слишком поздно.

Натан вернулся из причудливой студии Андре раздосадованным, в то время как повелитель плоти был настроен деловому.

— Тебе нужно сердце волшебника, но у меня его нет, — сказал Андре. — Прояви терпение, всему свое время. У нас уйма времени, ммм?

— Но вы собираетесь снова поднять саван, — ответил Натан. — Мы будем заперты внутри.

Лоб лысого Андре сморщился от удивления.

— Заперты? Мы привыкли называть это защитой. У тебя очень мрачный взгляд на мир, друг мой. Под нашим саваном вечности тебе не нужно бояться угроз внешнего мира.

Мужчины и сопровождавшая их Никки вошли в палату властителей. Колдунья была погружена в свои мысли. Прошлой ночью она снова выскользнула на темные улицы в поисках последователей Зерцалоликого, но никого не нашла. Она чувствовала нависшее над городом напряжение и затаенный кипящий гнев. Никки была уверена, что повстанцы скоро что-то предпримут и хотела принять в этом участие. Благодаря своему дару она могла стать могущественным союзником. Зерцалоликий и его последователи, должно быть, наблюдали за ней, но не контактировали.

Джегань был готов пожертвовать неисчислимыми тысячами пехотинцев, используя численное превосходство, чтобы одержать крошечную победу... и эти маленькие победы приводили к полному завоеванию. Никки видела силу заклинания савана и магии окаменения, которая заморозила армию генерала Утроса, и представляла, насколько могущественны волшебники Ильдакара. Но никто не был по-настоящему непобедимым. Она лично убила императора Джеганя.

Если Никки верно разыграет карты, и Зерцалоликий, как она и надеялась, окажется правильным лидером, Ильдакар узрит, что движется по ошибочному пути.

Толкаясь и не обращая внимания на стражу башни, капитан Кор и двое его товарищей ворвались в палату властителей. Кор не поклонился и никак не выразил свое уважение правителям Ильдакара.

— Мы собираемся отплыть. Приобретенный груз уже доставили на платформу под утесом и загрузили на борт наших змеиных кораблей. Экипаж беспокоится; он уже готов отправиться вниз по реке к устью и вернуться в открытое море. Ваш город слишком хорош и до неприличия роскошен. Мы чувствуем, как размягчаемся с каждым днем.

— Мы благодарны за сотрудничество, — сказал Максим, — и будем рады поторговать, если вы вернетесь...

— Ильдакара здесь может не оказаться, — перебила его Тора. — Когда мы поднимем саван, то примемся за поиски способа сделать его постоянным, чтобы снова жить в покое. Глетворное влияние внешнего мира нанесло большой урон нашему совершенному обществу. Когда саван восстановится и всех можно будет пересчитать, у нас будут века, чтобы выследить Зерцалоликого и уничтожить всех его последователей — как жуков под валуном.

Кор, Ларс и Йорик грубо фыркнули.

— Мы тоже не будем скучать, если вы исчезнете навсегда. Хотя мы говорили королю Скорбь о вашем городе, и он хочет его увидеть.

— Тогда ему лучше жить подольше, — сказала Тора.

Кор шагнул вперед. Акулий зуб выделялся на выбритой коже его головы.

— Наши корабли еще не отплыли потому, что один из наших людей пропал. Дар исчез два дня назад. Где он?

— Борода Владетеля! — с отвращением выругался Максим. — Почему мы должны вести учет ваших людей? Слышали, он часто посещал шелковых яксеов. Искали в питомниках? Может, найдете его пьяным в переулке. На застольях он проявил неумную тягу к вину.

— А может, ему перерезали глотку ночные грабители, — обвинил его Кор.

На фарфоровом лице Торы расцвели красные пятна.

— Ваше предположение оскорбительно! Подобное никогда не могло произойти в нашем прекрасном городе. У нас нет ни преступников, ни грабителей. Все здесь счастливы и довольны.

Несмотря на серьезность обвинения, трое норукайцев зашлись в издевательском хохоте.

— Возможно, вы никогда не ходили по собственному городу, властительница. В каждом поселении есть определенная доля недовольных, которых следует поставить на место.

— Не в Ильдакаре. — Тора бросила эти слова так злобно, словно сорвала зажатую плоть с костей.

— Уверен, наш дражайший капитан Эйвери с тобой не согласился бы, — заметил Максим.

Никки заговорила ледяным тоном:

— Если этот Дар настолько слаб, что не смог справиться с уличным сбродом, то, может, он и не норукаец вовсе?

Капитан Кор повернулся и посмотрел на нее своими черными глазами, а потом ударил себя по груди, словно подавился куском еды, и засмеялся. Другие двое норукайцев тоже загоготали, щелкая своими широко открывающимися челюстями.

— Эта миленькая колдунья дело говорит, — фыркнул Кор. — Ладно, довольно об этом человеке. Его можно заменить. — Норукайцы развернулись, поправляя оружие на поясе. — Наши судна загружены, самое время идти вниз по реке. Может, однажды мы снова увидим Ильдакар. — Он взглянул на главнокомандующего волшебника и властительницу, а потом обвел взглядом советников. — А может, и нет. Как бы то ни было, скучать я не буду.

* * *

Вечером Никки и Натан подошли к краю крутого утеса, возвышавшегося над рекой Киллрейвен. Она не видела Бэннона со вчерашнего дня и решила, что он проводит время со своими друзьями.

Они смотрели, как заходящее солнце заливает малиновым светом широкую реку, как норукайские змеиные корабли поднимают полуночно-синие паруса и отплывают, оставляя Ильдакар в одиночестве, но не в покое.

Глава 41

Волшебник Ренн, находившийся в бескрайней глуши вдали от Ильдакара, страдал от чувства потерянности и беспокойства. Безнадежные дни тянулись один за другим, и его уверенность слабела. При помощи дара он старался успокоиться и сражался с отчаянием. Капитан Тревор возглавлял отряд из двенадцати городских стражников, но Ренн сомневался, что они знают, куда идут.

Они торжественно покинули город, неся фиолетовые штандарты с символом солнца в окружении молний. Почти два десятилетия лет назад саван рассеялся, впервые за пятнадцать столетий открыв древний город внешнему миру, и с тех пор в Ильдакар стали забредать случайные странники и любопытствующие личности. Редкие посетители приходили из городков на холмах и в низовьях реки, и город даже занялся торговлей с норукайцами, приплывавшими на змеиных кораблях. Но мало кто из ильдакарцев отважился уйти далеко от города. Они жили в утопии, уверенные в своем защищенном совершенстве. Когда саван впервые спал, убежали дюжины рабов, но почти никто из них не знал, как выжить в дикой природе. Некоторые тела были найдены на равнинах, изможденные и исхудавшие. Люди умерли от голода, укусов змей или других внешних фак-

торов. Кто-то спасся — несомненно, благодаря вмешательству Зерцалоликого, — но в официальной истории города говорилось, что ни один сбежавший раб не выжил. Никто не собирался их искать.

Палата волшебников была равнодушна к внешнему миру. Ильдакар пятнадцать веков был запечатанным и самодостаточным. Внешний мир людям был не нужен. Фактически, большинство из них — в том числе и Ренн — не интересовались тем, что находится снаружи. Они не признавались в этом, но даже величайшие волшебники боялись того, что мог предложить мир. Сотни тысяч окаменевших солдат императора Кергана были тому подтверждением.

Но теперь Ренна с капитаном Тревором и его солдатами послали в эту суровую пустыню, чтобы они отыскиали потерянный, а то и выдуманный архив бесценных знаний. Твердыню.

— Глупое поручение, — пробормотал себе под нос тучный волшебник. У Ренна были разногласия с членами совета, хотя и не такая откровенная вражда, как у Лани несколько веков назад. Он видел, как наказали взбунтовавшуюся колдунью, и теперь ее статуя стояла в зале правителей зловещим напоминанием. Нет, с ним такого не случится.

Ренн никогда по-настоящему не хотел быть членом палаты волшебников. Он не жаждал власти, хотя и получал удовольствие от прекрасных вещей: от лучшей мебели с великолепной резьбой; от изысканного особняка с огромными садами, с послушными расторопными рабами и лучшими поварами; от самой модной одежды.

Он прихлопнул кусачую муху, привлеченную блеском его пота. Как же он скучал по дому.

Оглянувшись, он с тоской посмотрел на линию горного хребта позади. Ильдакара больше не было видно, город остался далеко... бесконечно далеко. Ренн не был уверен, что когда-нибудь вновь туда вернется. Поход мог быть просто предлогом для главнокомандующего волшебника и властительницы изба-

виться от Ренна до поднятия савана. Если это так, он никогда не сможет вернуться.

Они в самом деле этого добивались?

Ренн брел вперед через траву. Один из стражников вооружился коротким мечом и срубал колючий чертополох, росший на склонах холмов.

— Твердыня должна быть сразу за этим подъемом, — сказал Тревор. Мужчина постарался придать своему хриплому грубому голосу бодрости, словно чтобы убедить самого себя. Тревор не меньше Ренна стремился вернуться в Ильдакар, но был связан приказом. — Они сказали, что Кол Адаир находится за несколькими хребтами от города, а мы путешествуем уже довольно долго.

— Прошло пять дней, — буркнул Ренн, прихлопнув очередную кусачую муху. — Я считал.

Пересекая равнину, они прошли мимо рядов жутких статуй, превращенных в камень великим заклинанием Максима. Ренн вспомнил тот день, пятнадцать столетий назад. Он был юношей, когда это случилось... о, сколько крови было пролито для этой магии. Казнили тысячи людей, чтобы соткать гобелен магической силы, способной заморозить врагов во времени. Он помнил, как волшебники создали первоначальный саван — пузырь, укрывший Ильдакар от времени и истории. Мощнейшее заклинание савана стоило почти столько же крови и исказило саму реальность. Длительность дней и недель в окрестностях Ильдакара могла разительно отличаться от хода времени в отдалении или же в самом городе.

Ренн вздрогнул. От подобных размышлений он терял самообладание. Ему просто хотелось вернуться домой. Горы вокруг были такими суровыми и жуткими, что он утратил мужество. В глубине души он знал, что им еще предстоит пройти долгий путь. Слишком долгий.

Отряд с трудом перевалился через хребет и спустился в долину перед следующим кряжем. На шестой день они нашли

ветхую старую дорогу, которая через некоторое время перешла в поросшую сорняком тропинку. По петлявшей тропе путники поднялись на еще более внушительный горный хребет и, обойдя огромный валун, остановились перед тремя головами, насаженными на высокие шесты. Головы принадлежали норукайцам. На табличке под ними была надпись на ильдакарском языке: «Свободу рабам Ильдакара. Такова судьба тех, кто продает человеческую плоть».

Сердце Ренна затрепетало. Тревор и его стражники тихо переговаривались.

— Зерцалоликий и его повстанцы зашли так далеко. — Капитан стражи посерел и вытер рот тыльной стороной ладони с таким видом, будто только что проглотил желчь. — Они убили моего друга Керри, изуродовали его, выкололи глаза. Но это... — Тревор покачал головой. — Я не могу поверить, что они оставили это предупреждение так далеко от города.

— Норукайцы амбициозны, — сказал Ренн, пытаясь придумать какое-нибудь объяснение. — Возможно, они угрожают нам с этого направления. Работоторговцы могут прийти не только по реке, но и по суше.

— Норукайцы не так опасны, — сказал Тревор, затем тихо добавил: — Или я не прав? Разве их империя настолько велика?

Ренн собрал свое мужество — он не должен ударить в грязь лицом перед какими-то ничтожными стражниками. Он волшебник и возглавляет эту экспедицию.

— Не знаю, да это и не важно. Если мы завладеем знаниями Твердыни и доставим их в Ильдакар, то сможем покоиться под саваном и не волноваться о незначительных внешних угрозах. — У него пересохло в горле, и он тяжело сглотнул. Прищурившись, Ренн продолжил: — Снимите эти головы. Мы не хотим, чтобы повстанцы одержали победу, даже такую маленькую.

Тревор с двумя стражниками сбили шесты, стряхнув головы и нарушив чары сохранения, которые поддерживали их. Гниющая плоть почернела и позеленела, затем поползла с черепов, обнажая зубы. Студенистые глаза ручейками потекли на землю, клочками отслаивались волосы. Повеяло смрадом.

Ренн ухмыльнулся, пытаясь показаться храбрым.

— Мне никогда не нравились норукайцы, и я не слишком расстроен, что некоторые из них потеряли головы. — Он взглянул на Тревора. — Я бы предпочел, чтобы головорезы Зерцалоликого убивали норукайцев вместо невинных граждан... таких, как Керри. Тогда мир станет лучше. — Он захохотал над своей шуткой, затем указал вперед. — В горы! Давайте без лишних слов найдем Твердыню, и тогда сможем вернуться домой.

— Согласен, — сказал Тревор, и стражники одобрительно зашумели. — Она должна быть за следующим горным хребтом. Наверняка она недалеко. Мы и так уже преодолели приличное расстояние.

Стражники забормотали, убеждая самих себя и проникаясь уверенностью капитана. Тревор излучал решительность, и Ренн тоже поверил в лучшее. Они выдвинулись вперед, а когда наступила ночь, разбили лагерь.

«Всего лишь несколько дней, — успокаивал себя Ренн, пытаясь заснуть на холодной твердой земле. — Осталось всего несколько дней».

На следующее утро они продолжили путь в неприступные суровые горы, пытаясь отыскать Кол Адаир.

Глава 42

Ильдакарская ночь казалась спокойнее и тише после отбытия норукайцев, но Никки все равно не спалось. Ее беспокоили

кошачьи сны, в которых она была с Мрра, и собственные тревожные мысли. Она лежала на огромной мягкой кровати, которая была невыносимо удобной, и смотрела в потолок, прислушиваясь к ветерку и шепоту невесомых занавесок у открытого окна. В глубине ее разума затаилось почти неуловимое присутствие Мрра. Никки не видела песчаную пуму с тех пор, как они вошли в величественный город, но она знала, что кошка бродит по улицам, держась в тени. Мрра не собиралась покидать ее.

Никки нетерпеливо выбралась из постели и быстро накинула платье, встряхнув распущенные волосы. Она сунула ноги в ботинки и зашнуровала их, а потом пошла по коридорам большого особняка. Мрра была где-то на темных улицах.

Никки волновалась за свою сестру-пуму и хотела, чтобы та ушла из опасного места. Кошка не всегда в точности понимала Никки, но колдунья попыталась передать срочное сообщение. Пуме в городе не место... Никому из них тут не место, но Никки не могла уйти. Пока рано. Мрра должна быть снаружи, блуждать по равнине, где может защитить себя.

Проходя мимо комнаты Бэннона, Никки увидела, что там темно. Быстро заглянув внутрь, она поняла, что он не спал в кровати и вообще не возвращался в особняк день или два. Она нахмурилась, размышляя, куда он пропал. Наверняка проводит время с Амосом, Джедом и Броком. Никки не доверяла этим трем молодым повесам, но Бэннон имел право завести друзей и получить свой урок, даже если при этом обожжет пальцы. Он так никого и не убедил помочь освободить своего друга Яна, хотя Амос и предложил свое содействие. Никки подозревала, что это была просто уловка, злая шутка.

Она сосредоточилась на глобальной проблеме: если она сможет изменить ильдакарское общество и освободить всех рабов, то и Ян окажется на свободе.

Она увидела, что в комнате Натана тоже темно. Никки подумала, не разбудить ли бывшего волшебника, чтобы они мог-

ли поискать Мрра вместе, но, почувствовав зов кошки, решила идти в одиночку.

С кошачьей грацией Никки кралась по улицам, спускаясь с вершины плато. Она видела бродячих кошек, разгуливавших по городским стенам и следивших за ней своими светящимися глазами. Она шла мимо темных поместий и больших домов богатой знати, вдыхая сладкий аромат цветущих орхидей.

Вскоре она ощутила близость Мрра и прилив ее радости. Фруктовые деревья с мелкими белыми цветочками давали густую тень, и Никки с удивлением обнаружила, что большая кошка лежит на ветвях. Мрра спрыгнула вниз почти бесшумно. Ее мускулы были напряжены, хвост подергивался. Пума прижала усы и утробно замурлыкала в знак приветствия.

Никки сделала шаг вперед.

— Мрра, как же я рада тебя видеть! — Она погладила широкий лоб кошки и почесала ее между ушей. — Ты не должна была сюда приходить. Уходи из города.

Мрра зарычала, но не двинулась с места.

Никки услышала стук по черепице и, подняв глаза, заметила одну из небольших кошек, которая побежала по желобу, а потом спрыгнула на соседнюю улицу.

Никки приблизила лицо к кошачьим ушам и понизила голос:

— Тебе здесь не место. Город опасен. — Она обхватила руками мощную мускулистую шею кошки, обнимая ее. — Я знаю, что ты остаешься здесь из-за меня — но ты не должна! Это не дикая природа. Ильдакар не для тебя.

Никки толкнула твердое, покрытое мехом тело, пытаясь сдвинуть Мрра.

— Иди! Убейся из города до восхода солнца. Я хочу знать, что ты свободна. Мне слишком многое нужно здесь сделать, я не могу еще и за тебя переживать.

Мрра уперлась лапами в землю, сопротивляясь давлению Никки. Колдунья вздохнула.

— Как жаль, что ты меня не понимаешь. Кто-нибудь найдет тебя, а я не хочу, чтобы тебя поймали. Ты же знаешь, что делает с тобой главный укротитель. Ты уже сражалась на арене.

Мрра фыркнула и отстранилась, неохотно отвернувшись. Ее хвост подрагивал.

Никки заговорила настойчивее:

— Натан, Бэннон и я уйдем, как только сможем, но сейчас нам очень важно оставаться в городе.

Мрра посмотрела через плечо на свою сестру-пуму и сделала два шага. Остановилась. Никки заговорила громким шепотом:

— Прошу же, иди!

Кошка фыркнула с откровенным неповиновением. На сердце Никки давило осознание, что Мрра останется в городе до тех пор, пока тут находится она.

Колдунья медленно выдохнула.

— Добрые духи! Тогда хотя бы оставайся в безопасном месте. Спрячься там, где они никогда тебя не найдут, и выходи только по ночам. — Ей пришла в голову еще одна мысль. — И если увидишь Бэннона, защити его. Я не знаю, во что он ввязался. — Никки выпрямилась и пригладила свою темную юбку. — Если ты будешь нужна мне, я позову.

Мрра высоко подняла большую голову, изогнула хвост и уверенно рыкнула. В следующую секунду она устремилась в ночь подобно рыжей тени и растворилась в извилистых улицах. Никки надеялась, что кошке ничего не грозит. Она надеялась, что все они в безопасности.

Глава 43

От света факела, висевшего снаружи камеры, болели глаза. Они болели от всего. На самом деле, болело все тело.

Бэннон застонал, приходя в сознание и разглядывая стены из песчаника. На неровной бугристой поверхности были ржаво-коричневые отметки, словно кто-то царапал стену окровавленным ногтем.

Две короткие толстые свечи горели в крошечных нишах, и потолок был запятнан черной копотью от мерцающего пламени. Факелы, установленные за пределами камеры, отбрасывали на пол тень от решетки, за которой был заперт Бэннон. В камере было узкое деревянное ложе, но он лежал прямо на полу, свернувшись от боли в клубок — там, куда его бросили, как сломанную куклу.

Он помнил, как спровоцировал норукайцев, как дрался с ними и как эти трое безжалостно избивали его, пока он старался дать им отпор. Иногда он не мог контролировать свою ярость и превращался в дикий воинственный вихрь, но его нападение на Кора, Йорика и Ларса было опрометчивым и незапланированным. Он не смог сдержаться. Если бы у него был Крепыш, Бэннон убил бы их всех, но без меча его единственным оружием была ярость. Грубые налетчики умели нападать на незащищенных жертв. Они дрались грязно и бесчестно, трое на одного, как грабители.

Бэннон потерпел поражение. Ужасное поражение.

Он застонал, поднимаясь с неровного каменного пола. Сперва он решил, что его бросили в городскую тюрьму, но потом услышал в отдалении женские голоса, лязг решеток и звон затупленных мечей. Бойцы арены сражались друг с другом, отрабатывая приемы и крича. Юноша встал на колени, протянул руки к решетке, чтобы опереться на нее, и, наконец, поднялся.

Теперь он видел тренировочные ямы. Бэннон с опаской дотронулся до треснувших ребер и ощутил боль в костях. Он сквозь зубы проклял Кора и его товарищей, а затем и себя — за такой провал. Он хотел увидеть, как катятся головы нору-

кайцев, из перерубленных шей хлещет кровь, а тела оседают на землю — зарубленные, как бедные яксены на скотобойне.

Если бы только при нем был Крепыш...

Бойцы в тренировочных ямах были без рубашек, их мускулистые покрытые шрамами тела блестели от жира и пота в свете факелов. Они тренировались друг с другом, вооружившись мечами и щитами. Две угрюмые наставницы Морасит, откинувшись на спинки стульев, критиковали их движения. Через проход Бэннону была видна большая камера, отгороженная решеткой, и он с радостью узнал ее. Камера Яна. Его сердце пропустило удар.

— Пресвятая Мать морей! — Он стиснул прутья решетки и глубоко вдохнул, но его грудная клетка казалась разбитой бутылью.

Бэннон заставил себя дышать спокойнее, а затем хрипло крикнул:

— Ян, ты здесь?

Он увидел чьи-то силуэты в камере друга. В камере чемпиона. Из-за неудобного угла обзора он видел только тени, мерцающие и колеблющиеся. Когда фигуры вошли в поле зрения, он узнал Адессу, лидера Морасит и тренера бойцов арены. Ее голая грудь была небольшой и твердой, словно от ее женственных форм осталась только жесткая мускулатура. Коричневые напряженные соски были такими острыми, что походили на оружие. Ничуть не стесняясь своей наготы, Адесса обернула грудь полосой черной кожи. Через мгновение к ней подошел покрытый шрамами Ян со стальным взглядом. Его кожа блестела от пота, словно он только что бился в поединке.

Завидев друга, Бэннон завопил:

— Ян! Я здесь! Я...

Молодой мужчина едва взглянул на него. Его безразличный стальной взгляд скользнул по Бэннону, словно его тут и не было, и Ян ушел в невидимый для Бэннона угол просторной камеры. Когда Адесса открыла решетку и вышла, Бэннон по-

нял, что дверь даже не запирается. Видимо, Ян и остальные воины были пленниками по собственной воле. Их удерживали тренировки, поощрения и наказания. Он вспомнил холодный взгляд друга, и его губы скривились от ярости.

Бэннон размышлял, промыли ли этим бойцам мозги, или они просто настолько оступели от бесчисленных ударов в голову, что не хотят быть свободными. Может, они забыли, что такое свобода. Бойцы на открытой тренировочной площадке продолжали танцевать с клинками, атакуя и парируя, но делали это молча. Даже когда один из них нанес противнику тяжелый удар, тот не закричал.

Адесса прикрыла решетчатую дверь камеры Яна, пересекла проход и подошла к гораздо меньшей камере Бэннона, двигаясь с грацией готовой атаковать львицы. Ноги Бэннона приросли к земле, но взгляд карих глаз Морасит заставил его дрогнуть. Она схватила прутья его решетки и открыла ключом замок. Раздался лязг, затем щелчок пружины, и Морасит рывком распахнула дверь.

— Ты очнулся и ты жив — пока что. Скажи, Бэннон Фермер, мне стоит тратить на тебя время?

Он стоял лицом к лицу с суровой женщиной, чувствуя, что она такая же агрессивная, как и его отец. Сердце ухало в груди, но его уже давно нельзя было запугать агрессией. Он дал отпор своему отцу, но если бы сделал это на несколько лет раньше, то его жизнь — и жизнь его матери — была бы совсем другой.

Бэннон уставился на женщину:

— Я гость Ильдакара. Мои друзья Никки и Натан придут за мной.

— Твои друзья слабы и не имеют силы в городе.

Бэннон вспомнил, как Никки столкнулась с Поглотителем жизни и уничтожила его, а потом и Викторию. Он подумал о Натане, который рубил чудовищных сэлок, напавших из моря, и пыльных людей, которые вылезли из сухого песка.

— Мои друзья обладают невероятной силой.

— Эта сила не считается, — ответила Адесса.

— В таком случае меня освободит Амос. — Бэннон постарался, чтобы его голос звучал убедительно. — Он сын властительницы Торы и главнокомандующего волшебника Максима.

Короткие черные волосы Адессы блестели от пота. Она скривила губы в язвительной улыбке.

— А как думаешь, кто тебя сюда притащил?

Сердце Бэннона рухнуло, и он опустился на деревянную койку. Он знал, что Адесса не врет. Никто ему не поможет. Не сейчас. Никки и Натан рано или поздно заметят пропажу и отыщут его — если он проживет достаточно долго.

— Я просто хотел вернуть Яну свободу.

— У чемпиона и так есть свобода. Он занимается тем, что ему нравится, и он умрет на арене. Он мой любовник, и я даже могу забеременеть от него, если захочу. Разве мужчина может быть более свободен?

На плоском животе Адессы были начертаны руны — а еще на руках, шее и щеках. Ее бедра походили на книжные страницы с защитными магическими символами, написанными болыю. Адесса обладала неприрученной мощью, свернутой внутри нее, а ее бурная и жестокая сексуальность казалась Бэннону более угрожающей, чем сила.

— Кто сделал это с вами? — спросил Бэннон.

— Я Морасит, результат идеального обучения. Сейчас я самая лучшая и успешная, и я крайне серьезно отношусь к своему долгу.

— Но я не знаю, кто такие Морасит.

— Мы — твой самый черный ночной кошмар. — Адесса шагнула к нему, и он почувствовал запах ее потной кожи. Свет маленьких свечей окрасил ее руки и бедра подрагивающей медью. — Многие тысячи лет, еще задолго до появления армии генерала Утроста и создания савана, Морасит были устрашающими бойцами и тренерами. Надеюсь получить статус, неода-

ренные торговцы, купцы и ремесленники отдавали своих девочек, чтобы те стали Морасит. Только самые лучшие и совершенные экземпляры отбирались для обучения, только одна из десяти доживала до нанесения защитных магических символов. — Адесса нежно провела указательным пальцем по рубцам на своем левом бедре, повторяя углы и завитки, из которых был сплетен щит, оберегающий ее тело и душу. — Кожу дочерей клеймили дюйм за дюймом во время обучения. — Ее лицо скривилось от болезненных воспоминаний. — Слабачек, которые хныкали, убивали. — Она провела ладонью по доспеху из таинственных отметок на предплечье. — Мы считаем гладкие участки нашей кожи метками позора, и потому прячем их. — Ее темные глаза сверкнули, когда она наклонилась к Бэннону. — Гордись, что мы заинтересовались тобой. Мы будем учить тебя, чтобы ты мог сражаться и умереть.

— Я и без ваших тренировок могу сражаться и умереть, — сказал Бэннон.

— Но без них ты умрешь гораздо скорее. Впрочем, обучение стоит дорого. Достоин ли ты этого? Полагаю, ты будешь упрямыться, так почему бы не начать урок прямо сейчас?

Она достала из-за бедра небольшой предмет в форме цилиндра, напоминающий рукоять шила. Предмет был черным, и Бэннон не заметил его на фоне кожаной повязки вокруг бедер. Она провела большим пальцем по очерченной деревянной стороне, и он услышал тихий щелчок. Выдвинулось заточенное серебряное острие — толстая игла не длиннее первой фаланги указательного пальца.

— У каждой Морасит есть такое особое оружие. Мы называем его нож-эйджаил.

Бэннон задумался, что она собирается делать этим оружием. Острый наконечник был слишком коротким, чтобы нанести серьезный урон.

— Он отравлен?

— Это гораздо хуже яда. Он полностью состоит из боли.

Она воткнула короткое острие в его бедро и большим пальцем дотронулась до странной руны, выжженной на деревянной рукояти. На Бэннона обрушился взрыв боли, пульсирующей в мышцах — словно мощная молния ударила в ту точку, где его плоти касалась игла.

Он закричал и рухнул, игнорируя боль от многочисленных синяков и осколков сломанных ребер. Его движение прервало контакт с ножом-эйджаилом, и боль мгновенно прекратилась, хотя ее отголоски все еще заставляли его содрогаться.

Адесса неодобрительно взирала на него.

— Это был твой первый урок.

Бэннон дрожал и бился в конвульсиях. Он поднялся на четвереньки, и его вырвало на пол камеры. Он ошалело уставился на Морасит, его челюсть отвисла. Тыльной стороной ладони он вытер слюни.

— Что... это было?

— Боль, — ответила Адесса. — На ноже-эйджаиле есть символ, связанный заклинанием с одной из рун, выжженной на нашей плоти. — Она погладила рельефную рукоять и улыбнулась. — Выпустить острие совсем несложно, и у нас есть другие символы, которыми можно заставить оружие убивать; легчайший укол, и ты либо умрешь, либо очень захочешь умереть.

Бэннон тяжело дышал, его мысли путались.

Адесса продолжала смотреть на него.

— А теперь вставай. Ополосни лицо в той чаше с водой. — Она бросила взгляд на коридор. Бэннон с трудом сфокусировал взгляд на человеке снаружи: это была стройная женщина, одетая в откровенный черный наряд Морасит. — Я уже выбрала чемпиона в качестве своего особого питомца, поэтому отдаю тебя Лиле. Она знает, что делать.

Молодая женщина открыла решетку двери и вошла в камеру. Адесса вышла, даже не оглянувшись. Бэннон хотел вско-

чить на ноги и сбить Лилу с ног, а потом вырваться в коридор и сбежать.

Но он знал, что Лила его остановит.

Она скрестила руки поверх кожаной повязки на груди:

— Ты мягкий и слабый, поэтому я дарю тебе час на отдых и восстановление. — Ее губы скривились в гримасе, которую она, видимо, считала улыбкой. — А я пока поразмыслю, каким будет твой второй урок.

Глава 44

Зазвонили колокола, предупреждая город. Верховный совет торжественно шествовал по улицам к огромной пирамиде на вершине плато. Разодетые дворяне и богатые торговцы взбились на верхние уровни, словно шли на празднество. Толчея на улицах, закрытые магазины, постоянные дворы и трактиры говорили о том, что настал очень важный день.

— Что бы ни случилось, мне это не нравится, — сказала Никки, выходя из величественного особняка. — Ни капельки.

Никто не позвал их, но она подозревала, что мероприятие может иметь отношение к зловещему заклинанию, обещанному палатой волшебников. Выйдя из особняка, Натан и Никки присоединились к толпе в поисках ответов.

— Где же юный Бэннон? — спросил Натан, крутя головой.

— Норукайцы отплыли, и он может проводить время со своими так называемыми друзьями, — ответила Никки.

Юноша был слишком открытым и доверчивым, а она видела плохо скрываемое ехидство на лицах Амоса, Джеда и Брока. Никки вспомнила, что у самой нее в юности не было друзей. Непреклонная мать Никки заставляла ее работать на улицах во имя Имперского Ордена, следовать учениям брата Нарева и презирать тяжелую работу и успехи отца. Никки не понимала

дружбы и не хотела ее. Дружба была чужда ей, хотя она сблизилась со своими компаньонами.

Она заговорила так тихо, что расслышать ее мог только Натан:

— Может, он не захотел смотреть на то, что собираются сделать волшебники... и на то, как мы пытаемся помешать им.

Небо было пасмурным, но росчерки серых облаков несли только сумрак, а не дождь. Звон колоколов продолжал разноситься по городу, отражаясь от многоуровневых стен. Никки ощущала потрескивающее в воздухе напряжение, смесь восхищения и ужаса.

— Никто не сообщил нам, — сказал Натан. — Может, мы не приглашены.

Никки не собиралась позволить кому-то себя остановить.

— Мы сами себя пригласим. Идем, волшебник.

Прищурив лазурные глаза, Натана рассматривал людей, взбиравшихся по крутым улочкам на верхний уровень плато и толпившихся возле основания пирамиды.

— Я верю в твою правоту, моя дорогая колдунья. Я и без дара могу ощутить изнеможение в воздухе.

Никки заправила за ухо прядь светлых волос и решительно пошла вперед.

— Мой дар при мне, но какая от него польза, если я буду бездействовать? — В горле у нее пересохло, и голос был хриплым. — Я не могу просто стоять и смотреть.

— Я помню мощь твоего дара, — сказал Натан, — но если ты будешь действовать необдуманно, то против нас ополчится весь город. Мы потерпим поражение, а то и вовсе погибнем. Ты знаешь, на что способны волшебники Ильдакара — ты видела, как Максим обратил того мятежника в камень.

Никки не замедлила шаг.

— Но они не видели, на что способна я. Члены совета и одаренные дворяне никогда не испытывали того, что испытала я.

— Действительно. — Натан ускорил шаг, чтобы не отстать.
— Я помогу, чем смогу.

Они присоединились к тесной толпе на вершине плато. Хорошо одетый мужчина нес чашу с виноградом на сгибе правой руки, отщипывал одну фиолетовую ягоду за другой, высасывая их и сплевывая косточки.

Никки почуяла едкий запах пота и резкий аромат духов. У мужчин были намащенные волнистые волосы и нарукавные повязки, контрастирующие с цветом их шаровар и поясов. Короткие плащи и манжеты длинных одеяний были украшены полосками экзотического меха. Женщины нарядились в платья с пышными юбками, будто собрались на праздник. Колокола с дюжины высоких башен отбивали нестройную металлическую мелодию, которая разносилась по всему городу.

Никки целеустремленно скользила среди неторопливо бредущих людей, а Натан старался не отставать.

— Добрые духи, — пробормотал он, когда они достигли широкого основания ступенчатой пирамиды и их захлестнуло нарастающее волнение зевак. — Должно быть, мы увидим магию крови, колдунья — волшебники собирались использовать ее. Думаю, здесь будут убийства. Много.

— Может, они и попытаются, — сказала Никки.

Толпа расступилась, когда члены совета медленно приблизились к пирамиде. Возглавляли процессию Тора и Максим, которых словно разделяла ледяная стена. И все же они оставались партнерами по использованию могущественной магии, что защищала город. На Торе было сапфировое платье с отделкой из пушистого серого меха, а Максим выбрал длинный гранатово-красный плащ, подбитый белым мехом с серыми вкраплениями, напоминавшими пепел на чистом снегу. Эти двое не смотрели друг на друга и не удостоили взглядом Натана и Никки, когда проходили мимо.

За ними шли члены палаты, которые смотрели только вперед с серьезными выражениями на лицах: повелитель плоти

Андре, главный укротитель Айвен, немолодая Эльза в фиолетовом одеянии, темнокожий Квентин в балахоне цвета охры и с золотым амулетом на груди, Деймон с взлохмаченными черными волосами и длинными усами.

Эльза бросила на Натана неловкий взгляд и коротко улыбнулась, а затем повернулась к Квентину и пробормотала:

— Неправильно делать это без Ренна. Мы должны были дождаться его возвращения.

— Он может никогда не вернуться, — тихо ответил ей Квентин, когда они проходили мимо Никки и Натана. — Палата волшебников может обойтись и без него. Ренн слишком ненадежен. Я не уверен в его преданности с тех пор, как Лани попробовала захватить власть.

Эльза выглядела потрясенной.

— Ренн всегда был преданным членом верховного совета!

— Как скажешь, — ответил Квентин, когда они уже почти покинули предел слышимости. — Но как только поднимется саван, ему придется остаться снаружи, пока мы не впустим его обратно. И я надеюсь, что магия крови подарит нам как можно больше времени.

Тора и Максим взошли по каменным ступеням на вершину пирамиды и повернулись лицом к толпе. Пять советников поднялись следом и остановились возле странного устройства на верхней платформе, состоявшего из сверкающей полусферы на каркасе и кварцевых призм на вершинах металлических стержней.

Главнокомандующий волшебник Максим раскинул руки и оглядел толпу. Даже от подножия пирамиды Никки видела блеск в его глазах.

— Ильдакар простоял тысячи лет. — Голос Максима дребезжал и резонировал, но она не сомневалась, что даже рабы и торговцы на самых нижних уровнях города слышали его.

Следом заговорила Тора:

— Ильдакар защищен, потому что его защищаем мы. Наш идеальный образ жизни священен, но такое совершенство стоит дорого. — Ее голос звучал сурово, но она не выглядела опечаленной тем, что предстоит сделать. — Его цена — кровь.

Внизу десять городских стражников выдвинулись вперед, и топот их окованных сталью сапог походил на барабанную дробь. Они вели группу из двенадцати рабов, связанных за руки веревкой. Некоторые сопротивлялись и пытались замедлиться, но стражники не понукали их, а просто маршировали, таща рабов за собой.

Никки узнала рабов: они были «ходячим мясом», доставленным на невольничий рынок норукайцами. Стражники гнали по истертым каменным ступеням вереницу пленников: пять женщин и семерых мужчин. Двое были старыми, трое молодыми, остальные — среднего возраста. Худые мужчина и женщина с каштановыми волосами и смуглой кожей покорно шли, стараясь держаться поближе друг к другу. Судя по их одежде и чертам лица, они были родом из одной деревни. Женщина поднималась по ступеням первой. Делая шаг за шагом, она отвела руку назад, и мужчина дотянулся до ее пальцев.

Никки поняла, что они знакомы и заботятся друг о друге. У нескольких рабов было отсутствующее выражение лица, словно они были одурманены — возможно, красной глицинией. Одна женщина с больными суставами спотыкалась и всхлипывала, стараясь не отставать от остальных. По ее морщинистому лицу текли слезы. Мускулистый мужчина крутил и дергал свою веревку, но остальные продолжали подниматься на оголенную площадку возле вершины пирамиды.

Тора повернулась к группе рабов:

— Встаньте лицом к Ильдакару!

Растерянные пленники беспокойно переминались, и властительница топнула ногой, посылая в устройство вспышку энергии. Магия встряхнула пленных рабов, сковала их мышцы и

заставила застыть подобно марионеткам. Толпа загомонила. Торговцы и разряженные аристократы наблюдали с нетерпением, но зрители в серой одежде были не так воодушевлены.

— Прекратите! — выкрикнула Никки, вызвав у толпы вздох. — Если такова цена, властительница, почему бы вам не заплатить собственной кровью?

Тора надменно посмотрела на нее сверху вниз.

— Потому что моя кровь слишком ценна.

Никки ощутила, как внутри нее извивается гневная магия, подобная угрям, плывущим по мутному каналу. Она почувствовала теплую вибрацию скрытых нитей, растянутых по всему городу и образующих паутину магии, центром которой была пирамида.

— И поэтому вы убиваете пленников? Ради развлечения?

— Из-за необходимости. Рабы заплатят эту цену. Таково их предназначение.

Двенадцать пленников застыли на уровень ниже сложного устройства на верхней платформе. Некоторые из рабов дрожали. Старуха продолжала рыдать, хотя едва могла двигаться, удерживаемая на месте магией.

Тора пристально посмотрела на рабов.

— Они нас спасут.

Кто-то смотрел на нее с вызовом; другие трепетали и отводили взгляд.

Никки отошла от Натана и, дойдя до ступенек у основания пирамиды, применила толику своего дара, чтобы отеснить толпу. Она намеревалась остановить властительницу.

— Нет, Тора. — Колдунья могла обрушить на их головы шквал молний, используя одновременно магию Приращения и Ущерба. Видели ли волшебники Ильдакара магию Ущерба? Никки в этом сомневалась. — Если не прекратите это безумие, я заставлю вас пожалеть.

Никки могла застать их врасплох, испепелить вершину пирамиды и прервать церемонию. Зерцалоликий и его повстанцы

были пороховой бочкой, ожидающей искры. Восстанут ли они, чтобы поддержать ее, если она зажжет эту искру? Может, время уже настало.

Толпа умолкла, а рабы застонали. Они изо всех сил старались вырваться, но не могли двинуться, скованные магией Торы. Все пленники стояли лицом к зеркальному желобу, и Никки точно знала его предназначение.

— Властительница, позвольте мне говорить от их имени!

Синхронным отрететированным движением все пять советников достали из складок балахонов длинные церемониальные ножи с украшенными драгоценностями рукоятками и изогнутыми лезвиями.

Тора сделала движение рукой, и магия вынудила рабов задрать подбородки, выставляя напоказ горло. Каким-то образом темнокожая чета смогла противостоять контролю Торы. Она протянули руки и коснулись ладоней, черпая друг в друге силы и утешение в свои последние мгновения. Из уголков их глаз лились слезы, стекая по обращенным к небу лицам.

Члены палаты волшебников колебались, сжимая в руках жертвенные ножи и глядя на Никки. Она поднялась по крутым ступеням, наращивая мощь своей магии. Колдунья видела, что несколько волшебников испугались ее смелости. Толпа молчала в благоговейном страхе от того, что она восстанет против Торы.

Никки чувствовала кипение готовой высвободиться магии.

Эльза и Деймон неуверенно опустили оружие. Максима это позабавило, а остальные волшебники не знали, что делать.

Максим, едва шевеля губами, сказал Торе:

— Просто покончим с этим, Тора. Драма нам ни к чему.

Властительница усмехнулась при виде нерешительности волшебников. Резко и небрежно дернув пальцем, она указала на рабов, стоявших в пятнадцати футах от нее. С жестокой улыбкой на тонких губах она начертила в воздухе черту острым лакированным ногтем.

Никки ринулась вперед, создавая вихрь твердого воздуха, который должен был сбить с ног волшебников, но не успела. Сотворенный Торой нож из магии, который был острее любой бритвы, вспорол горло двенадцати ошеломленным рабам. Они выпучили глаза, задержались и заметались, высвободившись из незримой хватки кукловода.

У пленников подкосились колени, и они рухнули вперед. Головы были почти отрезаны невидимым клинком Торы. Несчастные упали на желоб, и их густая кровь заполнила каналы.

Максим и пять членов палаты волшебников продолжали сжимать свои церемониальные ножи, испытывая недоумение и удивление. Никто из них не сдвинулся с места.

— Добрые духи! — Никки пошатнулась от изумления.

Кровь все текла, и вокруг пирамиды стремительно выстраивалась магия. По толпе пронесся шепот, но люди стояли неподвижно.

Никки ударила стеной из воздуха, но Тора ответила похожей атакой, сбив ее с ног. Она начала падать спиной на кругую каменную лестницу, и Натан метнулся подхватить ее.

Когда кровь рабов заполнила зеркальный желоб, Максим высоко поднял руки и принялся размашисто махать. Красная река текла по стокам, игнорируя земное притяжение и поднимаясь к платформе на вершине, где разлилась по выгравированному рисунку заклинания.

Все семь членов верховного совета собрались вокруг полусферической чаши. Они ухватились за серебряные края и выровняли чашу. Когда кровь рабов заполнила линии узора на платформе, алый поток струей взметнулся вверх и вылился в зеркальный котел.

Властительница и главнокомандующий волшебник остались на месте, а остальные пять волшебников попятнулись. Полусфера вибрировала, мерцала, и витая колонна магии взмывала вверх подобно гейзеру. Вихрь поднимался все выше и вы-

ше, а потом достиг зенита и разлетелся водопадом, заставляя воздух пульсировать. Развернулся прозрачный купол, который покрыл весь Илдакар от внешних стен до отвесного берега реки. Толпа возликовала.

Слишком поздно. Никки чувствовала себя слабой и разбитой. Волшебник поднял ее с каменных ступеней, и она просто-нала:

— Я должна была остановить это.

Она злилась на себя, но еще больше ярилась на властительницу.

Тора вместе со своим мужем наслаждалась проделанной работой и выглядела крайне довольной. Властительница даже не выказала гнев за вмешательство Никки, поскольку оно ни к чему не привело.

— Ты не знала, что произойдет, колдунья, — сказал Натан тонким и слабым голосом.

— Мы оба знали. И теперь заточены под саваном. — В ее голове стучало. — Мы не можем оставаться в Илдакаре. У нас есть миссия.

Натан расправил плечи.

— Возможно, это лишь подтверждает, что наша миссия — здесь. Пусть не можем покинуть это место, у нас еще много работы. — Он фыркнул. — Они пожалеют, что мы не ушли, когда был шанс.

Никки вспомнила, что время под саваном движется по-другому. Она заставила себя разжать кулаки.

— Даже если это займет вечность, — тихо сказала она.

Глава 45

Два больших корабля отплыли из гавани Графана и направились на юг. Море покрылось рябью от свежего бриза, хотя

солнце ярко светило на небе. Верна стояла на носу ведущего корабля, позволяя ветру трепать ее седеющие волосы, а соленым брызгам мочить щеки. Женщина поняла, что улыбается, а ее сердце полнится возможностями при мысли о путешествии к Твердыне. Она радовалась этому странному чувству.

— Теперь у меня есть цель, — сказала она себе.

К ней подошла юная послушница Эмбер. Темно-русые волосы девушки были заколоты сзади, свободное платье льнуло к гибкой фигуре, а лиф платья плотно охватывал ее небольшую грудь.

— У всех нас есть цель, аббатиса. Это мое первое большое путешествие, и я счастлива, что вы позволили мне сопровождать вас.

Все сестры настояли на том, чтобы отправиться с ней, и Верна не смогла им отказать. Те, кто вернулся в Танимуру искать искру надежды в развалинах Дворца Пророков, нашли лишь разочарование. Они обратились к Верне за наставлением, но она не знала, что им сказать. Теперь, когда Никки и Натан проторили дорожку через Древний мир и отправили о себе вести, Верна уцепилась за новую возможность.

Много лет назад маскировочный саван развеялся, и зрители Твердыни призвали одаренных ученых, чтобы те помогли сортировать знания необъятного архива. Впоследствии это решение оказалось опасным, но жившие в изоляции люди не знали о могущественных знаниях, скрытых в фолиантах. Один из призванных извне ученых, Роланд, стал Поглотителем жизни. Другой высвободил заклинание, которое обратило каменные стены в подобие сырой глины и расплавilo башню с записями пророчеств. Верна знала, что этим людям требуется непрерывное руководство сестер.

Со смотровой площадки послышался крик матроса, и экипаж оставил свою работу, чтобы вместе с д'харианскими солдатами подойти к борту. Эмбер взволнованно указала пальцем.

— Кто это? Акулы?

Верна увидела гладкие обтекаемые тела животных, вынырывающих из воды. Они словно вели корабли за собой.

— Не акулы, дитя. Дельфины. Они считаются хорошей приметой среди моряков, и для нас это тоже добрый знак.

Эмбер улыбнулась.

— Не могу дождаться, чтобы рассказать брату. — Капитан Норкросс был на втором корабле с половиной солдат и шестью сестрами. — Вот это приключение!

— Не просто приключение. Это наша работа, миссия сестер Света.

Оливер и Перетта тоже вышли на палубу. Теперь они были неразлучны и радовались тому, что завершили свое задание. Оливер прищурился, чтобы разглядеть дельфинов.

— Я очень хочу снова видеть каньоны и книги великой библиотеки. — Он вздохнул. — Наверное, я тоскую по дому.

Тугие кудряшки Перетты блестели бриллиантами брызг. Они с Оливером еще в Танимуре оделись в чистую дорожную одежду. Темные глаза девушки горели таким же нетерпением, как у Оливера.

— Жаль, что ты не помнящий. Будь у тебя дар идеальной памяти, ты мог бы помнить каждый день и каждое место вплоть до мельчайших деталей.

Он одарил ее скептическим взглядом.

— Значит, ты не скучаешь по дому?

Перетта смутилась.

— Все равно скучаю.

Верна сердцем чувствовала, что сестры должны изучить великий архив утраченных знаний. Твердыня, вероятно, была одним из центральных узлов, о которых говорил Натан. Она вспомнила, как они с Морд-Сит Бердиной сосредоточенно рылись в огромных библиотеках Народного Дворца и обнаружили первые намеки на заклинание «Огненная цепь». Выслушав рассказ Оливера и Перетты, Верна решила, что наполненная

знаниями Твердыня может оказаться настоящей сокровищницей.

Пророчество исчезло, но им предстояло многое познать и изучить. Неподготовленные ученые нуждались в руководстве и обучении. Если сестры получают возможность делать то, чем столетиями занимались во Дворце Пророков, ученые Твердыни вполне могут стать армией волшебников, готовых помочь лорду Ралу вести мир в золотую эпоху. Стоя на палубе, Верна достала глиняную фигурку жабы, которую нашла в развалинах. Глазурованная безделушка на ее ладони была символом ушедших времен.

Возможно, она найдет хорошую полку для фигурки, когда они достигнут Твердыни. Такая преемственность радовала аббатису.

* * *

Два корабля бок о бок шли вперед уже несколько дней. Генерал Зиммер отобрал из гарнизона сто пятьдесят самых опытных солдат. Они собрали доспехи, оружие и дорожную одежду, написали прощальные письма своим семьям. Остальные солдаты остались в Танимуре — поддерживать свои позиции, распространять мощь и защиту Д'Харианской империи. В следующем месяце магистр Рал направит еще тысячи людей вниз по побережью, чтобы сформировать другие аванпосты.

Но эта экспедиция в Твердыню будет первой и самой дальней. Ста пятидесяти солдат не хватит для свершения завоеваний, но вполне достаточно, чтобы утвердить присутствие Д'Хары и убедиться, что имя магистра Рала известно.

С таким большим количеством солдат на борту двух парусных кораблей их экспедиция имела шанс стать жалким плаванием, но они были хорошо обеспечены провизией.

— Солдат д'харианской армии не нужно баловать, — сказал Верне Зиммер. — Подумайте о страшных врагах, с которыми они уже сражались. Они не испугаются морского путешествия.

Впрочем, к четвертому дню нашелся достойный враг и для этих солдат — морская болезнь. Многие чувствовали себя плохо, хватались за животы и извергали содержимое желудков в ведра или за борт корабля. Почти все пехотинцы всю жизнь жили на суше.

Верна и сестры ухаживали за несчастными солдатами. Сама аббатиса влажной тряпичей протирала лоб генерала, который ютился в маленькой каюте с закрытым ставнями иллюминатором. Он отказался выходить на свежий воздух, чтобы солдаты не видели его слабости.

— Сомневаюсь, что они в состоянии хоть что-то заметить, — сказала Верна. — Как вы собираетесь покорять Древний мир, если даже не можете встать с постели?

— Я покорю Древний мир, как только мы причалим, — простонал Зиммер.

К тому времени, как два корабля достигли Керима, первого порта на пути к югу от Танимуры, морская болезнь у большинства прошла, и люди с радостью покинули корабль на целый день. Верна и Зиммер сходили в город купить карты земель, расположенных дальше на юге, чтобы иметь некоторое представление о том, куда направляются. Оливер и Перетта присоединились к ним, желая взглянуть на схемы, и указали далеко за пределы границ самой большой карты.

— Вот куда нам нужно.

Два корабля отплыли к побережью Ларрикан, который был в двух днях пути по береговой линии. После свирепого и устрашающего шквала, едва не потопившего их, они достигли большого города Серримунди. Судна направились к гавани, на входе в которую стояла огромная каменная статуя Матери морей.

— Аббатиса, можете представить, как непросто было высечь эту статую? — Генерал Зиммер прикрыл глаза от солнца и уставился на статую, выступающую из утеса.

Верна попыталась вообразить бригады скульпторов, которые, вися на веревках или, стоя на платформах, долбили камень, чтобы создать прекрасную женскую фигуру. Птицы летали вокруг изваяния и гнездились среди резных прядей ее волос. У аббатисы не нашлось ответа.

Зиммер кивнул себе, оглядывая гавань и оценивая другие корабли.

— Мы получим здесь все, что нужно и двинемся дальше.

— А что именно нам нужно, генерал? — спросила Верна.

— Прежде всего, больше свободного пространства. У меня есть предписание магистра Рала, и я намерен использовать его, чтобы реквизировать третий корабль и больше припасов.

— Бухта Ренда находится дальше по побережью, — сказала Перетта. — Я помню очертания берегов и могу вести вас без всяких карт.

— Она — помнящая, — произнес Оливер с намеком на сарказм.

— Полагаю, она упоминала раз или два, — сказал Зиммер. — Но мы с капитаном предпочитаем иметь подробные карты. Что важнее, я должен поговорить с владельцем гавани и закончить оснащение нашего предприятия. Мы — экспедиционный отряд и нам предстоит долгое путешествие вглубь страны. Если я не хочу потратить месяцы на пеший марш по горам, мне понадобятся лошади — много лошадей. — Он ухмыльнулся. — У нас будет настоящая военная экспедиция.

Глава 46

Стены из песчаника, окружавшие тренировочную яму, были всего десять футов высотой, но казались непреодолимыми Бэннону, который стоял на песке арены в форме чаши тридцати футов в ширину. Он в жизни не заберется на обтесанные отвесные гладкие стены.

— Пресвятая Мать морей, — бормотал он, пытаясь успокоиться.

Две Морасит выволокли его из камеры и потащили за собой так быстро, что он оступился. Бэннон пытался идти сам, но они не хотели сделать легче ему или себе.

— Мои друзья придут за мной! — закричал юноша, будто это могло их напугать. — Мы покинем Ильдакар и уйдем далеко отсюда.

Одна из женщин с вытравленными на коже заклинаниями скривила рот и нахмурилась.

— Никуда ты не уйдешь. Вчера волшебники применили магию крови и восстановили саван. Никто не может покинуть город.

Бэннон ощутил в животе холодный спазм. Он беспокоился о своем положении, но даже не подумал, что происходит снаружи. Где были Никки и Натан? У его друзей тоже проблемы? Стали они пленниками в этом городе, отделенные от мира и времени, или сбежали без него?

Одна из Морасит подтолкнула его вперед:

— У тебя есть своя тюрьма, вот о чем стоит беспокоиться, мальчишка. Старайся, чтобы заслужить наше обучение.

— Старайся, чтобы выжить, — добавила другая.

Они подвели его к краю тренировочной ямы — пустой и ничем не примечательной площадки, усыпанной ровным слоем песка и мелкой гальки. Он не увидел спуска.

— Как я...

Женщины толкнули его, и он упал, растянувшись на сыпучем грунте. Удар вышиб из легких воздух. Юноша встал на четвереньки и закашлялся.

— Что теперь? — громко спросил он, но Морасит отошли от края.

Он медленно повернулся, оглядывая отвесные стены. Тренировочная яма казалась незатейливой и обыкновенной. Возможно, она для новичков...

Бэннон уловил движение наверху и поднял взгляд. Лила в черной коже поверх рунических шрамов босиком стояла на краю ямы и разглядывала его. Морасит хрустнула костяшками и натянула плотные кожаные перчатки.

— Я бы не хотела слишком сильно ранить тебя, мальчишка. По крайней мере, не так скоро. — Лила прыгнула в яму и приземлилась на корточки, идеально удерживая равновесие. Морасит расслабленно положила руки в перчатках на бедра. — Этим утром я чувствую себя немного скованно, и мне нужно немного потренироваться. Сразись со мной. — Блеснули белые зубы, но Морасит не улыбалась. — Я вознагражу тебя за каждый удар, которым ты меня достанешь. — Лила двинулась вперед, и, хотя она была меньше Бэннона, тот сделал шаг назад. — И сегодня я планирую лишить тебя шанса на награду.

— Я не хочу с тобой биться, — сказал он.

— Тогда у тебя будет все кровоточить и болеть задолго до конца занятия.

Она бросилась к нему, сделала ложный выпад левой рукой, а правой ударила его по лицу. Перчатка смягчила удар, но челюсть дернулась в сторону, и Бэннон ощутил жгучую боль.

Он рукой попытался заблокировать второй удар, но Лила врезала ему по другой стороне лица. Он тряхнул головой и слепо качнулся, стараясь ударить ее в живот, но угодил лишь в бок, ощутив под кожей ее ребра. Он почувствовал, что женщина сама позволила ему прикоснуться к ней.

— Тебе нравится чувствовать мою плоть, мальчик? — усмехнулась Лила. — Можешь трогать все, что хочешь... если сумеешь ударить.

Лила ударила его в центр груди — несильно, просто обозначила удар, — а затем хлопнула ему по ушам и отскочила. Сердце Бэннона колотилось. Он выставил перед собой руки, чувствуя страх и гнев. Ему не хотелось находиться здесь, вдали от друзей, в ловушке странного города под незримым куполом. Но настоящая проблема была здесь, в тренировочной яме — в лице стройной молодой женщины, которая считала боль некой формой флирта. Он должен пережить обучение, если надеется освободиться и вернуться к друзьям.

Желая заставить Лилу врасплох, он бросился на нее, размахивая руками, пробивая кулаками воздух, пытаясь хотя бы задеть ее. Лила отскакивала из стороны в сторону, и Бэннон скорректировал атаку, используя свои размеры и вес как преимущество. Он ударил Морасит по левому плечу, заставив повернуться, и провел апперкот в челюсть. Удар получился крепким, и Лила отшатнулась. Она перевела дыхание, похлопала ладонями в перчатках и ухмыльнулась.

— Хорошее начало.

Затем неувловимым для глаз движением Морасит ударила ребром ладони по его почке, выведя из равновесия. Из глаз Бэннона посыпались искры. Он не мог дышать.

Лила сделала босой левой ногой подсечку. Колени Бэннона подогнулись, и она толкнула его в плечо, придавая ускорение. Юноша грохнулся на спину и судорожно втянул в себя воздух.

Морасит нависла над ним, прижимая его плечи к земле. Ее лицо было очень близко, и Бэннон видел блеск пота на ее открытых символами щеках, шее и плечах. Она засмеялась:

— Ты не очень хорош в рукопашном бою, мальчик?

— Я и не утверждал, что хорош.

В детстве он вязывался в драки на острове Кирия, но от этого не зависела его жизнь. После стычек у него оставались

синяки и порванная одежда, но гордость страдала больше, чем тело.

Он вспомнил, как Натан обучал обращению с мечом. Бэннон проявил талант и убил немало монстров, но старый волшебник никогда не учил биться голыми руками. Бэннон не мог представить, чтобы такой эрудированный и эффектный мужчина, как Натан Рал, использовал столь примитивную технику боя. Он предпочитал более благородный способ разбираться с противниками — изысканный меч.

— Я бы выбрал меч, — сказал Бэннон, переводя дыхание.
— Но ты слишком боишься дать его мне.

Лила по-прежнему сидела на нем, прижимая к полу. Цвет ее глаз напоминал бурное море. Женщина засмеялась и рывком поднялась.

— Вовсе нет, это будет наш следующий шаг. — Она стряхнула песок с кожи и крикнула, подняв голову вверх: — Принесите меч и бросьте сюда.

Через несколько мгновений к краю ямы подошел парень в серой одежде, державший длинный предмет, завернутый в грубую мешковину. Не встречаясь с Лилой взглядом, он просто бросил сверток вниз. Морасит ловко поймала его, развернула ткань и достала меч с простой обернутой кожей рукоятью, с прямой невзрачной гардой и тусклым лезвием — сталь была с примесями.

— Это Крепыш! — воскликнул Бэннон, чувствуя прилив надежды. — Откуда он у тебя?

— Твой друг Амос доставил из большого особняка. Он подумал, мы могли бы использовать его в качестве игрушки. — Лила покрутила меч в руках. — Клинок совершенно не впечатляет. Как и ты, мальчик.

Бэннона обожгла обида.

— Мы оба можем удивить.

— Хорошо. Люблю, когда меня удивляют. — Лила с отвращением протянула Бэннону меч рукоятью вперед. — Возьми,

он тебе понадобится. — Она снова крикнула кому-то наверху: — Дай посох!

Мальчишка-раб бросил вниз отполированный деревянный шест, и Лила ловко его поймала.

— Если ты мечник, докажи это. Сразись со мной. И убей, если сможешь.

— Я не хочу убивать тебя, — возразил Бэннон.

— Захочешь. — Она невесело улыбнулась. — А если нет, значит, я плохо тебя учу.

Бэннон не двинулся с места, и Лила атаковала первой. Она стиснула зубы, раскрутила деревянный шест и замахнулась на него.

Бэннон инстинктивно поставил блок Крепышом, с треском остановив деревянный шест. Вибрация от удара дошла до запястий Морасит, и ее лицо вспыхнуло от гнева. Она отвела назад свое оружие, и настрой ее стал серьезнее. Лила снова размахнулась, но с мечом в руке Бэннон чувствовал себя увереннее. Он отразил удар и перешел в атаку. Он больше не будет только защищаться. У него есть меч — его меч, — а у нее просто палка. Юноша не мог думать о том, что случится, если он убьет эту Морасит, однако был уверен, что Адесса и другие расправятся с ним.

Бэннон на мгновение отвлекся, и Лила, миновав его защиту, треснула деревянным посохом по его правому бедру. От острой боли он едва не упал. Нога не держала его, но он собрался и выпрямился, пообещав себе сосредоточиться на бое и на противнике. О последствиях он побеспокоится позже.

Он пошел вперед, нанося боковые рубящие удары, делая прямые уколы острием и описывая мечом дуги. Лила кружилась и вертелась, словно акробат из бродячего балагана. Бэннон встречал деревянный посох всякий раз, когда женщина пыталась его ударить. Теперь он видел, что Морасит не играет с ним, а бьется на максимуме своих способностей. И Бэннон сражался изо всех сил.

Боковым зрением он заметил, что на краю ямы собрались зрители — несколько Морасит и бойцы арены. Ему было все равно, он лишь хотел одолеть Лилу. Красная ярость заволокла глаза и напомнила о том, что он чувствовал, когда сражался с норукайцами в бухте Ренда.

Он взмахивал мечом то как скальпелем, то как дубиной. Натан учил его, что грубая сила так же важна, как и ловкость — если позволяет повергнуть врага.

Лила теперь лишь оборонялась, удерживая наверху деревянный посох. Разлетелись светлые щепки, когда лезвие Крепыша вонзилось в шест и разрубило его надвое. Лила пошатнулась, держа в руках половинки боевого посоха.

Сдерживая рев, Бэннон направил меч ей в лицо, но в последний момент повернул лезвие. Он не мог убить ее, не мог разрубить ее голову надвое. Плоскость клинка ударила по щеке Лилы, рассекая кожу до крови. Женщина повалилась на спину, и Бэннон оказался на ней, придавливая к земле.

Он вздрогнул, когда понял, что натворил.

— Прости, — быстро сказал он.

Лила выхватила из ножен у бедра предмет с черной деревянной рукоятью. Бэннон услышал щелчок и мельком заметил кончик иглы, когда большой палец Лилы лег на магический символ, вырезанный на рукояти. Она ткнула юношу своим ножом-эйджаилом, и внутри него взорвалась боль. Он повалился навзничь, корчась в муках.

Лила вскочила на ноги, вытирая с лица кровь. Когда раскат боли сотряс его голову, Бэннон услышал возгласы и крики зрителей. Морасит с самодовольным видом встала над ним и выбила Крепыш из его рук. Меч заскользил по гравию и песку.

— Боец должен использовать любое доступное оружие, — изрекла она. — Победа — это все, что имеет значение, поскольку проигравшие умирают.

После того как она убрала нож-эйджаил, боль быстро стихла. Лежавший на спине Бэннон приподнялся на локтях, тяжело дыша, и отбросил с лица длинные волосы.

— Пока достаточно. — Лила подняла руку, и кто-то сбросил ей веревочную лестницу. — Лезь за мной. Пора вернуться в камеру.

После боя все болело, Бэннон едва двигался от изнеможения, но встал и последовал за Морасит. Опустив голову, он выбрался из ямы и оглядел зрителей, которые смотрели на него с удивлением и даже с намеком на восхищение.

— Сюда, — бросила Лила, привлекая его внимание.

Они петляли мимо камер по освещенным факелами туннелям. С примыкающих коридоров доносился мускусный запах боевых животных — дрессированных зверей-убийц, которых держал здесь главный укротитель. Бэннон и сам чувствовал себя здесь запертым зверем.

Лила привела юношу к открытой двери его камеры и неохотно призналась:

— Это была хорошая попытка. Может, ты чего-то и стоишь.

Бэннон не знал, благодарить ли ее за эти слова.

Морасит толкнула его в камеру, и он споткнулся о тюфяк. Лила последовала за ним и закрыла за собой решетчатую дверь.

— Время моей награды, — сказала она. — И твоей... Если знаешь, как ее получить.

Бэннон тяжело сглотнул, зная о ее намерениях и боясь этого. Морасит сняла с себя полосы черной кожи и позволила им упасть на песчаный пол камеры. Пульс Бэннона участился. Он отчаянно заморгал, вытирая со лба испарину.

— Кажется... думаю, мне нужно выпить воды.

Лила подошла ближе и положила руки ему на грудь.

— Меня больше волнует то, что нужно мне.

Бэннон слышал барабанный стук своего сердца. С тоской и отчаянием он подумал о прекрасных послушницах из Тверды-

ни, их теплых объятиях и нежных поцелуях. Одри, Лорел и Сейдж стали его первыми любовницами; эти страстные девушки делили с ним постель и возносились с ним на сладкие вершины блаженства... А потом Виктория превратила их в кровожадных лесных монстров, которые желали только одного — оросить землю его кровью.

Лила немного напоминала их.

Обнаженная Морасит шагнула ближе, не сводя с него глаз, и положила нож-эйджаил в нишу в стене из песчаника.

— Не забывай, что он всегда здесь, рядом. Лучше не давай мне повода использовать его.

Она совсем позабыла о своем оружии, пока Бэннон сражался в совершенно ином бою.

Глава 47

Никки уже доводилось убивать волшебников, и она без колебаний сделает это снова, если придется. После отвратительного кровавого ритуала на вершине пирамиды она была уверена, что ей придется сразиться с советниками, по одному или со всеми сразу. Да, она должна спасти мир... Но можно начать и с Ильдакара.

Саван почти не искажал облака над головой, но сам воздух неестественно поблескивал. Необычное небо неправильного синего цвета создавало ощущение, будто магический барьер испортил солнечный свет. Одаренные аристократы указывали наверх с довольным видом, радуясь, что снова оказались внутри защитного пузыря.

Если бы только Никки не колебалась в тот момент перед казнью рабов! Но она ожидала, что волшебники пустят в ход свои ритуальные ножи. Властительница была сосредоточена на работе со своей магией, и Никки могла взорвать ее молнией

Ущерб или наслать яростную бурю, чтобы прервать ритуал — но Тора убила своих жертв одним быстрым, неожиданным взмахом невидимого ножа.

Потрясенные и подавленные члены палаты волшебников прошли мимо Никки и Натана. Колдунья отряхнулась, пытаясь вновь обрести достоинство, а Тора прошествовала мимо с высоко поднятой головой; ее золотые волосы были заплетены тонкие косички, образующие сложный узор. Властительница остановилась и взглянула на Никки.

— Время встать на нашу сторону, колдунья. Вы находитесь под саваном и не можете уйти.

— До тех пор, пока мы не решим его сбросить. Он по-прежнему временная защита, — весело добавил Максим.

Лицо Торы стало напряженным.

— Это временно. Я намерена снова применить магию крови и принести столько жертв, чтобы саван простоял не один век. — Она задумчиво подняла брови. — Или даже вечность. Поскольку время здесь идет по-другому, это не имеет большой разницы.

— Я не могу оставаться здесь так долго, — сказала Никки. — Натан не получил помощи, несмотря на ваши усилия. Нам нужно найти нашего друга Бэннона, а потом мы уйдем.

— Он где-то здесь, — сказала Тора. — Наверняка проводит время с Амосом и его друзьями.

— Не бойтесь, мы найдем вам полезное занятие, — пробормотал Максим и зашагал прочь вместе с властительницей, не обратив внимания на колкий лед в голубых глазах Никки.

Да, она уже убивала волшебников. И сделает это снова.

Группы рабочих тянули тележки к основанию пирамиды. Мрачные рабы поднимались по ступенькам, чтобы убрать тела и отполировать металлическое устройство.

Натан затравленно посмотрел на Никки:

— Мне просто необходимо вернуть дар. Мне нужно сердце волшебника. — Он оглянулся на толпу. — Интересно, куда подевался наш дорогой Бэннон?

* * *

Поскольку повелитель плоти был слишком занят идеями, Натан отправился к более благосклонному слушателю. Он сомневался, что Эльза сможет помочь, но она могла дать совет. Бывший пророк не на шутку встревожился из-за убийства рабов, свидетелем которого стал. Эльза стояла там, сжимая грозный церемониальный нож, и, хотя она не двинулась, чтобы перерезать горло рабам, все же была готова на это. Тем же вечером Натан отыскал Эльзу в ее изысканном доме. Перед каменным фасадом стояли статуи оленей в прыжке. Натан решил, что это ручная работа, а не окаменевшие от заклинания животные.

— Всегда рада тебя видеть, Натан. Мы можем обсудить природу дара, даже если ты не можешь продемонстрировать свое могущество.

— Это временно, — сказал он.

— Временно, — согласилась она и жестом пригласила его в очаровательный внутренний дворик.

У Эльзы были седые волосы со стальным отливом, испещренные более темными прядями; в молодости ее волосы имели оттенок воронова крыла. Натан счел ее черты довольно приятными и подумал, что раньше она была красивой, но теперь выглядела благородно, хотя и не ослепительно. Он по-прежнему был рад находиться в ее компании.

Она села на каменную скамейку возле искусственного водопада, струящегося в декоративный бассейн. Вода била из скрытого источника, вероятно, движимая силой магии. На камнях вокруг пруда были начертаны магические символы, значения которых Натан не знал.

Опустившись на скамью рядом с Эльзой, он заговорил, не в силах больше сдерживать смятение:

— Даже когда я полностью контролировал свой дар, то никогда... не позволял ничего подобного магии крови, свидетелями которой мы стали утром. Вы пролили кровь невинных жертв, но разве они были готовы заплатить такую цену? Как ты можешь терпеть подобное?

Эльза выглядела обеспокоенной, но не стала оправдываться.

— Ильдакар нужно защищать. Именно так мы и выживаем уже много столетий. Саван скрывает нас от врагов, ограждает от атак извне. Если бы нам пришлось сражаться с армией захватчиков, погибли бы тысячи людей.

— Какое вторжение грозило этим утром, моя дорогая? — спросил Натан. — Зачем восстанавливать саван ценой двенадцати жизней?

— Они были не гражданами Ильдакара, а рабами. Норукайцы могли продать их где угодно. Альтернативой смерти в ритуале кровопролития могла стать гибель в каменоломне или сырых рудниках. Другие хозяева могли замучить их до смерти ради собственной прихоти.

Натан пригладил длинные белые волосы, но тон не смягчил:

— Вот как ты поступаешь со своими рабами?

— Конечно, нет! Как ты только мог подумать?

— Тогда эти рабы могли бы прожить долгую и плодотворную жизнь, служа вам — возможно, они работали бы в твоём доме.

Будто услышав разговор, двое рабов принесли блюдо с фруктами и стеклянный кувшин с подкисленной лимоном водой.

— Этого не должно было случиться, — признала Эльза. — Саван снова укрывает нас, и мы должны продолжать жить. Мы постараемся восстановить твою магию, чтобы ты мог стать важным членом ильдакарского общества. Даже твой неода-

ренный друг — очаровательный Бэннон — может найти занятие по сердцу. Кажется, он поладил с сыном властительницы.

Натан нахмурился:

— Сомневаюсь, что тот оказывает хорошее влияние. Я уже несколько дней не видел своего дорогого мальчика.

Эльза цокнула языком.

— Город укрыт саваном, и Бэннон никуда не денется. Я могу навести справки, если хочешь.

Натан почувствовал неожиданное облегчение.

— Да, моя дорогая, это было бы очень кстати. У меня станет одной проблемой меньше. — Натан все еще чувствовал себя беспокойно, но сменил тему: — Андре изучил меня и создал карту моего хань. Я утратил важную часть, которая находится возле сердца. — Он нарисовал указательным пальцем круг на своей груди. — Но в последнее время мы стоим на месте, и я не уверен, что Андре уделяет этому вопросу достаточно своего внимания. Я не знаю особенностей твоего дара, но не могла бы ты дать мне совет?

— Не прикидывайся простаком, Натан, — со спокойной улыбкой сказала Эльза. — Тебе наверняка известно, что я владею магией переноса. Если ты хочешь, чтобы я перенесла в тебя дар, то вынуждена огорчить: это невозможно. Я могу делать только что-то незначительное с физическими объектами.

— Магия переноса? — спросил Натан. — Так я и предполагал. В Новом мире такое умение встречается редко. И ты развила его?

— Перемещение силы от одной руны к другой — особенность Ильдакара, — сказала Эльза. — Я использую физические свойства мира и, хотя не могу добавить что-то или отнять как с магией Приращения и Ущерба, я просто... перемещаю энергию. — Она взмахнула руками. — Я беру свойство одной вещи и переношу в другую. — Эльза огляделась. — Например, посмотри на кувшин. Прикоснись к нему.

Натан, слушавший с интересом, дотронулся до стеклянного кувшина. Он был прохладным, но не холодным, вода с соком была комнатой температуры.

— Поддай мне вон ту незажженную свечу. — Она указала на угол стола.

Натан взял красную свечу в маленьком подсвечнике и пододвинул к Эльзе. Кончиком пальца она начертала тонкую замкнутую руну на влажной стенке кувшина. Затем ногтем начала рисовать такой же узор на воске свечи.

— Видишь? Я беру тепло от воды в кувшине и перемещаю в свечу.

Она завершила узор на воске, и в тот же миг кувшин задрожал, его стенки заискрились от конденсированной влаги, а от жидкости поднялась слабая струйка холодного пара. Фитиль свечи вспыхнул и разгорелся.

Эльза улыбнулась.

— Я извлекла тепло из кувшина и переместила его в свечу. Все это совершенно рационально.

Натан смотрел то на один предмет, то на другой.

— Это не похоже ни на один знакомый мне метод и требует дальнейшего изучения.

Она улыбнулась:

— И у меня неплохо получается. Я могу показать тебе больше... когда вернешь свой дар.

Натан коснулся своей груди:

— Но ты не можешь?..

— К сожалению, нет. Если Андре сказал, что тебе нужно сердце волшебника, значит тебе действительно нужно сердце волшебника.

— Но я не знаю, что это значит.

— Уверена, Андре знает. Он просто ждет подходящего момента.

Натан был разочарован.

— Ты, верно, думаешь, что у нас есть все время мира, раз уж саван вернулся на свое место.

— Пожалуй, да. Здесь ты в безопасности. Не торопись бежать, нам еще есть о чем поговорить. Мне нравится твоя компания.

— Моя дорогая Эльза, несмотря на то, что я наслаждаюсь нашими беседами, я провел большую часть жизни пленником во Дворце Пророков. Я не для того прошел через все трудности побега, чтобы оказаться в другой тюрьме.

— Натан, ты слишком драматизируешь, — сказала она.

— Да, но только тогда, когда ситуация серьезная.

Глава 48

Беспорядочные крики и рев разбудили Бэннона, который забылся тревожным сном в камере в туннелях, устав от попыток разглядеть сквозь отчаяние хоть проблеск надежды. Стены камеры были прочными, а свечи почти полностью прогорели и давали мало света. Он свернулся на тюфяке, но саднящие сиянки мешали устроиться поудобнее.

Он едва успел провалиться в дремоту, ища спасение в крошечной темноте, полной ночных кошмаров, когда шум и крики разбудили его. Жалость к себе тут же испарилась. Мгновенно проснувшись, он соскочил с тюфяка и всмотрелся в темноту. Он увидел тени, пляшущие на стенах туннелей, и движение на тренировочных площадках.

Прутья решетки содрогнулась от оглушительного рева, и он увидел, как выпрыгнувшее откуда-то покрытое мехом чудище с похожими на грабли когтями отбрасывает рабов, путающихся под ногами.

Бэннон вцепился в железную решетку своей клетки, застыв от холодного ужаса. Это был огромный боевой медведь, как тот, которого они убили в предгорьях.

— Они вырвались! Животные вырвались! — прокричал кто-то.

В туннелях становилось все многолюднее. Две Морасит, вооружившись дубинками и короткими мечами, решительно бросились на медведя, но чудовище отшвырнуло их в твердую стену из песчаника. Обезумевший медведь прорывался вперед, и все больше зверей несло по широким проходам, ведущих от загонов главного укротителя. Бэннон дернул дверь клетки, но замок держался. Юноша был в такой же западне, как и звери, но им удалось вырваться на свободу.

Он удивился еще больше, заметив людей в коричневых балахонах, идущих по коридорам, крича и стуча по железным горшкам, раздражая животных. Сбежавшие звери неслись по туннелю, радуясь свободе и атакуя любого на пути. Лица людей были закрыты сетчатой тканью, а на груди висели амулеты со странной ильдакарской руной.

— За Зерцалоликого! — кричали они. — За Зерцалоликого! Кто-то выкрикнул:

— Мы принесем хаос и даруем свободу этому городу!

Бэннона пробрал холодок. Зерцалоликий, который возглавляет повстанцев? Если они устроили погром и освободили боевых тварей Айвена, может, освободят и бойцов? Он снова дернул решетку клетки и закричал, надеясь, что его услышит один из повстанцев:

— Помогите! Освободите всех нас!

Человек в маске побежал к клеткам бойцов арены. Ян подошел к двери своей большой камеры и скрестил руки на мускулистой груди, просто наблюдая. Он не предпринимал попыток выйти, хотя Бэннон знал, что его камера не заперта.

Еще один человек в балахоне метнулся к камере Бэннона и заглянул внутрь. Юноша умоляюще посмотрел на него:

— Я должен выбраться отсюда! Мне нужно найти своих друзей.

Незнакомец медлил. Из-за капюшона и маски Бэннон не мог понять, мужчина это или женщина. Человек протянул руки к замку, но тут позади него мелькнула чья-то тень, и кто-то нанес мощный удар в спину.

Мятежник дернулся, пытаясь дотянуться то ли до противника, то ли до торчащего из спины ножа, но забился в смертельных судорогах. Позади него стояла Лила с перекошенным от гнева лицом и двумя длинными ножами в руках. Она отбросила мятежника в сторону.

— Животные довольно опасны, мальчик, — рывкнула она, — но эти отбросы хуже.

Лила пнула упавшего человека, который дергался и корчился на полу. Морасит наклонилась сорвать маску с умирающего мятежника, но тот издал последний предсмертный хрип, и произошло нечто странное. Руна на амулете засветилась и задымилась; затем в один миг тело вспыхнуло, и сильный жар вынудил Лилу отступить. Она подняла руки, перекрестив окровавленные ножи, чтобы отразить огонь.

Бэннон попятился прочь от решетки, когда маслянистое пламя взметнулось вверх, распространяя зловоние обугленной плоти. В считанные секунды от мертвого мятежника остались только почерневшие кости и темное пятно на полу.

Лила с отвращением смотрела на рассеивающийся дым.

— Трус. Все они трусы.

Выпущенные звери с шумом проносились через тренировочные ямы. Чешуйчатый болотный дракон размером с небольшую лошадь бежал вперед, хватая челюстями любого, кто вставал на его пути. Стая колючих волков завывала в унисон и бросилась на трех воинов, которые пытались защитить туннели.

Одна из двух оглушенных медведем Морасит, пошатываясь, встала на ноги и повернулась к подступающим колючим вол-

кам. Трое зверей атаковали женщину, но она сражалась голыми руками, молотя по их мордам кулаками. Клыки волков распороли ей руки, грудь и шею. Один волк отгрыз ей кисть, и она упала под их напором. Другие колючие волки убили вторую раненую Морасит, которая даже не сумела подняться на ноги.

Из загонов вылетел бык с ветвистыми рогами, мотая головой из стороны в сторону. Грохот его копыт напоминал удары кувалдой по камню. Он забодал одного из рабов и пронесся через помещение. Из его ноздрей вырывался пар с брызгами крови. Найдя проход, ведущий наружу, бык устремился в ночь.

— Тебе безопаснее оставаться в клетке, мальчишка, — прорычала Лила с другой стороны решетки. — Не позволяй им добраться до тебя, отойди от решетки.

Следом за стаей кралась еще три волка. Они были медленнее, но хитрее остальных. Они оскалили свои черные пасти, демонстрируя длинные клыки. Их глаза, сосредоточенные на жертве, горели зеленым огнем.

— Берегись! — крикнул Бэннон, когда колючие волки повернулись в сторону Лилы.

Она подобралась и выставила перед собой клинки. Мятежник в маске был легкой целью, разбираться с хищниками было сложнее.

Бэннон отступил вглубь камеры. Он ненавидел тех, кто заточил его в тюрьму, был возмущен тем, как обращалась с ним Лила, но звери убивали всех, кого видели, включая рабов и пленных бойцов. Он не верил, что Зерцалоликий намного лучше угнетателей Ильдакара. Бэннон не знал, чего хотели добиться повстанцы, проливая кровь, но они явно были настроены всерьез.

Колючие волки набросились на Лилу.

Быстрым движением правой руки она перерезала горло первому прыгнувшему на нее зверю. Отпихнув его в сторону, она

повернулась лицом к следующему. Еще два колючих волка кинулись к Морасит, и она отступила в туннель, орудуя обоими ножами.

Бэннон подбежал к решетке и прижался к ней лицом, но Лила исчезла из виду. Юноша не мог разглядеть, жива она или нет. Он не слышал ее криков, но знал, что Лила не станет кричать.

Один из волков кинулся на клетку, и его покрытое мехом мускулистое тело шумно врезалось в дверь. Взвизгнув, Бэннон отшатнулся. Зверь щелкал челюстями, разбрызгивая горячую слюну и пытаясь протиснуться через решетку. Рычание было наполнено чистой злобой и ненавистью к любому человеку, потому что именно люди истязали его. Колючий волк скреб лапами прутья клетки, словно пытался их разорвать. Металл дрогнул, но выдержал. Хищник, не сумев прорваться, в последний раз посмотрел на Бэннона зелеными глазами, а затем убежал догонять стаю, которая уходила по туннелю.

Появилась Адесса, возмущенная таким погромом. Она была вооружена коротким мечом и не потрудилась обзавестись щитом. Глава Морасит намеревалась только атаковать.

Мятежники неслись по проходам, колотили по железным горшкам и подзадоривали зверей, заставляя покинуть ямы и отправиться на городские улицы. Еще один болотный дракон с шипением скакнул вперед, и на его пути оказался воин-новобранец. Дракон яростно взмахнул зазубренным хвостом, отрубив ноги неопытного бойца чуть ниже колен. Воин закричал и упал, а рептилия мощными челюстями схватила одну из отрубленных ног и захрустела костями. Мятежники в капюшонах подбежали к дракону со спины, стуча и крича, и большой ящер ринулся дальше, так и не выпустив из пасти ногу.

Не обращая внимания на зверей, Адесса атаковала своего настоящего врага. Мятежники не могли противостоять ее гневу, поэтому разбежались, пытаясь унести ноги. Но один бежал слишком медленно, и Адесса вонзила свой меч в его прикры-

тую балахоном спину. Мятажник рухнул и вспыхнул пламенем от таинственного амулета. Морасит повернулась, увернувшись от пятнистого леопарда, который казался скорее напуганным, чем свирепым.

Поджарая кошка пронеслась через туннели и исчезла в ночи, но Адесса осталась охотиться на повстанцев. Она убила еще троих, не обращая внимания на то, что их тела тут же обращались в погребальные костры. Женщина настолько сосредоточилась на каре бойцов Зерцалоликого, что забыла защититься от разъяренных зверей. Очередная чудовищная рептилия подбежала к ней сзади, а та не заметила.

— Осторожно! — закричал Ян из своей камеры. В один миг он щелкнул замком, распахнул решетчатую дверь и бросился на болотного дракона. Адесса покончила с очередной жертвой и развернулась, но успела лишь увидеть бросок рептилии. Безоружный Ян вскочил на спину твари и обхватил руками ее чешуйчатое горло, оттаскивая назад. Ему удалось убрать от Морасит щелкающие челюсти.

Адесса бросила на него благодарный взгляд, а затем вогнала меч прямо в левый глаз болотного дракона, проткнув его мозг. Защищенная броней тварь содрогнулась и с бульканьем рухнула на землю.

— Мой неизменный чемпион, — произнесла Адесса, и Ян посмотрел на нее с обожанием.

Бэннон смотрел на эту сцену, чувствуя тошноту.

Раздался рев, столь же громкий и устрашающий, как рык боевых зверей, и от стен ям отразился человеческий голос:

— Во имя Владетеля! Возвращайтесь в свои клетки.

Главный укротитель Айвен вышел из бокового входа и свирепо посмотрел на животных, выбегающих из своих загон. На нем была безрукавка из шкуры пумы, талию обхватывал широкий черный пояс, а копна темных волос растрепалась, словно он сам был впавшим в буйство зверем. На его голых руках бугрились мускулы. Лицо мужчины исказила гримаса

мстительного недовольства, заставившая Бэннона содрогнуться. Именно так выглядел его отец перед тем, как начать избивать его или мать.

Бэннона захлестнула ярость, когда он представил, что пережили звери, которых истязал главный укротитель.

— Ох, что же ты творил с ними, — прошептал он сам себе.

Многие звери уже сбежали в город, но остальные рычали, сжавшись в туннелях. Кто-то заскулил, когда Айвен поднял руки, высвобождая дар и заставляя воздух потрескивать от энергии. Он хлестнул своей магией, придавив животных к земле ментальным каблуком.

— Всем вернуться на свои места! — Айвен взмахнул кулаком размером с булыжник. Два леопарда зарычали, а затем прошмыгнули по мрачному туннелю в свою клетку. Пятнистый кабан фыркнул, попытался шагнуть вперед, но все же отступил. Главный укротитель задействовал больше магии, пытаясь сломить сопротивление зверей.

Но три темно-рыжие фигуры двинулись вперед, словно привлеченные голосом Айвена. Это была трока связанных закливанием пум, которых натравили на полукаменного воина Ульриха. Они плавно двигались вперед; их золотистые глаза светились, а хвосты стегали из стороны в сторону. Пумы двигались синхронно, шаг в шаг. Взгляды хищников были устремлены на Айвена.

Он встретил больших кошек с вызовом, подняв оба кулака. Лицо укротителя исказилось от напряжения, когда он усилил поток магии. Песчаные пумы обнажили саблевидные клыки, и зловещий звук, kloкотавший в кошачьих глотках, казался опаснее обычного рычания.

— Возвращайтесь в клетки, будьте вы прокляты! — взревел Айвен.

Он напряг бицепсы, стиснул зубы, и волна его дара всколыхнула воздух. Другие боевые животные, оказавшиеся поблизости, заскулили и бросились врассыпную, ища убежища в

своих загонах. Но трока лишь вздрогнула; каждая из пум могла сопротивляться контролю главного укротителя. Они припали на задние лапы, терпя боль и отказываясь двигаться. Лицо Айвена стало пунцовым от напряжения, затем он потянулся к поясу и вытащил длинный разделочный нож.

— Ну, ладно. Похоже, у меня будут новые шкуры. — Он поднял свой клинок.

В следующий миг пумы напали на своего хозяина.

Они одновременно прыгнули на него спереди и с двух сторон. Айвен в изумлении вскинул мускулистые руки, пытаясь прикрыться, но рычащие кошки разодрали когтями его грудь. Клыки вонзились в бицепсы мужчины, разрывая плоть. Одна пума вцепилась клыками в основание шеи, повреждая спинной мозг, другая укусила Айвена за плечо и отхватила огромный кусок красного, истекающего кровью мяса. Багряные брызги хлынули из разорванных сосудов. Третья пума распорол Айвену живот и выпустила главному укротителю кишки, трясая головой как котенок, играющий с длинной нитью из клубка.

Айвен кричал и отбивался, но песчаные пумы терзали его до тех пор, пока их рыжий мех не приобрел кроваво-красный цвет. Удовлетворенно потряхивая хвостами, три пумы оставили окровавленное тело и умчались в ночь, к свободе.

Бэннон прижался спиной к задней стене своей камеры и ждал конца этого кошмара.

Глава 49

Звуки тревоги посреди ночи вынудили собраться правящий совет. Никки и Натан выбежали из большого особняка на верхнем уровне плато и увидели, что улицы Ильдакара бурлят жизнью, будто в городе объявили военное положение.

Никки прихватила оба кинжала на случай беспорядков. Возможно, это Зерцалоликий устроил всеобщий бунт после своего бездействия во время проведения кровопролития, в результате которого восстановили саван. Натан взял из покоев богато украшенный меч и был готов сражаться, хотя и не знал, что за враг им может встретиться.

— Боевые звери на свободе! — послышался голос Стюарта: излишне серьезного, но надежного стражника, который занял пост верховного капитана после смерти Эйвери. Стюарт с красным латным наплечником возглавлял отряд стражи в доспехах, которые, подняв мечи, бежали по улицам. — Мы нуждаемся в каждом бойце. Сзовите лучников и арбалетчиков. Животные арены неистовствуют — их освободили мятежники.

— Пойдем с ними, волшебник, — сказала колдунья Натану. — В этом мы можем посодействовать — сражаться за тех, кто не может защитить себя... за мирных граждан.

— Ты назвала меня волшебником, — с удивленной улыбкой заметил Натан.

— Я всегда считала тебя волшебником, даже если ты выведен из строя, — сказала она. — Уверена, ты можешь воспользоваться мечом, раз уж магия тебе не подчиняется.

Городские стражники и члены палаты собирались возле арены и тоннелей, где содержались животные и бойцы. Повелитель плоти Андре, чья студия располагалась неподалеку, прибыл первым, и теперь не скрывал своего недоумения. Властительница Тора и главнокомандующий волшебник Максим тоже присутствовали.

Никки поспешила вперед, призывая свою магию, а Натан, выхватив меч, старался от нее не отставать. Они слышали крики испуганных людей на улицах, рычание и рев обезумевших животных. Прибывший после них волшебник Квентин был одет кое-как, а Эльза, выскочившая из переулка, на ходу одергивала и поправляла свое фиолетовое платье. Деймон подошел последним.

— А где Айвен? — рявкнула Тора. — Он должен был держать своих тварей под контролем!

Пятнистые леопарды, колючие волки и чешуйчатые болотные драконы рыскали по округе, нападая на все живое. Откуда-то выскочили боевой медведь и чудовищный бык, привлеченные криками разбегающихся людей. Женщина выбрала неверное направление, и бык пронзил ее своими раздвоенными рогами. Колючие волки разделились, прыгая на каждого встречного, в то время как городская стража Стюарта сражалась с ними мечами, дубинками и кулаками в латных рукавицах. Но дикие звери были обучены убивать, и стражники несли большие потери, чем животные.

Среди городских стражников и волшебников, которые сражались с вырвавшимися животными, Никки заметила молодого Амоса и его неизменных спутников. У всех троих парней были деревянные дубины с железными наконечниками, которыми они избивали разбушевавшихся животных. Бэннона с ними не было.

Трое юнцов жаждали оказать помощь в битве — не ради города, а ради возможности пролить кровь. Амос метнулся и взмахом своей дубины разбил череп леопарда, который корчился в муках и истекал кровью от раны в боку.

— Один готов!

Джед и Брок высматривали цель.

Никки схватила пробежавшего мимо Амоса за короткий плащ и вынудила юношу остановиться.

— Где Бэннон? Я думала, он будет с вами троими.

Юноша вырвался из ее хватки.

— Не сейчас! У нас важная работа. — Он отвел глаза, не желая встречаться с ней взглядом. — С ним все в порядке, нечего беспокоиться. — Амос возбужденно умчался прочь, а Никки была слишком занята, чтобы требовать с него больше ответов.

Боевой медведь качнулся вперед колоссальной массой когтей и меха. Максим, Тора и Деймон стояли бок о бок, обрушивая на зверя магические атаки, но те соскальзывали с защитных рун на шкуре монстра, не причиняя ему никакого вреда.

Эльза не атаковала медведя напрямую, а заставила землю перед ним затрещать от холода, в то время как рядом с готовым атаковать быком полыхнуло жаром. Зверю пришлось направить свою ярость в другом направлении. Боевой медведь ступил на участок мерзлой земли и двинулся на Эльзу. Она попыталась применить другое заклинание, но Натан оттолкнул ее в сторону, и медведь пронесся мимо. Зверь развернулся, собираясь снова напасть на них.

Натан поднял меч и встал в боевую стойку.

— Я уже бился с твоим собратом, чудище! Теперь сражусь с тобой! — Он взмахнул клинком, издевательски прочертив им в воздухе сложный узор. Медведь взмахнул лапой, но Натан острым лезвием отсек ее выше локтя. Зверь взревел и отдернул обрубок.

Никки поднырнула и с силой вонзила кинжалы в шею существа с разных сторон. Ей удалось перерезать медведю горло. Подступив ближе, Натан погрузил клинок в бок зверя, пробивая слои мускулов и жира и вгоняя его по самую рукоять. Гигантский медведь рухнул на землю.

Максим и Тора продолжали бороться при помощи магии, используя ее косвенно, чтобы отвлечь и сдерживать неистовых животных.

Появившиеся из туннелей две фигуры в капюшонах выкрикнули толпе:

— За Зерцалоликого! Уничтожим угнетателей!

Максим с разочарованным и мрачным видом выставил ладони в стороны, насылая заклинание окаменения. Два провоцировавших толпу мятежника с треском застыли и обратились в белый камень.

Когда измененный магией бык решился атаковать, Квентин сотворил заклинание, от которого улица задрожала, а каменные плиты мостовой разломались. Левое переднее копыто быка угодило в расширяющуюся трещину, и нога подломилась, в то время как остальное тело продолжало нестись по инерции.

Пойманное в ловушку чудище мотало головой, пытаясь вонзить свои раздвоенные рога в чью-нибудь мягкую плоть. Бык вновь двинулся вперед на трех ногах, держа сломанную конечность на весу, и люди поспешили убаться с его пути.

Монстры арены наслаждались свободой и атаковали любую замешкавшуюся жертву. Один из болотных драконов сунул голову в дверной проем и вытащил на улицу кричащего торговца, а второй гигантский ящер откусил человеку голову.

Натан и Никки, измазанные кровью боевого медведя и дрожавшие от напряжения, встали плечом к плечу и подобрались, когда к ним метнулась стая колючих волков. Один волк застал Никки врасплох и сумел оттолкнуть вскинувшую кинжалы колдунью. Инстинктивно она швырнула шар огня волшебника, но волна жара не причинила вреда огромному волку. Защитные руны на шкуре рассеяли пламя.

Опомнившись, Никки левой рукой воткнула кинжал между ребер волка и потянула оружие вниз, разрезая плоть. Рана была смертельной, но разъяренное существо продолжало атаковать. Подоспевшие волки навалились на нее, но Натан бросился на помощь и обезглавил одного взмахом меча. С криком он разрубил хребет другого и вонзил клинок глубоко в бедро третьего. Обезумевшие волки не отступали и продолжали гибнуть один за другим.

— Ты создал этих существ. Как с ними совладать? — прорычал волшебник Квентин, обращаясь к Андре.

— Да, это я их создал! Разве они не великолепны?

— Великолепны, если не разрывают тебя на куски, — огрызнулся Деймон. — Разве у них нет слабых мест?

Повелитель плоти фыркнул.

— Если бы я знал об их слабостях, то устранил бы их, ммм? Эльза попыталась применить заклинание, но неудачно.

— Наша магия на них не действует.

— Так и задумано, чтобы они были лучшими бойцами арены. Мы просто должны их превзойти, ммм? — с улыбкой сказал Андре. — И мы действительно их превосходим.

Наконец, прибыли лучники верховного капитана Стюарта. Десятки арбалетчиков забрались на крыши и балконы близлежащих зданий. Они натягивали тетиву и вставляли арбалетные болты.

— Цельтесь осторожно, но убейте их всех! — выкрикнул Стюарт.

Дождь острых металлических стрел обрушился на разъяренного быка, превратив его в игольницу запасливой портнихи. Монстр застонал и пошатнулся, едва способный устоять со сломанной ногой. Он задрожал, опустился на другую ногу и рухнул на мостовую.

— Перезарядить! — выкрикнул Стюарт.

Мгновенно выбирая цели, арбалетчики стреляли в разрозненных животных; очередной дождь арбалетных болтов убил четырех колючих волков и двух болотных драконов. Леопарды упали замертво рядом с телом боевого медведя.

Пятнистый кабан размером с быка в панике выбежал из тени, ничуть не замедленный торчавшими из него двумя десятками стрел. Кабан распарывал воздух своими ужасающими клыками, а Стюарт снова и снова вонзал меч в его грудь, пока не прикончил монстра.

Когда лучники достали новые стрелы, Никки увидела троку песчаных пум. Покрытые кровью кошки вышли из темного туннеля. Они были похожи на Мрра, были связаны друг с другом с самого детства — но не были связаны с ней. Пумы с рыком бросились вперед. Никки и Натан стояли бок о бок с клинками наизготовку, поджидая песчаных пум. Кошачьи мускулы напряглись, когти были выпущены для атаки.

Верховный капитан Стюарт выкрикнул команду, и лавина арбалетных болтов накрыла трою пум; десятки стрел убили их прежде, чем они успели прыгнуть. Три великолепных кошки, покрытых кровью, безжизненно лежали на земле. Никки ощутила острое сочувствие к ним, но знала, что одновременная смерть была милосердной для трех сестер-пум. Она вспомнила боль и отчаяние Мрра, когда та потеряла связанных с ней заклинанием сестер.

Стрелы все еще цокали по мостовой, и городская стража бродила по близлежащим переулкам в поисках отбившихся зверей. Мертвые животные лежали повсюду, на порогах дверей, в сточных канавах, под открытым небом.

— Полагаю, мы убили всех, — произнес Деймон. — Город спасен.

Боль в сердце Никки смыла энергию, поддерживавшую ее в бою.

— Они все мертвы, — вторила Эльза, покачав головой. — Они так отчаянно хотели сбежать.

— И побудил их к этому главный укротитель, — сказала Никки, повернувшись к Торе. — Чего вы ожидали от вырвавшихся на свободу зверей?

— Я не ожидала, что они освободятся, — ответила властительница.

— Воздух смердит кровью, — сказала Эльза.

— Так и есть, моя дорогая. — Натан отряхнул пропитанное красным одеяние. — Нам всем нужно переодеться.

Лицо Торы исказила гримаса ненависти.

— Это все дело рук Зерцалоликого и мятежников. Они вознамерились разрушить наше общество, наш жизненный уклад. — Властительница указала на убитых животных и дюжину или больше человеческих тел, лежавших на земле. — Взгляните! Если повстанцы так заботятся о низших классах, то им не стоило выпускать диких животных в город! Посмотрите на всех этих мертвецов!

— Людям просто нужно было убраться с их дороги, — сказал Максим. — Теперь мы лишились половины своих боевых экземпляров. Какое разочарование.

— Они делали то, для чего были рождены и чему обучены, — сказала Никки. — Главный укротитель потерял над ними контроль.

— Кстати, где он? — рявкнула Тора. — Мы должны понять, что пошло не так.

Повелитель плоти Андре вышел из туннелей, которые прочесывал с несколькими городскими стражниками. Сразу за ним шли Адесса и две Морасит, окровавленные и обессиленные.

Андре не выглядел подавленным или встревоженным, его глаза блестели. Он направился напрямик к Натану.

— У меня для тебя хорошие новости, друг мой. Действительно хорошие. Мы обязаны воспользоваться ситуацией, волшебник Натан. — Последние два слова он произнес с нажимом.

— Что произошло? — спросил Натан.

— Песчаные пумы напали на Айвена и растерзали его.

— Он мертв, — объявила Адесса. — Кошки разорвали его на куски. Я сама это видела.

— Почти мертв, — поднял палец Андре. — К счастью, я использовал заклинание, чтобы сохранить его жизнь в момент нескончаемой агонии, на грани смерти. Он завис между миров, но Владелец пока не может его забрать. Тем не менее, мы должны поторопиться.

Никки была слишком вымотана и разгневана, чтобы играть в игры.

— Поторопиться с чем?

— Ну же, Натан! Это твой шанс! Главный укротитель Айвен умирает... но его сердце уцелело. Разве не этого ты ждал с самого прибытия в Ильдакар, ммм? Сердце волшебника.

Глава 50

Адесса, измазанная кровью после битвы в тренировочных туннелях, выкатила на улицу деревянную тележку. Одно из деревянных колес было расшатано и скрипело. На покрытых красными пятнами досках тележки покоилось здоровенное тело главного укротителя Айвена.

Адесса отпустила рукоятки тележки и повернулась к тонущей в тени окровавленной фигуре.

— Айвен возил на этой тележке разделанное мясо для своих питомцев. — Она улыбнулась, забавляясь ситуацией. — Мне она показалась вполне подходящей.

Андре взял Натана за запястье и притянул ближе.

— Подойди, ты должен это видеть! Какая прекрасная возможность, ммм?

Натан с тревогой опустил взгляд на неподвижное тело укротителя. Коричневая кожа его безрукавки была исполосована когтями. Ему перегрызли позвоночник, оторвали огромный кусок плоти от плеча и ободрали ребра. Три пумы выпотрошили хозяина, и его блестящие кишки валялись на дне телеги. Бородатое лицо Айвена было искажено гримасой, губы скривились, обнажая зубы, будто он собирался завопить. Распахнутые глаза неподвижно смотрели в небо.

— Ты везунчик, Натан. Если б я не оказался здесь... — Андре указал на разорванный живот мужчины.

Айвен походил на неумело выпотрошенную рыбу.

— Я не чувствую себя до ужаса счастливым, — произнес Натан.

— Ох, но ты должен, ммм? Песчаные пумы нанесли страшные раны, но грудная клетка защитила сердце. Орган невредим — а именно он тебе и нужен.

Никки не испытывала печали из-за кровавой и мучительной кончины этого человека.

— Он заслужил то, что с ним сделали. Теперь Айвен мертв, как и его кошки.

Она осмотрелась. Рабочие с тележками убирали последствия кровавой бойни, оттаскивая трупы животных и людей. Городские стражники выдергивали из тел арбалетные болты, собираясь отмыть их и вернуть в оружейное хранилище. Появились понурые рабы с ведрами и жесткими щетками и, опустившись на колени, принялись соскребать с мостовой кровь.

— Он не мертв, колдунья, — возразил Андре. — Я добрался до него как раз вовремя. Он был близок к смерти, погрузившись в агонию и теряя жизнь с каждой каплей крови. Сердцу оставалась всего пара ударов, но я пустил в ход заклинание и не дал ему умереть. Я остановил время для тела, так что он переживет этот последний бесконечный миг боли, находясь на самом пороге смерти. Уверен, он отчаянно желает, чтобы все закончилось и он проскользнул через завесу в подземный мир. Но есть ли лучший способ вспомнить, что ты жив, ммм?

— Я могу придумать множество достойных вариантов, — сказала Никки.

Натан измученно покачал головой, пытаясь осознать ситуацию. Он едва мог дышать воздухом, в котором металлическим туманом парил удушающий запах крови.

— Как уже сказал, Натан, скоро я буду называть тебя «волшебник Натан», ха-ха! — Повелитель плоти наклонился и прикоснулся к истерзанному телу, пробежав пальцами по липкой крови, которая покрывала безрукавку. — Чтобы восстановить дар, нужно сердце волшебника. Айвен — могущественный волшебник, и, как видишь, сердце ему больше ни к чему. Я намерен отдать его тебе.

Сердце Натана пропустило удар, словно сочувствовало Айвену.

— Принять его сердце? Ты имеешь в виду... в буквальном смысле?

— Разумеется, друг мой! Ты думаешь, я говорил о некоем эзотерическом желании? Я повелитель плоти. Ты был в моей студии и видел, что я работаю с живыми телами, как скульптор с глиной.

Натан вздрогнул, отступив на шаг от тележки и ее кровавого груза. Он с кристальной четкостью вспомнил, как Андре создал двухголового бойца из тяжелораненых воинов.

— Добрые духи...

Андре не собирался отступить:

— Как уже сказал, это единственный способ восстановить твой дар. Я думал, этого ты и хочешь, ммм?

Натан пошатнулся, и Ники подхватила его за руку. Ее пальцы были подобны железным клещам. Она обратилась к повелителю плоти с явным вызовом в голосе:

— Это точно работает?

— Нет никаких гарантий, колдунья. Мы говорим о магии, и существует... переменный фактор. Но я уверен. Я проводил эксперименты куда серьезней. — Он взглянул на тела чудовищных животных, которые оттаскивали прочь. — Признаю, у меня переменные успехи, но я художник. — Он погладил окровавленными руками туго заплетенную бороду, оставив красные полосы на блеклых усах. Его глаза сверлили колебавшегося Натана. — Разве не за этим ты пришел в Ильдакар? Разве не ты стоял пред палатой волшебников, умоляя помочь вернуть дар? Вот мы и помогаем. — Он показал на разорванное тело.

Проблеск агонии на лице Айвена оставался неизменным. Белки его расширенных от боли глаз покраснели. Натан мог только представить, какие мучения испытывал главный укротитель — бесконечно и непрестанно. Возможно, не меньше боли он причинил животным, которые напали на него.

Тяжело сглотнув, Натан ощутил частое биение своего сердца — сердца, утратившего хань и сделавшего его бессильным. Да, он читал слова, которые Рэд написала в его книге жизни.

Из Кол Адаира он узрел то, что нужно ему для обретения целостности — увидел этот поразительный город вдалеке. Ильдakar.

Волшебники Ильдакара слыли самыми могущественными и одаренными за всю историю.

Именно поэтому он и его спутники пришли сюда. Он умолял найти решение. Как часто он требовал, чтобы Андре придумал что-нибудь? И если это единственный способ вернуть дар, единственный способ вновь стать могущественным волшебником, то Натан должен решиться, чтобы потом помочь Никки, Бэннону... и даже Зерцалоликому. Может, такова судьба? Если он вновь обретет дар, они смогут превратить Ильдакар в чудесное место, каким он и должен быть. Ричард отправил их в путь распространять дело свободы и помогать строить золотой век для новой расширившейся Д'Харианской империи.

Да, именно поэтому Натан прибыл в Ильдакар.

— Я согласен, — тихо сказал он. — Я готов. — Он взглянул на Никки, зная, что та может прочесть на его лице напряжение. Но он Натан Рал. Он сильный, храбрый и прожил уже больше тысячи лет.

— Как пожелаешь, волшебник, — шепнула Никки.

— Хорошо, хорошо! — Повелитель плоти потер ладони и отдал приказ двум рабам, которые поднимали на волокуши тушу колючего волка, чтобы увезти его прочь: — Идите сюда и откатите эту тележку в мою студию. Это недалеко — доставьте ко мне главного укротителя. Мы с Натаном пойдем следом. Нам многое предстоит сделать сегодня ночью.

* * *

Сидя на чистом столе в студии повелителя плоти, Натан ощутил, что его прошиб холодный пот. В его голове кружи-

лись воспоминания об увиденном здесь ранее, но он пытался контролировать мысли.

— Бояться нечего, — бормотал он самому себе, но слова звучали до смешного фальшиво. Ему есть чего бояться, и многое предстояло выдержать, но он принял решение.

— Сними свой балахон и исподнее, Натан — или они будут полностью пропитаны кровью и испорчены.

— Я нахожу это заявление не слишком обнадеживающим, — пробормотал Натан.

— Обнадеживающим? Довольно забавно, мой друг, — хихикнул повелитель плоти.

Натан не нашел в своих словах ничего смешного. Он вздохнул и расстегнул одолженный ему балахон волшебника, обнажив грудь.

— Когда я верну дар, я буду носить эту одежду с гордостью. Я должен ее заслужить. — Он выскользнул из зеленого балахона и бросил его на пол рядом со столом. Обнаженный Натан лег спиной на холодную поверхность. Он был готов.

Андре хлопотал, мурлыкая себе под нос:

— Согласен. Саван восстановлен, и вы пробудете в Ильдakarе еще долго. У тебя будет достаточно возможностей продемонстрировать свой дар. И теперь у тебя есть важная цель, ммм?

— Что за цель? — спросил Натан.

— Определенно, после смерти Айвена и ухода Ренна палата волшебников нуждается в пополнении. Ты вполне можешь занять свободное место.

На соседнем столе лежал могучий главный укротитель. Изорванная безрукавка была снята, и теперь ничто не прикрывало его разодранную плоть. Глаза его по-прежнему смотрели вверх с единственной искрой бесконечной боли.

Повелитель плоти провел руками по широкой груди Айвена и наклонился к бородавтому лицу с оскалом агонии.

— Мой дорогой Айвен, у нас были прекрасные времена, не так ли? Я много раз предупреждал, что ты играешь с опасными питомцами и когда-нибудь от этого пострадаешь. Именно я их создал и знаю, насколько они могут быть опасны. — Он погладил кожу, прижал ладонь к груди. Прислушался. Нахмурился. — Уверен, ты бы умер от стыда, видя, как половину твоих животных перебили с такой легкостью. Твоя смерть послужит славной цели и поможет восстановиться бедному Натану. Теперь он может стать могущественным волшебником, которым ты, по-видимому, так и не стал. — Андре ухмыльнулся крепкому мужчине. — Совсем не так ты хотел помогать людям, да?

Он сомкнул ладони, выпрямив пальцы, и направил их вниз, как пару шпателей. Призвав дар, Андре погрузил кончики пальцев прямо в грудь Айвена и надавил, легко проникая через кожу и грудную кость, будто они были маслом.

Повелитель плоти развел ладони, послышался громкий влажный треск, и в центре груди Айвена открылась красная зияющая брешь. Он отодвинул в сторону ненужные ему органы, обнажая свекольно-красное сердце, опутанное венами и ютившееся между розовыми пузырчатыми легкими.

— Вот это да, какая красота! Не хочешь взглянуть, Натан?

— Не очень. — Желудок Натана скрутило узлом, и старик откинулся на спину, тяжело дыша.

Андре рылся в грудной клетке Айвена, кончиками пальцев разрезая кровеносные сосуды и воздействуя даром на приостановленное во времени сердце. Наконец он поднял свой трофей, как повитуха, которая держит новорожденного.

— То, что надо!

Натан вновь воспрянул духом.

«Это то, чего я хотел. Вот почему я прибыл в Ильдакар», — подумал он.

— Ты выглядишь ужасно напуганным, мой друг. Не надо бояться. Доверься мне. — Андре улыбнулся. Его бледные ще-

ки были покрыты капельками крови. — Вообще-то, я никогда не делал этого раньше, но уверен, что все получится.

Натан вздрогнул, пытаясь отползти, но едва мог пошевелиться. Андре вытянул окровавленную руку в сторону Натана, двинул пальцами и выпустил быстрый поток дара. Магия окатила грудь Натана, как ведро вылитой холодной зимним утром воды. Он обнаружил, что не может двигаться. Внутри него все замерзло.

— Внутри тебя я тоже остановил время. Твое сердце больше не бьется, тело не функционирует, кровь не течет по жилам. К счастью, разум все еще работает, и ты способен наблюдать за моими действиями. Как образованный человек и волшебник ты оценишь этот опыт.

Натан хотел кричать, но даже не мог вздрогнуть, не мог контролировать ни единой клеточки своего тела.

— Нервы все еще не отключились, — продолжал Андре, — поэтому, к сожалению, боль ты почувствуешь в полной мере. Просто считай это напоминанием о том, что ты еще жив. — Он склонился к лицу Натана. — И ты почувствуешь себя очень, очень живым.

Он провел пальцами по груди Натана, поглаживая кожу и задерживаясь дольше, чем необходимо. Натан не мог поднять голову, чтобы разглядеть, что именно делает повелитель плоти, но увидел, как тот выпрямляет пальцы и складывает ладони — как и до этого над грудью Айвена. Затем Андре погрузил ладони глубоко в грудь Натана.

Глава 51

Два корабля задержались в Серримунди на несколько дней, и хозяин порта Отто весьма любезно принял гостей. Он уже был знаком с Оливером и Переттой, а еще слышал одобри-

тельные отзывы о лорде Рале от путешественников и торговцев из Танимуры.

Хотя Серримунди еще открыто не заявил о своей преданности Д'Харианской империи, город процветал. Он многие поколения провел под гнетом Имперского Ордена, но после поражения Джегана свобода распространилась вдоль побережья со скоростью слухов. Люди наслаждались жизнью, не испытывая притеснений мелких военачальников или тиранов. Вакуум власти в Древнем мире заполнили целеустремленные и трудолюбивые люди, которые сами выбирали своих правителей и справедливое руководство. В отдаленных поселениях объявились несколько местных агрессоров, но жители объединились и изгнали этих самодуров.

Зиммер предъявил хозяину порта предписание о займе из д'харианской казны, и тот снарядил третий корабль для экспедиции, а также приказал пригнать запрошенных генералом лошадей из местных конюшен и ферм на прибрежных холмах. Скакуны были разномастными, но все здоровые и сильные. Генерал отправил на следующий отплывавший к северу корабль посыльного с запросом на оплату и заверил хозяина порта, что магистр Рал оплатит все счета. Торговцы и скотоводы Серримунди были настроены скептически, но предложенная цена стоила риска.

Отто посмотрел на Оливера и Перетту, покачав головой.

— Мы в долгу перед этими двумя... по крайней мере, моя дочь в долгу. — Он улыбнулся. — И это предлог расширить торговлю с городами на севере. — Он похлопал по векселю и засунул его в карман расстегнутой рубашки. — Если это соединит наш рынок к Д'Харианской империи, стоит поставить несколько лошадей.

* * *

Три корабля шли вдоль Призрачного берега. Впереди шло большое судно, нанятое в Серримунди. Капитаны и команды были настороже, поскольку шли по совершенно неизведанным водам. Они удвоили дозорных, опасаясь как скрытых рифов, так и свирепых сэлок.

Каждый на борту уже слышал вести о крушении «Бегущего по волнам».

Капитан Бен Миллс явился с докладом в каюту на корме, где генерал с аббатисой Верной планировали действия после высадки в бухте Ренда. Миллс принес подмышкой беспорядочную охапку свернутых карт и теперь возился, перебирая свитки, которые то и дело падали на пол каюты. Капитан поднял одну карту и разложил ее на маленьком столике возле койки генерала Зиммера.

Наряд капитана Миллса состоял из пропитанной солью серой униформы и кепи поверх длинных и непослушных седых волос. Морщинистое лицо загрубело от многих лет под солнцем и океанским ветром, но улыбка смягчала его.

— Мы идем на юг, как и приказали, генерал. Капитан Пиллер с корабля Серримунди больше всего знаком с этими водами, но не по собственному опыту. — Он прочистил горло, потирая кадык. — Прокладывая свои торговые маршруты, я редко выбирал это направление. Кроме нескольких рыбацких деревень, где считай нет гаваней, там можно найти только огромное необитаемое пространство... — Он покачал головой. — Я знаю, мы выполняем распоряжение лорда Рала, но, надеюсь, вы знаете, куда направляетесь. — Он провел пальцами по карте, показывая знакомые города и порты, но ближе к нижнему краю линии становились неуверенными, появлялись зловещие обозначения, вопросительные знаки и рисунки грозных чудищ, подстерегавших моряков, которые отважились заплыть слишком далеко от дома.

— Уверена, двое ученых из Твердыни знают, куда идти, — сказала Верна. — Они делали подробные заметки во время своего путешествия. За Призрачным брегом появляются обитаемые земли. Бухта Ренда — довольно большое поселение, и есть много других вверх по реке и в горах.

— Считайте это исследованием торговых перспектив, капитан, — добавил генерал Зиммер. — Целый континент новых покупателей и новых союзников для Д'Хары.

Капитан почесал голову через спутанные пряди седых волос и поправил кепи.

— Как скажете. В старых морских историях говорится, что это запустение доходит до края мира.

— Маловероятно, — сказал Зиммер. — Уверен, это всего лишь необжитой участок побережья с медленными течениями и непредсказуемыми ветрами. Мы пройдем мимо.

Погода была благоприятная, и три корабля не упускали берег из виду, но вода приобрела коричневый оттенок. Жара усиливалась, солнце пекло день за днем, а бриз был едва ли сильнее дыхания умирающего.

— Я привык полагаться на свои заметки, — сказал капитан Бен, — но течения и созвездия изменились.

— Вы можете изучить мир заново. — Верна не теряла оптимизма и ждала знакомства с содержимым великого архива Твердыни. — Считайте себя исследователем, капитан. Каждый день мы открываем что-то новое.

— Да, действительно. Это очень вдохновляет, — безучастно сказал он, затем свернул карту и поднял с пола остальные рулоны.

* * *

Лошадям не нравилось ограниченное пространство трюма. После нескольких дней плавания многие захворали, были

ослабленными и беспокойными, но двое ученых Твердыни настаивали, что бухта Ренда уже недалеко.

— Должно быть, мы уже рядом, — сказал Оливер, с прищуром глядя на далекий берег. — Я не знаю течений, но наше путешествие на север было не дольше этого, а плыли мы на очень маленьком судне.

— Я узнаю этот рельеф, — добавила Перетта. — Думаю, до бухты остался день пути.

На следующее утро все вокруг окутала густая пелена тумана. Прохлада тумана была желанной после нескольких дней иссушающей жары. Все три капитана свернули паруса, потому что впереди ничего нельзя было разглядеть. Туман подчеркивал тишину, отчего плеск волн и скрип дерева корпусов и мачт казался громче.

Верна вышла на палубу, закутавшись в облачение сестры Света. Ощутив кожей влажное прикосновение воздуха, она закуталась плотнее и вгляделась в белую мглу. Высоко над головой послышался крик вперёдсмотрящего:

— Эй, там! Впереди мелкое судно! Лодка! — Его слова пронесли над водной гладью, и дозорные на других кораблях подхватили крик.

— Это не какое-то там мелкое судно! — ответил голос из тумана. — Это «Дейзи», прекрасная рыбацкая лодка из бухты Ренда.

Оливер и Перетта, которые стояли рядом с аббатисой, замахали, но туман был слишком густым, чтобы кто-нибудь мог их увидеть.

— Это рыбак, который довез нас до Серримунди, — сказал Оливер.

— Кеннет! — крикнула Перетта. — Мы вернулись с парусниками и экспедиционным отрядом.

— Это двое моих друзей издалека? — засмеялся рыбак.

«Дейзи» подплыла ближе, и в тумане возник ее неясный силуэт. Верна вгляделась поверх перил и увидела крепкую ры-

бацкую лодку средних размеров и мужчину на носу судна. Кажется, он был один на борту.

Солдаты Зиммера столпились на палубах всех трех кораблей, но Кеннет не выглядел испуганным. Он стоял, уперев руки в бедра, его распахнутая рубашка обнажала грудь, несмотря на прохладное туманное утро. Мужчина со смехом задрал бородастый подбородок.

— Я думал, я единственный, кто плавает так далеко на север. Эти воды обычно безлюдны, а старые сказки говорят, что это конец мира. К счастью, Оливер и Перетта доказали мне обратное.

— Нам тоже сказали, что это край света, но с противоположной стороны! — выкрикнула аббатиса Верна. — Хорошо, что края могут встретиться.

Все три парусника встали на якорь, а Кеннет пришвартовал «Дейзи» к флагману и поднялся на борт, чтобы встретиться с генералом Зиммером и капитаном Миллсом. Впрочем, больше он ждал встречи с двумя юными учеными Твердыни.

Завидев взбирающегося на борт Кеннета, Перетта горделиво повернулась к капитану и фыркнула:

— Я же говорила, что мы уже близко. Бухта Ренда находится чуть дальше по побережью.

— Ну, не так уж и близко, — поправил ее Кеннет. — Я два дня плыл под парусами на север. Я ловлю здесь лучшую рыбу, потому что рядом нет других рыбаков.

— Надеюсь, вы не против продать свой улов, потому что мои люди устали есть копченую говядину и соленую баранину, — сказал генерал Зиммер.

Глаза Кеннета загорелись.

— Копченая говядина и соленая баранина? Я с радостью обменяю свой улов на такую экзотическую еду.

Они удивленно переглянулись, затем разразились смехом. Сделка состоялась.

Когда туман рассеялся, Кеннет сошел на «Дейзи» и повел их в обход небольшого участка коварных рифов. К сумеркам следующего дня они торжественно прибыли в бухту Ренда. Три больших корабля встали на якорь у входа в гавань, имевшую форму полумесяца.

Кеннет взял на борт несколько человек и доставил на берег, в то время как д'харианские солдаты спустили шлюпки, вмещавшие по дюжине пассажиров, и погребли к берегу, где принялись за утомительную задачу строительства плотов для переправки лошадей.

Верна и генерал Зиммер отправились на берег вместе с Оливером и Переттой на борту «Дейзи», которая направилась напрямиком в гавань. Там они планировали распространить известия и собрать горожан. Глава поселения Таддеус был поражен, увидев три огромных корабля в устье бухты. Он встретил «Дейзи» на пристани.

Оливер приветствовал его с улыбкой облегчения.

— Мы вернулись и привели подкрепление. Они помогут отразить атаку, если налетчики снова заявятся.

Сойдя на причал, генерал посмотрел на недостроенные башни по обеим сторонам от устья гавани, затем повернулся к низким каменным стенам, которые селяне возвели прямо над скалистым пляжем.

— Вижу, вы уже начали подготовку.

— Мы возводим укрепления против норукайцев, — сказал Таддеус, — но это трудная работа. Наши люди измотаны восстановлением домов, которые сгорели во время последнего набега. — Он с прищуром посмотрел на три корабля, стоявших на якорю недалеко от бухты. Верна проследила за его взглядом, но ее слепило низкое солнце, и она видела только силуэты. Таддеус облегченно вздохнул. — Когда я увидел ваши корабли, то подумал, что снова приплыли норукайцы. Мы не привыкли к большим судам, которые не представляют угрозы.

— О, мы представляем угрозу, — сказал Зиммер и поскреб темную щетину на подбородке. — Но только для врагов. — Он скептически посмотрел на сторожевые башни и стены. — Мне кажется, мы могли бы дать советы и обеспечить вас квалифицированной рабочей силой. Мои люди — солдаты д'харианской армии, они поклялись оберегать магистра Рала от всех врагов, а также защищать свой народ.

— Магистр Рал считает своим народом даже тех, кто живет столь далеко на юге, — добавила Верна.

Когда первая шлюпка причалила, а группа солдат с облегчением ступила на сушу, Зиммер обратился к кормчему, который собирался развернуться и отплыть за следующей группой пассажиров.

— Пусть капитан Норкросс прибудет следующим рейсом. У меня есть для него задание.

Кормчий и два гребца не стали отдыхать, развернули лодку и погребли к стоявшим на якоре кораблям. Зиммер скрестил руки на закованной в доспехи груди, идя вслед за Таддеусом в поселение.

— Мы отправимся вверх по реке и вглубь материка, в Твердыню. — Его встревожили невзрачные каменные баррикады и недостроенные сторожевые башни. — Но еще мне поручено защищать людей от врагов. А эти норукайцы похожи на врагов, о которых предупреждал магистр Рал.

Глава поселения резко вдохнул, будто ему не хватало воздуха, чтобы выразить свою благодарность.

— Если вы оставите здесь часть своих солдат, чтобы помочь нам выстроить грамотную оборону против работорговцев, мы окажемся перед вами в вечном долгу.

— В долгу не у нас, а у магистра Рала, — поправила Верна.

— И вы можете выплатить долг, помогая укрепить дело свободы во всем мире, — добавил Зиммер.

— Такую цену мы с радостью заплатим, — сказал Таддеус. — Мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам.

Глава 52

Отмывшись от крови, Никки отправилась в студию повелителя плоти проведать Натана. Андре, восхищенный своей работой, пригласил ее внутрь. Он возбужденно вышагивал вдоль стола, на котором провел магическую операцию. Стройный и привлекательный Натан лежал на плоской поверхности. Его лицо разгладилось, кожа была бледна, а длинные руки лежали вдоль тела. Глаза волшебника были закрыты, белые волосы растрепаны, а шея и волосы ниже ушей измазаны засохшей кровью. Никки не могла определить, чья это кровь: Натана, убитых животных арены или Айвена. На его широкой груди было еще больше спекшейся крови, которая не скрывала червеобразную линию, вившуюся от основания его горла до центра груди.

— Выглядит как давно заживший шрам, — сказала она, — но операция сделана этой ночью. Мощное исцеляющее заклинание?

Андре просиял.

— Гораздо больше, колдунья. Как уже говорил, я мастер повеления плотью. Я сформировал кожу, переделал внутренности и даровал ему сердце волшебника. Новое сердце. Уверен, Айвен не возражал бы...

— Но примет ли тело Натана чужое сердце? — Никки была уверена, что жестокий главный укротитель не был бы первоочередным выбором Натана.

— Это зависит от его хань, — ответил Андре. — Я создал полную карту дара всего его тела и сам смог ощутить нити дара. Я заново соединил их, используя сердце Айвена. Теоретически, его дар будет восстановлен, когда он очнется. Сердце снова будет биться, и Натан вновь станет настоящим волшебником. — Повелитель плоти с ухмылкой прикоснулся к широкой обнаженной груди Натана, осторожно и привычно поглаживая линию шрама. — Это одна из моих величайших работ,

может быть, даже лучше боевых медведей или двухголового воина. — Он потерял ладони. — Это большое достижение! — Пока Никки оценивала его холодным взглядом, Андре принял задумчивый, отстраненный вид. — Но не лучше моих воинов Иксакс. О, нет! Эти трое особенные! Жаль, что их так и не использовали.

Никки не знала, о чем говорит эксцентричный повелитель плоти.

— Когда мы узнаем, сработало ли это?

— Мой дорогой друг пережил довольно травмирующий опыт. — Андре криво усмехнулся. — Конечно, не такой травмирующий, как Айвен, но он сейчас находится в глубоком восстанавливающем сне. Хань должен свернуться и развернуться, накопиться внутри него, соединить нити и вновь обрести себя. А Натан должен ощутить свое новое сердце.

Никки не отрывала взгляда от тела старого волшебника. Она думала остаться здесь охранять его и убедиться, что Андре не проводит извращенных экспериментов просто потому, что может. Ей подумалось, что Бэннон тоже наверняка охотно сидел бы здесь день и ночь, опираясь на свой меч, но Никки уже давно не видела парня. Она все больше тревожилась и недоумевала, чем занят Бэннон, поэтому твердо решила отыскать Амоса и расспросить, где их юный спутник.

— Что с телом главного укротителя? — спросила она.

Повелитель плоти задрал подбородок. Косичка на его густой бороде частично расплелась, но он даже не заметил.

— После того как я извлек его сердце, оболочка стала бесполезна. Обычно павшему члену палаты волшебников устраивают роскошные похороны, но я принял более подходящее решение во имя моего друга. — Его губы скривились в улыбке. — Я приказал разрубить тело и скормить оставшимся в клетках животным арены. Удачная идея, ммм?

Никки хмыкнула, однако не стала возражать.

— Да, вполне.

Грудь Натана вздымалась и опускалась от едва заметного дыхания. Никки смотрела на него, волнуясь за этого человека, волшебника... за своего друга. Она снова спросила:

— Как долго он будет спать?

— Пока не исцелится. — Казалось, для Андре ответ был очевиден.

— И сколько времени это займет?

Повелитель плоти пожал плечами:

— Пока он не исцелится.

Терпение Никки было на исходе. Натан — волшебник Натан — будет отличным союзником, когда восстановится, но она хотела начать действовать прямо сейчас. Пускай город укрыт саваном вечности, должен быть какой-то способ освободить Ильдакар.

Зерцалоликий вызвал беспорядки, выпустив часть боевых животных. Его последователи бежали среди зверей, но самого лидера повстанцев там не было. Никки подозревала, что он мог наблюдать с безопасного расстояния. Как он мог воздерживаться?

Но Никки не знала, чего именно можно было добиться такой суматохой. Это было просто досадное неудобство — зрелищное, запоминающееся, приведшее к гибели одного из членов палаты и освобожденных животных, — но все-таки лишь неудобство. Безрассудный поступок мятежников не мог быть частью общего плана. Ричард разработал бы подробную тактику свержения тиранического правления. Если у Зерцалоликого есть подобный план, она должна узнать о нем.

Внезапно она ощутила вспышку защитного рефлекса. Казалось, это ощущение пришло извне, но Никки не могла понять, откуда. Она оглянулась на пузатые склянки с образцами на стенах студии, пахнущие химическими порошками и закисшей старой кровью.

Нет... это было что-то другое.

Со стороны просторного портика послышался чей-то крик:

— Волшебник Андре! Неподалеку поймали еще одного дикого зверя. — Городской стражник в мундире спешно вошел в главное крыло студии, щурясь в темно-синем полумраке. — Верховный капитан Стюарт умоляет вас помочь.

— Еще один зверь? Разве мы не убили их всех прошлой ночью? — раздраженно спросил Андре.

Никки снова почувствовала, как ее разум что-то укололо: неповиновение, смешанное с инстинктивным страхом. Она мотнула головой, пытаясь вытряхнуть беспокойные мысли, и по ее коже забегали мурашки — она поняла, в чем дело.

Мрра.

— Там одна песчаная пума, отмеченная рунами главного укротителя, — сказал стражник. — Я не знаю, где остальные из ее троки, но мы должны поймать ее живой. Властительница Тора говорит, что нам нужны животные для арены.

— Я создам новых, когда у меня будет время, — сказал Андре.

Никки наблюдала, как внимание Андре переключается с пациента на другую увлекательную идею, но она знала, что должна взять все в свои руки и пойти к Мрра.

— Я позабочусь об этом, — сказала она повелителю плоти. — Вам нужно остаться здесь, с Натаном. Проследите, чтоб он как можно быстрее исцелился.

Андре пренебрежительно махнул ей рукой, наклонившись и приложив ухо к ноздрям Натана.

— Мне не интересно гоняться за кошками, какими бы большими они ни были. Не я их создал, как вы знаете. Они поймали диких песчаных пум и принудили размножаться, чтобы потом растить их детенышей. — Он покачал головой. — Насколько я помню, Айвену нравилась эта роль. Теперь эту работу придется выполнять его ученикам.

— Три одаренных укротителя уже на товарном складе, — сказал стражник, все еще тяжело дыша. — Они пустили в ход

магию, чтобы взять пуму под контроль, но им может понадобиться помощь...

Никки уже проталкивалась мимо него к парадному входу.

— Покажи мне! — Ее командный тон привлек внимание мужчины, и он поспешил за ней.

Во снах колдунья видела глазами сестры-пумы, как Мрра бродит по улицам, но большая кошка отказывалась покинуть Ильдакар, как бы ни настаивала Никки. Теперь и Мрра была в ловушке савана вечности, отделенная от потока времени. Много ночей она охотилась в темноте. Никки ощущала вкус крови пойманных ею крыс и собак, но ей очень хотелось бежать по открытым просторам, охотясь на антилоп или оленей. Она оказалась заперта в ненавистном городе, в котором родилась, была клеймена и вынуждена сражаться на арене. Мрра вопреки своим интересам осталась с сестрой-пумой Никки. И теперь она лишилась свободы, окруженная мучителями. Она разыскивала Никки.

С затаенной ненавистью Никки заглянула в мысли Мрра и поняла, что произошло. Кто-то случайно обнаружил дневное логово пумы, и теперь стражники и укротители окружили ее, собираясь схватить. Мрра была готова сражаться, атаковать и убивать. Никки мчалась впереди стражника. Ее тянуло туда, где звала на помощь сестра-пума.

Здание оказалось большим складом, заполненным мешками с зерном и джутовыми кулями с мукой. В проволочных ящиках хранились высушенные початки кукурузы. Дневной свет проникал сквозь трещины в стенах, в воздухе кружили пылинки, походившие на золотую пыльцу. Никки со стражником вошли через большие открытые двери склада, и глаза колдуньи постепенно привыкли к темноте.

Властительница Тора стояла рядом с главнокомандующим волшебником. Оба скрестили руки на груди, будто были идеальной парой. Три одаренных подмастерья укротителя осторожно двигались в тених, пробираясь между мешками с зер-

ном и наполовину заполненным кукурузой ларем. Выглядели они неподготовленными и неуверенными. Никки уже видела подмастерьев, работавших с Айвеном. Теперь, когда главного укротителя не стало, дара этих троих должно было хватить.

Верховный капитан в красном латном наплечнике выкрикивал приказы, призывая стражников окружить загнанную в угол пуму. Закованные в доспехи солдаты, стоявшие спереди, выставили перед собой короткие мечи, а трое позади них нацелили взведенные арбалеты.

— Не убивать, — сказала властительница. — Прошлой ночью мы и так потеряли много животных. Эта пума нужна для арены.

Никки пробила вперед, не думая о том, что кто-то может ей помешать. Она схватила за руку ближайшего арбалетчика.

— Оставьте ее в покое. Этой пуме здесь не место. Она моя.

Глаза Торы расширились от удивления из-за вмешательства Никки.

— Нет, ей здесь не место. Она должна сидеть в клетке. А если она умрет, то лишь в сражении с одним из наших обученных воинов. — На фарфоровой шее властительницы проступили сухожилия. — В городе напряженная обстановка, народу нужно зрелище, чтобы выплеснуть эмоции. Саван восстановлен, и мы должны вернуться к обычной жизни. Лучше, если ты поможешь нам. — В ее голосе звучала явная угроза.

Никки взвилась.

— Вы не можете отправить ее в ямы. Ей не место здесь.

Главнокомандующий волшебник скрипуче рассмеялся:

— Где же еще ей быть? Она не может покинуть Ильдакар, и мы не можем позволить дикой пуме бродить по улицам.

Никки нервами ощутила порыв хищной ярости и заметила гибкий кошачий силуэт на груди мешков, тонувшей в тених. Мрра подобралась и с низким рычанием прыгнула на одну из деревянных балок потолка. Мотая хвостом, она окинула сердитым взглядом тех, кто пытался ее поймать.

— Я сама о ней позабочусь. — Никки не знала, что еще предложить. — Она моя сестра-пума.

— Чушь. — Тора хмуро посмотрела на Никки. — По крайней мере, песчаная пума родом отсюда. Но вы и ваши спутники остаетесь здесь только потому, что мы позволяем это.

— Я считаю ее очаровательной и соблазнительной гостьей, — вставил Максим. — И как ты сказала, дорогая, где еще ей быть? Из-за савана Никки не может покинуть Ильдакар.

— Есть и другие способы уйти, — пробормотала Тора.

Не сводя взгляда с большой кошки на стропилах, подмастерья укротителя рассредоточились внизу. Старший подмастерье, человек с длинным худым лицом по имени Дорбо, произнес:

— Мы можем использовать дар, чтобы столкнуть ее и схватить. — Двое из них держали длинные деревянные шесты с петлей-удавкой на конце, а у третьего был опасный на вид хлыст. У старшего подмастерья еще была дубина с ильдакарскими рунами.

— Как только мы скинем зверя на пол, мы сможем бездвигнуть его, — сказал второй подмастерье укротителя.

— Это зависит от того, сколько боли она способна выдерживать, — заметил третий. — Оглушающее заклинание не работает из-за ее защитных рун.

— Дубины будет вполне достаточно, — сказал Дорбо.

— Вы не причините ей вреда, — твердо распорядилась Никки.

Ее комментарий стал причиной свирепого взгляда Торы, и та заявила:

— Мы сделаем все необходимое во благо Ильдакара. Они могут связать и вас, колдунья.

Максим хихикнул.

Никки не дрогнула.

— Они могут попытаться, однако после смерти Айвена я бы не советовала вам жертвовать оставшимися подмастерьями. Тогда некому будет контролировать животных.

Главнокомандующий волшебник усмехнулся, слушая женщин. Лучники зарядили в арбалеты болты. Верховный капитан Стюарт наблюдал за ними с волнением, но оставался собранным и сдержанным, не желая предпринимать поспешных действий. Он посмотрел на стропила наверху, где сгорбилась бывшая вне досягаемости пума.

— Властительница и главнокомандующий волшебник, помните, обычные магические атаки просто соскользнут с пумы, — сказал Дорбо. — Но клеймо на ее шкуре позволяет укротителю использовать определенные типы заклинаний. Позвольте нам выполнить нашу работу, и уже скоро кошка будет в наших руках.

Никки, как и большая кошка, чувствовала себя загнанной в ловушку. Мрра выбрала хорошее логово, но ее обнаружение было лишь вопросом времени. Никки знала, что может совладать с укротителями, но дар главнокомандующего волшебника и властительницы был слишком силен. Никки все равно с ними сразится, но даже если ей удастся освободить Мрра, что дальше? Большая кошка не может вот так просто бродить по улицам Ильдакара. Сердце Никки разрывалось.

Три ученика работали вместе, призывая дар, прощупывая слабые места пумы своей магией. Мрра рычала, вышагивая взад и вперед по широкой балке. Ее золотистый взгляд был устремлен вниз, а белые клыки блестели в рассеянных солнечных лучах. Кошка злобно и угрожающе рычала... Никки заметила, что из ее горла тоже вырывается рык.

Укротители устремили дар в разум Мрра, заставляя ее двигаться. Именно так мучали пуму в процессе обучения, с самого детства. Укротители контролировали ее, ударяя магией по болевым центрам. Мрра с ревом перепрыгнула с балки на груды мешков с зерном.

— Это не одна из пум Айвена! — воскликнул подмастерье.
— Она не из тех, что сбежали прошлой ночью.

— Она старше, — подтвердил Дорбо. — Должно быть, мятежники уже давно выпустили ее на свободу.

— Она не хочет быть здесь, — предупредила Никки. — Не трогайте ее. Она убьет вас... а я ей помогу.

Укротители проигнорировали ее, используя свой объединенный дар, чтобы давить, понукать и управлять. Мрра сопротивлялась и рычала. Никки чувствовала отголоски ее боли, проникавшей через магические узы, и ее ярость возрастала вместе с яростью Мрра. Пума подобралась на вершине куче мешков, а потом, потеряв терпение, прыгнула на собравшихся внизу.

— Осторожно! — крикнула Никки, но предупреждала она Мрра, а не тех, на кого она нацелилась.

Именно этого и добивались укротители. Один из стражников Стюарта не успел увернуться, и когти Мрра разорвали кожаную броню и кольчугу на его спине. Мужчина отшатнулся, разбрызгивая кровь, но кошка уже оставила его в покое. Три укротителя приблизились, Дорбо вскинул изогнутые пальцы, фокусируя дар. Вместе они атаковали Мрра своей особой магией, подчиняя ее. Двое выставили длинные шесты с открытыми петлями. Дорбо щелкнул хлыстом, и тот пропорол воздух змеевидной молнией. Кончик хлыста угодил в бедро Мрра, пустив кровь. Она крутанулась, процарапав когтями воздух в попытке схватить причиняющую боль веревку.

— Остановитесь! — Никки обрушила на укротителей свой дар, разнеся один из их деревянных шестов в щепки.

Они потрясенно уставились на нее. Тора крутанула правой рукой в воздухе, и Никки почувствовала невидимые воздушные путы, которые обвили ее тело, словно коконом. Хватка была удушающей.

Сосредоточившись на своей цели, два других укротителя рванули вперед, направив петли к голове пумы, и одному из них удалось накинуть петлю на рыжеватую шею.

Никки боролась, пытаясь высвободить руки. Разорвав путы затвердевшего воздуха, она распустила невидимые веревки и швырнула магические ключья во властительницу.

Мрра металась, но петля была затянута крепко. Подмастерья вдвоем вцепились в шест, используя всю свою физическую силу, чтобы удержать пленницу.

— Оставьте ее в покое! — Никки призвала в свободные теперь руки по потрескивающему огненному шару и была готова швырнуть их в укротителей.

Тора мощно контратаковала магией, наслав на Никки стену из воздуха. Колдунью отбросило и с грохотом впечатало в ларь с сушеной кукурузой.

— Это не ваша забота, колдунья.

— Очень даже моя, — возразила Никки. — Ее зовут Мрра, и она связана со мной узами. — Никки попыталась призвать больше огня, но Максим и Тора повернулись к ней и вместе придавили уплотненным воздухом, сдерживая смертоносный огонь.

— Не вмешивайтесь, — предупредила Тора. — Или Максим превратит вас в камень.

Никки вдохнула, чтобы крикнуть в знак протеста, но ощутила ошеломительный удар по голове, и мысли помутились. Как оказалось, один из укротителей отступил от мечущейся пумы и ударил кошку покрытой заклинаниями дубиной. Руны защищали Мрра от магической атаки, но у Никки не было защиты от заклинания оглушения.

Изнуряющая магия звенела в черепе колдуньи, заставляя подгибаться колени. Укротители подступили ближе и накинули на голову кошки вторую петлю. Два стражника набросили на Мрра сеть и стали возиться с веревками, пока животное пыталось высвободиться. Один удар дубиной Дорбо — даже без

усиливающего заклинания — заставил песчаную пуму корчиться от боли.

— Мы поймали ее! — воскликнул один из подмастерьев. — Мы сделали это!

Никки заставила свои грохочущие мысли проявиться и отбросила силу властительницы и главнокомандующего волшебника. Она почувствовала, как дар извивается в ней подобно черной молнии, а потом встала и повернулась к Торе, сверкнув глазами.

— Мрра — часть меня, — прорычала колдунья, готовая выпустить шквал магии Приращения и Ущерба.

Властительница смотрела на нее своими глазами цвета морской волны, которые были холоднее завывающей вьюги.

— Пума — собственность арены Ильдакара. Видите магические символы, выжженные на ее боку? Этот зверь — наша собственность.

— Нет. Мрра свободна.

Укротителям удалось подчинить кошку и при помощи магии сделать беспомощной. Мрра лежала почти без сознания, рыча и истекая кровью. Верховный капитан Стюарт и его стражники с тревогой наблюдали за противостоянием Никки и властительницы, держа оружие наготове. Никки не сомневалась, на чью сторону они встанут, если сами решат атаковать. Она знала, что может убить их всех. Или большинство из них. Если придется.

Тора заговорила раздраженно, словно читая нотации ребенку:

— Ваша вера в свободу неуместна. Животные не свободны. Рабы и люди низших классов тоже не свободны. Все они — собственность. Вы гости под саваном Ильдакара и должны понять, как устроена жизнь в этом городе. Спросите повелителя плоти — эти животные существуют благодаря нам. Мы их создали.

Никки не отступала. Она вдохнула едкий пыльный воздух.

— А может, повелители плоти создали людей, подобных вам?

Тора приготовилась хлестнуть ее своей магией, и Никки почувствовала шипение в окружающем воздухе. Максим стоял рядом с Торой, сдерживая свой дар, но все же угрожая. Укротители подступили ближе к лежавшей без сознания пуме. Никки почувствовала вокруг себя готовую излиться магию. Она даже видела, как лучники направили на нее свои арбалеты, готовые выстрелить, если властительница или главнокомандующий волшебник подадут сигнал.

Хотя протест все еще продолжал кипеть внутри, Никки проиграла. В особняке повелителя плоти лежал без сознания Натан, который еще не поправился и, возможно, никогда больше не сможет использовать магию. С ней не было даже Бэннона, который бродил по городу со своими новыми приятелями. Никки внезапно поняла, как одинока она была в Ильдакаре. Она не могла бороться с ними всеми. Еще нет.

Ее голова продолжала пульсировать от удара дубины, но она поклялась, что ее время еще настанет.

— Очевидно, мне еще многое предстоит узнать об этом городе. — Никки постаралась, чтобы ее слова прозвучали так же резко, как плеть укротителя, ранившая Мрра.

— И в самом деле, — сказала Тора. — Узнавайте сейчас, чтобы потом не пришлось жалеть.

Подмастерья укротителя и стражники подняли связанную пуму и потащили ее прочь из зернохранилища — в клетки для животных.

Глава 53

Гнев Никки нарастал подобно далекому зловещему урагану. У нее не было способа связаться с Зерцалоликим и другими

союзниками в Илдакаре, но борьбу нужно было начинать сейчас. Немедленно.

К середине утра она вернулась в особняк и отправилась в покои Бэннона. Никки понимала, что юноша почти бесполезен против могущественных волшебников, но все же хотела его увидеть. Но его кровать была заправлена, несуразный меч исчез, и в комнате не было никаких признаков присутствия Амоса, Джеда или Брока. Никки все больше беспокоилась за Бэннона. Когда она впервые встретила его в Танимуре, попавшего мелким грабителям, то сочла надоедливými его оптимизм и постоянную болтовню. Постепенно он стал ее надежным спутником. Бэннон неплохо дрался, мало жаловался и определенно был предан Натану и Никки. И, что самое главное для нее, он содействовал делу магистра Рала. Она хотела, чтобы он был сейчас рядом с ней, но вспомнила, что не видела его уже несколько дней.

Мрра захватили, Натан пребывал в бессознательном состоянии, и Никки снова почувствовала холод одиночества.

Никки подумала о годах служения императору Джеганю. Несмотря на мощь Имперского Ордена и его огромную армию, она и тогда была одинока. Она сражалась в одиночку, используя свою силу во имя Джеганя, и думала, что сможет выжить без друзей, думала, что они ей не нужны. Никки считала друзей потенциальной слабостью — а она не была слабой.

Находясь среди всецело преданных Владетелю сестер Тьмы, она тесно общалась со своими сестрами и наставницами — Тови, Цецилией, Эрминией и Улицией, — но они никогда не были ее подругами. Никки всегда решала свои проблемы сама, и теперь ее проблемой был Илдакар. Ее называли Госпожой Смерть и Королевой-рабыней. Она заявляла, что ее сердце из черного льда. Никки найдет способ разобраться с этим, даже без Бэннона, Натана и Мрра.

— Прошу прощения за беспокойство, колдунья, — обратился к ней молодой бледнолицый стражник с остроконечной ры-

жеватой бородой и светло-кариими глазами, прикрытыми тенью его шлема. Он нашел ее в пустом коридоре возле комнаты Бэннона. — Главнокомандующий волшебник просит вас о личной встрече. И еще просил предать свои извинения. — Молодой стражник переступил с ноги на ногу. — К сожалению, я не знаю, что он имел в виду.

Никки нахмурилась. Максим позволил схватить Мрра, и она не собиралась прощать его за это.

— Я не готова принять его извинения. — Она посмотрела на вызывавшую тревогу статую старухи с согнутой спиной, которая окаменела, выполняя свою повседневную работу. — Чего он от меня хочет?

Молодой воин смутился.

— Он взял с меня слово молчать. Он хочет встретиться с вами наедине для разговора — важного, как он сказал, — на вершине башни властителей. — Кадык стражника дернулся, когда тот нервно сглотнул. — Он в одиночестве гуляет по садам.

Никки призвала свою силу и приблизилась к молодому человеку, буравя его взглядом. Она не пускала магию в ход, но знала, что он чувствует исходящую от нее угрозу.

— Скажи честно — это ловушка?

— Н-нет, колдунья, — заикаясь, пробормотал стражник. — Он действительно хочет поговорить с вами и попросил меня убедиться, что властительница Тора не узнает об этом.

— Значит, его жена не должна знать? — спросила Никки, по-прежнему настроенная с подозрением. Она решила, что испепелит его, если он скажет какую-нибудь пошлость.

— Да... вроде бы так. Я не знаю, что все это значит. Это не... — Он покачал головой. — Пожалуйста, колдунья, я просто выполняю приказ.

— Тогда считай, что справился с заданием. Оставь меня. Я пойду туда, когда пожелаю.

Стражник с облегчением поспешил прочь.

Не зная, что задумал Максим, Никки откинула на спину распущенные волосы, убедилась в безупречном виде своего черного дорожного платья и отправилась на встречу. Высоко подняв голову, она шла по верхним улицам к башне властителей, которая походила на часового, оглядывавшего дороги и крыши далеко вниз.

Она поднялась по центральной лестнице в пустой тронный зал, затем зашагала по винтовой лестнице еще выше. Полированные каменные ступени привели ее на вершину башни, к открытому небу.

Никки окружил запах свежих цитрусовых соцветий и гул пчел. Она увидела украшенные фестонами купальни для птиц, расположенные среди ухоженных изгородей жасмина. Певчие птицы щебетали и порхали меж ветвей. Между столбами по периметру башни висела мелкая сетка из почти невидимых шелковых нитей для ловли бесчисленных жаворонков. Сейчас сети были не натянуты и свисали со столбов мешковатыми складками, поскольку Тора больше не нуждалась в послушных певчих птицах для золотых клеток.

Максим в черных шароварах и расстегнутой рубашке расхаживал по садам. Увидев Никки, он поспешил к ней с лучезарной улыбкой. Но после утренней поимки Мрра у нее не было настроения разговаривать, особенно с ним.

— Что вы хотите мне сказать, главнокомандующий волшебник?

Он надул губы.

— Ого! Я надеялся, что такая красивая женщина побалует меня своей любезностью.

— Денек выдался отвратительный. Мою песчаную пуму избили и заперли в клетке арены — и вам это хорошо известно. Волшебник Натан лежит без сознания и восстанавливается после операции, проведенной повелителем плоти. А мой друг Бэннон пропал. Вы видели его? Я могу сделать запрос в городскую стражу? — Ее слова прозвучали требовательно и жестко.

Максим хмыкнул что-то неопределенное.

— Подумать только, какой трудный у вас сегодня день! Уверен, Бэннон развлекается со шлюхами или играет в азартные игры с Амосом и его друзьями. У парня нет ни дара, ни обязанностей. Вы не можете упрекнуть его за это.

— Я сама решу, за что его упрекать, — сказала Никки. — Но Бэннон — не тот, кого я больше всего виню. Я вижу в Ильдакаре гниль. Вы, волшебники, правили так долго, что вам стала безразлична боль, которая пронизывает город. Правящий совет — не самое лучшее руководство.

Максим коснулся центра своей груди.

— О, это ранит мое сердце! Мне так жаль, что вы в нас разочаровались. — Он цокнул языком. — Но я не могу полностью это опровергнуть. Моя дорогая жена столь же слепа к чужой боли, как и холодна со мной в постели, хотя прошло много лет с тех пор, когда я рисковал обморозить свои интимные органы. Я могу найти много других более мягких и теплых мест, которыми можно насладиться. — Он хихикнул и скривил губы в улыбке. — Признаться, в палате волшебников сейчас не хватает советников: Ренн отбыл, а Айвена переваривают его же звери. Даже Лани обратилась в камень... но моя прекрасная Тора всегда задавала тон и заставляла других потакать ее желаниям, даже когда совет был в полном составе. Она довольно влиятельна. Никто не может ей противостоять, даже я. — Он развел руками. — Какая от этого будет польза?

— Если вы восстанете против нее, то измените будущее Ильдакара, — сказала Никки.

— Если бы кто-то встал против нее... Да, звучит довольно смело, но я теперь не столь амбициозен. Это не значит, что кто-то другой не может ей противостоять. На самом деле каких-то сто лет назад колдунья Лани бросила вызов властительнице. О, Лани была смутьянкой с сильным даром и талантом вызывать дождь и наводнения. Благодаря ей мы построили и поддерживали систему акведуков, туннели для доставки воды,

которые проходят через всю скалу. — Он снова цокнул языком. — Лани в гневе бросила вызов властительнице... увы, Тора одержала верх. — Максим почесал висок. — Вся палата втайне была разочарована, но никто не признался в этом. — Максим прищурился. — Но я заметил, что жене пришлось нелегко. Моя дорогая Тора очень ослабла, и прояви я инициативу, то мог бы атаковать ее и одолеть. Но я пал духом. — Он покачал головой. — В то время я все еще думал, что люблю ее.

Никки вспомнила статую колдуньи в тронном зале.

— Но Лани потерпела поражение и превратилась в камень.

— Да, именно.

— Зачем вы рассказываете мне это?

— Чтобы подвести итог и привести пример. — Он наклонился к цветам жасмина в изгороди и вдохнул аромат, отмахиваясь от пчел. Затем он выпрямился, долго и медленно выдыхая. — По законам Ильдакара и согласно нашим традициям, вы можете бросить вызов Торе как властительнице. Вы можете попытаться свергнуть ее. Я подумал, вам будет это интересно.

— У меня нет желания править этим городом, — возразила Никки. — Я не хочу оставаться здесь ни на день дольше необходимого.

— Я все прекрасно понимаю, — снисходительно сказал Максим. — Но если свергнете Тору, то сможете задать тон палате волшебников. Вы вынесете на рассмотрение любые изменения, которые захотите претворить в жизнь, и никто не посмеет возразить. Подозреваю, что несколько волшебников втайне согласятся с вами... включая меня.

В голове Никки закрутились шестеренки. Она обдумывала перспективы.

— Если я одолею Тору, смогу ли я освободить Мрра?

— Вы сможете делать все, что пожелаете.

— И я смогу приказать убрать саван?

— Я бы не стал слишком расстраиваться по этому поводу.
— Он отмахнулся от назойливой пчелы. — Я предпочитаю внешнюю торговлю, а Тора — истинный изоляционист.

На Никки обрушилась целая лавина идей. *Колдунья спасет мир*. Вот он, способ осуществить то, что попросил ее сделать Ричард, и то, что Рэд предсказала в книге жизни. Она могла освободить людей, сделать Ильдакар таким же великим, как твердили легенды. Но Лани уже бросила вызов властительнице и потерпела неудачу.

Максим продолжал улыбаться.

— Но вы не должны промахнуться. Всего лишь не промахнуться.

Нахмурившись, Никки медленно обошла горшки с цитрусовыми деревьями, подошла к краю и посмотрела на многоярусные нагромождения черепичных крыш, развевающиеся флаги, замысловатый лабиринт улиц, площадей и садов. Она смотрела на людей, их хлопоты, их погасшие надежды и мечты.

Она подняла глаза и увидела, как несколько певчих птиц залетели в одну из обвисших сетей, запутались и теперь трепыхались и барахтались, а шелковые нити все плотнее пеленали их крылья. Она поняла, что это могло быть ее лучшим шансом... или западней.

— Вы ее муж. К чему этот разговор?

Главнокомандующий волшебник провел указательным пальцем по своей верхней губе.

— Несомненно, вы хотите, чтобы я сказал вам, что полон решимости бороться во благо народа. Конечно, это одна из причин... — Он снова пожал плечами, и Никки почувствовала, что он ее раздражает. — Но на самом деле мне наскучил этот затхлый город. Разве я хочу сидеть здесь взаперти бесконечными столетиями? Я больше заинтересован в том, чтобы убрать саван и восстановить контакт с внешним миром. Снаружи намного интереснее, чем здесь. Вероятно, я захотел бы увидеть таинственный архив Твердыни — звучит интригующе

— или даже присутствовать на торжественном обеде во дворце вашего далекого лорда Рала. Тем двенадцати рабам, несомненно, можно было найти лучшее применение, чем резать глотки на вершине пирамиды.

Эта идея начала пускать корни в сердце Никки, и звучала она все лучше и лучше с каждым последующим мгновением.

Наконец, Максим привлек ее внимание:

— И есть еще одна причина. Я ненавижу свою жену и хочу увидеть, как ее уничтожат.

Глава 54

— Сегодня ты будешь сражаться не со мной, мальчишка, — сказала Лила, выводя Бэннона из его камеры.

Левое предплечье его наставницы было забинтовано, а на боку была повязка с проступившей кровью — эту рану нанесли колючие волки. Лила убила этих зверей и выжила. Теперь она, казалось, вообще не замечала своих ран.

— И не думай, будто я слаба или мне больно. Просто у Адессы есть для тебя другой соперник.

Она вручила Бэннону его меч, и сердце юноши заколотилось, когда пальцы обхватили знакомую рукоять. Безоружная и забинтованная Морасит стояла перед ним, напоминая птицу со сломанным крылом. Если бы он захотел, то мог бы убить ее одним взмахом меча. Он мог бы отрубить ей голову. Мог пронзить ее насквозь. Она определенно это заслужила.

Лила сверлила его пристальным взглядом.

— Даже не думай причинить мне вред, мальчишка. — Ее голос был тихим и не угрожающим, но в то же время полным опасности.

Он подумал: даже если убьет ее, что дальше? Он мог сражаться как безумец, пытаясь вырваться на свободу, но ему ни-

когда не одолеть всех Морасит или их обученных бойцов. Сражаясь в одиночку, он не сможет выбраться из туннелей. И даже окажись он на улицах города, куда ему идти? Получится ли найти Никки или Натана?

Нет, шанс был слишком мал.

— И в мыслях не было, — сказал он ей.

Она фыркнула.

— Конечно, нет. Ты слаб, но я работаю над этим. Я сделаю из тебя достойного бойца.

Бэннон чувствовал тяжесть Крепыша в руке и чувствовал себя увереннее — меч хорошо послужил ему во многих битвах. Ни Лила, ни любой другой боец в ямах не могли быть страшнее, чем сэлки, пыльные люди или злобные лесные чаровницы, которые когда-то были его возлюбленными.

Лила пошла вперед, уводя его прочь от камеры. Он наблюдал, как во время ходьбы перекачиваются мускулы на ее обнаженной спине и колыхается кожаная повязка на бедрах.

Вместо того чтобы пойти к тренировочным ямам, где Лила впервые сразилась с Бэнноном, она привела юношу на общую площадку, где проверенные бойцы сражались с Морасит под открытым небом. Факелы давали желтый свет, сопровождаемый тонкими завитками сального черного дыма. Стены из песчаника отражали звуки разговоров, но не звон металла о металл. Бэннон увидел еще нескольких Морасит, стоявших вместе с мускулистыми бойцами у грубых стен. Обычно новобранцы практиковались с различным оружием, но теперь гладкий пол из песчаника был расчищен и пуст... в ожидании.

Бэннон крепче стиснул свой меч. Казалось, все ждали именно его. Он ощутил капельки пота на коже и хотел, чтобы на нем была нормальная одежда, его домотканая рубашка и холщовые штаны. Он чувствовал себя обнаженным в одной лишь грубой набедренной повязке.

Адесса напоминала взведенный арбалет, хотя при ней не было оружия, кроме ножа-эйджаила у бедра.

— Ты готов сражаться.

— Да, готов, — ответила за него Лила.

Бэннон не имел права голоса в этом вопросе.

— Хорошо, потому что если он не готов, то он умрет. — Адесса повернула голову и крикнула: — Чемпион!

Сердце Бэннона екнуло в груди, когда из бокового туннеля появился суровый молодой мужчина. Хотя они с Бэнноном были одного возраста, Ян нес в себе груз многолетних невзгод.

— Пресвятая Мать морей, — прошептал Бэннон, и его рука сжала рукоять, будто силясь ее задушить.

Ян шагал вперед с бесстрастным выражением лица, его серые глаза были холодны, как промерзшая сталь. Обнаженную грудь и руки покрывала паутина шрамов — прямых разрезов от клинков, угловатых и кривых от рваных ран, возможно, нанесенных когтями. Его каштановые волосы были коротко подстрижены. Губы были плотно сжаты в прямую линию — ни улыбки, ни оскала. Вместо стального клинка он нес деревянную палицу — прямоугольную в сечении, длиной с руку. Четыре ее стороны были гладкими, с острыми гранями, хотя в нескольких местах оружие было обернуто полосками жесткой кожи. Чемпион крепко держал палицу и с легкостью ею размахивал.

У Бэннона пересохло в горле. Оружие напомнило ему деревянное топорище, которым отец избил его мать до смерти.

— Я не хочу с тобой сражаться, Ян, — негромко сказал он.

— Неважно, чего ты хочешь, мальчишка, — рассмеялась Адесса.

Лила толкнула его, и Бэннон, споткнувшись, приблизился к Яну. Тот походил на дерево, которому придали форму человека.

— Бойцы сражаются, — изрек Ян.

— Но друзья — нет, — возразил Бэннон. — Он протянул руки, подняв Крепыша с отведенным в сторону острием. — Я твой друг, Ян. Мы были друзьями. Ты помнишь остров Кирия?

— Никто не хочет слушать твою болтовню, — сказала Адесса. — Продемонстрируй свои умения или слабости.

— Но... — Бэннон посмотрел на лидера Морасит. — У меня меч, я могу убить его. У него же просто дубина.

— Если ты сможешь убить моего чемпиона, то он ничего не стоит, и я заведу нового любовника, — сказала она. — Не обманывай себя. Палица может быть столь же смертоносной, как меч. Ян может убить тебя острыми гранями или просто наставить синяков обмотанной кожей стороной. Выбор за ним — и за тобой, мальчишка. Ты способен защитить себя?

Бэннон посмотрел на Адессу, затем на Лилу, ища спасения и пытаясь подобрать слова. В этот момент Ян рванул с места, как выпущенная из лука стрела. Не издав ни единого угрожающего возгласа, он бросился вперед, отведя руку и делая мощный замах палицей.

Бэннон увидел его как раз вовремя и увернулся, выставив Крепыша, так что лезвие меча сгладило силу удара. Острая грань палицы задела его плечо, и Бэннон понял, что этот удар был бы смертельным, не увернись он вовремя.

Он отшатнулся, поворачиваясь лицом к противнику, и услышал приглушенные голоса Морасит — кто-то критиковал его, некоторые подбадривали, другие насмехались. Сквозь них пробился резкий голос Лилы:

— Сражайся, мальчик! Разочаруй меня на свой страх и риск!

Бэннон взял себя в руки, а Ян стал ходить взад-вперед, изучая его. Он переложил палицу с одного плеча на другое. Его серые глаза метались.

— Ян, прости! — воскликнул Бэннон.

Слова, казалось, спровоцировали молодого мужчину. Ян шагнул к нему, метя палицей в голову. Бэннон встретил Крепышом тяжелое деревянное оружие, и удар сотряс его запястья и руки до самого плеча. Он вскрикнул от боли и споткнулся, но Ян не отступал.

Бэннон парировал удары своим мечом, используя все навыки, полученные во время тренировок с Натаном.

— Я не хочу ранить тебя, Ян.

Парень оскалился.

— Бойцы сражаются. — Он сделал быстрый вдох. — Труссы умирают.

— Прости меня, Ян, — снова закричал Бэннон. — Я серьезно. Мне не следовало бежать. Я не должен был позволить норукайцам схватить тебя.

Лицо Яна вспыхнуло от гнева, и он снова замахал палицей, обрушив на Бэннона град ударов. Лезвие Крепыша выбивало щепки, оставляя в палице зарубки, но сами удары чуть не сломали Бэннону запястья.

— Ты слишком много говоришь, — выкрикнула Адесса.

Ее слова только укрепили его решимость.

— Я говорю, потому что мне есть что сказать, — огрызнулся Бэннон. Он смягчил голос, хотя деревянная палица снова врезалась в меч. — Помнишь, как мы собирали ракушки на пляже и ловили крабов во время отлива? — Он искал хоть проблеск воспоминания на покрытом шрамами лице Яна. — Помнишь, как мы искали гусениц в капусте и растили их, пока они не превращались в белых бабочек?

Ян замахнулся, его лицо ничего не выражало, и Бэннон вскинул меч, чтобы заблокировать удар.

— Вспомни, Ян! Я знаю, что ты помнишь это.

— Я помню норукайцев, — сказал он и ударил еще сильнее.

Палица соскользнула с меча и ударила юношу по правому бицепсу. Там непременно вскоре будет фиолетовый синяк — если Бэннон выживет.

— Помнишь бродячего пса, которого мы кормили? Мы собирали объедки и носили ему каждую ночь, пока отец не застукал меня. — Темные крылья воспоминания затрепетали по краю его зрения. — Я дорого заплатил за это.

Отец избил его так сильно, что Бэннон еще несколько дней едва мог встать с постели. Все тело было в синяках, он стыдился показываться на люди, поэтому отец сказал остальным, что у Бэннона сильная лихорадка. Ян приходил проводить его, потому что беспокоился о своем друге.

Чемпион запнулся.

— Я кормил его всю неделю, пока ты лежал в постели. А потом он убежал.

— Прости, — снова сказал Бэннон. — Когда я узнал, что ты в Илдакаре, то пришел спасти тебя. Я пытался тебя освободить.

— Он свободен — он волен быть бойцом! — воскликнула Адесса.

— Я волен погибнуть на арене. — Выражение лица Яна снова стало каменным, и он бросился вперед, взмахнув палицей.

Бэннон сосредоточился, блокируя удары.

Лила вытащила свой нож-эйджаил здоровой рукой и сжала черную рукоять.

— Мальчишка, если ты не прольешь кровь, то я обрушу на тебя боль, и ты насладишься ей, как никогда в жизни.

— Я не наслаждаюсь болью, — сказал Бэннон.

— Тогда дерись! — проревела Лила.

Бэннон пошел в атаку, надеясь каким-то образом оглушить Яна, чтобы бой закончился. Он взмахнул мечом, представляя перед собой не своего доброго друга детства, не товарища, с которым они бродили по острову.

Ян размахивал палицей, как молотом, нанося боковые удары, пытаясь сокрушить ребра Бэннона, но тот изворачивался. Его мускулы стали скользкими от жара битвы. Удар следовал за ударом. Палица треснула, Крепыш затупился. Бэннон вспомнил, как разнес в щепки тренировочную колоду на заднем дворе кузнеца в Танимуре.

— Прости, Ян, — снова сказал он.

Улучив момент, когда его друг оставил неприкрытой голову, Бэннон повернул меч, собираясь ударить клинком плашмя. Он знал, что так и должно быть. Он может оглушить Яна и закончить бой. Он видел, как меч медленно опускается, двигаясь по воздуху, как через густой мед, к черепу Яна.

В последнее мгновение его друг сместился со скоростью и изяществом свернутой плети. Палица скользнула вверх, отклоняя клинок и выворачивая Бэннону запястье. Он ахнул от боли, развернулся и попытался уклониться, не в силах поверить, что удар не достиг цели.

Затем палица описала дугу быстрее, чем Бэннон смог среагировать или даже различить размытое движение. У него не хватало воздуха, чтобы закричать. Краем глаза Бэннон наблюдал, как смертоносная грань летит прямо к его виску. И лишь в последний момент четырехгранное оружие слегка повернулось, чтобы обмотанная кожей сторона врезалась в череп Бэннона чуть выше уха.

Взрыв тьмы поглотил юношу и засосал в бездонную пропасть боли.

Глава 55

На город опустилась темнота, и палата волшебников объявила незапланированное ночное совещание, чтобы обсудить ущерб, нанесенный повстанцами. Никки решила больше не ждать. Она выбрала момент — ее время настало.

Да, она была одинока в Ильдакаре, но не была беспомощной.

Никки убивала волшебников и раньше, снова и снова демонстрируя свою мощь. Несмотря на свои опасения из-за неудавшегося вызова Лани столетие назад, Никки знала, что она могущественнее Торы, и могла это продемонстрировать.

— Такого врага, как я, вы еще не видели, — пробормотала она, поднимаясь по лестнице в башню властителей.

Когда она дошла до тронного зала, властительница и главнокомандующий волшебник уже сидели на своих высоких тронах, в то время как остальные члены палаты волшебников — Андре, Эльза, Квентин и Деймон — еще только занимали свои места.

Никки по-прежнему думала о Мрра, запертой сейчас в клетке с другими животными арены. Натан остался лежать в ступидии повелителя плоти; он дышал, но не приходил в сознание. Они оказались в ловушке под саваном, под которым находились все люди Ильдакара и который Тора создала, убив двенадцать несчастных рабов на ступенях пирамиды.

Когда Никки вошла в просторную палату с высокими окнами, которые выходили на сияющие городские здания далеко внизу, то ощутила внутри себя огонь.

Колдунья спасет мир.

Возможно, мир не нуждался в спасении — далеко на севере Ричард уже сделал это. Но с Ильдакаром, несомненно, что-то нужно делать. Действовать нужно ей. Она Госпожа Смерть, и этого достаточно.

Оказавшись у всех на виду, Никки сосредоточилась на своем даре, ощущая все силы и навыки, которые накопила за эти годы, заклинания, которые изучила, тактику и приемы. Воздух потрескивал вокруг нее, создавая подобие ауры. Темная ткань подола всколыхнулась. Ее распущенные светлые волосы легонько развевались, будто их затронула нарастающая буря.

Морасит Адесса настороженно стояла возле помоста и охраняла властительницу, словно собака. Закаленная женщина-воин окинула Никки безразличным взглядом. Главнокомандующий волшебник Максим, сидевший на троне, оживился при виде Никки, и на его лице появилась довольная улыбка. Тора недовольно скривилась, и ее глаза цвета морской волны осуждающе уставились на Никки.

— Колдунья, вы бесцеремонно вмешиваетесь в наше собрание. Вы уже достаточно препятствовали нам сегодня.

— Возможно, ей стоит присоединиться к нам, — сказал Деймон, поглаживая свои длинные усы. В этот вечер он привязал к свисающим острым кончикам усов крошечные гранатовые бусины. — В правящем совете стало на двух человек меньше, а она достаточно сильна. Может, она обеспечит ценный взгляд со стороны.

— На самом деле палате до полного состава не хватает уже трех человек, — сказала Эльза, взглянув на каменную статую Лани. — А значит, и правящему совету.

— Этой ночью совет уменьшится еще на одного человека после того, как я исключу из него властительницу Тору, — объявила Никки.

Вздохи изумления послышались от сидевших на каменных скамьях волшебников. Повелитель плоти Андре провел пальцами по своей заплетенной в тугую косу бороде.

— Ах, так это вызов, ммм?

— Это вызов, но по правилам Ильдакара, — сказала Никки. — Я считаю властительницу непригодной к правлению. Она деспот и бросает тень на этот город. Члены палаты тоже ответственны за суровый уклад жизни, от которого страдает множество людей. — Она укоризненно посмотрела на волшебников. — Но корабль идет туда, куда ведет его капитан. Поэтому я должна взять штурвал в свои руки и изменить курс Ильдакара. — Она сделала шаг вперед, и треск вокруг нее усилился. — После ухода Торы остальные, возможно, вспомнят свою человечность.

— Борода Владетеля, как помпезно! — хмыкнул Максим. — Это гораздо увлекательнее, чем я надеялся.

Адесса рядом с помостом напряглась, готовая напасть на Никки, но все же не двинулась, ожидая указаний. Никки сосредоточилась на своем главном сопернике.

Тора свирепо посмотрела на мужа и медленно поднялась с трона. Никки почувствовала, как всколыхнулся дар властительницы, окутывавший ее коконом невидимой, но смертельной магии. Ее сложная прическа из множества косичек дернулась и зашевелилась, словно змеиное гнездо.

— Ты даже не одна из нас, Никки. Как смеешь бросать вызов?

— Очень даже смею, — сказала Никки, затем понизила голос. — Ты совершила серьезную ошибку, схватив мою песчаную пуму... но это была лишь последняя из твоих ошибок.

Тора надменно спустилась по двум ступеням и ступила на голубой мраморный пол. Максим подался вперед на своем троне, облокотившись на черные шаровары и соединив ладони. Никки задалась вопросом, действительно ли Максим хотел ее победы — или, как он выразился, ненавидит Тору настолько, что хочет увидеть поражение жены. Может, он просто хотел свежих впечатлений в своей бесконечной и скучной жизни.

— Наши законы разрешают ей бросить тебе вызов. Ты ведь не боишься, Тора? — поинтересовался Максим.

Лицо властительницы скривилось в гримасе. Она сердито посмотрела на мужа, а затем окинула взглядом весь тронный зал.

— Эта чужеземка ничего не знает о наших законах, о наших традициях. Этот вызов никак не связан с ее прирученным животным. Она шпионка, сеющая смуту. Она пришла сюда, притворяясь, что просит помощи для бессильного волшебника, но с самого начала хотела разрушить наш образ жизни.

Никки продолжала вести себя холодно и вызывающе.

— Неправда. Я была бы рада обнаружить, что этот город достоин легенд о нем. Но я довольно быстро поняла, что ваше общество далеко от идеала.

— Ты состоишь в союзе с Зерцалоликим и его мятежниками, — обвинила ее Тора. — И я могу это доказать.

Члены палаты волшебников зашептались. Тора прошла мимо нее к каменному столику и взяла оттуда фарфоровый кувшин с водой. Вернувшись в центр голубого мраморного пола, властительница медленно вылила воду на полированный камень, и та растеклась широкой неглубокой лужей. Тора отбросила фарфоровый кувшин, и он разбился вдребезги. Властительница простерла руки над лужей, призывая свой дар.

Зеркальная гладь всколыхнулась, закружилась в водовороте и стала подобием окна в прошлое.

— Мы наблюдали как за этими чужеземцами, так и за многими подозрительными людьми, — сказала Тора. — Этому трюку я научилась у Лани, до того, как победила ее. Все умывальные чаши в городе, зеркальные чаши и неподвижные фонтаны — мои всевидящие омуты. — Она улыбнулась.

Главкомандующий волшебник, сидевший на троне на возвышении, удивленно оживился. Остальные волшебники забормотали. Даже Адесса шагнула вперед, внимательно за всеми наблюдая.

— Любая такая лужа не просто зеркало — это линза, через которую я могу наблюдать, когда пожелаю. То, что отражается на поверхности воды, может быть отражено в другом месте, и я наблюдала за Никки и ее беспомощным волшебником-компаньоном. Узрите!

Она сделала рукой круговое движение, и Никки увидела в отражении себя и Натана. Из лужи воды исходил звук. Они тихо разговаривали в его комнате поздней ночью. Никки помнила разговор, который состоялся после того, как она вступила в контакт с Зерцалоликим и его повстанцами. Тора тщательно отбирала слова, показывая наиболее порочащие фрагменты.

«Мы должны найти способ свергнуть правительство города».

Члены палаты волшебников заворчали, но Тора улыбнулась. Она щелкнула пальцами, показывая другие слова, которые Никки произнесла наедине с Натаном.

«Когда мы поступаем правильно, сила оказывается на нашей стороне. Правящий совет падет».

Никки равнодушно стояла прямо. Изображение снова сменилось:

«Как колдунья я уверена, что смогу противостоять любому члену палаты волшебников. Возможно, мне стоит бросить им вызов и стать одним из правителей Ильдакара».

Она была поражена, услышав, что ее собственные слова обличают ее, но, как ни странно, некоторые из волшебников больше были потрясены тем, что Тора шпионит за всеми ними.

— Ты можешь проделать это с любой чашей для умывания? С любым фонтаном? — Деймон погладил длинные усы, явно взволнованный. — Ты можешь использовать заклинание магического зеркала, чтобы наблюдать за любой частью города? За любым человеком?

— За кем захочу, — ответила Тора. Услышав испуганное бормотание, она повернулась к ним: — А что? Вы замышляете измену? Если нет, то бояться нечего. Вы разве не слышали, что сказала колдунья? — Она обвинительно указала пальцем на Никки, а затем вниз, на повторяющиеся сцены в воде. — Она объявила себя виновной. Ее собственные слова доказывают, что она намерена низложить Ильдакар. Она явилась посеять среди нас раздор. Это все часть ее плана. Смотрите. — Далее Тора продемонстрировала им ночную сцену на задворках укрытой теньями городской площади, где Никки впервые встретила Зерцалоликого и его последователей — возле фонтана, вода которого запечатлела изображения и слова.

«Я и мои спутники поддерживаем вас и можем помочь, если есть план. Народ Ильдакара сильно угнетен».

И последовал обличающий ответ лидера повстанцев в маске:

«Ты одна из нас, колдунья Никки».

Пока Тора показывала результаты своего неожиданного магического шпионажа, Никки наблюдала за лицами членов па-

латы волшебников, на которых отражались отвращение и неприязнь. Она вызывающе посмотрела на Тору, которая стояла на дальнем краю лужи.

— Должно быть, ты подслушала многие тайные ночные разговоры... и не только мои. — Она проигнорировала изображения, сменявшиеся в магическом зеркале. — Это ничего не меняет в брошенном мною вызове. Я не скрывала своего отношения и теперь бросаю тебе вызов. Если бы не твое порочное руководство, в городе не было бы беспорядков и не было бы нужды в Зерцалоликом. Ты создала эту ситуацию и должна уйти. — Никки подошла к самому краю лужи.

Она подумала об освобожденных Ричардом землях, о побежденных им невероятных врагах и свергнутых тиранах. Если он смог достичь таких невероятных побед, то и Никки сможет сделать то же самое от его имени.

— Ты хочешь солгать? — рассмеялась Тора. — Отрицаешь свой мятеж перед членами палаты волшебников?

— Я ничего не отрицаю, потому что твои обвинения ничего не значат. Эти слова не отменяют моего вызова. — Никки быстро взглянула на Максима, и тот едва заметно кивнул. — По законам Ильдакара я требую битвы с тобой.

Глава 56

Задохнувшись от негодования, властительница уставилась на свою соперницу через разделявшую их лужу, в которой сменялись картины тайных разговоров Никки. Голос Торы был пропитан презрением:

— Чужаки не вправе диктовать мне условия. Мы любезно приняли тебя в Ильдакаре, поскольку ты одаренная чужеземка, но теперь ты заставляешь меня сожалеть о гостеприимстве.

Никки хранила молчание, ожидая ответа на свой вызов. Дар беспокойно извивался в ней, жаждая высвободиться.

Развалившийся на своем богатом троне Максим усмехнулся.

— Сожалей обо всем, что тебе заблагорассудится, моя дорогая жена, но это не меняет дела. Каждый член палаты волшебников знает законы города. Правила не изменились с тех пор, как Лани бросила тебе вызов. Любой одаренный может бросить вызов правителю Ильдакара, и все решит демонстрация силы — по традиции мы называем это поединком.

Властительница свирепо посмотрела на мужа.

— Ты прав, хотя эта выскочка решила истолковать правила в свою пользу. — Она изучала взглядом других волшебников, пытаясь определить, кто из них встал на сторону Никки, а кто поддерживает ее.

Адесса прислонилась к холодной каменной стене и наблюдала за напряженной сценой своими сверкающими темными глазами.

Никки держала руки опущенными по бокам, пальцы были сжаты.

Максим передвинулся на самый краешек сиденья трона.

— Так что ты ответишь, Тора? Мы не можем сидеть тут всю ночь.

С перекошенным от гнева лицом Тора уставилась на Никки.

— Я тоже знаю законы нашего города и поэтому воспользуюсь собственным правом. Любой может вызвать правителя Ильдакара на поединок. — Ее губы искривились, как увядший бутон розы. — Но как вызванная сторона я имею право выбрать своего защитника. — Она подняла голову, отчего замысловатые петли и завитки из косичек покачнулись. — Эта чужеземка не достойна моего времени или усилий. Адесса, ты мой защитник. — Она пренебрежительно махнула рукой, отступив к помосту. — Убей Никки вместо меня.

Волшебники ахнули.

— Это будет интересно, ммм? — усмехнулся Андре.

Никки повернулась и взглянула на обманчиво спокойную воительницу, кожа которой была покрыта выжженными отметинами. Адесса подняла левую руку в боевой перчатке, а правой коснулась рукояти короткого меча. Она шла вперед вальяжно и неторопливо, сосредотачиваясь перед боем. Морасит выглядела такой же опасной, как гибельный цветок.

Когда Тора снова села на свой трон, Никки обратилась к ней:

— Ты не сражаешься в битвах? Даже чтобы защитить свою власть?

Тора откинулась назад и провела ладонью по синему шелку, разглаживая ткань на бедрах.

— Я получаю больше удовольствия, когда выступаю в роли зрителя. — Она кивнула Адессе. — Не разочаруй меня.

Морасит шагнула к Никки, подняв меч и приготовившись к бою.

— Не разочарую, властительница. Я поставила на место много заносчивых щенков в тренировочных ямах. Все они переоценивают себя и свои способности — пока не окажутся сложенными. Эта колдунья ничем от них не отличается.

Никки переключила внимание на Адессу и заглянула в безвозрастные глаза воительницы. Шрамы Адессы свидетельствовали о множестве жестоких боев, в которых она выжила, но Никки знала, что этот бой Морасит не пережить.

Адесса без предупреждения прыгнула вперед, взмахнув коротким мечом и издав леденящий кровь крик.

Черное платье Никки взметнулось, когда она подняла сложенную ладонь и выпустила дар, которому не терпелось сорваться с кончиков ее пальцев. В ее ладони забурился раскаленный огонь — шар огня волшебника размером со спелый апельсин. Никки не хотела затягивать бой и тем самым оказывать Адессе честь. Она желала покончить с этим и свергнуть властительницу Тору.

Никки швырнула пылающий шар, и тот угодил в центр груди Адессы, расплескавшись по голой коже и черному кожаному наряду. Заклинание должно было ее испепелить. Огонь волшебника был одним из самых ужасных оружий в арсенале Никки. Непрекращающееся неугасимое пламя, которое сжигало противника и продолжало гореть, пока не проедало жертву до обугленных костей. Но огонь просто прошел волной по символам на обнаженной коже Морасит и растекся по сторонам, рассеиваясь в воздухе позади нее. Адесса даже не прервала свою атаку.

Никки пригнулась, а короткий меч просвистел там, где только что была ее шея. Она почувствовала, как сталь легонько коснулась распущенных светлых волос, отсекая несколько прядей. Адесса приземлилась на пол обитыми металлом сандалиями, развернулась и снова атаковала. Никки пустила в ход магию, создав молот из уплотненного воздуха, который должен был расплющить противницу. Но воздух просто стек с покрытой заклинаниями кожи, не причинив вреда.

Она слышала, как ахнула Эльза и усмехнулся Андре. Краем глаза Никки увидела Тору на троне. На лице властительницы было выражение кипящего гнева, а Максим лишь ухмылялся, закинув ногу на ногу, будто уже давно не испытывал такого удовольствия.

Неистовый ветер, созданный Никки, завывал и отражался от стен высокой башни, громяхая окнами, но для Адессы он был неопасен. Морасит приблизилась и взмахнула кулаком в боевой перчатке. Удар пришелся по щеке Никки, и колдунья пошатнулась; бронзовые шипы сильно оцарапали кожу.

Никки отклонилась назад как можно дальше, едва разминувшись с коротким мечом Адессы, которая пыталась выпустить ей кишки.

— Твоя магия не действует на Морасит, — сказала Адесса. — Тебя должны были предупредить.

Острая боль от удара по голове отвлекала, но Никки собралась с силами.

— Тогда я буду сражаться с тобой без магии. — Не сводя глаз с противницы, она достала два кинжала из набедренных ножен. — Для меня нет разницы.

Тора наклонилась к своему мужу и сказала:

— Я говорила, что это не займет много времени. — Ее голос стал жестче и зазвучал обвинительно. — Я знаю, что это ты надоумил ее, Максим. Она заплатит за это, и тебя я тоже заставлю заплатить.

— Ты слишком поспешно судишь, дорогая жена. Смотри дальше.

Никки свободно держала кинжалы, продолжая двигаться, кружить и наблюдать за Адессой. Меч Морасит был длиннее ее кинжалов, но Никки будет действовать быстро. Платье ограничивало ее, ткань цеплялась за ноги, корсет сжимал талию и грудь, а вот движения Адессы ничто не стесняло.

И ничто не защищало.

Никки сделала ложный выпад кинжалом в левую руку Морасит, провоцируя ее, а затем полоснула лезвием по правой руке. Адесса ловко увернулась и перешла в атаку. Никки подпустила ее ближе и, когда Морасит нанесла колющий удар мечом, выронила свой правый кинжал, позволив ему со стуком упасть на пол. Освободившейся рукой Никки железной хваткой вцепилась в запястье воительницы, чтобы отвести ее меч подальше, и с силой опустила левую ногу на ступню Адессы. Послышался хруст костей под завязками сандалий.

Адесса зарычала, но не вскрикнула. Она размахнулась кулаком в перчатке и ударила Никки в живот, выбив из ее легких воздух. Никки отшатнулась назад, изо всех сил пытаясь вдохнуть и уклоняясь от кончика клинка. Теперь у нее был только один нож.

Преследуя ее, Адесса прошлепала по разлитой луже, каким-то образом игнорируя боль в сломанной ступне. Она лишь

слегка прихрамывала. Никки, пятась, вышла из лужи и, как только Адесса бросилась на нее, выпустила магию... но на этот раз не против Морасит.

Используя дар, она выкачала тепло из плитки на полу, превратив пролитую воду в зеркальную гладь стылого льда. Бегущая сломя голову воительница потеряла равновесие и растянулась на льду. Никки воспользовалась преимуществом и прыгнула на Морасит, пока та пыталась встать. Никки опрокинула ее на лед и занесла кинжал, чтобы нанести смертельный удар, но облаченная в перчатку рука Адессы взметнулась вверх, поймав ее руку. Никки кряхтела и напрягалась, пытаясь вогнать кинжал, но ее мускулы не шли ни в какое сравнение с мускулами Морасит.

Адесса выпустила свой короткий меч, чтобы сосредоточить силы на защите, но Никки заботило лишь одно: толкать кончик кинжала ближе и ближе к впадинке горла противницы. Адесса защищалась только одной рукой. Никки не видела, как та нащупывает что-то у себя на талии и вытаскивает короткий черный цилиндр. Она услышала тихий щелчок и увидела блеск серебристой иглы. Адесса ткнула своим ножом-эйджаилом в бок Никки.

Боль взорвалась цепной молнией, пульсируя по нервам, и заставила колдунью бросить кинжал. Ее суставы превратились в желе. Никки корчилась и задыхалась. Судя по всему, эта женщина была похожа на Морд-Сит больше, чем колдунья предполагала.

Адесса, снова поднявшись, здоровой ногой ударила Никки в грудь, а затем по почкам. Никки захрипела и покатилась по полу, пытаясь прийти в себя. Сокрушительная боль прекратилась в тот момент, когда она разорвала контакт с крошечной иглой, но жестокие удары Адессы не давали ей подняться.

Никки пыталась встать на четвереньки, чтобы уползти. Джегань избивал ее гораздо хуже, чем сейчас, и она выжила. Адесса, словно молотом, взмахнула кулаком в боевой перчатке

и ударила Никки в висок. Зрение Никки заслонила черная паутина. С каждым вдохом она словно глотала огонь, смешанный с разбитым стеклом. Она качалась, но отказывалась падать. Из ее рта и носа лилась кровь.

Удары на мгновение прекратились, и Никки увидела, как Адесса подобрала с пяточка льда свой короткий меч. Никки, покачиваясь, пошла к стене, чтобы удобнее было защищаться.

Искрой своего дара она превратила одну из плиток перед Морасит в раскаленный докрасна квадрат, который замерцал и расплавился, но воительница перепрыгнула через него.

Адесса подкрадывалась к ней со слабой улыбкой на губах, как хищник, готовый повалить свою добычу. Она обернулась к Торе.

— На сколько кусочков порезать ее для вас, властительница?

Тора спустилась с помоста, выглядя выше из-за окружавшего ее дара. Она превратила свой хань в потрескивающую бурю, которая испугала остальных волшебников в зале — даже Максима.

— Ты сделала достаточно, Адесса. Я сама закончу с ней.

Никки собралась с силами, чтобы дать отпор. Волны боли прокатывались по всему ее телу. Послушная Морасит просто стояла молча и наблюдала, грозная и устрашающая.

Никки с вызовом посмотрела на властительницу:

— Мой бой был вовсе не с Адессой. — Никки призвала дар, наращивая мощь магии.

— Ты осмелилась бросить мне вызов, — сказала Тора. — Пришло время избавиться от тебя. Вывалить тебя, как ночной горшок, чтобы никто...

Она махнула рукой в сторону, и стена воздуха врезалась в Никки с невероятной силой, отталкивая ее в десять раз сильнее, чем раньше.

— ...больше...

Тора ударила еще сильнее. Никки потащило к стене; она пыталась собраться с силами и выставить щит.

— ...не посмел бросить мне вызов...

Тора использовала обе руки, а Никки была слишком слаба, чтобы отразить последний сокрушительный удар.

— ...вновь!

Никки отразила лишь крупицу магии, прежде чем масса твердого воздуха ударила в нее тараном, толкнув назад и вверх. Ее тело выбило окно высокой башни, и Никки вылетела в бездонную пропасть ночи.

Глава 57

Даже после многих лет изучения архивов Твердыни Оливер за несколько месяцев путешествия по Древнему миру узнал больше, чем вычитал из книг. Он и Перетта впитывали детали доселе неведомых им пейзажей, пробираясь через горы к морю, а затем во время плавания на север к захватывающим дух городам.

И вот, наконец, эти двое отправились домой, переполненные впечатлениями.

Капитан Норкросс с пятьюдесятью солдатами остался в бухте Ренда, чтобы помочь жителям построить оборонительные укрепления, изготовить оружие и подготовиться к отражению атак с моря. Глава города Таддеус задыхался от благодарности:

— Норукайцы непременно вернутся. Так всегда бывает. Мы отбили и, может быть, немного их потрепали, но они побеждают в любом случае, что бы мы ни делали.

— В следующий раз вы нанесете им гораздо больший урон. Капитан Норкросс позаботится об этом, — сказал генерал

Зиммер, прежде чем отбыть с остальными экспедиционными силами.

Норкросс на прощание обнял свою сестру Эмбер, а потом строй солдат отправился вглубь материка по дороге, идущей вдоль реки. Оливер и Перетта возглавили отряд и ехали вдвоем на одной лошади, потому что скакунов на всех не хватало.

Хотя плавание из Серримунди было легким, десять лошадей пали в трюме. Таких животных не следовало долго держать под палубой. Оливеру было жаль бедных лошадей, но он знал, что остальные столкнутся с еще более плохими условиями, если они отправятся на настоящую войну...

Погрузившись в свои мысли, Оливер вздрогнул. Они ехали верхом вдоль реки с сотней бодрых солдат, которые считались лучшими бойцами д'харианской армии.

Перетта, сидевшая в седле перед ним, обернулась:

— Что с тобой? Я почувствовала, как ты дрожишь.

— Я просто подумал о войне. — Он понял, что тесно прижимается к девушке, с которой они ютились в одном седле. Перетта была худой и костлявой, и Оливер чувствовал, как ее позвоночник прижимается к его груди, но почему-то он находил это приятным.

— Почему ты подумал о войне? — Ее темные локоны шевелились на ветру, который шелестел над широкой рекой.

— Из-за этих солдат и лошадей.

— Тогда ты наверняка не слушал, что сказали нам аббатиса и генерал. Войны закончились, Имперский Орден потерпел поражение. Лорд Рал открыл всему миру путь к спокойствию и процветанию, а мы — часть этого. Никки сама так сказала. Это хорошие новости.

— Зачем тогда нужны солдаты? — спросил он. — Зачем Д'Харе такая большая армия?

— Да затем, чтобы обеспечивать мир. — Она насупилась и снова стала смотреть вперед. — Ты слишком много беспокоишься.

Лошади шли парами по широкой речной дороге. За несколько дней отряд покрыл большое расстояние, перешел предгорья, а затем спустился в долину, где обнаружились остатки имперских дорог.

Каждую ночь, когда разбивали лагерь, ученые ужинали вместе с аббатисой и генералом в командном шатре. Зиммер изучал карты, которые ежедневно обновлялись штабными картографами. Верне было интересно послушать рассказы о Твердыне и хранящихся там знаниях. Перетта могла дословно пересказать многие книги — и часто делала это, испытывая терпение даже заинтересованной аббатисы. Оливер более тщательно выбирал истории и был хорошим рассказчиком.

Когда они сидели за круглым деревянным столом в центре палатки генерала, поедая мясо дикой индейки, которую подстрелил один из разведчиков, Оливер поведал больше об истории Твердыни:

— Перед началом Великой войны, когда магия была объявлена вне закона, одаренные подвергались гонениям, а библиотеки с магическими книгами были захвачены или сожжены, некоторые волшебники поняли, что единственный способ сохранить знания для будущего — скрыть их. В течение многих лет, пока армии Сулакана проносились по Древнему миру, завоеывая город за городом, волшебники втайне собирали все важные записи, которые могли найти, и строили сокровищницу тайных знаний. Они нашли изолированное место в неизведанных каньонах в глубине пустыни. Там они выстроили библиотеку Твердыни и провели годы, собирая книги и свитки, сохраняя знания там, где им не будут грозить посягательства Сулакана. Многие волшебники заплатили жизнью за сохранность этого секрета. Твердыня разрасталась, полки и хранилища заполнялись тысячами самых важных книг, когда-либо написанных. — Он сделал паузу, чтобы откусить еще немного сочного мяса индейки. — Затем они создали маскировочный саван, чтобы укрыть скалы архива, и он стал казаться глухой

стеной каньона. Библиотека оставалась запечатанной три тысячи лет. — Перетта передала ему салфетку, и он смущенно вытер губы. — Теперь новое поколение ученых может изучать эти книги.

— Около пятидесяти лет назад одна из помнящих нашла способ развеять саван, — сказала Перетта; на ее лице отразилась тревога, и она поджала губы. — Виктория. Она сама создала немало проблем, но снова открыла миру Твердыню. Веками никто не мог этого сделать, хотя многие пытались.

— Ты все время говоришь о помнящих, но так и не объяснила, кто они, — сказал генерал Зиммер, отбросив кость индейки. Пальцами он оторвал полоску золотисто-коричневой кожи и положил ее в рот.

Девушка с радостью пустилась в объяснения:

— Помнящие были одаренными учеными, чья миссия состояла в сохранении знаний несколько иным способом. Мы их запомнили. Все знания. Мы читали и заучивали свиток за свитком, фиксируя каждое слово в памяти, пока существовал маскировочный саван.

— В течение трех тысяч лет? — спросила Верна. — Добрые духи, в скалы встроена сохраняющая сеть? Как ты прожила так долго?

— О, у нас обычная продолжительность жизни, — ответила Перетта. — Помнящие передают свои знания из поколения в поколение. На протяжении тысячелетий мы были единственными, кто знал все пророчества, все заклинания и всю скрытую историю.

— Но теперь каждый сам может прочитать книги, — вмешался Оливер. Увидев, как поморщилась Перетта, он успокоил ее: — О, помнящие по-прежнему являются ценным ресурсом. Они могут обратиться к своим знаниям гораздо быстрее, чем ученый вроде меня прочитает целые полки книг в поисках конкретной строчки или фразы. Лучше, если помнящие и ученые будут работать вместе.

Оливер взял с блюда ножку индейки, столовым ножом срезал часть мяса и предложив его Перетте. Девушка приняла угощение, которое было незамысловатым предложением мира.

— Я буду рада, когда мы с сестрами получим возможность заглянуть в эту библиотеку, — сказала аббатиса Верна. — Мне неспокойно от осознания, что так много опасных заклинаний находится в руках неподготовленных людей. Мы можем помочь.

Оливер отвлекся на уже второй твердый походный хлебец. Аббатиса права. Никто не забудет болезненного провала с Поглотителем жизни, когда ученый случайно высвободил убийственную магию, которая уничтожила жизнь на мили вокруг. А потом было столь же неосмотрительное заклинание восстановления, приведенное в действие Викторией, которая создала смертоносные джунгли, настолько безудержные, что они могли поглотить весь мир.

— Мы будем очень рады, если направите нас, — проглотив сухой хлебец, ответил Оливер.

На следующий день большой отряд миновал долину и поднялся в горы, встречая по пути разрозненные деревни. Когда они добрались до городка Локридж, то обнаружили бурную восстановительную деятельность и недавно посаженные зерновые, хотя был уже конец сезона. Храбрые горожане отважились спуститься по старым дорогам в холмы, чтобы восстановить торговлю с другими деревнями у подножья гор. Мэр Раймонд Барре поприветствовал войско и узнал Оливера и Перетту, которые проходили через город несколько недель назад. Никки, Натан и Бэннон освободили Локридж и все окрестные городки от злополучного Судии, который объявлял людей виновными и превращал их в статуи. Никки с Натаном убили Судию и разрушили его чары, и Локридж и другие городки начали восстанавливаться. Никто так и не мог определить, сколько лет или даже столетий они были в состоянии камня, но теперь все могли продолжать жить.

— У нас мало еды, чтобы пополнить запасы такого большого отряда, — извинился мэр Барре, — но у нас есть немного зерна и копченой колбасы. Мы можем приготовить большой котел тушеной козлятины, чтобы накормить вас и ваших людей.

— Тушеная козлятина! Мы были бы весьма признательны, — сказал генерал Зиммер. — Мы рады вашему гостеприимству. Мои солдаты возьмут воду из вашего колодца, а старшие офицеры останутся на ночлег в гостинице.

— У нас найдется по крайней мере двадцать кроватей в свободных домах, — сказал Барре. — Остальным придется разбить лагерь, а мы подыщем для этого хорошее место.

Зиммер улыбнулся.

— Мои люди вытянут жребий, чтобы определить, кто будет спать на соломенном матрасе вместо твердой земли. И мы поможем с едой в меру своих сил.

Он отправил в лес нескольких своих лучших охотников, и они вернулись с двумя оленями, которыми дополнили пиршество. Жители Локриджа радовались надежде, которую принесла им д'харианская армия, радовались заверениям о многолетнем мире.

Перетта сидела рядом с Оливером, наслаждаясь рагу из козлятины, бобов и ячменя. Взгляд прислонившейся к нему девушки был устремлен вдаль.

— Когда мы были здесь в прошлый раз, я понятия не имела, насколько широк мир и как далеко мы отправимся. Тогда нам казалось, что мы преодолели такой длинный путь! — Она засмеялась. — А теперь мы вернулись в Локридж, а кажется, что уже почти дома.

— Да, мы почти дома. — Он погладил ее по руке, затем смущенно отстранился. — Мы скоро будем там, я обещаю.

Они оба легли спать на одеялах, расстеленных на городской площади, и даже не стали тянуть соломинку ради возможности поспать в кровати. К этому времени Оливер привык проводить

теплые ночи под открытым звездным небом и не возражал спать рядом с Переттой.

Утром они отправились в горы, следуя за дорогой от одного хребта к другому и поднимаясь все выше, пока не оказались на вершине перевала. Взглянув на огромную просторную долину внизу, Оливер затаил дыхание. Прищурившись, он смог разглядеть зеленые участки, текучее серебро реки, зеркала озер неправильной формы и даже квадраты вновь засеянных пахотных земель.

Ему потребовалось время, чтобы узнать долину.

— Раньше здесь была Язва!

— Значит, мы уже рядом с Твердыней? — спросила Верна. Голос ее звучал устало и нетерпеливо.

— Ближе, чем вчера, — сказала Перетта. — Впереди еще много дней пути.

Оливер не мог сдержать своего волнения.

— Не так давно эта земля была бесплодным запустением, высушенным Поглотителем жизни. Затем, благодаря Виктории, она превратилась в непроходимые леса.

— Но теперь мир снова возвращается к нормальной жизни, и все благодаря Никки, — сказала Перетта. Она вытянула руку, указывая на огромную долину. — Мы должны спуститься туда вдоль края, а затем подняться к пустыне. Видите плато на горизонте? В его каньонах расположена Твердыня.

Оливер сидел на лошади позади нее, ощущая твердость ее тела.

— Да, мы уже почти дома, — сказал он скорее Перетте, чем кому-либо другому.

Глава 58

Разбив высокое окно, Никки вывалилась во тьму и начала стремительно падать. Холодные когти ночного воздуха вцепились в ее избитое тело. Капли крови из ран разлетелись в воздухе, поднявшись подобно красным звездам среди незнакомых созвездий. Она летела вниз, обхваченная своим черным платьем. Мимо пронеслись каменные стены башни властителей, потом голые скалы плато. Сверкающие огни, крыши и извилистые улицы нижней части города становились все ближе.

Она ощущала себя птицей, черной вороной со сломанными крыльями, которая падает навстречу смерти. Но Никки не умела летать, потому что не была птицей. Она колдунья. Она — Госпожа Смерть. И хотя Адесса ранила ее, а властительница Тора нанесла решающий удар, вышвырнув в окно, Никки еще не была уничтожена, не была побеждена.

Она падала... но могла спастись. Никки умела контролировать ветер и использовать свой дар, чтобы управлять воздухом, создавая из него плотный барьер. Сейчас, несмотря на болезненно мечущиеся мысли, она быстро вдохнула, ощутив во рту металлический привкус крови, и создала спасительную воздушную подушку, объединив потоки ветра под собой, чтобы замедлить падение.

Крыши приближались к ней со скоростью выпущенной стрелы. У Никки оставалось всего несколько секунд.

Она уплотнила воздух, заставив его обхватить себя, но чувствовала, что ее тело продолжает стремительно падать. Черепичные крыши и лабиринты улиц приближались слишком быстро. Никки распростерла руки, пытаясь контролировать падение. Легкий толчок ветра швырнул ее вбок, и она задела водосток трехэтажного здания всего в двадцати футах от земли.

Никки вскрикнула, черпая всю мощь магии, которой обладала. Она отказывалась падать, отказывалась умирать. Гнев

придал ей сил, но у нее не было четкого контроля, в котором она так нуждалась. Воздушные потоки, словно в отместку, подхватили ее и швырнули в стену здания, пока она падала в пустоту темного переулка.

Последний порыв ветра развернул ее спиной вниз, она замедлилась — и рухнула на скользкие усыпанные мусором булыжники темной улицы за дубильней и товарным складом.

Она ударилась головой о твердую землю, сдавшись на милость полубоморочного состояния. Но Никки все же не позволила себе скользнуть в блаженную тьму. Она часто скрывалась в благословенном забытье, чтобы уберечь себя. Много раз Джегань избивал ее до потери сознания, когда насиловал, и это короткое бегство в забвение иногда было единственным способом бросить ему вызов. Она совершенно не сопротивлялась побоям, чтобы лишить его удовольствия слышать ее крики боли.

Теперь Никки не нужно было бежать от боли. Она не могла укрыться от боли, которая была частью ее. Если она чувствует боль, значит, жива. Никки долго лежала с закрытыми глазами, вдыхая зловоние дубильных химикатов, выброшенных обрезков шкур яксена, ошметков мяса и жира, соскобленных с кожи и сваленных в помойную кучу, в которой дрались между собой крысы. Она слышала, как грызуны возятся в стекающей в канаву жиже, вороша мусор в переулке, где никто не мог их видеть.

Оставаясь неподвижной, Никки мысленно прощупывала свое тело, чувствуя вкус крови во рту и засохшую корку в носу. Голова пульсировала из-за проломленного черепа или сотрясения мозга. Мускулы были измучены жестоким поединком, а потом падением, и Никки знала, что ее бледная кожа будет сплошь покрыта синяками. Вдыхая и выдыхая, она поняла, что несколько ребер сломаны.

Достаточно сильный волшебник смог бы исцелить ее, но вокруг не было никого кроме крыс. Она могла бы сама исце-

литься при помощи дара, как только наберется сил... но это будет еще не скоро. Никки сомневалась, что кто-нибудь из волшебников Ильдакара хоть пальцем пошевелит, чтобы помочь ей, даже если некоторые из них втайне были возмущены суровыми методами властительницы. Они не признаются в этом после того, как Никки потерпела неудачу.

По крайней мере, ее не превратили в камень, как непокорную колдунью Лани. Значит, она еще сможет сражаться. Сейчас она должна все вытерпеть и выжить.

Никки открыла глаза. Игнорируя боль, она заставила себя пошевелиться, медленно и осторожно встать на ноги, восстанавливая дыхание. Она посмотрела вверх между зданиями по обеим сторонам переулка — дубильней и складом. Зловещий шип башни властителей напоминал часового на краю плато и казался невероятно далеким. Она не могла поверить, что выжила при падении с такой высоты.

Посмотрев на стены склада, Никки вдруг заметила проблески света и неровные отражения в трещинах между кирпичами. Осколки зеркала. Кусочки зеркального стекла с острыми краями оставили как знак.

Зерцалоликий! Повстанцы.

Держась за стену, Никки с трудом пошла вперед. Тени в переулке были неглубокими и успокаивающими. Она прислонилась к прохладному камню стены склада, отдыхая и восстанавливая дыхание. Она знала, что ей нужно двигаться дальше, но она была в городе совсем одна, и идти было некуда.

К счастью, в столь позднее время улицы были пустынные. Она хотела побыть одна и решить, что делать дальше. Каждый шаг высасывал последние крохи энергии. Она израсходовала слишком много сил во время схватки с Морасит и защищаясь от магии властительницы, а затем пытаясь замедлить падение. Теперь у нее не осталось ничего и никого. Натан был без сознания и мог никогда не прийти в себя. Она не знала, где Бэннон. Мрра держали в клетке. Никки осталась одна.

Перед глазами все плыло, а мысли слишком громко стучали в голове, поэтому она не сразу заметила крадущиеся фигуры. Никки вздрогнула и отступила, зная, что не может позволить стражникам увидеть ее. Но это был не верховный капитан Стюарт или его вооруженная городская стража. Это были повстанцы.

Один поспешил вперед и хрипло сказал:

— Это колдунья. Зерцалоликий захочет ее увидеть.

Ее колени тряслись, но она попыталась призвать свою гордость и решимость. Никки шагнула навстречу мятежникам, но тут же согнулась и прислонилась к стене. Люди в капюшонах подбежали и подхватили ее.

— Властительница... это она сделала. — Она вдохнула, и в ее легкие и бок будто вонзились острые клинки. — Мне нужно убить ее. — Их лица тонули в тени, и у Никки почти не было причин доверять им, но повстанцы стали ее единственной надеждой.

Она почувствовала поддерживающие ее руки.

— Пойдем с нами, колдунья. Мы отведем тебя туда, где ты будешь в безопасности.

Именно это ей и нужно было услышать. Никки сдалась успокаивающему черному забвению.

* * *

Никки очнулась во влажном, пропахшем сыростью месте. Она услышала плавное течение воды, ласковое, как шепот любовника. Моргнув голубыми глазами, Никки попыталась сфокусировать зрение. Она увидела узкие каменные проходы, освещенные створчатыми фонарями. Туннель был гладким и темным, будто гигантский сказочный червь прорыл себе путь сквозь песчаник. В центре туннеля тек поток воды в прямом как стрела подземном канале. Акведуки! Каменные дорожки в

четыре фута шириной по обеим сторонам потока уходили в темноту.

Она лежала на деревянной низкой койке, застеленной несколькими слоями одеял. Ее импровизированная кровать стояла прямо на каменной дорожке у воды. Никки повернулась, приготовившись к взрыву боли от синяков и сломанных костей, но ощутила лишь ноющую ломоту от исцеления. Похоже, она больше не была на грани смерти.

— Кто-то исцелил меня, — пробормотала она, удивившись этому. Над ней потрудился одаренный. — Где я? — Ее голос был сухим и хриплым, в горле пересохло, несмотря на влажный воздух.

Никки подняла голову и увидела людей в коричневых балахонах. Они откинули капюшоны, не боясь показаться ей. Мужчины и женщины смотрели на нее, бледные и напуганные, но решительные. Она приподнялась, чем вызвала переполох среди повстанцев. Один убежал в туннель за помощью, но двое вышли вперед, чтобы помочь ей.

— Осторожнее, колдунья.

Пожилая женщина протянула неглубокую чашу с водой, и Никки принялась жадно пить. Вода была чистой, прохладной и восхитительной на вкус. Она осушила чашу и захотела еще воды, но ей отказали:

— Больше нельзя, иначе стошнит. Не надо торопиться.

Затем женщина дала ей ломоть мягкого хлеба, и Никки откусила кусочек.

— Я сама испекла его и ukrала у своего хозяина. Хлеб придаст сил, а для выздоровления они понадобятся.

— Мне уже гораздо лучше. — Жуя восхитительный хлеб, она заставила себя сесть, коснувшись ногами прохладного камня дорожки. — Достаточно, чтобы обдумать следующий шаг.

Черное платье было аккуратно сложено рядом. Она закуталась в одеяла в поисках тепла, пытаясь компенсировать прон-

живший ее холодный гнев. Никки обратила внимание на окружающую обстановку. Воздух был чистым и влажным, не пахло ни стоками, ни кислым смрадом переулка за дубильней.

— Тора... Адесса. — К ней вернулись острые воспоминания.

— Тише, не нужно из-за них беспокоиться. Я Мельба. Пока поправляйся, сразишься с ними позже. — Губы старухи изогнулись в мрачной улыбке. — Мы все готовы сразиться с ними.

— Где мы? Кто эти люди?

— Ты уже знаешь ответ на оба этих вопроса, колдунья, — послышался мужской голос.

Когда Никки обернулась, боль пронзила ее спину, но она посмотрела на появившегося человека в серой одежде с капюшоном и гладким серебристым овалом, закрывавшим лицо. Зеркальная маска приглушала его голос, но слова мужчины имели определенную силу.

— Ты бросила вызов злу в башне властителей. Увы, ты потерпела поражение... но выжила. Мы поможем тебе вновь стать сильной. — Зерцалоликий сделал паузу. — Так мы все сможем стать сильнее и навсегда изменить Ильдакар.

— Да. — Никки почувствовала странный проблеск уверенности. — Давайте найдем способ уничтожить их. Как долго... я здесь лежала?

Зерцалоликий подошел к ее постели:

— Ты была без сознания больше суток. Хорошо, что мои последователи нашли тебя вскоре после падения и опередили городскую стражу. — Он мягко рассмеялся. — Тот факт, что они не смогли найти твое тело, заставил их запаниковать.

— Мы слышали о поединке, — добавила Мельба, предлагая Никки еще один кусочек хлеба. — Это было храбро и достойно восхищения.

— У меня ничего не вышло, — сказала Никки.

— Тем не менее, ты встряхнула их, — заявил Зерцалоликий. — Как и мы, когда выпустили боевых зверей, чтобы посеять хаос в городе.

Мятежники подошли послушать ее слова и встали возле Мельбы. По сияющим глазам и нетерпеливым лицам Никки видела, что дала им надежду... Но она сомневалась, что сама заслуживает эту надежду.

— Мы должны продолжать наносить ущерб, пока не сокрушим старый порядок, — продолжил Зерцалоликий. — Черное общество Ильдакара должно быть перестроено. Совет правил слишком долго без всяких перемен, а народ страдал. Этому должен прийти конец.

Таинственные повстанцы собрались вокруг и забормотали, соглашаясь.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам, — пообещала Никки.

Зерцалоликий кивнул, будто меньшего и не ждал.

Глава 59

Беловолосый волшебник, напоминавший скульптуру из воска телесного цвета, лежал на окаймленном рунами столе в студии повелителя плоти.

Натан Рал хорошо сохранился для своего возраста и выглядел благородно. Он мог стать великим волшебником, если к нему вернется сила, которой он когда-то обладал. Андре восхищался им, радуясь выпавшей возможности провести подобный эксперимент. Он чувствовал себя скульптором, который работает с прекрасным и редким куском мрамора. Но даже в самом безупречном куске камня могли оказаться скрытые изъяны, которые способны привести к разрушению статуи. Он за-

дался вопросом, нет ли у Натана такого внутреннего изъяна, который грозит ему гибелью.

— Посмотрим, из чего ты сделан, ммм? — Он провел кончиком пальца по длинному шраму на груди волшебника. Именно здесь Андре разделил плоть и кости, вскрыл грудину и извлек все еще бьющееся, но лишенное дара сердце, чтобы заменить его сердцем Айвена. — Только время покажет.

Когда он отступил, Натан даже не шелохнулся. Его тело было холодным, дыхание медленным и неглубоким. Веки подходили на тонкий пергамент, закрывающий безвозрастные глаза пронзительно-голубого цвета.

Натан Рал утверждал, что ему тысяча лет. Это делало его впечатляющим исключением из обычных людей, хотя волшебники Ильдакара жили намного дольше благодаря савану вечности.

Самому Андре было уже почти две тысячи лет. Когда ему было пять веков, а его дар был на самом пике, к городу подступил генерал Утрос с ошеломляющей армией. Сотни тысяч солдат прошли через горы, разорив посевы и фруктовые сады и сравнив с землей все деревни на своем пути — лишь для того, чтобы армия продержалась еще несколько дней. Они встали у стен Ильдакара, требуя капитуляции и желая отобрать богатства города. Утрос обещал накормить свою армию припасами Ильдакара. Но Ильдакар уничтожил их.

Оставив Натана в исцеляющем беспробудном сне, Андре прошел через крылья своего особняка. Он вспоминал, как он и его соратники-волшебники столкнулись с великой армией императора Кергана. Повелитель плоти Андре был таким сильным, дерзким и амбициозным. Оказавшись пред лицом угрозы, он создал одно из лучших своих творений.

Он вошел в отдельное большое крыло и при помощи дара сделал освещение ярче. Со вздохом гордости Андре взглянул на трех закованных в броню титанов, его воинов Иксакс, которых он создал как величайших защитников Ильдакара, непо-

бедимых солдат, способных уничтожить тысячи врагов без посторонней помощи — если война дойдет до сражения. Если спустить их с привязи, эти гигантские боевые машины будут атаковать подобно голодным гончим в курятнике, выкашивая врагов с невероятной быстротой.

Андре стоял, заложив руки за спину, и любовался исполинскими бронированными фигурами, обитыми бронзой наручами и браслетами, огромными боевыми рукавицами на кулаках размером с валун. Три воина Иксакс стояли прямо, соединив ступни и опустив массивные руки вдоль тела; толстые металлические шлемы закрывали их головы и лица, оставляя только щель для глаз.

— Ах, я всегда восхищался вами! — произнес Андре. — Я так рад, что создал вас, но разочарован тем, что палата волшебников дала мне сотворить только троих. — Он фыркнул. — У нас могла бы быть целая армия Иксакс, ммм? — Он перешел от первого титана ко второму, разглядывая рельефные мускулы под облегающей толстой броней. — Готовых, ждущих своего часа и беззаветно преданных. — Улыбаясь, он легкой походкой двинулся к третьему гигантскому солдату. — Я создал каждого из вас из сырьевого материала — обычного солдата, новобранца, обреченного умереть на поле боя. Теперь взгляните на себя. — Он вскинул руки. — Посмотрите, кем вы стали! — Он щелкнул языком. — Ах, если бы только моя магия могла дать вам больше терпения. Должно быть, вы очень долго ждете, ммм? — Он хихикнул. — Чтобы вы знали, вы стоите тут неподвижно более полутора тысяч лет. День за днем вы не сходите с места... бодрствуете и наблюдаете.

Ближайший воин Иксакс был настолько высок, что его бедро находилось на уровне груди повелителя плоти. Андре провел пальцами по чеканной поверхности кованого наголенника.

— Вы должны быть готовы к бою, готовы немедленно атаковать. У нас не будет времени будить вас, если понадобится ваша мощь. Мне жаль, если это доставляет вам неудобство.

Какие грандиозные мысли, должно быть, посещают вас, пока вы здесь стоите, — сказал повелитель плоти, но в его голосе слышалась насмешка. — О, вероятно, к вам приходят великолепные идеи, ммм? Очень жаль, что у вас нет способа записать их. Творческий человек мог бы сочинить прекрасные стихи из многих тысяч строк. Уверен, этому вы и посвящали свой разум все эти годы. О чем еще вам думать? — Он поднял брови.

Ни один из трех воинов Иксакс не шелохнулся. Они были похожи на огромные статуи, но повелитель плоти знал, что они живые и мыслящие существа, запертые внутри брони.

— Как, должно быть, вас это расстраивает. — Теперь он откровенно над ними измывался. — Все это время вы не способны пошевелить ни одним мускулом. Разве вам не хочется просто... размять ноги? — Он шагнул к среднему воину Иксакс и постучал по броне кончиками пальцев. — Ты можешь это чувствовать? А если тебе нужно почесать нос? Может, где-нибудь зудит, ммм?

Он вышагивал перед ними, упиваясь своим успехом в создании гигантских воинов. Хотя эти три скульптуры из плоти были давно закончены, воины Иксакс оставались глиной в его руках. Он по-прежнему мог сломать их, если пожелает или если они ему наскучат.

— Только представьте, что у вас зуд... — произнес Андре и хихикнул.

Сквозь щелочки в массивных шлемах на него взирали желтые глаза трех неподвижных Иксакс.

Глава 60

Восстановив силы в сумрачных акведуках Ильдакара, Никки окрепла достаточно, чтобы использовать свой дар исцеления. Она залечила синяки и срастила треснувшие кости.

Кто-то нежно вытер ее лицо от крови влажной тряпичей, пока она находилась без сознания. Но ее больше удивляло то, что кто-то исцелил ее настолько, чтобы сохранить ей жизнь. Значит, кто-то из мятежников обладал даром и не все повстанцы были рабами или представителями низших классов. Для исцеления столь тяжелых травм требовались недюжинные магические способности.

Когда Никки спросила об этом у Мельбы и остальных, никто не ответил на вопросы, но ей не нужно было знать ответы. Она решила полагаться на себя и для начала собраться с силами. Никки уже строила планы относительно того, как снова бросить вызов членам правящего совета, в особенности владетельнице Торе.

Как только она будет готова.

Никки, не желая сидеть на месте, исследовала туннели акведука, проходившие по всему городу. Один из заботившихся о ней повстанцев, тихий мужчина средних лет по имени Ренделл, сопровождал ее, освещая путь фонарем. Он знал все закоулки этого лабиринта.

— Наша вода поступает из речушек и ручейков равнины, но основная ее часть приходит из реки Киллрейвен, — объяснил он.

— Но река течет далеко вниз, у подножья обрыва, — сказала Никки.

— Волшебники используют руны переноса, чтобы вода текла туда, куда они хотят — неважно, в гору или со склона.

Ренделл остановился на перекрестке, посмотрел на текущую в канале воду и решил пойти налево. Никки последовала за ним. Свет его фонаря придавал стенам из песчаника теплый оранжевый оттенок.

— Своим даром они распределяют воду по всему городу, наполняя фонтаны, бассейны и питая почву садов одаренной знати.

Никки подобрала юбки до колен, наклонилась и погрузила пальцы в текущую воду.

— Это требует больших усилий.

Он посмотрел на нее:

— Разумеется, и волшебники Ильдакара не склонны к ненужным красивым жестам, чтобы доказать свою силу.

Никки вытерла мокрую ладонь о платье.

— Полагаю, не склонны.

Ренделл был домашним рабом волшебника Деймона, но сбежал и поклялся в верности Зерцалоликому; он скрывался в акведуках уже больше года. Деймон считал мужчину не более чем предметом мебели. Хотя лицо Ренделла редко выражало какие-либо эмоции, его глаза сияли, когда он говорил о свободе. Никки могла прочесть в них вскипающий гнев и направленную Зерцалоликим силу. Все его последователи чувствовали то же самое.

Никки поговорила с ними, желая понять, кто они такие. Некоторые были сбежавшими домашними рабами, всю жизнь прожившими в Ильдакаре; других продали в рабство норукайцы и они пробыли в городе лишь несколько лет. Кто-то редко посещал туннели, в то время как другие все время оставались под землей, как жуки в гниющем стволе упавшего дерева. Зерцалоликий наведывался почти каждый день, но даже в безопасности туннелей не снимал зеркальной маски.

Он разыскал Никки, когда она шла по туннелям со своим проводником. Вместо его лица она увидела собственное искривленное отражение.

— Вот вы где! Я знаю, что в тебе растет нетерпение, колдунья. Пойдем со мной. В наших акведуках еще один гость, и я думаю, тебе захочется побеседовать с ним. — Его серое одеяние взметнулось, когда он зашагал по туннелю. — Вероятно, для него эта беседа станет последней.

Никки последовала за ним, испытывая настороженность и любопытство. Они шли по разветвленным туннелям с низкими

потолками, пересекая воду по узким дощатым мосткам, проложенным повстанцами. Возле очередного пересечения каналов они наткнулись на небольшой альков, ставший подземной темницей.

К шероховатой стене был прикован обнаженный мужчина. Железные болты надежно крепили цепи; узник стоял, вытянувшись во весь рост, но его ноги едва касались земли. Когда пленник увидел прибывших людей, то стал извиваться и метаться, шипя на них, как пойманная рептилия. Никки поняла, что такое сравнение весьма подходит, когда разглядела ужасные шрамы от уголков губ до суставов челюсти, татуировки в виде чешуи, две длинные и тонкие коричневые косички на затылке и выбритый череп. Укрытые тенью глаза норукайца блестели. Он извивался в цепях, бросаясь в стороны, насколько мог. Никки наблюдала, как на его истощенном теле играют мускулы. Ребра мужчины выделялись, напоминая скелет морского змея, на который они с Натаном и Бэнноном наткнулись на Призрачном берегу.

— Это норукаец, который пропал без вести. — Она прищурилась, пытаясь вспомнить имя мужчины. — Дар.

— Да, остальные отплыли без него, что наглядно показало, насколько они ценят своих же сородичей, — произнес Зерцалоликий. — Норукайцы носят броню высокомерия, но броня эта не защищает от свободы. Дар теперь понимает, что значит быть пленником.

— Ходячее мясо, — сказала Никки.

Норукаец щелкнул челюстями, как дикое животное, которое пытается укусить своего мучителя.

— Ну, ходить ему осталось недолго. — Зерцалоликий подошел к пленнику на расстояние ширины ладони. — Его товарищи оставили его здесь, чтобы мы с ним поиграли. Многие мои последователи помнят нежные ласки норукайцев до продажи в Ильдакаре.

Тело Дара было преимущественно воспаленного темно-красного цвета. По всей длине рук, на левой части спины и на бедрах виднелись прямоугольные участками сырой плоти. Никки поняла, что с него сдирали кожу.

Зерцалоликий заметил, что она обратила на это внимание, и сказал:

— Я должен был как-то отблагодарить своих последователей, поэтому дал им острые ножи и позволил мстить — по одной узкой полоске кожи за раз. — Он усмехнулся. — Список желающих довольно длинный. — Лидер мятежников повернул свою зеркальную маску к Никки, и, хотя она не могла видеть его лица, все же заметила изменившийся тон приглушенного голоса: — Сложно было помешать им убить его. Такой гнев... — Он покачал головой под капюшоном. — Такой гнев может быть весьма полезен.

— А боль полезна? Ты допрашивал его? — Никки знала, насколько опасны и отвратительны норукайцы. Она не верила, что их интересует лишь торговля. — Ты знаешь, зачем они приезжают в Ильдакар?

— Продавать рабов.

— И все? Думаю, я смогу выжать из него больше сведений. — Никки уже предвкушала это. Она помнила, как правящий совет счел бесполезным допрашивать очнувшегося каменного солдата Ульриха.

— Мы сражаемся за свободу, — сказал Зерцалоликий. — У нас мало опыта в ведении допросов.

Никки улыбнулась.

— Тогда предоставь это мне. — Она вспомнила, как мучила пленников императора Джегана, добывая очень ценную информацию. — Можно использовать вспышки огня в легких, ломать кости по одной, повышать температуру в спинном мозге или, быть может, замораживать сначала одно глазное яблоко, а затем другое.

Дар снова натянул свои оковы, гремя цепями, и Никки увидела силу налетчика. Если бы у него было время и он смог бы игнорировать боль в окровавленных запястьях, то Дару вполне по силам было вырвать из песчаника железные болты. Но это если Зерцалоликий даст ему достаточно времени.

Дар шипел и щелкал своим гротескным ртом.

— Вы все умрете! Король Скорбь отомстит за меня.

— Король Скорбь не знает, что ты здесь, — сказал Зерцалоликий, — и поскольку саван снова на месте, он ничего не сможет сделать.

Поморщившись от боли, Дар снова дернул цепи.

— О, он вернется, как только спадет ваш саван, и приведет многих норукайцев. Он уже строит флот и собирает армию.

— Звучит смело, — сказала Никки, — но я ничего не знаю об этом короле Скорбь. Вряд ли он представляет серьезную угрозу.

— Ты узнаешь его имя, — прорычал Дар. — Король Скорбь он потому, что именно это и делают люди, когда его видят — скорбят.

Никки поняла, что норукаец кипит от гнева. Он хотел похвастаться своим народом.

— Он так жаждет поговорить, что мне даже не нужно использовать свои методы. — В ее голосе слышалось явное разочарование.

— О, король Скорбь отомстит. Да-да, мы очень напуганы, — скучающим тоном сказал Зерцалоликий и повернулся к Никки. — Колдунья, не хочешь снять с него полоску кожи для собственного удовольствия? — Он достал изогнутый нож с золотой рукоятью из своей серой мантии.

Никки узнала клинок.

— Он похож на один из жертвенных ножей, которые члены совета хотели использовать во время ритуала магии крови.

— Какая ирония, правда? Один из налетчиков, продавший принесенных в жертву рабов, теперь сам испытает боль от такого же ножа.

— Откуда он у тебя? — спросила Никки.

Зерцалоликий поднял нож и покрутил его перед своей зеркальной маской, будто рассматривая детали.

— Мои последователи повсюду.

— Король Скорбь и его армия придут сюда, — не унимался Дар. — Как думаете, зачем наши работоторговцы ведут дела с Ильдакаром? Мы собираем информацию. Думаете, ваш город непобедим, но вы слишком самоуверенны и слабы. — Его мощная челюсть открывалась и закрывалась слишком свободно, как у высохшего скелета. Дар набрал слюны, чтобы плюнуть в них, но та стекла по краям рта. — Мы продаем ходячее мясо, забираем ваше золото и узнаем все что можно о вашем городе, чтобы захватить его вместе с остальным Древним миром.

— Он довольно амбициозен, не так ли? — спросил Зерцалоликий приглушенным голосом.

Никки не стала отмахиваться от угрозы норукайца:

— Ты говоришь о норукайской армии и флоте? Как они намерены завоевать Древний мир?

Дар усмехнулся.

— Вы все для нас ходячее мясо. Вы слабы. Мы собираем свои силы на островах Норукай и намерены захватить весь материк. — Он засмеялся. — Мы видели тысячи каменных солдат за стенами вашего города. Вы думали, это была свирепая армия? На наших кораблях будет вдвое больше воинов — и скоро они выступят. — Он рассмеялся, зная, что все равно умрет.

Никки задумалась, как долго мятежники будут продолжать снимать с пленника кожу. Он, вероятно, продержится еще несколько дней.

Ренделл и несколько других повстанцев тихо пришли по туннелям, чтобы понаблюдать за допросом, и многим из них не терпелось причинить боль работорговцу.

Зерцалоликий взглянул на нож с золотой рукоятью, и его маска отразилась на полированном лезвии.

— Увы, ты уже не сможешь лицеизреть эту победу.

Быстрым движением он перерезал горло норукайцу. Дар корчился и гремел кандалами. Когда хлынула кровь, Зерцалоликий поспешно отступил в сторону, чтобы алые брызги не попали на его серую мантию, но несколько теплых капель брызнули на щеку Никки. Другие мятежники стояли позади и негромко переговаривались. Кровь лилась по обнаженной груди работорговца, стекая через узкую дорожку в канал, и смешивалась с водой. Жители Ильдакара были привычны к виду крови. Никки не смущало ни убийство Дара, ни кровь в канале.

— Мне не понравились его слова о великой армии завоевателей. Что мы знаем о норукайцах?

— Очень мало, но не стоит волноваться, — сказал Зерцалоликий. — Мы находимся под защитой савана. Дела в Ильдакаре — вот моя забота.

Когда Дар перестал дергаться, Зерцалоликий схватил его за лоб и прижал к стене из песчаника. Он с силой надавил длинным ножом и пропилил горло, разрезая гортань, трахею и, наконец, позвоночник. Держа отрубленную голову Дара за одну из косичек на затылке, он бросил ее Ренделлу, и тот послушно поймал трофей. Кровь брызнула на серые одежды беглого раба.

— Под покровом темноты насадите голову на пик и оставьте где-нибудь в городе, — сказал Зерцалоликий. — Из-за савана мы не можем выставить ее на одной из дорог, ведущих в Ильдакар, как сделали раньше. Но послание должно быть достаточно понятным.

Предводитель повстанцев развернулся и зашагал прочь по туннелям акведука, покидая тайное гнездо своих последователей.

Глава 61

Поднялся теплый полуденный ветер, засвистав в узких гладких каньонах, но волшебник Ренн понуро смотрел себе под ноги, делая шаг за шагом. Одиннадцать выживших членов экспедиции во главе с капитаном Тревором брели по извилистым тропам.

Никто из них не знал, куда они идут.

— Уверен, мы почти пришли, — сказал Тревор уже в пятый раз за этот день. Только глупый оптимизм спасал его от безумия.

Путники миновали захватывающий дух перевал Кол Адаир и оказались на низкогорье, где обнаружили забытые тропы, поросшие сорняками и даже деревцами. Будто мир изменял сам себя, чтобы стереть неподатливые следы, оставленные древним человечеством. Наконец, экспедиция вышла к высокогорному пустынному плато, прорезанному каньонами с гладкими стенами. Они вошли в каньоны, убеждая себя, что они на правильном пути...

Страдая от жажды, группа с трудом пробивалась через низкорослые кедровые сосны, колючие заросли юкки и хрупкие серые тамариски. Солдаты слышали шум ручья, такого близкого и недосягаемого. Где-то в зарослях тамариска вода стекала в выбоину, а затем разливалась по камням.

— Промежность Владетеля! — воскликнул один из солдат. — Будь прокляты эти сорняки. — Они мечами рубили неподатливый тамариск, рассекая острые сухие веточки.

— Волшебник, вы не могли бы использовать магию, чтобы расчистить путь? — уныло спросил другой солдат. — Или хотя бы сказать, где мы находимся?

— Мой дар не карта, — отрезал Ренн. Его горло слишком пересохло, чтобы спорить. — Ты не думал, что если бы я мог, то создал бы волшебную карту еще две недели назад?

— Он просто предположил, волшебник, — успокоил его Тревор.

Почесав надоедливую щетину на своих многочисленных подбородках, Ренн фыркнул.

— Разойдитесь. Я могу расчистить эти дебри магией. Пользы немного, но все же.

Девять солдат отступили от агрессивных зарослей вокруг журчавшей воды. Ренн дернул рукой и приказал своему дару выкорчевать упрямые колючие заросли. Выплескивая гнев и разочарование, он вырвал тамариски и отшвырнул с такой яростью, что сухие ветви засвистели в воздухе и упали кучей хвороста далеко в каньоне. Вода продолжала булькать в источнике, но теперь превратилась в грязную жижу. Лужи с прозрачной водой теперь были наполнены взвесью красной грязи. Столпившиеся солдаты с тревогой смотрели на источник.

— Теперь мы не сможем напиться.

— Просто подождем, когда грязь осядет, — как всегда оптимистично сказал Тревор. — Или профильтруем воду через ткань.

— Давайте разобьем лагерь здесь, — предложил Ренн, хотя был еще только полдень. — Здесь хотя бы есть вода.

— А что насчет еды? — спросил один солдат. — Наши сумки пусты.

— Налови ящериц, — скомандовал Тревор. Когда солдаты зароптали, он продолжил: — Если жалуетесь, значит, не голодны.

Бравые городские стражники Ильдакара сейчас больше напоминали падальщиков: они рыскали по каньонам, бросая

камни в ящериц или пытаюсь изловить рептилий голыми руками. Тремя днями ранее один из них нашел куст, усыпанный темно-фиолетовыми ягодами, и принялся жадно есть, не пожелав делиться со своими спутниками. Он смущенно вернулся в лагерь с перепачканными губами. Его товарищи расстроились, что он наелся ягод без них. В ту же ночь мужчина кричал от боли, его тошнило, он содрогался в спазмах из-за яда, а потом умер. После случившегося все стали более осторожными.

Ренн скушал по своему особняку с домашними рабами, садами и чудесными ветряными колокольчиками.

— Мы не лесники, нас этому не учили, — пожаловался он Тревору достаточно громко, чтобы услышали остальные.

Разведчики вернулись с охоты со скудной добычей и принесли сухие ветви выкорчеванного тамариска, чтобы можно было разжечь костер. Сухое легкое дерево вспыхнуло так жарко и быстро, что огонь вышел из-под контроля и подпалил близлежащие кусты. Ренн снова вынужден был прибегнуть к магии и взять немного воды из источника, чтобы погасить пламя.

Это было очередное несчастье в их бесконечном путешествии.

Ренн ненавидел властительницу и главнокомандующего волшебника. Он был возмущен тем, что они поручили глупое задание без ясной цели, конкретного направления и должной подготовки. Они всю жизнь нежились в своем легендарном городе. Откуда Ренну знать, как разбивать лагерь, охотиться или искать съедобные корни и листья? Никто из них этого не знал. Городская стража не имела должной выучки.

Теперь они ощущали себя потерянными и несчастными в этой пустоши. Они так долго блуждали, что Ренн сомневался, найдут ли они дорогу домой. Вместо этого им предстояло отыскать Твердыню и от имени Ильдакара заявить права на огромные магические библиотеки. Хотя Ренн уже не был так уверен, что его волнует Ильдакар.

Когда они легли спать, все еще чувствуя запах дыма от потушенного костра, капитан Тревор сказал:

— Я уверен, что мы доберемся туда завтра.

Глава 62

Тора сидела в башне властителей, ощущая темную энергию и волнения на улицах Ильдакара, и это приводило ее в ярость. Она была на взводе несколько дней — с тех пор, как дерзкая колдунья Никки бросила ей вызов. Тора с подозрением относилась к этим чужакам с самого их прибытия. Их тревожащие и противоречивые мировоззрения не соответствовали тому, чего она и ее волшебники-единомышленники достигли в Ильдакаре — идеальному обществу. Никки тут же начала все критиковать, но ей здесь было не место, как и ее компаньону-волшебнику, лишенному сил. Тора хотела бы, чтобы они никогда не приходили в город.

По крайней мере, чужеземная колдунья была побеждена, а Натан все еще лежал без сознания в особняке повелителя плоти. Может быть, он не доставит много неприятностей, когда очнется. Если эксперимент Андре восстановит его дар, то Натан Рал будет очень благодарен, а если окажется несговорчивым, Тора уничтожит и его.

Тем временем никчемный юнец Бэннон тренировался в ямах и этим мог хоть как-то послужить городу. Да, все было прекрасно.

По требованию властительницы Адесса с самого утра пришла в тронный зал, чтобы отчитаться. Было еще рано, поэтому Максим и члены палаты волшебников не присутствовали.

Морасит, четко следуя протоколу, стояла перед троном.

— Бэннон Фермер — вполне достойный боец, властительница. Он неплохо держался против нашего чемпиона, хотя и

получил тяжелое сотрясение мозга. Его тренирует Лила. Если как следует его натаскать, то в итоге он станет славным воином.

— По крайней мере, он годится для развлечений, — сказала Тора. — Мне все равно, переживет ли он свой первый поединок. Он друг Никки, и это до сих пор выводит меня из себя.

На дальней стене виднелась свежая кладка там, где рабочие отремонтировали рамы разбитых окон. Отмеченная заклинаниями кожа Адессы была покрыта синяками от многочисленных ударов, которые нанесла ей Никки. Адесса назвала это ценой за поединок. Каждый полученный удар был маленьким поражением. Хотя в итоге Морасит помогла уничтожить Никки, она не смогла одержать быструю и чистую победу, как рассчитывала властительница.

— Вы уже нашли ее тело? — спросила Тора. — Она упала с башни, поэтому должна была распластаться на городской улице.

Адесса вздрогнула, отвернувшись.

— Нет, властительница. Капитан Стюарт и городская стража обыскали улицы и крыши домов. Мы должны были найти ее изломанные останки.

В клетках позади трона щебетали и чирикали недавно пойманные жаворонки, но их пение мало успокаивало Тору. Она встала и прошла по полированным голубым мраморным плитам к отремонтированным окнам. Она распахнула створки и вдохнула прохладный утренний ветерок, окидывая взглядом город. Никки вышвырнуло через эти окна со всей силой, которую смогла призвать Тора. Она могла упасть где угодно.

— Я ожидаю, что какой-нибудь горожанин сообщит о ее разбитом теле, лежащем на заднем дворе или в канавах.

— Мы тоже этого ждем, властительница, но пока сообщений не было.

— Найди ее тело, — сказала Тора. — Люди говорят о Никки не меньше, чем об этом надоедливом Зерцалоликом.

Хотя этим утром не созывали совет волшебников, Тора предпочла остаться в тронном зале, потому что он принадлежал ей. Когда Тора сидела на троне и смотрела в окна, это напоминало ей о власти и ее положении. Ильдакар принадлежал ей. Члены палаты и даже ее муж были лишь ширмой. Она была властительницей, и город был ее утопией, ее замыслом. Эти идеи зародились у нее тогда, когда она увидела армию генерала Утроса, пересекающую равнину. Все в Ильдакаре пребывало в ужасе, но Тора узрела в этом возможность.

Да, саван был защитой, но также и ограждал от влияния извне, опасных идей, яда учений и мнений, которые не соответствовали взглядам Торы. Ильдакар был совершенен пятнадцать веков... пока магия не ослабла и заклинание савана не исчезло. Десять лет назад легендарный город замерцал и вернулся из своего вневременного пузыря — беззащитный и уязвимый. Чужестранцы могли прибыть из далеких земель и привнести тревожные идеи, которым не место в Ильдакаре.

Никки была вопиющим примером опасности, с которой может столкнуться общество Ильдакара. К счастью, после недавнего ритуала кровопролития саван снова укрыл город, и властительница Тора могла спать спокойно... какое-то время.

Но она также знала, что заклинание было слабым и временным, поскольку они не пролили достаточно крови. Тора с Максимом постоянно спорили, стоит ли снова делать саван постоянным. Законы магии во внешнем мире кардинально изменились, стали нестабильными и непостоянными, и Тора не могла сказать, насколько хватит даже грандиозного кровопролития.

Но все же сделать это было необходимо.

Стоя в тронном зале и прислушиваясь к залетавшему в открытые окна ветерку, Тора приняла решение. Она — властительница. Ей все равно, что думают члены палаты волшебников, потому что они подчинятся ее приказам. Кто-то примется жаловаться себе под нос, а Максим, конечно, выразит недо-

вольство — но он всегда так делал, и это не мешает ей придерживаться своего решения.

— Саван на месте, — произнесла Тора, — но мы должны сделать его сильнее.

Адесса выпрямилась:

— Единственный способ — пролить больше крови.

— Да, — сказала Тора с натянутой улыбкой, — и мы должны пролить достаточно крови, чтобы саван простоял тысячу лет. Тогда у нас будет полно времени, чтобы выследить Зерцалоликого и его сброд. Начинать приготовления! Мы должны восстановить и откалибровать приборы на вершине пирамиды, но я хочу, чтобы ты начала отбирать рабов — всех из последней партии норукайцев и даже больше. — Она постучала пальцем по каменному подоконнику, подсчитывая. — Я бы сказала, трехсот будет достаточно. Да, остановимся на трех сотнях. Собери рабов, возьми недостающих у одаренной знати... а если они будут жаловаться, скажи, пусть считают это налогом на собственную безопасность. — Она медленно вышагивала по залу, а в голове ее кипели мысли. Да, столько крови будет расточительным, но эффективным средством. — Пусть рабовладельцы обработают их цветами умиротворения, чтобы сделать послушными. — Она поднялась на помост и устроилась на троне — на своем любимом месте.

— Это займет некоторое время, властительница, — сказала Адесса. — Минимум два-три дня.

— Два, — отрезала Тора. — И заручись поддержкой городской стражи. Народ возликует и обрадуется. Они знают, каким был раньше Ильдакар и каким может стать снова — но только если саван будет долговечным.

Ее по-прежнему тревожил вызов Никки, который почти увенчался успехом. Тора посмотрела на окаменевшую колдунью Лани, стоявшую у стены. Эта женщина была слишком дерзкой, принципиальной и наивной, она пожелала расширить

палату волшебников, включив в нее представителей низших сословий. Абсурд!

Лани слишком верила в свои силы и недооценивала способности Торы. Она была мечтательницей, одаренной женщиной, которая играла с водой и показывала детям фокусы — будто дар можно было использовать так обыденно. Лани кормила птиц и собирала их вокруг себя. Тора вспомнила, как Лани нравилось стоять на самых высоких уровнях башни, вытянув руки и позволяя певчим птицам порхать вокруг нее.

Когда властительница одолела Лани в поединке, она решила посадить жаворонков в клетки, посчитав это более уместным. Израненная и истекавшая кровью Лани отползала прочь, отзывая свой вызов и моля о пощаде. Лани думала, что на этом все закончится, но для властительницы это было только начало. Приняв сторону жены, Максим использовал заклинание окаменения, чтобы превратить побежденную соперницу в статую, как только та обернулась в последнем жесте неповиновения. Лани служила мрачным напоминанием для других членов палаты, которые могли бы повторить подобный вызов — как это сделала Никки. И Никки тоже потерпела неудачу.

Тора стиснула зубы, все еще желая, чтобы они нашли безжизненное тело женщины. Может, она убедит мужа превратить переломанный труп в камень. Она хотела поставить исковерканную статую Никки в тронном зале в качестве еще одного напоминания.

— Три сотни рабов соберут для ритуала, как вы и повелели, властительница, — сказала Адесса с коротким поклоном. — Однако помимо кровопролития, я бы хотела, чтобы мы могли использовать рабов на боевой арене. Мне кажется, это слишком расточительно. Все эти потенциальные бойцы...

— Это не расточительство, если кровопролитие укрепит саван, — прервала ее Тора. — У нас будет достаточно времени, чтобы побудить рабов размножаться и пополнять свою чис-

ленность. — Ее лицо стало суровым. — Собери рабов для жертвоприношения.

Морасит кивнула:

— Да, властительница. Сделаю за два дня.

— За два дня, — повторила Тора. Она уже предвкушала ритуал.

Глава 63

Где-то в тренировочных ямах Бэннон, у которого ныло все израненное тело, собирался с силами, чтобы приступить к очередному дню обучения. Его череп все еще гудел от отголосков боли. Ян так серьезно ранил его своей палицей, что одному из одаренных рабочих пришлось исцелить его треснувший череп. Однако Лила специально помешала целителю сделать хоть чуточку больше необходимого.

— Мальчик должен чувствовать боль, — сказала она. — Каждый синяк, каждое болевое ощущение, каждый порез — это урок, который он должен запомнить.

— Пресвятая Мать морей, я прекрасно все помню, — простонал Бэннон.

Лила игриво погладила его по щеке. В ее улыбке было больше желания, чем веселья.

— Я хочу оставить тебя невредимым для более серьезной игры. Тебе слишком многому нужно научиться.

Он сопротивлялся, но это не шло ему на пользу. Довольно быстро он научился рационально расходовать силы — например, на то, чтобы сохранить себе жизнь. Бэннон ничего не слышал о Натане или Никки, но был уверен, что они его ищут. А вдруг Амос с друзьями скрыли его исчезновение? Его сердце сжалось.

Рано или поздно наставницы выставят его на главную арену перед толпой зрителей. Юноша был уверен, что они заставят его сражаться с каким-нибудь ужасным противником вроде того двухголового воина. Вдруг Никки и Натан увидят его с трибун, как когда-то Бэннон увидел Яна? Он представил, что сделает тогда колдунья, и на его лице невольно появилась улыбка.

Но Бэннон сомневался, что выдержит обучение. С каждым днем оно становилось все суровее и опаснее.

Ян отдыхал, поглядывая на него через коридор. Поначалу его друг сердито игнорировал Бэннона, но после их дуэли закаленный чемпион все чаще подходил к решетке своей камеры, чтобы посмотреть на него, будто воспоминания пытались прорваться через зарубцевавшуюся пелену разума. Однажды Бэннон проснулся посреди ночи и обнаружил, что Ян вышел из своей незапертой клетки и стоит перед решеткой камеры Бэннона, глядя на него. Как только Бэннон вскочил с койки, желая поговорить с другом детства, Ян укрылся в своей камере, заперев дверь и исчезнув из вида. Он не отозвался, когда Бэннон отчаянным шепотом звал его.

Сегодня Ян, сощурившись, наблюдал за ним. На его лице не отразилось никаких эмоций, когда Лила повела Бэннона к Адессе, стоявшей возле одной из тренировочных ям. Лидер Морасит встретила их с хмурым лицом, ее темные глаза метались. Юноша решил, что она чем-то расстроена.

Это был плохой знак.

Тело Адессы покрывали желтые и фиолетовые синяки, словно ее крепко побили. Бэннон ощутил сильное удовлетворение, увидев это.

— Похоже, последний бой ты проиграла, — сказал он, зная, что этим спровоцирует ее.

Они стояли возле глубокой ямы вроде той, где он в первый раз дрался с Лилой. Лицо Адессы похолодело, рот оскалился.

— Я выжила, а мой соперник — нет. Поэтому я не проиграла.

Бэннон не мог вообразить, какой враг мог так потрепать мощную Морасит.

Лила протянула ему Крепыша, и он стиснул обернутую кожей рукоять. Бэннон по-прежнему был одет только в набедренную повязку и сандалии, а ему хотелось иметь приличную броню. Он стоял на краю ямы, слегка согнув колени и напрягая мышцы.

— Мы готовимся к следующему представлению на арене, — продолжила Адесса. — Посмотрим, кто из наших двух новичков переживет сегодняшнюю тренировку. Может, ты, Бэннон? — Она коротко кивнула Лиле.

В мгновение ока женщина толкнула юношу спиной вперед, и он пролетел более двенадцати футов, упав на дно ямы. Бэннон ударился о мягкий грунт, но ничего не сломал и не проткнул себя мечом. Лила научила его падать, приземляться и вставать. Он вскочил на ноги, встав в стойку. Бэннон увидел зарешеченный проем на уровне земли, за которым притаилось... нечто.

Адесса стояла на краю ямы, скрестив руки на прикрытой черной кожей груди.

— Из-за диверсии повстанцев неделю назад мы потеряли половину наших боевых животных и лишились главного укротителя Айвена, который контролировал их. Но властительница настаивает на представлении, чтобы успокоить жителей Илльдакара. Очень скоро мы потеряем сотни рабов. — Она покачала головой, бормоча себе под нос: — Такая растрата, ведь они могли бы стать бойцами и погибнуть на арене.

Бэннон упер сандалии в мягкий грунт и поднял меч.

— Я бы предпочел драться с тобой, — крикнул он ей. — Так бы я больше стремился к победе. Или боишься синяков?

Лила выглядела оскорбленной.

— Разве меня тебе недостаточно, мальчишка?

Адесса не клюнула на провокацию. Она повернула голову и крикнула:

— Созовите остальных бойцов, чтобы они могли понаблюдать, кто из двоих умрет. Им полезно по утрам чувствовать запахи страха и смотреть на свежую кровь.

Лила свистнула, и рабочие побежали по туннелям. Вскоре собрались зрители, среди которых были и опытные воины. Ян тоже пришел.

Бэннон посмотрел на своего друга, тяжело сглотнув, но затем сосредоточился, услышав движение в туннеле. Зарешенные ворота открылись, и из тени, рыча, медленно вышел зверь. По коже Бэннона забегали мурашки, когда он увидел золотистые глаза и изгибы хищного тела. В яму вошла мускулистая рыжеватая фигура — огромная песчаная пума, шкура которой была клеймена магическими символами.

Большая кошка оскалилась, демонстрируя саблевидные клыки. Ее взгляд остановился на Бэнноне, который стоял посреди ямы с поднятым мечом. Пума издала низкий грозный рык; ее длинный хвост хлестал по сторонам, как толстая плеть.

У Бэннона от удивления перехватило дыхание.

— Мрра!

Пума кралась к нему, пригнувшись к земле и прижав уши к широкой голове. Ее усы топорщились, как острая проволока. Она зарычала, готовая напасть на любого мучителя.

Трое подмастерьев укротителя присоединились к зрителям на краю ямы и смотрели на одинокую пуму. Мрра взглянула на них и зарычала. Даже Лила вздрогнула, хотя пума не могла до нее добраться. Укротители вели увлеченное обсуждение, будто что-то анализируя. Затем песчаная пума снова перевела взгляд на Бэннона. На своего противника.

Он осторожно сделал два шага назад, держа перед собой меч и подняв другую руку в успокаивающем жесте.

— Все в порядке, Мрра. Ты знаешь меня. Ты меня помнишь.

Мрра подошла ближе, и ее мощные лапы оставляли широкие следы на песке. Бэннон замедлил дыхание, пытаясь излучать чувство абсолютного спокойствия. Золотистые кошачьи глаза были пронзительными и яркими, словно в глубине их горело пламя свечи. Она потянула носом воздух, разглядывая его, а затем сделала еще несколько шагов вперед. Бэннон осторожно отступил.

— Ты помнишь меня, — прошептал он. — Подумай о Натане. Подумай о Никки, твоей сестре-пуме. Я знаю, что вас связывает заклинание. Мы сражались с тобой, а потом спасли тебе жизнь.

— Дерись! Что с тобой не так? — выкрикнула Адесса. Она повернулась к укротителям. — Вы ее не дрессировали, Дорбо? Почему она еще не готова?

Трое подмастерьев подняли руки и призвали свой дар, направив поток магии на большую кошку. Мрра напряглась, сильнее прижав уши и прищулив глаза. Она зарычала и повернулась в сторону стоявших наверху укротителей. Те обеспокоенно переглянулись. Их длиннолицый лидер стиснул зубы, усиливая напор магии. Мрра развернулась к Бэннону, будто некий кукловод заставил ее повернуть голову. Ей явно было больно. Бэннон видел, как дергаются мышцы под красивой рыжеватой шкурой, но в ее глазах не было узнавания.

Он держал Крепыша, выставив перед собой острие, и боялся, что ему придется сражаться и убить Мрра — как тогда в пустыне, когда ему и его спутникам пришлось убить двух ее сестер-пум. Бэннон видел в глазах большой кошки жажду убивать и проливать кровь, видел боль, которая заслоняла собой память и привязанности. Мрра знала его, но ее словно подавляла навязанная ей ярость.

Она подошла ближе, обнажив клыки и оттесняя его к стене.

Зрители кричали и улюлюкали. Лила рывкнула:

— Чего ты ждешь, мальчишка? Убей ее, пока она не убила тебя.

— Ее имя Мрра! — вскричал Бэннон.

Произнесенное вслух имя всколыхнуло что-то в разуме песчаной пумы, и она прыгнула вперед, словно коричневая молния. Бэннон напряг ноги и вскинул меч, уверенный, что большая кошка напорется на клинок. Но Мрра ударила лапой по его руке и придавила юношу к земле. Тяжелая кошка стояла сверху и рычала, приблизив клыки к его лицу. Бэннон знал, что она может разорвать ему горло зубами или распороть когтями его плоть.

Но Мрра просто прижимала его к земле, и он чувствовал на лице ее теплое дыхание. Бэннон замер, уставившись в кошачьи глаза. Она снова рыкнула, а затем убрала лапу с его груди, оставив юношу лежать на песке.

Сердце Бэннона колотилось, из уголков глаз текли теплые слезы.

— Мрра... — прошептал он.

Песчаная пума отошла в сторону, хотя он лежал на земле и был уязвим. Кошка села перед Бэнноном, окинула взглядом укротителей и зрителей и издала оглушительный рев.

Расстроенные трое укротителей обрушили на Мрра свой дар. Большая кошка размахивала лапами в воздухе, царапая воображаемых мучителей. Кружа вокруг Бэннона, она отказывалась причинять ему вред.

Одним мощным прыжком она рванула к Адессе и остальным, почти достав до края тренировочной ямы. Ее когти скребли по каменной стене, ухватившись за край, она отталкивалась задними лапами, но в итоге соскользнула вниз и тяжело приземлилась на пол.

Зрители в испуге отступили.

— Сделайте что-нибудь, — сказала Адесса. — Контролируйте эту тварь.

Разъяренные укротители удвоили силу атаки. Мрра в поисках спасения прыгнула в темный туннель и исчезла из вида.

Бэннон, тяжело дыша, поднялся на ноги и опустил меч. Он пристально оглядел всех. Среди молчаливых бойцов стоял Ян и смотрел на него с глубоким беспокойством.

Чувствуя безрассудную храбрость, Бэннон крикнул:

— Адесса, не хочешь прыгнуть в яму? Я буду счастлив сразиться с тобой — и, уверен, Мрра тоже.

Лицо Морасит потемнело от ярости, и она свирепо глянула на подмастерьев укротителя.

— Они не готовы. Исправить это! — бросила она и зашагала прочь.

Глава 64

Натан приоткрыл глаза и очнулся, выбравшись из бездонной пропасти боли в еще более мучительную боль. Он лежал на твердом столе, мысли медленно возвращались к нему, а сознание всплывало со дна глубокого океана черного забвения.

Свет постепенно становился ярче, и Натан возвращался к бодрствованию, страшаясь того, что ждет его после пробуждения. Он дрейфовал в смутном полусне, пытаясь упорядочить мысли и понять, где находится, но боль в груди была невыносимой. Он сдался, провалившись в глубокий сон...

Некоторое время спустя он попытался снова. Нестерпимая боль пульсировала в кровеносной системе, в мышцах и разуме, но в конечном счете стала почти терпимой; Натан призвал свои силы, заставив себя бросить вызов тьме. Где бы он ни находился, он пробыл там слишком долго.

Он напомнил себе, что он Натан Рал, могущественный пророк и блистательный волшебник. А также ученый, любовник, искатель приключений. Он не из тех, кто легко сдается, и неважно, сколько боли придется вытерпеть. Не шевелясь, Натан напряг свой разум и волю. Он понял, что слышит слабый бара-

банный стук в ушах. Натан сосредоточился на медленном и ровном стуке, который становился громче.

Тук-тук. Тук-тук.

Как боевые барабаны, призывающие армию к битве. Стук был зловещим, настойчивым и мощным.

Тук-тук. Тук-тук.

Он понял, что это не барабаны, а что-то более простое. Сердцебиение — его сердцебиение. Ритмичный и ровный стук в груди.

Шок и ужас от вернувшихся воспоминаний почти столкнули его обратно в черную пропасть. Натан вспомнил истерзанное тело главного укротителя Айвена, застывшего на пороге смерти; вспомнил, как повелитель плоти Андре вскрыл грудь этого крупного мужчины, будто снимая кожуру с плода... добираясь до еще живого сердца Айвена. Затем Андре повернулся к парализованному Натану на столе, неспособному остановить этот ужасающий процесс. Андре ухмыльнулся, глядя на него, а потом засунул пальцы в грудную клетку бывшего волшебника, раскрывая ее и раздвигая ребра. Натан хотел кричать, но не мог даже вздрогнуть.

Теперь, собрав все свои силы, он сумел моргнуть. Единжды.

Когда его глаза вновь открылись и наполнились светом, он увидел, что лежит в темной комнате с занавесками цвета индиго. Полотна ткани походили на стены, разделяющие части помещения. Это была студия повелителя плоти.

Натан чувствовал себя слабым и истощенным, его тело казалось скомканным обрывком пергамента, выброшенным в лужу. Он вдохнул глоток воздуха. В горле пересохло, и когда он попытался заговорить, его скрипучий голос не смог связать слов.

Тук-тук. Тук-тук.

Его сердце билось. Его новое сердце — сердце главного укротителя Айвена.

— Ах, ну вот ты и проснулся, ммм?

Натан не мог повернуть голову, но увидел склонившегося над ним Андре. Его заплетенная борода торчала вперед, напоминая длинную кисть. Повелитель плоти усмехнулся, и его мутные глаза заблестели от восторга.

— Я предвидел, что сегодня ты проснешься. И оказался прав, как и всегда.

Он похлопал Натана по груди, и прикосновение пальцев повелителя плоти послало новые толчки боли в сердце и в кости. Натан поморщился.

— Чувствуешь? Значит, ты жив. Я же говорил, ммм?

— Как?.. — только и удалось прохрипеть Натану. Он не мог произнести большего, но само это слово подразумевало много возможных ответов.

— Как? — повторил Андре. — Как я горжусь, что ты пережил эксперимент? Или как долго ждать, пока ты снова не станешь полноценным волшебником?

Натан сделал болезненный вдох и смог выдать:

— Как... долго?

— О, прошло уже некоторое время. Несколько дней. Но тебе нужно восстановиться. Уверю, твое сердце превосходно бьется. Уверен, ты это чувствуешь. И поскольку у тебя теперь сердце волшебника — как я и обещал — ты вновь сможешь найти свой дар! Линии твоего хань восстановлены. Позволь, я покажу.

Андре исчез из вида, и Натан услышал, как тот шуршит бумагами и свитками. Повелитель плоти вернулся, держа в руках белый лист, на котором порошок образовал цветные линии, но теперь узор изменился — видимо, пока Натан был без сознания, Андре сделал новую карту. Там, где раньше была пустота в груди Натана, появилась серая паутина с восстановленными линиями, хотя пока и бесцветными.

— Возможно, все займет некоторое время, но взгляни сюда. — Он провел по линиям на изображении груди Натана. — Это

или дар Айвена, или какая-то абсолютно новая структура хань. Потеря оставила внутри тебя пустоту, и теперь магия пытается ее заполнить. — Андре ткнул указательным пальцем в грудь Натана, посылая вспышки боли. — Ты просто должен это выяснить, ммм?

Натан чувствовал, что его силы постепенно возвращаются. Теперь он окончательно проснулся, и мир вокруг стал четче и ярче. Неуверенно и боязливо, он позволил себе погрузиться в ощущения, следуя своему устойчивому сердцебиению. Да... он чувствовал струйку покалывающего дара, который он так хорошо помнил. Магия была его частью на протяжении всей жизни, столетие за столетием. Ее потеря по-прежнему ощущалась незажившей раной, и он радовался, чувствуя даже слабый проблеск дара.

Натан колебался. Последние несколько раз, когда он использовал дар, окончились неудачей: его магия искажалась и не работала должным образом. Он пытался исцелить несчастного раненого после нападения норукайцев на бухту Ренда, но дар подвел его, вылившись в разрушительную обратную реакцию с неожиданными последствиями. Вместо того чтобы исцелить раненого, магия разорвала его.

Когда Натан оказался один в лесу, он решился на новую попытку и осторожно призвал ветер, но вырвавшийся из его рук ураган вышел из-под контроля, ломая ветви и выкорчевывая деревья. Волшебник отчаянно пытался сдержать вихрь, пока разрушения не сравняли лес с землей, и едва преуспел.

Лишь один раз обратная реакция дара сработала в его пользу — Натан действовал в последнем порыве отчаяния, когда Судия пытался превратить его в камень. Решив, что терять нечего, Натан перестал сдерживаться и утратил контроль над даром. Магия вырвалась, обратив заклятие Судии против него самого. Натан, неожиданно для себя, выжил.

Теперь, увидев новую карту хань и зная, что в его груди бьется сердце Айвена, одаренного волшебника Ильдакара, Натан задумался, на что способен его вернувшийся дар.

Слушая стук в груди, чувствуя течение крови по венам, ощущая жизнь, он также различал внутренний гнев, темную энергию. Должно быть, гнев кипел в Айвене всю его жизнь. Главный укротитель использовал эту тьму, чтобы заставить повиноваться животных арены, которых дрессировал. Какая часть личности Айвена осталась в его сердце? Какая часть перешла Натану?

Он знал, что сначала ему нужно отдохнуть и восстановиться, а потом уже пытаться использовать магию. Натан был не готов, но не хотел признавать, что боится. Он завозился и приподнялся, обрадовав Андре.

— Ты совсем скоро вернешься к нам! Не могу дождаться, чтобы показать тебя другим волшебникам. — Он наклонился ближе, ухмыляясь. — Ты присоединишься к палате волшебников. Нам нужны новые советники, и, если ты отблагодаришь меня, я похлопочу за тебя. В Ильдакаре тебя ждет большое будущее, волшебник Натан.

— Не могу... остаться, — сказал Натан. — Другие дела. — Он моргнул и глубоко вдохнул.

— Конечно же, ты останешься, — сказал Андре. — Саван восстановлен. Никто не может покинуть Ильдакар. Властительница вынашивает еще более грандиозный план: через две ночи мы устроим невероятное кровопролитие, чтобы сделать саван постоянным. Ты останешься здесь на очень долгое время.

Натан встревоженно заерзал, но у него не хватило сил сесть или свесить ноги со стола. Он задыхался от боли, хватая воздух и тяжело дыша. Перед глазами все кружилось, но он не сдавался.

— Где Никки? Хочу ее увидеть.

— Боюсь, это не представляется возможным, дорогой Натан. — Андре цокнул языком и покачал головой. — Пока ты спал, довольно многое изменилось.

Натан почувствовал нарастающий страх.

— Что случилось? Где она?

— Никто не знает, — ответил Андре. — По крайней мере, никто не нашел ее тела. — Натан попытался встать, а повелитель плоти продолжал: — Твоя подруга довольно импульсивна. Она могущественна, не спорю, но слишком расстроилась из-за поимки бродячей песчаной пумы и отправки ее в тренировочные ямы. Из-за этого она бросила вызов властительнице Торе, желая захватить власть над Ильдакаром. — Глаза Андре засияли, а улыбка стала шире. — Ах, ты должен был это видеть! Настоящая битва в башне властителей. Сначала властительница назначила Адессу своей защитницей, и Морасит потрепала Никки так, что та едва цеплялась за жизнь. Затем властительница повела себя неспортивно, если начистоту, и использовала свою магию, чтобы швырнуть Никки через высокие окна. Колдунья упала на городские улицы. — Он снова цокнул языком. — Мы до сих пор ждем, что кто-нибудь обнаружит ее искалеченный труп.

Натан рухнул обратно на стол.

— Никки... мертва?

— Несомненно. Ох, но какая была битва!

Внутри Натана снова взревела чернота. Сердце забилось громче, когда наступило осознание. Он представил, как Никки вскипает негодованием и клянется встретиться с Торой лицом к лицу, бросив вызов ее власти. Если бы только Никки подождала, пока к Натану вернется сила и он сможет использовать свой дар, чтобы сразаться на ее стороне... Но Никки сделала все одна, считая себя непобедимой. Она всегда была самонадеянной.

Он закрыл глаза и представил ее красивое лицо, изящную фигуру, светлые волосы и голубые глаза. Он знал силу и ре-

шимость Никки. Он никогда не видел кого-то столь отчаянно преданного своему делу. Теперь новое сердце в груди казалось тяжелым камнем, но продолжало биться — тук-тук, тук-тук — неумолимо, мощно, стягивая нити хань, восстанавливая дар Натана.

Но он не знал, сможет ли использовать магию, осмелится ли на это. Натан вытянулся на столе.

— Дай отдохнуть, — произнес он с горечью в голосе.

Андре усмехнулся.

— Конечно. Восстанавливай свои силы. Будем надеяться, что я смогу представить тебя палате волшебников до начала ритуала кровопролития. Это будет уже скоро. Ммм?

Повелитель плоти упорхнул, а Натан сжался под гнетом скорби, думая о Никки и о том, где сейчас Бэннон... и ощущая в себе сильное сердце волшебника.

Никки бросила вызов Торе и потерпела неудачу. Она проиграла битву и погибла. Но она пожертвовала собой, чтобы освободить этих людей, как и намеревался Ричард Рал.

Натан мог сделать не меньше. Он преисполнился решимости восстановиться. Он все больше убеждался, что ему тоже придется в одиночку бросить вызов волшебникам Ильдакара.

Глава 65

Зерцалоликий время от времени посещал туннели акведука, чтобы поддержать дух укрывавшихся там повстанцев, но Никки не терпелось действовать, а не просто прятаться. Она была на взводе — словно оружие, готовое к бою.

— У тебя есть план? — требовательно спросила она, когда мужчина в капюшоне пришел поговорить с ней. Он стоял перед ней, и его непроницаемая полированная маска отражала

гнев Никки и кружившие в ее голове вопросы. — Есть стратегия, которая приведет нас к победе?

— Мы собираемся освободить людей, — ответил Зерцалоликий. — Мы укрепляем наше движение и подрываем основы ильдакарского общества.

— Но хоть какой-то план есть?

— Кое-какие наброски.

Она ему не поверила. Никки боялась, что из-за поднятого савана Зерцалоликий может провести годы в ожидании подходящего момента. Ричард Рал поступил бы совсем по-другому. Не так давно она помогала Ричарду в боях за Эйдиндрил, когда армия императора Джеганя шагала по Срединным землям. Она защищала Алтур'Ранг, когда его жители восстали и свергли власть Имперского Ордена, и она помогла им противостоять брату Кроносу и его войску. Когда на кону стояли жизни, она была лидером, а не наблюдателем. Каждое сражение против сильного врага было тщательно скоординированным действием. Могущественные волшебники Ильдакара, правившие городом уже много веков, могли сделать битву за город сокрушительной. Она хотела иметь победный план, а не просто продолжать сопротивление.

Из-за текущей в каналах воды в туннелях было влажно, и на стенах из песчаника блестели капли. Никки видела в туннелях не более пятнадцати последователей Зерцалоликого за раз. Мельба, пожилая женщина, которая любила печь и всегда скрытно доставляла мятежникам свежий хлеб, не появлялась уже несколько дней. Другие тайком приходили и уходили, ускользая сюда всякий раз, когда позволяли их обязанности, но потом возвращались в город. С некоторыми она познакомилась — например, с Ренделлом, — но те, кто присоединился к мятежу недавно, смотрели на Никки с трепетом. Все знали, что она бросила вызов властительнице Торе, билась с Адессой, а потом была сброшена с высокой башни властителей.

Теперь Никки была абсолютно здорова. Призвав свой дар и ощущая магию, она посмотрела в маску Зерцалоликого и стала давить на него, не выбирая слов:

— Ты похож на котенка, который набрасывается на каждый движущийся предмет. Если мы хотим добиться успеха, то должны скоординировать усилия. Насколько велико движение? Это только люди, которые прячутся в туннелях и разбираются по ночам битые зеркала на улицах? Или у тебя есть бесчисленные сторонники среди народа Ильдакара, и они придут по твоему зову? Каково реальное число повстанцев?

— Ровно столько, сколько мне нужно, — ответил Зерцалоликий. — Молва разошлась по городу. Люди видят осколки зеркал, которые отмечают нашу территорию, и аристократы знают, насколько распространилось волнение среди народа. Они нас боятся.

— Тогда почему они ничего не предприняли, чтобы разобратся с жалобами? — спросила Никки.

Зерцалоликий пожал плечами:

— Мы продолжим наращивать давление. Может потребоваться время.

Разочарование Никки росло, и она поняла, что ей придется взять на себя активную роль.

— Я хочу раскрутить это колесо, даже если мне придется сделать это самой. Мы должны действовать целенаправленно, Зерцалоликий. Я могу выйти из туннелей и повести мятежников за собой.

— Тебя все узнают, — предупредил Зерцалоликий.

— Добрые духи, может это к лучшему! Властительница и главнокомандующий волшебник будут меня бояться.

— А ты готова сразиться с палатой волшебников? И с одаренной знатью, городской стражей и отрядами Морасит?

Никки решительно и с вызовом вздернула подбородок.

— Да, если потребуется.

Из-под зеркальной маски послышался смех.

— Тогда отвечу твоим же советом: тебе нужен план, колдунья. Тебе нужна стратегия.

Никки точно не знала, сколько дней прошло с тех пор, как ее спасли повстанцы. Ей нужно было время, чтобы исцелиться и восстановить силы, но сейчас она чувствовала себя сильной и готовой к бою. Очнулся ли Натан в студии повелителя плоти? Бьется ли его новое сердце волшебника? Вернул ли ее друг свой дар? Если да, то Натан стал бы могущественным союзником. Она не знала, что случилось с Бэнноном. Юноша был недаренным, но мог бы помочь своим мечом.

Никки была уверена, что вместе они могут свергнуть волшебников Ильдакара, но в глубине души надеялась, что им не придется сражаться со всеми ними. Она подозревала, что некоторые — Эльза, возможно, Деймон и Квентин, — будут приветствовать изменения. Даже Максим говорил, что хотел бы видеть жену поверженной.

Она была полна решимости освободить Мрра. Уже две ночи ее сны бурлили от едва сдерживаемой ярости песчаной пумы. Большая кошка ходила взад-вперед по своей клетке; ее дразнили, понукали и морили голодом. Иногда Мрра кормили, но из-за пленения она не могла есть. Возможно, еда была отравлена — подмастерья укротителя наказывали ее за непослушание. Никки не знала наверняка, связь была нечеткой. Ей хотелось пойти в загоны животных арены и разорвать прутья клеток, хотелось использовать дар, чтобы вырвать с корнем петли и уничтожить железо; хотелось, чтобы выпущенная на свободу песчаная пума атаковала своих мучителей.

— Мы должны выдвинуться в ближайшее время, пока волшебники не сделали чего-то непоправимого, — сказала Никки. И пока она сама не сошла с ума от нетерпения.

— Палата волшебников всегда делает что-то непоправимое, — сказал Зерцалоликий, затем сделал паузу. — Но, если у тебя есть какие-либо соображения, как нам действовать, я буду рад это услышать. Что ты предлагаешь?

— Когда я бросила вызов властительнице, то узнала, что она может шпионить по всему городу. Все чаши для умывания связаны всевидящим заклинанием. Именно так она подслушала мою личную беседу с Натаном Ралом и наш с тобой первый разговор. Тора может шпионить за повстанческим движением через любую водную гладь, если пожелает.

Люди в туннеле тревожно забормотали.

— Вот почему мои последователи скрывают свои лица, когда заняты нашим делом, — сказал Зерцалоликий. — Я предвидел это.

— Но эти чаши повсюду, — промямлил Ренделл. — На площадях и бульварах, в общественных зданиях. Мы оставляли зеркальные осколки рядом со многими из них. Она, должно быть, все видела!

Никки уже решила, что можно с этим сделать.

— Выдвигаемся сегодня ночью. Вместо того чтобы оставлять зеркальные осколки, давайте уничтожим эти чаши и ослепим Тору.

Повстанцы с надеждой закивали. Они еще больше зауважали Никки, а она была рада сделать что-то конкретное.

— Отличное предложение! — воскликнул Зерцалоликий. — Мы распространим информацию среди наших собратьев, и мои последователи уничтожат эти чаши на каждой улице по всему городу.

— Эти чаши нужны беднякам, — заметил Ренделл; его обычно тихий голос теперь дрожал от гнева. — Пресная вода из акведуков нужна всем, хотя властительница и шпионит через чаши с водой.

Зерцалоликий отряхнул рукав своей серой мантии и потянулся поправить маску. На мгновение Никки решила, что он снимет маску и раскроет себя, и тогда она увидит страшное уродство — дело рук некого повелителя плоти. Но мужчина убрал руку и повернулся.

— Мне нравится ход твоих мыслей, колдунья. Сегодня ночью мы лишим властительницу глаз, а затем вернемся сюда и спланируем следующий шаг.

Никки не оценила комплимент и не стала говорить, что он должен был сделать это уже давно.

— Следующий шаг — освобождение моей песчаной пумы. Для меня это самое главное.

— И мы позволим зверю разгуливать по улицам? — Ренделл не на шутку встревожился. — Если она сбежит, городская стража убьет ее.

— Мрра должна быть на свободе, — настаивала Никки. — Я могу контролировать ее. И спрятать.

Зерцалоликий поднял руку:

— Не все сразу, мои последователи. Для начала разобьем чаши. Сегодня мы одержим внушительную победу.

* * *

Когда окончательно стемнело, Никки вышла из туннелей с десятью мятежниками в капюшонах. Ренделл пошел с ней, а Зерцалоликий в одиночку зашагал по другой улице. Остальные рассредоточились в поисках безобидных с виду чаш для умывания.

В Ильдакаре было темно и тихо. Звезды сверкали над головой, мерцая из-за искажения савана, обволакивавшего город. Нечеткий серп луны, походивший на лезвие жертвенного ножа, висел над самым горизонтом, едва различимый между зданий.

Никки впервые за последние несколько дней вышла на улицу, поэтому остановилась, чтобы сделать глубокий вдох, черпая энергию из прохладной темноты. Но ее мысли были заняты не звездами и свежим воздухом, а предстоявшей работой.

Они с Ренделлом держались в тени, перебегая между зданиями и избегая тусклых лучей света, просачивавшихся сквозь

закрытые ставни. Она слышала приглушенные разговоры, чувствовала острый запах дыма от кухонных очагов. Некоторые окна были открыты, и на подоконниках сидели люди, вдыхая свежий ночной воздух. Никки и Ренделл передвигались бесшумно. Она была уверена, что кто-то все же заметил их в окно, но не стал поднимать тревогу, оказав тем самым молчаливую поддержку.

Никки вспоминала, как она билась со своими врагами, используя магию или ножи, побеждая их в ближнем бою. Она вела за собой армии — как в поддержку Джегана, так и против него.

— Мне не нравится прятаться, — пробормотала она Ренделлу, когда они остановились у начала аллеи, ведущей к площади для собраний. — Я предпочитаю встречаться с соперником лицом к лицу.

— Скоро у нас будет открытый поединок, — сказал Ренделл. — Властительница и главнокомандующий волшебник планируют новое массовое кровопролитие. Сотни рабов собирают у пирамиды для великого жертвоприношения. — Его голос звучал устало и огорченно. — Они собираются сделать саван постоянным.

Никки изумленно заморгала:

— Тогда мы никогда отсюда не выберемся, как и эти рабы. Мы должны действовать до того, как это случится!

— Мы уже застряли здесь навсегда. Но мы будем продолжать сражаться, под саваном или без него.

— Добрые духи, у нас мало времени, — прошептала Никки. — Когда это должно произойти?

— Завтра ночью. Городская стража уже наготове, а Морасит отводят рабов в огромные загоны.

Никки думала, как подтолкнуть или даже заставить Зерцалоликого призвать последователей к действиям уже сейчас. Она могла взять руководство на себя. Но все по порядку.

— Для начала давай уничтожим одно из оружий властительницы. Она больше не будет шпионить за нами.

Никки пошла по площади под светом звезд, не пытаясь прятаться.

На противоположной стене на уровне груди висела чаша для умывания, наполненная спокойной водой. Ренделл, оставшийся в тени, сказал хриплым громким шепотом:

— Если это всевидящий омут, она тебя увидит!

— Я этого и хочу. — Никки смело прошла к стене.

Черное платье сливалось с темнотой, но светлые волосы и бледная кожа делали ее заметной для любого наблюдателя. Она подошла к полусфере умывальника и посмотрелась, как в зеркало, в спокойную и неподвижную гладь воды.

Она уставилась на свое отражение:

— Ты видишь меня, властительница? — На нее смотрели ее ясные голубые глаза, но Никки представила, что это глаза Торы. — Я здесь. Я жива. И собираюсь уничтожить тебя. — Она опустила лицо, чтобы оно оказалось всего в нескольких дюймах над водой. — Но ты не узнаешь, когда я приду за тобой.

Она с треском выпустила свой дар, разбив изогнутый каменный умывальник, и осколки рухнули на каменные плиты, расплескав воду. Непрерывный поток вытекал из акведука через трубу в стене.

Никки повернулась к Ренделлу:

— Остальные повстанцы делают то же самое. Помогите мне найти другие чаши. Мы выколем волшебные глаза властительницы.

Глава 66

Д'Харианская армия спустилась с гор в широкую зеленую долину, которая не так давно была Язвой. Сидя верхом на ло-

шади, аббатиса Верна смотрела вперед, изучая местность. После нескольких дней верхом она назвала свою лошадь Пылинкой — ласково и образно. Этому ее научил Ричард: своей лошади надо дать имя и относиться к ней с уважением.

— Как вы думаете, мы уже почти в Твердыне? — спросила сестра Эмбер, сверкнув глазами. — Я и не знала, что мир такой огромный.

— Ты пока видела лишь крошечную его часть, дитя. — Верна была удивлена постоянно расширяющимися перспективами. Что, если даже огромная Д'Харианская империя — лишь одна из стран на невероятных размеров континенте?

Изумление на лице молодой послушницы сменилось недоверием, но потом она торжественно кивнула:

— Я вам верю, аббатиса.

Оливер и Перетта, сидевшие на одной лошади, посмотрели вперед.

— Нам надо обойти долину с севера, а затем подняться в пустыню, где и будет Твердыня. — Оливер прищурился, но не смог разглядеть деталей.

— Мы разбивали лагерь ровно восемь раз на пути от Твердыни досюда, — добавила Перетта. — Но ехать верхом гораздо быстрее.

Генерал Зиммер взял поводья своего черного скакуна и оглянулся на двух молодых ученых.

— Значит, нам осталось всего несколько дней пути.

Они шли по еле заметной тропе, которая некогда была дорогой, но за годы выветрилась и размылась. Лошади следовали вдоль плавных изгибов горных ручьев, спускавшихся в долину.

— Тут красиво, — сказала Верна. — Дикая и нетронутая природа.

— Следы присутствия Поглотителя жизни почти полностью стерты, — сказала Перетта. — Взгляните на луга, новые леса, реки и озера. Долина вновь ожила.

— Я бы не стал благодарить Викторию за то, что она сделала, — буркнул Оливер.

Когда наступили сумерки, они увидели впереди проблески огней, десятки небольших костров. Беспокоясь, что это может быть армия, разбившая лагерь в долине, Зиммер направил туда разведчиков. Они вернулись уже затемно и сообщили, что костры горят в лагерях поселенцев, которые переехали сюда и начали строить новые дома и фермы. Решив не приближаться к поселению, генерал отдал приказ располагаться на ночлег прямо здесь.

Он поскреб грубую щетину на своей щеке:

— Люди не на шутку испугаются, если из темноты выедет сотня вооруженных всадников. Давайте подождем до утра, чтобы прибыть как гости, а не как захватчики.

Угостив Пылинку сушеным яблоком, Верна легла на одеяло и стала слушать ночных птиц и насекомых. Сестры расстелили одеяла поближе друг к другу и взволнованно переговаривались, зная, что их цель уже близко. Солдаты развлекались играми и песнями, чувствуя себя расслабленно в рутине путешествия. Многие отметили, что им понравились пейзажи Древнего мира, и, хотя они скучают по оставшимся дома возлюбленным, женам и детям, но считают своим долгом отправиться на войну и сражаться с ордами нежити-людоедов. Верна погрузилась в сон, слушая, как молодой солдат играет на струнном инструменте и тихо поет о девушке, которую оставил в Андерите.

Следующим утром отряд въехал в новую деревню. Десять семей разметили колышками участки у широкого горного ручья. Когда поселенцы увидели приближающийся отряд всадников, то опасливо собрались вместе. Верна поняла, что эти люди в последние годы перенесли множество невзгод и привыкли бояться незнакомцев. Генерал Зиммер представился и заверил их, что они пришли с миром.

— Долина снова плодородна, — сказал бородатый мужчина в перепачканной грязью одежде. Он запряг в самодельный плуг единственного в поселении вола, и теперь стоял рядом с большим животным. Селяне расчистили и вспахали несколько акров земли. Лесорубы навалили деревьев и тесали из них бревна для строительства. — Долгое время здесь никто не мог жить, но сейчас земля идеально подходит для посевов, хоть еще и не разработана.

Худенькая женщина с большими глазами и рано поседевшими волосами вышла навстречу генералу Зиммеру и аббати-се Верне. Она указала на самое большое из построенных зданий:

— Здесь будет школа. Как только мы тут обустроимся, еще больше людей спустится с гор, чтобы присоединиться к нам.

— Многие ушли из-за Язвы Поглотителя жизни, которая все больше разрасталась, — сказал первый фермер. — Но эта долина — наш отчий дом. Она была нашей еще давным-давно.

— И долина снова ваша, — сказал генерал Зиммер. — Мы пришли с известием, что Имперского Ордена больше нет, император Джегань мертв, а магистр Рал хочет, чтобы вы были вольны сами определять свою жизнь, без тирании или угнетения.

Все больше людей подходили ближе, в том числе трое детей, измазанных в грязи из-за того, что помогали сеять зерно в свежевспаханные борозды. Дети улыбались солдатам.

— Мы просто едем мимо, а вообще направляемся в Твердыню, — сказала Верна. — Вам нечего бояться.

— Твердыня? — спросил первый фермер. — Я слышал о ней раньше. Она далеко и спрятана в каньонах. — Мужчина указал на высокое плато на севере.

— Мы точно знаем, куда идем, — сказала Перетта.

Вскоре отряд поехал дальше, желая преодолеть как можно больше миль. В следующие два дня им встретилось еще несколько новых поселений, а потом экспедиция повернула на

север, направляясь в пустыню на возвышенности. Оливер и Перетта повели их, поскольку скалистая местность становилась все более запутанной. Но, хотя ученые и помнили свой предыдущий путь, в тот раз они шли пешком, и их маршрут не подходил для лошадей и такого количества людей. Разведчикам приходилось заходить далеко вперед, чтобы найти обход мимо узких каньонов или крутых обрывов. В каньонах было очень красиво, но они были настоящим лабиринтом.

Они продолжали двигаться вперед, и Верна слышала ропот некоторых солдат, о том, что они потерялись. Руслу многих каньонов были сухими, а лошади нуждались в большом количестве воды. Однако двух молодых ученых это не пугало. Пройдя по усыпанному галечником руслу в высокие красные каньоны, Оливер и Перетта направили лошадь в сужающееся ущелье, которое казалось тупиком.

— Вот мы и на месте, — сказал Оливер, закрывая от солнца глаза.

Сидевшая перед ним Перетта сияла от радости.

— Но я вижу лишь скалы, — возразил генерал Зиммер.

Перетта улыбнулась ему:

— Теперь видите, насколько хорошо это укрытие?

Ученые-проводники спешили и повели лошадь за собой.

— Возможно, вы не захотите дальше ехать, — сказал Оливер. — Там довольно узко.

Они подошли к каменной стене, вошли в тень и, повернув налево, исчезли. Двое разведчиков пошли за учеными Твердыни и вскоре крикнули, что все чисто.

Верна поняла, что это трещина в скале, узкий проход, который оставался невидимым, пока она не подошла вплотную. Она спешила и повела Пылинку за поводья. Генерал Зиммер и его боевой конь шли прямо перед ней. Прохладный камень смыкавшихся стен был все ближе, тени сгустились, поскольку солнечный свет не мог проникнуть в узкий проход, но всего

через десять шагов они с лошадьёю вышли в дивный каньон — обособленный мир, скрытый от посторонних глаз.

Горные потоки рассекали персты каньонов, питая пышную зеленую долину. Вдоль центрального ручья росли многочисленные фруктовые деревья, а на густой траве паслись стада овец. Висячие сады с овощными грядками занимали каждый клочок плодородной земли на уступах. Скалы, возвышавшиеся по обеим сторонам каньона, пестрели естественными нишами, в которых гнездились здания из глиняного кирпича.

По всему каньону раздались крики, когда люди заметили шеренгу лошадей и солдат, въезжавших через скрытый проход.

— Там! — Оливер указал на другую сторону каньона.

Верна подняла взгляд на правую стену и увидела большой грот, нависший над огромными зданиями, каменными башнями и необъятными фасадами. Узкая тропинка зигзагом поднималась по склону к внушительным зданиям.

— Твердыня? — ахнула Верна.

Оливер и Перетта кивнули.

— Мы вернулись домой.

Глава 67

Вода из разбитого кувшина расплескалась по полированному голубому мрамору тронного зала. Разгневанная Тора спустилась по ступенькам с помоста и заглянула в растекшуюся лужу. Зеркальная поверхность не показывала ничего, кроме лучей утреннего света, проходящих через окна.

— Мои всевидящие омуты во всем городе разрушены!

Максим усмехнулся, откинувшись на спинку трона и скрестив ноги в черных шароварах.

— А чего ты ожидала, моя дорогая жена? Ты сама решила поделиться своим секретом и открыла членам палаты, что шпионишь за ними, как за Никки и волшебником Натаном.

— Он вовсе не волшебник, — прорычала она. — У него нет дара.

— Может, нет, а может, и есть. Андре сообщил, что Натан очнулся и идет на поправку. И он действительно обладает определенной склонностью к магии.

— Андре в жизни не признается в неудаче. — Тора смотрела на лужу, которая ничего ей не явила.

Максим откинул голову на высокую спинку вычурного трона.

— Раз волшебники палаты узнали о магических чашах, то могли пойти слухи. Об этом могли услышать рабы, даже стражники и горожане, а через них информация могла дойти до Зерцалоликого. — Он покачал указательным пальцем, изображая обвинительный метроном. — Вообще-то, ты должна была это ожидать.

— Я ожидала от наших волшебников преданности.

— Преданность надо заслужить, моя дорогая, а не приказывать, — сказал Максим, играя со своей черной козлиной бородкой.

Члены совета, придя домой, осушили свои умывальники и фонтаны, чтобы ослепить властительницу.

Тора прищурила свои глаза цвета морской волны. Ее мысли беспорядочно кружили, гнев накалялся.

— А разве я не заслужила их преданность за пятнадцать веков безупречного правления? Разве я не даю им покой и защиту?

— Разумеется, даешь. Если бы только все остальные думали так же. Например, наши рабы.

Властительницу раздражал ее муж и подобный поворот событий. В темные ночные часы Зерцалоликий и его сторонники разбрелись по улицам и, скоординировав свои действия, раз-

били общественные умывальники, оставив ее без магических глаз по всему городу.

Но больше всего она была в ярости от одного из последних образов, показанных всевидящим омутом за несколько мгновений до его уничтожения. Тора увидела лицо Никки, ее полные губы, изогнутые в мстительном гневе, когда та с насмешкой смотрела в зеркальную гладь воды. Никки злорадно радовалась тому, что пережила бой и долгое падение с башни.

— Не нужно винить болтливые языки наших советников, — продолжил Максим. — Поскольку ты позволила Никки выжить, она могла обо всем рассказать.

Тора знала, что он прав.

— Сегодня ночью все будет кончено. Жертвенные рабы уже в загонах. В полночь, когда звездные линии и созвездия будут на пике, мы взойдем на пирамиду и проведем величайший ритуал кровопролития с тех пор, как победили генерала Утроса. Саван станет постоянным... и мы сможем без спешки подавить эти волнения.

Из-за важности предстоящего ритуала остальные волшебники проведут весь день, готовясь к тому, чтобы затратить много магии. Одаренные рабочие поднялись на вершину ступенчатой пирамиды, чтобы удостовериться, что все части механизмов идеально настроены для великого жертвоприношения.

— Думаю, ты стала заложницей своих же решений, — сказал Максим. — Даже зная, что ты не будешь слушать, я говорю о своем несогласии. Постоянный саван лишит нас внешней торговли, но не решит наших проблем. Мы просто окажемся в большой клетке, как те жаворонки, что попали в сеть и не в состоянии вырваться на свободу.

Данное сравнение возмутило Тору, но муж раздражал ее уже не один век. В этом он был мастер.

Нарочито зевнув, Максим встал с трона и пошел к выходу прямо по луже, не обратив на то внимания.

— Куда ты? — требовательно спросила Тора.

— Я главнокомандующий волшебник. У меня, как и у тебя, есть работа, — ответил он. — Приближается ритуал магии крови, и тебе стоило бы заняться своими обязанностями, а не думать о колдунье, которую не смогла одолеть.

Глаза Торы блеснули гневом. Она сделала короткий вдох сквозь стиснутые зубы, но муж уже выходил из зала, оставляя мокрые следы.

— Раз уж тебе нечем заняться, то позови рабов, чтобы они прибрали этот беспорядок, — бросил он через плечо.

* * *

Тревожные сны Никки были наполнены кошачьей энергией. Благодаря магической связи ее мысленное зрение проникало в хищный разум Мрра и ее неутомимый дух. Уже много раз Никки охотилась во снах вместе со своей сестрой-пумой, разгуливая по равнинам и ощущая жар адреналина, когда бежала за блеющей антилопой, валила ее на землю и разрывала ей горло.

Теперь Мрра могла лишь ходить взад-вперед по тесному вольеру. Она была заперта в клетке и подвергалась истязаниям — долгие годы ее трока жила именно так. Поникшей пуме приходилось есть не то, что она добыла на охоте, а то, что скармливали ей новые укротители: требуху со скотобойни или куски человечины. Мрра уже пробовала на вкус человеческую плоть, и Никки, когда погрузилась в воспоминания кошки, тоже ощутила этот вкус. Айвен использовал нарубленное кусками мясо жертв, чтобы подстегнуть аппетит животных. Он хотел быть уверенным, что они убьют противников на арене. Для Мрра любое мертвое мясо было просто добычей, пропитанием. Она помнила боль, причиненную рослым главным укротителем. Теперь его подмастерья пытались делать то же самое, но они были слабее Айвена. Никки заметила в кошачьих мыслях

презрение. Пума открыто их игнорировала, отчего укротители приходили в ярость и беспокоились.

Никки погрузилась в сон, лежа на своей койке в туннелях акведука, и увидела мир кошачьими глазами. Прутья решетки ее логова отбрасывали тени, и она погрузилась глубже в разум пумы, вспоминая недавно пережитое. Она была ошеломлена всплеском узнавания, увидев еще одно знакомое человеческое существо! Молодой человек с длинными рыжими волосами и мечом. Мрра знала его запах, его манеру поведения, его голос — и Никки тоже его знала. Бэннон!

Юноша исчез несколько дней назад, и теперь она увидела, что Бэннона схватили и держали в тренировочных ямах. Неудивительно, что Никки не смогла его найти. Она была уверена, что за этим стоит его вероломный друг Амос. Мрра натравили на Бэннона в одной из тренировочных ям. Они должны были сразиться друг с другом, покалечить и убить. Они кружили по арене под взглядами зрителей, и, хотя укротители использовали свой дар для принуждения пумы, Мрра отказалась подчиниться. Большая кошка знала Бэннона. Он вместе с Никки и Натаном был частью ее охотничьей стаи. Бэннон также отказался вступать в бой, и их неповиновение возмутило зрителей.

Вспыхнув от гнева, Никки все же заставила себя не разрывать связь и узнать больше из воспоминаний пумы. Мрра знала каждый поворот туннелей, каждую клетку и каждый загон с каменными стенами. Также она знала, где камеры воинов и площадки для поединков.

Никки обратила внимание, что многие из боевых животных вели себя беспокойно, сидя в клетках: несколько болотных драконов, два покрытых броней быка, десяток хищных колючих волков и три диких пятнистых кабана с большими бивнями источали запах ярости, голода и жажды убивать. Стоит их выпустить, и они посеют всюду хаос.

Никки также увидела клетку Бэннона. Когда в ее голове возникла четкая схема расположения всех этих камер, она заставила себя пробудиться, неохотно разрывая тесную связь с сестрой-пумой. Она глубоко вздохнула и села в мрачных влажных туннелях акведука. Хотя полученная ею информация была весьма тревожной, колдунья позволила себе улыбнуться. У нее начал зреть план...

Зерцалоликий прибыл поздним утром. Десятки его взволнованных последователей подошли к нему, чтобы услышать его слова.

— Сегодня ночью нам представится отличная возможность. Палата волшебников вознамерилась осуществить массовую резню, чтобы сотворить свою кровавую магию. Триста рабов, три сотни жертв — таких же, как вы.

Его последователи зароптали. У многих на лице было отращивание. Женщина с бледным лицом и сухой кожей вытерла слезу с уголка глаза. Ренделл протянул руку и сжал ее ладонь, а его взгляд наполнился решимостью. Мельбы все еще не было среди них.

— Значит, мы должны что-нибудь сделать, — вмешалась Никки. — Это наш шанс. Настало время для планов, которые мы обдумывали, и идей, которые обсуждали. Совместными усилиями мы сможем выкорчевать зловерные сорняки, произрастающие в Илдакаре.

Зерцалоликий повернул к ней свое зеркальное лицо. Казалось, он испытывает скорее любопытство, чем негодование из-за того, что она взялась распоряжаться.

— И что ты предлагаешь, колдунья?

— Я уже бросила вызов властительнице и потерпела неудачу. Я не должна была делать это в одиночку. Теперь мы будем действовать вместе. Мы должны освободить пленных рабов, обреченных на смерть. Нам надо добраться до верхнего уровня города, двинуться толпой по ступеням пирамиды и уничтожить их устройство, чтобы предотвратить кровопролитие. Ес-

ли мы разрушим проекционную башню, то навсегда сбросим саван.

— Ах, — вздохнул Зерцалоликий, — тогда многие из нас смогут вырваться из города и бежать в отдаленные районы.

— Бегства будет недостаточно, — сказала Никки. — Мы должны освободить город.

Она могла бы помочь свергнуть угнетателей, которые верили, что массовое кровопролитие и рабство создают их утопическое общество.

А затем она найдет Натана и Бэннона, освободит Мрра, и тогда они все уйдут. Довольно уже Ильдакара! У нее слишком много работы, есть еще множество других мест, которые требуется включить в Д'Харианскую империю. Это задание дал ей Ричард.

Колдунья спасет мир...

Никки не могла уйти, не завершив свою работу.

— С наступлением ночи мы отправимся в клетки арены и освободим мою пуму. Мы выпустим других животных — на этот раз не столько ради хаоса, сколько ради того, чтобы не допустить полуночного кровопролития. Мы освободим из тренировочных ям моего друга Бэннона. Он и его меч нам очень помогут. — Она расправила плечи, почувствовав, как расслабляются мышцы. — Остальные воины — рабы, а нам нужны бойцы. Они убивают друг друга на потеху знати — и наверняка столь же неистово будут сражаться за свою свободу.

Мятежники приглушенно переговаривались.

Зерцалоликий поднял голову, и в маске отразился свет настенных факелов.

— Многие воины бьются из любви к сражениям, но, возможно, мы сможем предоставить им лучшего противника. — Он вскинул руки, взметнув складки серой мантии, и подал знак собравшимся мятежникам. — Очень хорошо, колдунья, я согласен с твоим планом. Мы распространим весть среди наших многочисленных последователей, и они будут готовы

действовать. — Он медленно повернулся, обращаясь к толпе: — Вот чего мы хотели. Если мы добьемся успеха, Ильдакар станет вашим!

Глава 68

Повелитель плоти Андре заставлял Натана стараться, провоцировал его, а бывший пророк разочарованно ворчал:

— Даже сестрам Света далеко до твоей жестокости. Они держали меня взаперти, чтобы мои опасные пророчества никому не причинили вреда. — Натан фыркнул и провел пальцами по своим длинным белым волосам, которые отчаянно нуждались в мытье. — Однако именно это и воплощало их в жизнь. Несмотря на всю свою образованность, сестры обманывали сами себя.

— Мы же не пытаемся восстановить твой пророческий дар, ммм? — сказал Андре. — Потому что пророчество исчезло, и подобные усилия бессмысленны. Даже мы обнаружили это. Звезды над головой изменились, но это никак не связано с нашим саваном.

— Я уже разъяснил причины, — сказал Натан. — Ричард вызвал перемещение звезд, запечатал завесу и изменил законы магии.

— Ты действительно рассказывал нам интересные истории, но для Ильдакара подобное не важно. — Повелитель плоти расхаживал по лаборатории, пропитанной странными запахами химикатов и крови. — Благодаря искажению савана мы всегда жили по своим правилам.

Занавески цвета индиго заслоняли свет из открытых окон, и Натан дернул одну вниз, чтобы впустить яркие солнечные лучи. В мрачном помещении впервые за многие годы стало теплее и светлее.

Натан понемногу восстанавливал силы. Вчера, проснувшись во второй раз, он выпил целую миску бульона, а сегодня утром ел яйца, овощи и выпечку. Как только в нем проснулся голод, старик стал ненасытным, и Андре едва успевал кормить его, гоняя прислугу на кухню за все новыми подносами.

Натан был беспокойным и неусидчивым. Он провел слишком много времени в этой душной студии и хотел выйти наружу — не потому, что стремился увидеть Ильдакар, а чтобы найти юного Бэннона. Он также поклялся узнать больше о смерти Никки, хотя Андре описал ее последний поединок с Морасит и властительницей. Даже Никки не смогла бы пережить такое падение.

Он проглотил ком в горле, и Андре, кажется, заметил его уныние.

— Вот-вот, просто старайся сильнее, Натан. Скоро ты ощутишь свой дар. Мы ведь точно знаем, что в Айвене была сила, ммм?

— Я буду стараться. — Натан потер ладонью растущую на горле щетину. Ему нужно не только помыть волосы, но и побриться. — Ты хотя бы не заставляешь меня носить железный ошейник.

Андре удивленно моргнул:

— С чего мне так поступать?

Натан отодвинул тарелки, миски и чашки. Сегодня он поел уже в третий раз, хотя едва наступил полдень.

— Когда-нибудь я попрошу тебя задать этот вопрос сестрам.

В студии стоял резкий запах чистящих химикалий, но и он едва перебивал застоявшийся запах мочи перепуганных подопытных. На полках стояли урны с реагентами и запечатанные цилиндры с сохраняющими символами. Натан мог только догадываться, какие странные ингредиенты в них содержатся. Большая зубастая рыба с зазубренными плавниками и множе-

ством глаз плавала бесконечными кругами в мутной воде аквариума.

Натан вытянул руки и уставился на линии на ладонях, на линии жизни... Он вспомнил, как ведьма Рэд порезала его руку, чтобы собрать кровь и создать чернила для его книги жизни. Рэд утверждала, что ответвления и линии на ладони человека являются уникальным рисунком заклинания. Он пристально смотрел на руку лазурными глазами, отслеживая узоры и представляя, что они являются отображением линий хань по всему его телу. Он почувствовал — или вообразил — покалывание, узнал проблеск магии и пробуждающийся дар.

Тук-тук. Тук-тук.

Он коснулся груди, чувствуя стук, слыша биение новой жизни.

— Помни, что теперь у тебя сердце волшебника, — сказал Андре. — Используй его!

— Как дела у пациента? — раздался женский голос.

Натан был рад прерваться, но, когда обернулся, покалывание магии исчезло. Вошла Эльза, облаченная в темно-фиолетовое платье с золотой вышивкой в виде незнакомых символов.

Натан улыбнулся привлекательной немолодой женщине.

— Выздоровливаю. — Он глубоко вдохнул. — Воздух все еще наполняет мои легкие. Я жив, и это уже что-то.

— У него новое сильное сердце, — вмешался Андре. — Главный укротитель Айвен бьется в нем, и дорогой Натан вновь обретет свой дар. Пока что он продолжает поиски.

— Зато ко мне вернулся аппетит. — Натан взглянул на стоявшие в беспорядке пустые тарелки, затем понизил голос и отвернулся. — Я также узнал, что властительница убила мою дорогую спутницу Никки. От такой новости я чувствую себя больным.

Эльза потупила взгляд.

— Это было ужасно, и некоторые члены палаты волшебников, включая меня, считают, что Тора схитрила. Она назвала Адессу своей защитницей, но, когда Морасит не смогла убить Никки достаточно быстро, использовала свою магию. — Эльза покачала головой. — Вызов не должен приниматься или завершаться таким образом.

Андре постучал по стеклянной стенке аквариума, издав резкий звук и напугав грозного вида рыбы в мутной воде.

— Это было похоже на боевую арену, только с применением магии. Никто не вдаётся в тонкости протокола в кровавом поединке. Что сделано, то сделано.

— Тем не менее, — сказала Эльза, — мне не понравилось, что властительница шпионит за людьми при помощи магии. Она может наблюдать за любым из нас, через любую водную гладь.

— Чего тебе бояться, ммм? Властительница Тора просто обеспечивает безопасность нашего города.

— Нет уж, спасибо, — презрительно усмехнулась Эльза. — Я сама обеспечу безопасность в своем доме. Я уже осушила все свои умывальники и фонтаны — и предлагаю тебе сделать то же самое, если не хочешь, чтобы она следила за твоими попытками пробудить дар Натана.

Повелитель плоти расплылся в улыбке.

— Тогда она увидит, как усердно мы работаем. Сейчас мой основной интерес — убедиться, что Натан снова станет волшебником.

— Я тоже в этом заинтересован, — заметил Натан.

Он сидел на краю стола, на котором долго пролежал без сознания. На старике был свободный, ничем не примечательный белый балахон. Он решил, что ему нужно поискать свои штаны, сапоги со шнуровкой, рубашку с кружевами и плащ, а еще меч — прекрасный изысканный клинок, который так хорошо служил ему. Натан надеялся, что его оружие все еще в большом особняке, где он его и оставил. Впрочем, в ближайшее

время он не собирался пускать меч в ход, потому что чувствовал себя еще слишком слабым.

— Я пришла предложить свою помощь, — сказала Эльза, подходя ближе к столу. — Я не только могу обучить тебя, но и, что более важно, дать немного энергии посредством магии переноса. — Она посмотрела на него светло-кариими глазами, в уголках которых появились морщинки, когда она улыбнулась.

«Какая красивая улыбка», — подумал Натан.

— И как это поможет? — спросил Натан. Колдунья заинтересовала его больше, чем грубое руководство повелителя плоти.

— Дар — это еще и большая ответственность, — сказала Эльза. — Ты можешь им обладать, но должен знать, как его использовать. Хань внутри тебя подобен быстрому потоку. Он был перекрыт, но теперь его нужно освободить.

— Если бы я только знал, как это сделать, моя дорогая.

Натану так хотелось вымыть и причесать волосы, побриться и одеться в чистую — предпочтительно более элегантную — одежду. Он чувствовал себя неловко, представ перед Эльзой в таком виде.

— Позволь мне кое-что попробовать, — сказала она. — Думаю, ты стараешься слишком усердно, и страх неудачи делает тебя неуверенным. Неуверенность ослабляет тебя. Смотри.

Она коснулась пальцем своей груди чуть выше ложбинки, которая виднелась в вырезе фиолетового платья. Она нарисовала пальцем круг, затем прочертила петли, изображая невидимый символ, который могла видеть только она, хотя Натан пытался проследить за линиями.

Андре отступил, заинтересованно наблюдая.

— Теперь ты, Натан. — Эльза подошла ближе и ослабила ворот его белого балахона, обнажая грудь. Она поразилась при виде длинной узловатой линии в центре груди, похожей на застывший свечной воск.

Натан смущенно посмотрел вниз:

— Наверняка со временем шрам станет незаметнее.

— Напротив, он всегда будет напоминать о моей работе, — сказал повелитель плоти и с гордостью добавил: — Как подпись художника.

Эльза выглядела встревоженной, но протянула руку и положила ладонь на грудь Натана, коснувшись шрама.

— Я чувствую, как бьется твое сердце. Да, оно сильно, но силен ли хань? Позволь мне дать тебе немного своего. Возможно, он откроет то, что тебе нужно.

Кончиком пальца она быстрыми и щекочущими движениями прочертила на его груди руну, аналогичную той, что изобразила над своим сердцем. Закончив, она стукнула по коже пальцем и отступила.

Натан испытал резкое колющее тепло внутри, будто выпил бокал изысканного эйдиндрилского бренди.

— Я что-то чувствую.

— Думаю, Эльза с тобой флиртует, — хихикнул Андре. — Возможно, тебя все-таки пригласят на нашу следующую вечеринку удовольствий — как минимум в качестве ее гостя.

Эльза покраснела.

Натан нахмурился:

— Ты мешаешь мне сконцентрироваться, повелитель плоти.

— А вот этого мы бы не хотели, ммм? — Андре промчался по студии, порывлся в вещах на полках и выудил толстую свечу. Он поставил ее на стол рядом с Натаном, указав на поникший черный фитиль. — Посмотрим, сможешь ли ее зажечь. Используй свой дар для заклинания огня и воспламени свечу.

Теперь Натан чувствовал себя увереннее, ощущая внутри покалывающее тепло. Возможно, магия переноса Эльзы соединила последние нити хань к его сердцу — его новому сердцу. Он посмотрел на согнутый фитиль, на застывший деформированный воск. Натан ощутил магию и притянул ее ближе.

Он вспомнил, как множество раз призывал огромные шары огня волшебника, как легко зажигал костры и факелы чуть ли не силой мысли. Он ходил по темным туннелям Дворца Пророков, держа в руке огонек, призванный без особого труда.

Натан вспомнил, как на палубе «Бегущего по волнам» пытался показать трюк нетерпеливо ожидавшему Бэннону. Он сотворил обычное пламя на своей ладони... а оно замерцало и погасло.

Он отбросил эти мысли, не желая, чтобы нерешительность ослабила его, как предупреждала Эльза. Натан сосредоточился на обугленном фитиле, ощущая тепло внутри, и попытался перенести его в свечу. Дар просочился тонкой струйкой и стал расти.

— Сотвори пламя, волшебник, — рявкнул Андре. — Или я должен лишить тебя этого титула?

Вздвогнув, Натан приложил больше усилий. Так просто создать обычное пламя. Он почувствовал жар, извлек его из воздуха и поместил в свечу.

— Гори! — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Он напрягся, чувствуя колеблющуюся в нем магию. Свеча замерцала, возникла маленькая желтая искра, но тут же погасла.

— Гори! — крикнул он громче, усилив хватку, черпая свой восстановленный дар.

Фитиль по-прежнему не воспламенялся.

Но взорвалась емкость с рыбой.

Несговорчивая магия Натана послала стрелу жара в мутную воду, которая мгновенно вскипела, разбив стекло. Вместе с потоком воды на пол плюхнулась дымящаяся туша безобразной рыбы. Ее похोजие на иглы зубы щелкали, рот открывался и закрывался, а потом глаза рыбы приобрели молочный цвет, и она замерла. Крупные чешуйки сползли с туши, как монетки, хрустящая кожа треснула, открывая дымящуюся пластинчатую плоть, слезающую с изогнутых костей.

Натан отшатнулся, потрясенный тем, что сделал.

— Добрые духи!

— К тебе вернулся дар! — воскликнул Андре.

— Но он по-прежнему не поддается контролю. — Натан чувствовал нарастающий тошнотворный страх. Он вспомнил человека, которого пытался исцелить в бухте Рэнда; его усилия увенчались изуродованным трупом. — Магия неистова и опасна.

— Но она есть, — сказала Эльза.

Андре подошел к разбитому аквариуму и хмуро посмотрел на останки созданной им чешуйчатой твари.

— Похоже, ты приготовил для нас поздний ланч, волшебник. — Он улыбнулся. — Да, я буду звать тебя волшебником, пусть и немного преждевременно.

Натан сцепил руки, пытаясь унять дрожь. Он представил последствия от более серьезного заклинания, если магия опять срикошетит и работает совершенно не так.

— Я попытался создать лишь крошечное пламя свечи, и гляньте, что вышло.

— И в самом деле! — восхищенно сказал Андре. — Похоже, главный укротитель Айвен передал тебе значительную часть силы.

Он крикнул рабам, чтобы они убрали беспорядок.

Эльза похлопала Натана по руке:

— Это шаг в верном направлении.

— Или нет, — сказал Натан.

— Если б ты только восстановился раньше, — произнес повелитель плоти, посмотрев на них. — Сегодня ночью случится великое кровопролитие с участием трехсот рабов. Как только мы усилим саван, нам больше не придется беспокоиться из-за внешнего мира.

Эльза отвела беспокойный взгляд.

Андре прищурил мутные глаза и наклонился ближе, говоря с оттенком угрозы:

— Надейся вернуть дар, Натан, поскольку это твой единственный способ остаться среди благородного класса Ильдакара. — Затем он отступил и снова ухмыльнулся. — Но ты продемонстрировал потенциал, а я знаю качество своей работы, ммм? Если ничего не изменится, мы попробуем другие методы. Не стоит бояться — сколько бы времени ни потребовалось для экспериментов, у нас его будет достаточно.

Глава 69

Солнце садилось над Ильдакаром, погружаясь в багровые облака и словно ожидая неминуемого кровопролития. Люди в городе были взволнованы: кто-то нервничал, кто-то сгорал от нетерпения, кто-то смирился. Никки не намеревалась допустить кровавую бойню. Она не могла позволить убить невинных рабов, не могла позволить запереть себя под саваном вечности. Пришло время действовать.

Когда на улицах сгустилась тьма, в домах и гостиницах зажглись свечи, масляные лампы или магические огоньки, созданные даром владельцев. Словно ночные хищники, выскальзывающие из темных укрытий, последователи Зерцалоликого стали выходить в город.

Никки вышла вместе с ними. Ее длинные золотистые волосы были расчесаны и струились по спине. Черное платье льнуло к телу, а юбки лужей чернил расплылись вокруг ног, когда она вышла из туннеля в песчанике.

— Мне больше не нужно прятаться, — сказала она. — Я хочу, чтобы властительница Тора и весь Ильдакар знали, кто нанесет им поражение.

— Это будем мы, — сказал Зерцалоликий, шагая рядом с ней.

Маска, скрывающая его лицо, была отполирована до блеска. Серая мантия обтекала его подобно туману, когда он шел с Никки к месту сбора. Он воззвал к сотням своих последователей, велел им собраться на темном и пыльном зерновом складе — по иронии судьбы, именно здесь схватили Мрра. Никки знала, что это не случайность. Зерцалоликий выбрал это место из-за нее.

Мятежники были одеты в коричневые одежды с капюшонами, которые скрывали их лица. На шее у каждого висел тонкий деревянный диск с выгравированной руной сожжения. В случае смерти тела мятежников мгновенно сгорали, чтобы невозможно было раскрыть их личность и разоблачить всю сеть. Ренделл охватил диск потной ладонью и крепко сжал его.

— Он тебе ни к чему, — заверила его Никки. — Борцы за свободу Ильдакара больше не будут скрываться.

Она оглядела людей в пыльном полумраке зернового склада. Со стропил над головой свисали фонари, изливая желто-оранжевый свет и отбрасывая резкие тени.

— После этой ночи вы с гордостью признаетесь, что следовали за Зерцалоликим. Даже если вы умрете в бою, ваши семьи и друзья будут гордиться вашими деяниями и расскажут о них остальным.

По толпе мятежников прокатились возгласы одобрения. Ренделл поднял руку и откинул коричневый капюшон, встряхнув волосами.

— Ради нашего сегодняшнего дела я не собираюсь скрывать, кто я.

Стоявшая рядом с ним женщина с иссохшим лицом сделала то же самое. Одежды повстанцев всколыхнулись со звуком шелеста крыльев, когда многие из них откинули свои капюшоны.

— Нам не нужно скрывать, кто мы.

Никки прикоснулась к своему дару, и от покалывания магии ее волосы встали дыбом. Она повернулась к Зерцалоликому и

увидела свое отражение вместо его лица. Суровым взглядом колдунья призывала его открыть себя, как все остальные. Среди преданных последователей он не должен был стесняться ужасающего лица, изуродованного повелителем плоти.

Зерцалоликий поднял руку и поправил маску, оставив ее на лице.

— Вот кто я есть, — сказал он. Его приглушенный маской голос все же был слышен всем. — Вот за кем следуют мои люди.

— Зерцалоликий! — воскликнул Ренделл.

Остальные тут же подхватили:

— Зерцалоликий! Зерцалоликий!

Люди на улицах ожидали начала ритуала кровопролития. С тех пор, как властительница Тора и палата волшебников сделали заявление, весь город словно затаил дыхание в ожидании. Лазутчики Зерцалоликого сообщили, что три сотни рабов, опьяненные ароматом красных цветов умиротворения, согнаны в большой загон у центральной пирамиды.

Зерцалоликий казался неуверенным, даже несмотря на то, что после полудня они потратили несколько часов на составление детального плана, решая, какие предпринять шаги и как нанести удар, чтобы добиться победы. Никки сначала предлагала идеи, а затем спорила с ним о стратегии. Она поняла, что Зерцалоликому просто нравилось иметь последователей и возглавлять восстание, но конечная цель не разжигала в нем яркого пламени. Он любил устраивать небольшие мятежи и будоражить город. Его последователи храбро втыкали в стены осколки зеркал, писали на зданиях дерзкие призывы, но Никки задавалась вопросом, действительно ли Зерцалоликий хочет добиться успеха. Выражение недовольства порочной властью и управление городом — совершенно разные вещи. Хотя его повстанческое движение медленно развивалось в течение многих лет, он мало чего добился, пока не прибыли Никки и ее спутники.

Для Никки это было неприемлемо. Она будет бороться за победу.

Пока Зерцалоликий подыскивал слова, она заговорила:

— Все закончится сегодня ночью. Слухи распространились по всему городу. Рабы шепчутся между собой, даже те, кто не присоединился к нам. Они будут знать, что делать, когда увидят мятеж на улицах. Наша армия возрастет тысячекратно, как только это начнется. — Она жестоко улыбнулась. — Ритуал магии крови запланирован на полночь, но темнота уже наступила, и это наше время. Сегодня прольется кровь — и это будет не кровь жертвенных рабов.

— Но как мы будем сражаться с волшебниками? — спросил один из повстанцев дрожащим от волнения голосом. Это был молодой человек с вытянутым лицом, преждевременно поредевшими волосами и оспинами на щеках. — Мы ведь не одаренные.

— Предоставьте это мне, — сказала Никки. — Я задолжала властительнице изрядно боли.

Стальные глаза Ренделла сверкнули, когда он повернулся к собратям.

— И если они убьют вас, вы умрете свободными! Когда ты начинаешь сопротивляться, то обретаешь свободу. — Неприметная женщина рядом с ним потянулась, чтобы взять его за руку. Ренделл понизил голос: — И не столь важно, выживешь ты или нет.

Кто-то снова начал скандировать:

— Зерцалоликий! Зерцалоликий!

— Никки! Никки! — добавил свой голос Ренделл.

Она чувствовала в воздухе дух сопротивления, и его мощь продолжала возрастать.

— Это не протест, — сказала Никки. — Это призыв к войне, и я нанесу первый удар. Я поведу группу к ямам для животных и камерам бойцов. Мы освободим всех пленников — как людей, так и зверей, — и они помогут нам.

Никки мрачно улыбнулась. С Мрра и Бэнноном она вновь ощутит себя могущественной. Она сделает это не только для себя и жителей Илдакара, но и ради Ричарда Рала и его мечты о едином мире.

— Я пойду с тобой, — сказал Зерцалоликий. — Если это наша первая битва, то мы должны быть вместе.

Никки не стала спорить. Она коснулась рукоятей двух кинжалов, вложенных в ножны на бедрах; она заменила оружие после битвы с Адессой.

— У нас есть все, что нужно.

* * *

Руководствуясь яркими образами, которые видела во сне посредством уз, Никки точно знала, где искать Мрра. Но карта в ее голове была создана ощущениями песчаной пумы, которая полагалась не только на зрение, но и на обоняние и слух. И все же она поведет своих спутников.

— Не страшитесь убивать, — сказала Никки так, чтобы все ее услышали. — Враг не будет колебаться.

Они украдкой двигались по улицам. Шепотки пронеслись по переулкам и нижним улицам, и их группа стала многочисленнее. Сейчас скорость была их лучшим другом. Довольно скоро на волю вырвется хаос, вооруженный клыками, когтями и клинками.

— Я так долго и с нетерпением ждал этого, — сказал Зерцалоликий. — Мои люди готовы. Илдакар не будет знать, кто поразит.

Никки почувствовала зловоние еще до того, как они добрались до зверинца. Она ощутила покалывание на коже и в глубине разума — слабое неосознанное присутствие сестры-пумы. Мрра тоже чувствовала ее, зная о приближении. Никки ускорила, забыв про осторожность.

За темным входом в звериные туннели стояло несколько больших клеток, в которых держали потрепанных лис и койотов. В третьем загоне рычали и таякали шакалы. Этих зверей не дрессировали и не улучшали магией. Они были добычей для более грозных животных.

Четверо городских стражников заметили приближающуюся толпу и заняли оборонительные позиции.

— Стойте! Вам сюда нельзя.

Никки выбросила руку в сторону, нанеся удар воздухом, и стражников швырнуло в стену, оглушив.

— Начинается, — довольно произнес Зерцалоликий.

Никки указала на ближайшие клетки:

— Освободите их. Пусть животные разбегаются.

Позади нее мятежники щелкнули засовами, и койоты, отеснив своих спасителей, бросились по переулкам. Шакалы лаяли и рычали, отчаянно пытаясь вырваться.

Подбежали еще двое стражников, бряцая чешуйчатыми доспехами и обнажая мечи. Мятежники отпрыгнули в сторону, а шакалы выпрыгнули из клетки и набросились на приближающихся стражников. Один воин упал лицом на мостовую, и шакалы атаковали его, раздирая броню на спине. Другой стражник убежал, зовя на помощь.

Никки не обращала внимания на происходящее на улицах. Она бросилась в расширяющийся туннель, где пахло мускусом, мокрой шерстью, кровью и экскрементами.

— Откройте клетки! — крикнула она. — На этот раз выпустите всех. Мы должны создать панику на улицах, чтобы помешать ритуалу кровопролития.

Позволив соратникам делать эту работу, Никки пошла мимо клеток и каменных ниш, превращенных в логова хищников. Она знала, куда идти. Мрра безмолвно звала ее, дергая за магические узы.

Туннели были настоящим лабиринтом, но Никки помнила, что видела и ощущала пума. Рабочие в ямах отвлеклись на

крики и рев, а увидев мятежников в коричневых балахонах, убежали вместо того, чтобы защищать животных. Некоторые из прислужников-рабов принялись помогать, отодвигая засовы и открывая зарешеченные ворота.

Из бокового прохода, где жили и ночевали подмастерья укротителя, вышли трое заместителей Айвена — именно они схватили Мрра.

Дорбо, сердитый мужчина с худым лицом, сжал кулаки:

— Во имя Владетеля, что вы творите?

Узнав Зерцалоликого, Дорбо разинул рот.

— Мы низвергаем Ильдакар в хаос, — сообщил лидер повстанцев. — Жаль, что ты этого не увидишь.

Мятежники распахнули клетки и разбежались, когда наружу вырвались животные: истощенные и отчаявшиеся колючие волки, клацающие челюстями болотные драконы и обезумевшие от крови кабаны. Два человека в капюшонах выпустили из большого загона огромного чешуйчатого быка с двумя парами впечатляющих рогов. Создание с ревом бросилось через туннели. Его усиленные магией копыта высекали искры из пола.

Дорбо и двое его товарищей встали на пути монстра, подняли руки и призвали свой дар, чтобы отразить атаку бегущего в панике зверя, но огромный бык несясь прямо на укротителей, даже не думая сворачивать. Монстр бежал все упорнее и быстрее.

Зерцалоликий отскочил к боковой стене, и бык с грохотом пронесся мимо. Один из подмастерьев попятился и отбежал, в то время как рослый Дорбо и его товарищ отчаянно призывали магию, пытаясь взять монстра под контроль. Но было уже слишком поздно.

В последний момент Дорбо попытался убежать, но бык боднул его, насадив на все четыре толстых рога. Старшего ученика вырвало кровью. Выпучив глаза, он взмахнул руками и ухватился за острые рога цвета слоновой кости, торчавшие из его груди.

Второй укротитель упал, сметенный натиском, а бык продолжил атаковать с телом Дорбо на рогах. Третий подмастерье был растоптан твердыми, как сталь, копытами и вскоре превратился в жуткое месиво крови и раздробленных костей.

Когда контроль дара укротителей исчез, освобожденные животные впали в еще большую ярость. Мятежники распределились по туннелям, выпуская на свободу многочисленных зверей, а Никки пошла дальше, выискивая особое зарешеченное логово. Зерцалоликий последовал за ней, кивнув на изуродованные тела трех подмастерьев.

— Думаю, все прошло хорошо.

На Никки накатила волна облегчения, когда она увидела нишу, в которой держали песчаную пуму. Она повернулась к Зерцалоликому:

— Найди бойцов-новобранцев и выпусти из камер. Там же найдется и оружие. Прикажи им бороться за свою жизнь. Это важнее битвы на арене.

— Как прикажешь, колдунья. — В его приглушенном маской голосе прозвучал намек на сарказм.

— Найди Бэннона и скажи ему, что я здесь.

Взметнув серые одежды, Зерцалоликий стремительно зашагал по главному туннелю туда, где он соединялся с тренировочными помещениями. Выкрики стражников и воинов тонули в какофонии рева освобожденных зверей.

Никки подошла к клетке Мрра. Большая кошка выглядела худой и изможденной пленом и тренировками, но узнала сестру-пуму Никки. Мрра ликуяще рыкнула, и кошачьи глаза сверкнули золотом.

Никки не теряла времени. Она сдвинула засов, дернула за холодные железные прутья, открывая дверь, и Мрра выскочила наружу, рыча и мурлыча. Она лизнула руку Никки горячим шершавым языком. Другие освобожденные животные пронеслись мимо, но большая кошка не хотела покидать Никки.

— Пойдем, Мрра.

Колдунья бросилась по коридору, ведущему к бойцовским клеткам. Никки остановилась при виде стоявшего к ней спиной Зерцалоликого. Он выставил перед собой руки, сжимая в левой руке искривленный жертвенный нож, которым убил пленного норукайца Дара.

Он посмотрел на нее через плечо:

— У нас проблема, колдунья.

Он снова повернулся к мрачной оскалившейся Адессе. Лидер Морасит стояла перед ним, вскинув короткий меч. По обеим сторонам от нее лежали тлеющие груды коричневых лохмотьев, источавшие маслянистый дым, — останки превратившихся в пепел повстанцев. Должно быть, она убила их, когда те ворвались в жилища бойцов.

Теперь она преградила путь Зерцалоликому, и в ее глазах полыхала ненависть.

— Ты изменник. Надоедливая, раздражающая мошка.

Адесса ринулась вперед, направив на него острие меча, но Зерцалоликий увернулся и поднял свой жертвенный нож, с лязгом встретив ее клинок. Ему явно не хватало воинского мастерства.

— С тобой я расправлюсь быстро. — Адесса прочертила длинный разрез на его сером балахоне, а он атаковал ножом, но Морасит отбила удар. — Кажется, ты только болтаешь и позволяешь другим сражаться за тебя, потому что сам не умеешь биться.

Зерцалоликий взглянул на Никки:

— Не подсобишь, колдунья?

— Буду только рада.

Она и Мрра прыгнули вперед.

Адесса застала лидера повстанцев врасплох, ударив его обитой бронзой перчаткой в живот. Когда он согнулся от боли, она двинула рукоятью короткого меча ему в лицо.

Круглое навершие угодило в полированную маску, и зеркало с громким треском разбилось на несколько частей. Вскрик-

нув, мужчина отшатнулся и выронил церемониальный нож, который звякнул о каменный пол. Общими руками он удерживал осколки своей маски. Из трещин лилась кровь.

Никки и Мрра бросились на Адессу. Большая кошка опрокинула Морасит на землю, в то время как Зерцалоликий, всхлипывая, побрел прочь. Прижимая руки к лицу, он исчез в одном из многочисленных туннелей, которые ответвлялись от тренировочного грота.

Адесса отбилась от песчаной пумы, обрушив на нее тяжелую перчатку, и попыталась пронзить ее мечом. За мгновение до того, как клинок смог прорезать уязвимую шкуру Мрра, Никки захлестнула Морасит своей магией. Она знала, что не сможет пробить защитные руны Адессы, но давно поняла, как нужно было действовать во время поединка в башне властителей.

Никки послала волну нестерпимого жара в рукоять меча Адессы, и Морасит взвизгнула, выронив клинок. И все же ей удалось ударить песчаную пуму по горлу, сбросив ее с себя.

Как только Никки и песчаная пума снова приготовились атаковать, появились еще три Морасит с клинками наперевес. Никки не видела никаких признаков удравшего Зерцалоликого. Плевать. Она готова сразиться со всеми ними.

С визгом и фырканием из туннеля за спиной Морасит выбежали два пятнистых кабана, мотавшие клыками. Одна из Морасит с воплем развернулась, но первый кабан боднул ее, разорвав бедро до самой промежности. Женщина рухнула, из ее раны фонтаном била кровь. Огромная свинья наступила ей на шею острым раздвоенным копытом.

Никки и Мрра нырнули в боковой туннель, когда второй кабан с грохотом ворвался в зал. За ним следовали три воющих колючих волка. Никки не хотела отступать и жаждала покуситься с Адессой, но Морасит тоже бросились врассыпную, когда в казармы ворвались новые звери.

Когда Адесса отступила, а животные продолжили свое бесчинство, Мрра зарычала, словно желая присоединиться к ним, но Никки положила пальцы на мускулистую спину пумы.

— У нас будет возможность. Мы еще сразимся с ней. — Она посмотрела вперед, вспоминая, куда ведут туннели. — Для начала давай освободим Бэннона.

Глава 70

Кровь и магия густым туманом парили в воздухе с наступлением глубокой ночи. Амос чувствовал этот запах, впитывал его, находя волнующим и даже возбуждающим. Молодой человек точно знал, что делать с возбуждением.

До церемониального убийства у пирамиды было еще несколько часов. Его родители вместе с палатой волшебников заканчивали последние приготовления, но Амос, как и его друзья, не принимал в этом участия. Когда-нибудь он станет членом совета, если кто-то из волшебников все же умрет — юноша сомневался, что они оставят свой пост по доброй воле.

Впрочем, он не проявлял нетерпения. У него было все, чего он хотел, и не было никаких обязанностей. Этой ночью он будет жадным зрителем, наблюдающим за потоками крови из сотен перерезанных глоток. Амос надеялся оказаться достаточно близко, чтобы ощутить влажный запах железа в воздухе. Он облизнул губы в предвкушении.

Его вполне устраивало, что саван периодически пропадает, давая ему с друзьями возможность выходить и разрушать каменных солдат, но юноша знал, что они найдут другие развлечения, даже если защитный пузырь укроет город навсегда. Наверняка на боевой арене будет проводиться больше зрелищных поединков. Губы его скривились в улыбке. По словам наставниц-Морасит, скоро деревенщина Бэннон будет готов

умереть на арене. Амосу не терпелось увидеть, на что способен капустный фермер.

— На это стоит посмотреть, — сказал он вслух.

Придавленная им Мелоди захныкала. Он снова шлепнул ее забавы ради, и она сдержала крик боли. Сучка попросту не научится.

— Если прекратишь шуметь, я перестану тебя бить. Ты такая тупая.

Мелоди снова захныкала, и Амос понял, что бить ее бесполезно. Но потом он счел, что ему это нравится, и резко шлепнул ладонью по ее губам, рассекая их уже во второй раз. По подбородку девушки потекла кровь.

Сильное сексуальное возбуждение от предстоящего жертвоприношения побуждало его израсходовать часть своей энергии. Он не удосужился позвать с собой Джеда и Брока, которые прицепились бы к нему, как пиявки. Амос в одиночку отправился в питомник шелковых яксенов, отдал монету угрюмому портье и схватил Мелоди, которая изящно сидела рядом с неуклюжим пухлым торговцем, в котором он признал продавца глазурированных горшков. Мелоди уставилась на него, но потом узнала и со страхом отпрянула, от чего возбуждение Амоса лишь усилилось. Сжав ее запястья, он увидел побледневшие синяки на ее руке и понял, что не приходил сюда с тех пор, как это место посетили норукайцы.

— Сегодня она моя, — сказал Амос торговцу горшками и стащил девушку с кушетки.

Мелоди слабо сопротивлялась, безвольно двигая руками и ногами, и спотыкалась, едва поспевая за юношей. Раздосадованный торговец сплюнул, но Амос был сыном главнокомандующего волшебника и властительницы, так что мужчина нашел другую шлюху — столь же красивую и сговорчивую.

— Нам нужна отдельная комната, где никто нас не услышит, — сказал Амос.

Мелоди начала поскуливать еще до того, как он втолкнул ее в дверной проем. Она повалилась на кровать и развернулась, чтобы посмотреть на него. Юноша закрыл дверь и отчеканил:

— Сегодня я заставлю тебя кричать.

Свободное полупрозрачное платье Мелоди было сшито из розового шелка и затягивалось кружевными поясками, которые легко снимались. Амос, как и всегда, сорвал с нее одежду, разрывая ткань с громким возгласом удовлетворения. Она отползла назад, опираясь на локти. Амос жаждал животного высвобождения похоти.

— Я... тебе угождаю? — едва выдавила Мелоди.

— Тебе придется, так или иначе, — прорычал он, расстегивая шаровары и стягивая их. Он шагнул к кровати, тяжело и часто дыша. Его возбуждение дошло до предела, и он походил на воина с мечом наперевес, готового идти в битву. И он вступил в бой.

Он придавил Мелоди и раздвинул ей ноги, вцепившись в короткие светлые волосы между ними. Юноша не ощутил там влаги, но ему было все равно. Это ей будет больно, если она не готова принять его.

Амос вошел в нее с гневной страстью, получая удовольствие не от самого акта, а от осознания того, что испытывала она. Для этого и были выведены шелковые яксены. Эти создания жили только для того, чтобы ублажать мужчин — ублажать Амоса.

Комнату заливал яркий свет множества свечей, а не приглушенный романтический свет, как в других покоях. Амос не возражал. Он хотел видеть, что делает. Мелоди лежала на спине, закрыв глаза и позволяя ему творить все, что он пожелает. Юноша сделал несколько толчков, наблюдая, как ее тело движется вверх и вниз.

Она всегда вела себя так, но сегодня ее пассивность выводила его из себя. Амос схватил девушку за горло и сильно сжал, продолжая двигаться в ней. Ее глаза распахнулись и

налились слезами. Мелоди вцепилась в его руки, с трудом дыша. Она боролась все отчаяннее; юноша достиг пика напряжения и вздрогнул от удовольствия, ослабив хватку на горле девушки и рухнув на нее. Мелоди извивалась, пока Амос неподвижно лежал, наслаждаясь угасающей эйфорией.

Но, когда она попыталась выползти из-под него, его гнев вернулся, и он ударил ее по лицу, снова пустив кровь. Мелоди сползла с края кровати и упала на пол. Он отпустил ее и сел на добротный матрас, чтобы понаблюдать за ее жалкими трепыханиями.

Мелоди плакала, и это было странно: у шелковых яксенов не было для этого ни интеллекта, ни эмоций. Красная отметина вокруг ее глаза стала опухать, что заставило его подумать о скором ритуале кровопролития. Теперь, когда юноша исторг излишек энергии в шлюху, он мог переключиться на другие удовольствия.

Мелоди прошла через комнату к стульчику перед небольшим комодом с зеркалом. На столешнице стояли баночки с косметикой, краски для глаз и губ. Здесь шелковые яксены прихорашивались перед тем, как выйти к новому клиенту. По обеим сторонам зеркала горели свечи, и Мелоди сидела, глядя на свое отражение. Она неуверенно подняла руку и коснулась кончиком пальца разбитой губы. Девушка размазала кровь по губам, и те покраснели, как от румян. Она продолжала смотреть на свое отражение, и ее глаза наполнились слезами. Мелоди дотронулась до распухшего красного пятна на лице, которое вскоре станет фингалом. Другую руку она положила на горло. Амос едва не задушил ее.

Юноша вскочил с кровати, раздраженный тем, что она уделяет больше внимания своему отражению, чем ему.

— Я плачу тебе за время. Это я должен смотреть на твое разбитое уродливое лицо.

Амос схватил одну из баночек с косметикой и швырнул в зеркало, разбив его. От места удара паутиной пошли трещины,

и серебряные осколки со звоном выпали из рамы на комод. Мелоди ахнула и шмыгнула носом. Она взяла один осколок и с удивлением держала его в руке.

Амос засмеялся.

Мелоди повернулась, подняв длинный кусок стекла, а затем плавно — будто тренировалась и была не уверена в результате, — провела острым осколком по горлу юноши, вспоров кожу и словно нарисовав ему второй удивленный рот под подбородком.

Амос уставился на нее, слишком обескураженный, чтобы почувствовать мгновенную остроту боли. Ярко-красная кровь брызнула на Мелоди. Юноша смотрел на красные капли, а девушка глядела то на него, то на осколок зеркала и улыбалась.

Амос схватился за горло. Он захлебывался и булькал, не в силах закрыть рану. Багряный водопад лился между его сжатых пальцев — как кровь жертвенных рабов, которая должна пролиться во время полуночного ритуала.

Амос рухнул на пол, продолжая дергаться, и вокруг него растеклась красная лужа. Немного крови стекало по его обнаженной груди, но большая часть текла к босым ногам Мелоди. Она позволила теплой крови коснуться ее.

Вновь обратив внимание на разбитое зеркало, девушка взяла еще один осколок, а потом еще один. Осторожно держа их, она заинтересованно подняла их к лицу и прижала плоские серебряные кусочки к щекам, пытаясь сформировать из них маску.

Глава 71

Зерцалоликий удирал, оставив за спиной рев диких зверей и звон мечей. Он позволит Никки сделать все остальное. У кол-

дуны была мотивация и, несомненно, способности. Теперь он мог подумать о более впечатляющих свершениях.

Звери арены выпущены на волю и готовы убить любого встречного, а значит, правящий совет должен будет отреагировать — как и надменная Тора. Наверняка их план кровопролития на вершине пирамиды будет сорван. Он не хотел, чтобы саван стал постоянным и навсегда запер Ильдакар под своим удушающим куполом. Его народ стал бы как рыба в аквариуме, плавающая бесконечными кругами и не способная никуда деться. Его тошнило от застоявшегося Ильдакара.

Никки и повстанцы создадут большой переполох, объединившись со смертоносными животными и бойцами арены, но у Зерцалоликого были свои планы. Колдунья мыслила недостаточно широко. Он может вызвать настоящий хаос!

Он сложил разбитую маску и применил толику дара, чтобы грубо склеить кусочки в целое, хотя и искривленное зеркало. Кровь все еще текла из порезов на его лице. Он залечил их ровно настолько, чтобы они покрылись коркой, не став тратить время и энергию на большее.

Он нырнул в боковой туннель в поисках выхода на улицу, и его ноздри заполнились зловонием крови и разлагающегося мяса. По этому коридору рабы возили тележки с кормом для животных, но теперь все рабы сбежали. Многие, вероятно, были сейчас среди его последователей. Зерцалоликий не знал их по имени, потому что видел в них лишь ресурс для осуществления своих планов.

На городских башнях зазвенели колокола, но знаменуя не ритуал жертвоприношения, а созывая городскую стражу. По улицам бежали закованные в броню солдаты, покидая гарнизоны, вооружаясь мечами, колчанами и арбалетами. Из закоулков и проулков с криком выбежали разъяренные представители низших сословий, атакуя стражников самодельными дубинками или отобранными у кого-то мечами.

Большинство солдат не обладали даром, но, в отличие от рабов, у них были подготовка и превосходное оружие. Впрочем, Зерцалоликий — и Никки тоже — дали мятежникам и угнетенным другое оружие. Гнев, возмущение и жажда мести превратили этих людей в самоотверженных бойцов, более смертоносных, чем обученные стражники. Люди набросились на солдат.

Зная, что это происходит по всему городу, Зерцалоликий улыбнулся под грубо починенной маской. Он никому не позволит увидеть себя. Держась в тених, он бежал по переулкам в обход зловещей боевой арены с обзорными башнями и скамьями над смертельными песками. Но революция была зрелищнее любого представления на арене.

Зерцалоликий поднимался по улицам; зная обходные пути, он проскальзывал через сады и взбирался по стенам, пока не достиг большого особняка повелителя плоти Андре. Он мог войти в одно из крыльев с черного входа. С помощью дара он легко отвел охранные чары Андре, но ему пришлось повозиться со свирепыми шипами глазастых цветов в извивающейся изгороди вокруг внутреннего двора. Он был раздосадован неудобством в виде нескольких прорех на серой мантии, но все же проник внутрь.

Он знал, что Натан, путешественник и предполагаемый волшебник, находился в студии повелителя плоти в качестве пациента. Натан пережил ужасающий обмен сердцами, хотя еще предстояло выяснить, вернется ли к нему дар. Возможно, эти боль и усилия были напрасны. Зерцалоликий не знал, будет Натан Рал его врагом или союзником, но, если бесполезный волшебник не сможет применить магию, это будет неважно. Зерцалоликий посетил особняк Андре по иной причине.

В просторном здании горело множество огней, а повелитель плоти следующие несколько часов проведет в подготовке к магическому кровавому ритуалу у пирамиды. Однако он нико-

гда не будет готов к тому, что собирается сделать Зерцалоликий.

В отдельном крыле было темно, окна закрывали плотные портьеры. Андре называл свою лабораторию «студией», а это обособленное крыло — «галереей», где он выставлял самые выдающиеся работы.

Зерцалоликий уже слишком долго с нетерпением ждал этого.

Он был один в темном и тихом крыле, но здесь витала невероятная сила. Чувствуя гнев, нетерпение и сдерживаемую ярость, дрожащую в воздухе, он зажег на ладони огонек и подвесил его у стены, чтобы он осветил три высокие бронированные фигуры — исполинских воинов, закованных в темницу своих доспехов.

Воины Иксакс.

Он чувствовал их и знал, что им известно о его присутствии. Зерцалоликий видел через прорези в шлемах их сверкающие желтые глаза. Титаны взирали на него, напряженные в своем заточении. Они неподвижно стояли уже более пятнадцати веков.

— Терпение, терпение, — прошептал он. — Время почти настало.

Он смотрел сквозь щели собственной маски, которая напомнила их закрытые шлемы. Возможно, исполины могли видеть свои отражения в треснутой маске на его лице.

Он шагнул к первому воину Иксакс:

— Я извиняюсь перед двумя другими. Одного из вас будет более чем достаточно для моих нужд.

Толстая броня, усеянная шипами, была отмечена эмблемой Ильдакара в виде солнца со стрелами молний — в те времена Андре был довольно патриотичным. Он создал этих троих воинов в надежде выпустить их, чтобы они косили ряды армии генерала Утроса — как серп во время жатвы. Волшебники Ильдакара не позволили повелителю плоти создать больше

воинов. Они опасались могущества этого человеческого оружия и подозревали, что оно может оказаться неконтролируемым. Заклинание окаменения, а затем и саван вечности поставили под сомнение необходимость воинов Иксакс.

Зерцалоликий потянулся вперед и нашел глубоко выгравированную руну в твердой как сталь кожаной броне на поясе первого исполина. Выпустив свой дар, он активировал заклинание, которое было коконом огромного солдата. Он разрушил магические оковы, удерживавшие воина Иксакс.

Когда комната озарилась светом, Зерцалоликий попятился.

— Пробудись, — сказал он, — и сделай, что должен.

Он рассмеялся, зная, что это причинит больше разрушений, чем когда-либо смогли бы вызвать его повстанцы. Зерцалоликий исчез в темноте, когда воин Иксакс начал сгибать массивные руки и ноги.

Наконец-то он освободился.

* * *

Оглушительный грохот в боковом крыле особняка отвлек Андре от размышлений.

Эльза осталась на весь день, желая помочь Натану восстановиться. Она предлагала упражнения с несложными магическими жестами, которые позволили бы ему обрести уверенность. Иногда Натан добивался успехов, но временами магия реагировала причудливым образом. А порою и вовсе ничего не происходило.

Андре терял терпение.

— Если твои неудачи продолжатся, то нам придется искать тебе другое сердце, ммм?

Лицо Натана стало пепельным от такого предложения.

— Нет, я продолжу попытки и разблокирую свой дар. — Он с отчаянием взглянул на Эльзу. — Мы найдем способ.

— Скоро придется прерваться и отправиться к пирамиде. В полночь начнется ритуал кровопролития, — сказал Андре Эльзе, затем поднял брови. — Можешь пойти и понаблюдать, Натан, если хочешь. Зрелище может тебя воодушевить. Увы, тебе не разрешат принять участие. Еще рано.

Натан, казалось, не обрадовался такому приглашению.

Затем в особняке раздался грохот. Глубокий и глухой рев напомнил стон медведя в гулкой пещере.

— А теперь-то что? — с раздражением спросил Андре.

Он слышал тревожный звон колоколов и крики в стороне боевой арены и был уверен, что там устроили очередной беспорядок. Возможно, кто-то снова выпустил животных. Город становился совершенно неуправляемым. Но он был занят в своем особняке, и грядущий ритуал кровопролития занимал все внимание.

Однако на этот раз погром устроили в его собственном доме. Эльза и Натан, похоже, собрались последовать за ним, но он рывкнул:

— Оставайтесь здесь.

Он зашагал прочь, чувствуя пробежавшую по спине дрожь, а потом и вовсе побежал к боковому крылу, шум в котором стоял просто оглушительный.

— Чтоб тебя! Во имя Владетеля... — закричал Андре, ворвавшись в галерею с высоким потолком, где стояли высоченные воины Иксакс.

Двое бронированных титанов оставались неподвижными, как и всегда. Но третий исполин рванул вперед на закованных в броню ногах толщиной с дерево, топя сапогами так сильно, что треснули каменные плиты пола. Андре мог только смотреть и моргать.

Иксакс отреагировал на его прибытие, повернув свой гигантский шлем, чтобы увидеть повелителя плоти, своего создателя и мучителя. Глаза его вспыхнули, как крошечные шары огня волшебника.

Андре оступился, вскинул руки и призвал дар. Иксакс шагнул вперед громоподобной поступью, сжав огромные руки в латных рукавицах. Андре создал стену силы, которая врезалась в доспехи титана, но не оказала значительного эффекта. Иксакс просто прорвался сквозь нее, желая добраться до волшебника, который отобрал троих ильдакарских солдат-новобранцев, согласившихся помочь городу, но не знавших, чем жертвуют. Повелитель плоти использовал мужчин в качестве сырья для создания этих существ — оружия, достаточно мощного, чтобы спасти Ильдакар. Но оружием так и не воспользовались.

Вместо этого чудовищные создания были обездвижены и поддерживались в сознании, сходя с ума в течение полутора тысяч лет.

Теперь Иксакс освободился, и его конечности свободно двигались, выпуская сдерживаемую ярость. Он протаранил каменную стену кулаком, и в ту словно угодил валун, выпущенный из катапульты: блоки разрушились и рассыпались в пыль.

Иксакс вновь издал рев, усиленный шлемом. Андре швырнул в чудовищное создание огонь волшебника. Яростное магическое пламя опалило доспехи, но скатилось с них. Титан в два шага добрался до Андре и навис над повелителем плоти.

Загнанный в ловушку Андре выставил ладонь, выпуская заряды магии — шипящие молнии, воющий ветер и огонь, — но воин Иксакс даже не обнажил свой огромный меч. Вместо этого он поднял закованный в броню кулак, крепко сжал его и опустил вниз с силой падающего гигантского дерева.

Одним ударом Иксакс раздавил Андре, превратив его в бесформенную массу расколотых костей, раздробленного черепа, рассыпавшихся зубов и брызг крови. Он снова поднял латную перчатку и опустил ее на уничтоженный труп, превращая останки в мякоть.

После еще семи ударов от повелителя плоти осталась лишь большое красное пятно. Кровь, размазанные ткани и костная пыль забрызгали пол, стены и потолок галереи.

Иксакс расправил огромные ноги и выпрямился. Он уничтожил своего создателя и мучителя, но не был удовлетворен, прождав пятнадцать столетий. Он был создан для разрушения, поэтому отправился дальше, чтобы уничтожить все, что попадется ему на глаза. Все.

Глава 72

Когда в тренировочных ямах раздались шум и крики, Бэннон догадался, что происходит, и в нем встрепенулась надежда. Кажется, переполох был даже больше, чем в прошлый раз. Судя по звукам, это была не обычная стычка, а откровенная война.

Бэннон подошел к решетке камеры, выглянул наружу и увидел людей в коричневых одеждах, спешивших на территорию бойцов. В этот раз они скинули капюшоны, вызывая демонстрируя свои лица. Мятежники кричали, гоня вперед выпущенных на волю животных.

Два черных колючих волка прыгнули, щелкая челюстями, но они больше стремились сбежать, чем кого-то загрызть. Три леопарда рысью бежали по туннелям, огибая упавшие тела и не обращая внимания на больших болотных драконов, торопливо переставлявших мощные чешуйчатые лапы.

Бэннон потряс решетчатую дверь камеры, отчаянно желая освободиться. Он хотел сбежать, как эти звери, и вырваться из своей тюрьмы. Юноша был без рубашки, в ранах и синяках, одетый только в набедренную повязку бойца. После энергичных тренировок он стал поджарым и мускулистым, как никогда прежде.

Он был в ловушке, его держали за игрушку, которую можно бросить на боевую арену для развлечения жителей Илдакара.

— Прощу, освободите меня! — забарабанил он по решетке.

— И нас! — вторили ему другие бойцы, стуча по прутьям клеток.

И мятежники в капюшонах вняли их просьбе. Последователи Зерцалоликого взяли ключи и рассредоточились по туннелям, перебегая от одной камеры к другой. Бойцы в клетках мрачно смотрели на них, ожидая, когда им откроют дверь. Пленники кричали все громче:

— Освободите! Освободите меня!

Повстанцы отпирали замки и распахивали решетки. Мускулистые новички и закаленные воины медленно выходили в коридоры, растерянно моргая и будто не зная, что делать дальше.

— Вы по-прежнему можете сражаться! — прокричал из своей камеры Бэннон. — Хватайте оружие! Мы можем сражаться за свободу. — Он снова загредел своей решеткой, а затем пробормотал: — Если я когда-нибудь выберусь отсюда.

Одна мятежница бросилась к камере Бэннона и встретила с ним глазами через решетку. У нее был суровый взгляд, и выглядела она немолодо, но Бэннон понял, что ей не больше сорока лет, просто жизнь в рабстве истощила ее жизненные силы и выжала как старую тряпку. Она возилась с ключом, вставив его в замок и пытаясь повернуть. Женщина морщилась от напряжения, но замок не поддавался.

— Не тот ключ, — подсказал Бэннон. Он бесчисленное множество раз видел, как Лида открывала дверь. — Нужен медный.

Женщина выбрала другой ключ из связки.

Выйдя в галерею, освобожденные бойцы бросились к арсеналу. Не обращая внимания на стойки с затупленными клинками и деревянными тренировочными шестами, они схватили короткие мечи, которыми сражались на боевой арене.

Мятежники подсказали им, кого надо чествовать:

— За Зерцалоликого!

Бойцы подхватили клич, а один из людей в коричневых балахонах добавил:

— И за Никки!

— За Никки! — отозвалось общее эхо.

Сердце Бэннона подпрыгнуло. Никки! Никки была здесь! Женщина с другой стороны двери нащупала медный ключ и вставила его в замок. Она посмотрела на Бэннона и улыбнулась.

Но она не успела повернуть ключ в замочной скважине. Болотный дракон с шипением бросился к ней и сомкнул челюсти на ее ногах. Он дернул жертву к себе, и, хотя она схватилась за прутья решетки, ящер пересилил хватку женщины и оторвал ее от двери камеры. Бэннон протянул руку через решетку, пытаясь ухватить женщину, но ящер бросил ее на каменный пол. Мятажница молотила кулаками, а из ее израненных ног хлестала кровь. Рептилия щелкнула зубами и откусила ей руку до самого локтя, хрустнув костями.

Ключ выпал из замка, со звоном отскочил от каменного пола и укатился. Бэннон колотил по решетке, отчаянно пытаясь вырваться, чтобы помочь несчастной. Когда болотный дракон прокусил ей горло, лишив последних крупниц жизни, руна сожжения на амулете воспламенилась, и тело мятежницы обьяло потрескивающее обжигающее пламя. Огонь разгорелся и перескочил на большую рептилию. Монстр зашипел и откатился прочь, но его чешуйки почернели, а живот раздулся, когда буйное пламя проникло в его внутренние органы.

Бэннон упал на колени, но дверь камеры все еще была закрыта. Он просунул руку между прутьями, уперся плечом в решетку и потянулся к ключу, который лежал неподалеку от тлеющих останков женщины, пытавшейся ему помочь. Бэннон вытянул пальцы и вдавил плечо в решетку, чтобы приблизиться к своей цели хоть еще на волосок. Наконец, кончик указательного пальца коснулся края ключа. Юноша осторожно его

погладил, добившись слабого движения в свою сторону, затем повторил движение, и ключ оказался достаточно близко, чтобы можно было зацепить его кончиком пальца. Бэннон сжал ключ в ладони, словно тот был величайшим сокровищем.

Просунув руку через прутья, юноша наощупь вставил ключ, повернул его и услышал щелчок. Волна слабости и облегчения разжижила его кровь. Бэннон тряхнул головой, дрожа, и толкнул решетчатую дверь камеры.

Повстанцы и освобожденные бойцы разбежались по галерее, растерянные, но оживленные. Они сразились с грозным пятнистым кабаном, загнав его в один из больших туннелей, ведущих в город — там зверь мог вызвать еще больший хаос.

Крупный и лысый опытный боец вышел из камеры и сердито огляделся. Один из мятежников протянул ему меч:

— Сражайся! Бейся за свою свободу.

Старый боец схватил меч, ухмыльнулся и вонзил его в сердце повстанца. Изумленный мужчина в балахоне рухнул на колени и упал ничком, а потом вспыхнул погребальным костром.

— Мы сражаемся за Илдакар, — прорычал матерый воин, — не за Зерцалоликого!

Он шагнул вперед, держа в руке окровавленный клинок. Мятежники в коричневых балахонах были потрясены тем, что один из рабов обратился против них. Четверо освобожденных бойцов подбежали к опытному воину, подняв мечи.

— Нет! Мы сражаемся за себя и за будущее, — крикнул один.

Лысый мужчина был застигнут врасплох и стал защищаться, когда четверо молодых бойцов набросились на него.

— Мы не сражаемся за Адессу! — Один воткнул ему меч в плечо.

— Мы не сражаемся за властительницу! — выкрикнул второй, вонзая клинок в его живот.

— Мы сражаемся за Зерцалоликого и за Никки! — кричали бойцы, вновь и вновь нанося ему удары. У старого воина не было шансов.

Когда дверь камеры наконец открылась, Бэннон выскочил наружу, чтобы присоединиться к остальным.

— За Никки! — крикнул он, надеясь, что Никки здесь и услышит его. Он перепрыгнул через маслянистый дым от тлеющей кучи перед его камерой. Ему нужно оружие — и не любое, а его собственное.

Другие бойцы взяли привычные короткие мечи, с которыми они тренировались, но Бэннон знал, что Лила хранит его завернутый в ткань клинок в высокой нише. Он побежал туда, не обращая внимания на сражающихся вокруг людей. Юноша вытащил свой меч из углубления в стене из песчаника. Крепыш упал ему в руки, и он сдернул ткань, обхватив ладонью обмотанную полосками кожи рукоять.

— Пресвятая Мать морей! — Его глаза обожгло слезами. Бэннон махнул клинком из стороны в сторону, чувствуя прилив энергии. Он больше не замечал ни боли, ни ушибов. Он свободен и будет сражаться в городе. Он отыщет своих друзей.

— Никки! — прокричал он.

Из-за савана они больше не могли покинуть Ильдакар, но в их силах было переделать этот город. Теперь он сосредоточился на этом. Бэннон не знал, сколько дней провел в тренировочных ямах, сколько ночей провел в камере за решеткой, но это время казалось вечностью.

Закованные в броню наставники бросились в схватку, закрываясь щитами и орудуя мечами. Они не были так искусны, как Морасит, но на тренировках сражались с новичками и побивали их, в том числе Бэннона. Юноша повернулся к ним лицом, поднимая Крепыша. Меч приятно лежал в руке. Теперь это уже не тренировка.

— Возвращайтесь в ваши клетки, рабы! — проревел один из наставников.

Усмехнувшись, он самонадеянно бросился вперед, выставив перед Бэнноном свой щит. Молодой человек не отступил, и мужчина на мгновение замялся, удивленный такой реакцией. Юноша с воплем ударил своим длинным мечом по щиту, вложив в удар всю силу, а затем снова широко замахнулся обеими руками. Атака Бэннона сломала наставнику запястье, и тот пошатнулся. Бэннон отреагировал молниеносно, повинаясь инстинктам, и снова взмахнул мечом. Клинок глубоко погрузился в шею другого противника.

Когда мужчина упал, заливая кровью каменный пол, Бэннон устался на дело своих рук. Да, обучали его хорошо, и Морасит твердили ему не проявлять милосердия. Бэннон вздрогнул, но отмахнулся от потрясения и чувства вины. Этой ночью он убьет еще много людей.

Он сосредоточился на главном. Уворачиваясь от смертоносных животных, разрозненных повстанцев и освобожденных воинов, Бэннон бежал к камере Яна. Чемпион, его друг — озлобленный человек, который долго жил в плену, — сидел внутри, глядя на беспорядки и впитывая подробности своим стальным взглядом.

Бэннон подступил к решетчатой двери:

— Ты же знаешь, что она не заперта, Ян. Почему ты не вышел?

Его друг долго обдумывал ответ.

— Потому что мое место — здесь.

Бэннон сдвинул засов и открыл решетку.

— Нет, это не так! Твое место со мной. Твое место дома. Тебя не должны были забирать с острова Кирия. Я не должен был трусить, но это уже случилось. Я ничего не могу поделать с прошлым, но могу спасти тебя сейчас. Пойдем, умоляю. Ты должен быть свободным.

— Я уже свободен. — Ян расправил широкие плечи и устался на открытую дверь. — Я воин. Я чемпион Ильдакара.

— Ильдакар будет другим после сегодняшней ночи, — сказал Бэннон. — Пойдем, нам нужно выбраться на улицы.

Ян покачал головой, мрачно глядя на друга из открытой камеры. Его покрытое шрамами лицо выглядело постаревшим. Это было лицо незнакомца... лицо убийцы.

— Все, что я умею — сражаться. Я не могу сбежать с тобой.

— Нет, можешь! Если сумеем разрушить саван, то перед нами будет весь мир. Я так много хочу тебе показать, но сначала нужно выбраться. Дерись вместе со мной за то, что правильно, достойно и истинно.

Ян покачал головой.

— Что я буду делать, если сбегу? Это не для меня. Я — чемпион.

Краем глаза Бэннон уловил движение. Он обернулся и увидел рыжую песчаную пуму, прыгнувшую в освещенную факелами галерею. Мрра! С ней была и Никки в черном платье и с окровавленными кинжалами в руках.

— Бэннон Фермер! — выкрикнула она. — Бэннон, где ты?

Он умоляюще посмотрел на Яна, затем резко повернулся.

— Колдунья, я здесь! — Его сердце переполнилось радостью, несмотря на какофонию из криков, рычания и звона клинков. Еще раз быстро взглянув на Яна, Бэннон сказал:

— Пойдем со мной, Ян! Дай себе шанс на новую жизнь.

Но его друг отступил вглубь своей просторной камеры.

Поклявшись на этот раз вернуться за ним, Бэннон побежал к Никки. Клейменная заклинаниями пума не отходила от колдуньи. Клыки, морда и лапы пумы были измазаны кровью.

— Я не знал, что с вами случилось, колдунья! — пролепетал Бэннон, неловко попытавшись обнять ее. — Они схватили меня, притащили сюда и заставили сражаться. Где Натан? Что с вами случилось? Я слышал, вы погибли.

— У тебя слишком много вопросов, — тихо и жестко сказала она. — Вижу, у тебя есть меч, и это все, что сейчас нужно. Ответы потом. Сражайся вместе с нами. Мы должны освобо-

дить этих людей, а затем выступить против правящего совета. Властительница Тора намерена загубить этой ночью три сотни жертв и сделать саван вечным.

Сердце Бэннона оборвалось.

— Тогда мы должны остановить это. Теперь у нас есть армия.

— Да, — согласилась Никки, — теперь есть.

Бой переместился в главную галерею — просторный грот с несколькими глубокими ямами для боев, в которых Бэннон обливался потом и истекал кровью.

Освобожденные бойцы ринулись вперед, размахивая мечами, но вдруг заколебались и отступили назад, когда четверых мятежников быстро убили, и их тела вспыхнули. Пять смертоносных вооруженных Морасит вошли в галерею.

— Все назад! Возвращайтесь в свои клетки.

Среди них была Лила. Сердце Бэннона замерло. Он вздрогнул и отступил к Никки и песчаной пуме, сжимая рукоять Крепыша.

Никки, Бэннон и Мрра одновременно шагнули вперед. Светлые волосы Никки потрескивали от магии, развеваясь над ее головой, как хвост кометы. Она обратилась к Морасит:

— Клетки не удержат их. Вы уже не контролируете этих людей.

Бэннон шагнул к Никки, встав перед группой Морасит, и заставил себя говорить храбро:

— Мы все сразимся с вами и победим — вы нас достаточно хорошо обучили.

Лила ухмыльнулась и вышла вперед, явно наметив себе цель.

— Я просто играла с тобой, мальчишка, но сейчас начнется настоящее обучение.

Она держала в правой руке меч, а в левой — кинжал, и на ее лице была еще более острая улыбка. Но у него был Крепыш.

Пока Бэннон отбивался от своего противника, Никки и Мрра бросились на других Морасит, которых удивило столь яростное сопротивление. Мрра полоснула когтями по одной Морасит, крепко вцепилась в нее своими изогнутыми клыками и вскоре превратила в кровавое месиво.

В помещение с лязгом клинков ворвались новые воительницы. Они сражались возле края разных по размеру круглых ям. Некоторые ямы были неглубокими и пустыми, а другие были связаны сетью подземных туннелей. Из стен соседней с Бэнноном ямы торчали кривые железные пики, похожие на колючки гигантского чертополоха. Они не давали никому выбраться из этой ямы.

Стоя лицом к Лиле, Бэннон остановился в нескольких шагах от края, не желая упасть. Он будет драться с ней на открытом месте. Беспрепятственно. Как только он одолеет Лилу и избьет ее так же, как избивала его она, то сбежит в город с остальными бойцами.

И, как он отчаянно надеялся, с Яном.

Лила в черных сандалиях со шнуровкой до колен и узкой кожаной ленте вокруг бедер не производила грозного впечатления, но Бэннон прекрасно знал, что она смертельно опасна. Морасит крепко держала меч, рисуя его кончиком гипнотические узоры в воздухе перед собой, затем ткнула им в пустоту, пытаясь отвлечь соперника — и тем самым убедила Бэннона, что настоящая атака будет исходить от ее кинжала. Она намеревалась убить его.

Да, Лила обучала его, но едва ли наставница знала, как многому он у нее научился.

Она яростно нанесла колющий удар своим коротким мечом, и в то же время незаметно повела кинжал вверх по дуге, намереваясь вонзить его в ребра оппонента. Бэннон увернулся от ложного выпада и взмахнул Крепышом, отбивая кинжал. Блеклое лезвие врезалось в кинжал, вывернув запястье Лилы. Морасит ахнула от боли и отдернула руку. Выроненный кин-

жал со звоном отскочил от пола и упал в глубокую яму с пиками на стенах.

В глазах Лилы мелькнул гнев, и она рассмеялась.

— Хороший трюк! Я вижу, ты учишься, мальчишка.

— Ты многому меня научила, и сейчас я применяю свои знания.

— Мне еще многое нужно тебе показать. — Она рубанула мечом, пытаясь запугать его. — Если выживешь сегодня.

— Возможно, ты сама не выживешь, чтобы продолжить мое обучение.

— Тогда ты будешь скучать по мне, — усмехнулась Лила. Она замахнулась клинком, но Бэннон отразил удар своим длинным мечом.

На другой стороне от ямы Никки и Мрра сражались с двумя Морасит. Рыжеватая шкура песчаной пумы была прочерчена длинными красными полосами, но она прыгнула вперед и вцепилась зубами в шею одной из воительниц, в то время как Никки, орудуя обоими кинжалами, послала волну магии в деревянную палицу в руках ее соперницы. Палица превратилась в факел, и Морасит направила его пылающий конец в лицо Никки.

Выпустив из руки кинжал, Никки голой рукой схватила полыхающую древесину, погасила огонь своим даром, а затем вонзила второй кинжал в горло Морасит. Зарывав от натуги, колдунья бросила тело в яму. Мертвая Морасит не долетела до дна, а повисла на изогнутых железных шипах — как насекомое, насаженное сорокопутом на колючку дерева.

Лила усыпляла бдительность Бэннона и дразнила его, а потом бросилась на него со всей яростью. Она атаковала, словно безумный, сжав белые зубы. Бэннону пришлось перейти в оборону. Он едва удерживал равновесие. Морасит нанесла ему удар, заставив пошатнуться. Юноша поставил ногу на край ямы с шипами и едва не оступился. Бэннон восстановил рав-

новесие, опершись на землю кончиком Крепыша и взмахнув другой рукой. Лила собиралась прикончить его.

Она остановилась, будто кто-то дернул ее за поводок. Ее голова склонилась, взгляд затуманился. Лицо женщины стало бледным как мел, и она рухнула на пол. Затылок ее был в крови.

Позади нее стоял Ян с мечом в руке. Это он оглушил Морасит плоскостью клинка.

Задышавшись и дрожа, Бэннон смотрел на обмякшее тело своей прекрасной наставницы. Ян в нерешительности стоял над ее телом.

— Ты нуждался в помощи. Я снова спас тебя.

— Спасибо, Ян, — почти прорыдал Бэннон. Его друг вернулся! — На этот раз мы уйдем вместе.

Бойцы продолжали схватку, но все больше одетых в черное Морасит присоединялось к битве. Они появлялись из туннелей арены. Пришла Адесса, походившая на угрюмый сгусток энергии со сверкающими темными глазами.

— Вы все умрете этой ночью — если придется, я сама убью вас.

Сердце Бэннона замерло.

Ян повернулся к Адессе, безжалостный и решительный. Чемпион подобрался и встал в хорошо отработанную боевую стойку. Он излучал точно выверенную энергию. Бэннон уже видел, как он сражается на арене, но эта битва будет серьезнее остальных поединков Яна. Мужчина в шрамах протянул свободную руку и толкнул Бэннона в грудь, вынуждая его отступить и не мешать сражению.

— Иди! Ты сам сказал — надо выбираться отсюда.

— Я не оставляю тебя! Я уже бросил тебя однажды.

Ян метнул на него быстрый взгляд.

— И поэтому я теперь лучший боец Ильдакара. Позволь мне доказать это. — Его глаза были полны искренности. —

Теперь я сам делаю выбор, Бэннон. Ты не должен чувствовать себя виноватым.

Адесса вперила взгляд в дерзкого мужчину и упруго оттолкнулась клейменными заклинаниями ногами, подняв клинок и сжав кулак в латной перчатке.

— Тогда начнем, любовничек. — Она скривила губы в мрачной улыбке. — Я все никак не могу насытиться твоей плотью.

Ян приготовился, стоя напротив нее с мечом. Адесса держала свой клинок на расстоянии удара, в ее взгляде читалось желание убить молодого мужчину перед ней.

Бэннон отступил к вернувшимся Никки и Мрра.

Ян был готов сражаться, но в его позе было нечто странное. Едва Бэннон заметил это, как короткий меч Яна пошел вниз, мускулы напряглись, и он отвел в сторону свободную руку. Когда Адесса навалилась на него, он потянулся, чтобы схватить ее руку в латной рукавице, выставил правую ногу, зацепившись ей за лодыжки женщины, и сбил ее с ног. Ян продолжил двигаться вперед, используя ее собственный импульс, и лишил равновесия и себя, и ее. Он ушел в бок, и они вдвоем перевалялись через край глубокой ямы.

— Ян, нет! — закричал Бэннон.

После долгого падения они жестко приземлились на песок и пепел, чудом избежав острых пик на стенах. Меч вылетел из руки Адессы. Мгновение она лежала, приходя в себя, но потом отползла от Яна, который вскочил на ноги. Мотая головой, Ян пошарил по земле и нашел свой меч. Он мог убить Адессу уже сейчас, если бы ударил достаточно быстро — лидер Морасит была дезориентирована после падения и безоружна. Вдруг ее внимание переключилось, и она напряглась, напоминая змею.

У нее больше не было меча, и она схватилась за маленькую черную рукоять ножа-эйджаила у своего бедра. Морасит подняла оружие, словно напоминая Яну о боли, которую могла причинить.

— Так вот как тебе нравится играть, любовничек? Подумай об удовольствии, которое я дала тебе. Ты мой особенный, мой чемпион.

— Я получил от тебя многое ... но не все было удовольствием.

Она двинулась вокруг Яна, и он поднял свой меч, который был намного длиннее ее ножа-эйджаила. Морасит не могла подойти достаточно близко, чтобы поразить его короткой иглой. Соперники осторожно кружили, но затем Морасит заметила свой упавший меч. Адесса прыгнула через песок, схватила меч рукой в перчатке и с двумя видами оружия повернулась к противнику.

Бэннон мог только наблюдать за парой далеко внизу. В главной галерее продолжались стычки. Он хотел крикнуть, чтобы поддержать Яна, или даже спрыгнуть вниз и сразаться рядом с другом, но не посмел отвлечь его. Адесса могла убить Яна в одно мгновение.

Ян и лидер Морасит продолжали свою смертельную дуэль, клинок против клинка. Адесса была острой иглой ножа-эйджаила, словно жалом скорпиона. Но Ян был чемпионом и сражался не хуже его любовницы и наставницы.

Она бросилась на него, яростно взмахнув коротким мечом и прочертив длинный порез на его левой руке, но Ян ударил ее кулаком, и она оступилась на рыхлом песке. Падая назад, Адесса извернулась и ударилась о стену. Один из железных шипов пропорол глубокую красную борозду на ее лопатке.

Адесса словно не чувствовала боли и не нуждалась в передышке. Она кинулась на противника, размашисто атакуя мечом. Ян сражался великолепно, но колебался. Бэннон внезапно понял, что его друг не хотел убивать Морасит.

— Что случилось? — с издевкой спросила Адесса. — Ты боишься меня, чемпион?

Онотреагировал так, как его учили отвечать на провокации. Взревев, Ян усилил натиск, обрушив град ударов и отбивая ее

клинок, разя все сильнее и сильнее, пока не сломал ей запястье, выбив меч. Клинок упал на пол арены. Ян ударил рукоятью меча по виску Морасит. Свободной рукой он повалил женщину рядом с железными шипами.

— Я не боюсь тебя.

Безоружная Морасит приподнялась на локтях, дрожа. Рана на плече кровоточила, а правая рука безвольно повисла на сломанной кости. Ян стоял над ней, занеся меч для смертельного удара.

— Я твоя любовница, — сказала она. — Разве ты забыл об удовольствии, которое я тебе доставила?

Лицо Яна застыло. Он направил клинок вниз, готовясь вонзить его ей в сердце. Он колебался, и она знала об этом.

— Ты не сможешь убить меня, потому что есть кое-что, чего ты не знаешь. — Ее лицо скривилось в улыбке. — Последние четыре недели я ношу твоего ребенка.

Ян был застигнут врасплох и замер на долю секунды. В этот момент Адесса выхватила предмет, который прикрывала своим телом — оружие, найденное ей на песке ямы. Кинжал Лилы, который выбил Бэннон. Морасит схватила нож здоровой рукой. Ее атака походила на бросок кобры. Она взметнулась с клинком, используя импульс своего тела и отталкиваясь ногами от земли. Она вонзила кинжал глубоко в грудь Яна и провернула его в сердце. Ян ахнул, закашлявшись кровью и повис, как мертвый яксен на крюке.

— Ян! — закричал Бэннон. — Ян!

Но его друг был уже мертв, а Адесса была слишком далеко внизу.

— Теперь ты меня разозлил, мальчишка, — раздался другой бритвенно-острый женский голос. Бэннон обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть Лилу, которая уже пришла в себя. Она поднялась с земли и бросилась к нему, занеся клинок, чтобы убить его.

Чувствуя себя больным и оглушенным из-за смерти Яна, Бэннон развернулся, чтобы защититься. Никки шагнула к Лиле сзади и с силой ударила рукоятью одного из своих кинжалов по окровавленному затылку Морасит. Лила упала, как срубленное дерево, на песчаный пол возле ям. Рядом с ней взревела Мрра. Бэннон застыл в ужасе, уставившись на окровавленное тело Яна, которое Адесса отбросила в сторону. Но она была слишком далеко. Он не мог до нее добраться.

Лила лежала рядом с ним без сознания; кровь перепачкала ее короткие светло-русые волосы.

Никки хмуро взглянула на Адессу. Они оба хотели быть внизу, чтобы разорвать эту женщину на части, но в глазах Никки возник решительный блеск. Мрра мотала своим хвостом.

— Мы можем сражаться здесь всю ночь, Бэннон, но более важная битва — в городе. Мы должны остановить ритуал кровопролития на пирамиде. Пойдем со мной. Сначала нам нужно найти Натана.

Глава 73

Попав в Твердыню и оказавшись в окружении запаха книг и свитков, аббатиса Верна почувствовала, будто Создатель наградил ее, превзойдя самые безумные надежды. У нее кружилась голова от поразительных знаний, которые хранились на многочисленных полках, в залах и башнях.

Оливер и Перетта к своей огромной радости вернулись домой. Опытные ученые поспешили им навстречу и засыпали вопросами и новостями. Перетта представила свою тетю Глорию, новую главу помнящих, а Оливер с радостью подтолкнул вперед Франклина, талантливого ученого с совиными глазами,

который казался не готовым к руководящей должности, хотя и был новым ученым-архивариусом.

Д'харианские солдаты обустроивали лагерь на дне каньона, а генерал, аббатиса и двое путешественников поднялись по узкой тропинке вдоль утеса. В естественном алькове с огромными строениями их встретили другие ученые, а потом повели внутрь великого архива.

Пока они шли к величественным каменным фасадам, Перетта указала на каньон:

— Тысячи лет это место было укрыто маскировочным саваном. Лишь немногие забредали в каньоны, но при взгляде на эту скалу видели лишь глухую стену, а не здания.

— Но теперь скрытые знания открыты и доступны всем, — сказал Оливер.

— Да, — серьезно прогудел генерал Зиммер. — И это нас очень беспокоит. Но сестры помогут вам.

Многочисленные ученые собрались в общем зале, а слуги поспешно готовились подать полуденную трапезу. Генерал решил убедиться, что о его солдатах и скакунах тоже позаботятся:

— Лошади могут пить из ручья и пастись на лугах вместе с овцами, но мои люди устали от походной пищи. Могу рассчитывать на ваше гостеприимство?

Глория отправила помнящих проверить, чтобы все было сделано. Верна сидела на длинной скамье в столовой, а слуги приносили блюда с мясом и фруктами, а также корзины с хлебом. Аббатиса взяла из груды фруктов маленькое зеленое яблоко и повертела его в руке, рассматривая, не червивое ли оно. Ничего не обнаружив, она откусила кусочек, наслаждаясь кисловатой сочностью, и благодарно вздохнула.

Франклин, радуясь встрече с Верной, генералом и их спутниками, обратился к гостям:

— Никки говорила о сестрах Света, и нам очень хотелось, чтобы кто-то подобный руководил нами. Мы рады, что вы прибыли так быстро.

— Мы спешили, — сказала Перетта. — Поговорив с аббатисой Верной, мы решили, что должны привести их сюда.

— Мы крайне в вас нуждались, — сказал Франклин, почесав каштановую макушку и благодарно кивнув Верне. — Ученый-архивариус Саймон был убит, а потом мы потеряли Викторию. Мы впали в замешательство и не могли выбрать лидера, а предстоит много работы.

— Мы обещали Никки, что не будем пытаться использовать магию, описанную в книгах, — добавила Глория, — а будем лишь заниматься организацией и составлением каталога этих тысяч томов.

— Нам сказали, что книги пророчеств более не актуальны, — сказал Франклин. — По сути, бесполезны.

Верна с грустью вздохнула.

— Да, я провела большую часть жизни, изучая пророчества, постигая значение бесчисленных книг, прослеживая ответвления, истолковывая варианты, но все напрасно. Когда Дворец Пророков был разрушен вместе с невероятными знаниями, я решила, что моей привычной жизни настал конец. — Она выдавила уверенную улыбку. — Но мы с сестрами пережили это. Мы стали служить магистру Ралу и нашли огромные библиотеки в Народном Дворце и других центральных узлах. Мы решили изучить, что сможем, и сохранить эту информацию. Затем, после перемещения звезд... — она снова покачала головой.

— Сейчас мы сосредоточены на другом. Мы можем помочь вам, — вставила Эмбер, держа в руке кусок свежего хлеба.

— Мы можем наставлять вас, — поправила Верна. — У нас с сестрами было много учеников, включая самого Ричарда Рала. И хотя законы магии изменились самым непредсказуемым

образом, мы будем изучать их, и вы будете учиться вместе с нами.

— Помнящие тоже должны этому научиться. Оливер согласился помочь мне, — добавила Перетта.

Сидевший рядом с ней Оливер удивленно моргнул, будто эта новость стала для него неожиданностью:

— Я... ну, конечно, я помогу.

Слуги принесли блюда с пареными листьями и нарезанными клубнями, на которых лежало тающее овечье масло.

— Восхитительно, — сказал Зиммер, когда один ученый протянул ему блюдо с охлажденной жареной бараниной. Своим ножом он отрезал ломоть мяса себе, а затем предложил кусочек Верне. — Аббатиса?

— Да, благодарю.

— После ухода Никки, Натана и Бэннона мы продолжаем восстанавливать жизнь в долине, — сказал Франклин. — Мы стремимся к нормальной жизни. Поселенцы возвращаются, чтобы возродить то, что когда-то было Язвой.

— Мы видели несколько новых поселений в долине, — сказал Зиммер. — Скоро здесь будут процветать сельское хозяйство и торговля. Там столько земли, которую можно заселить и исследовать, что мне придется призвать больше военной силы из Нового мира.

— Дайте нам время изучить знания Твердыни, — сказала Верна, — и мы отправим важное донесение магистру Ралу. Возможно, ему придется направить сюда еще и тысячу ученых.

— Мы уже отправили весть в окрестные земли, — сказал Франклин. — Много лет назад, когда Виктория обнаружила способ сбросить маскировочный саван, мы отправили призыв одаренным ученым из других городов в долине и в горах. Многие ответили. — Он печально покачал головой. — Но они тоже были неподготовленными. Вот как появился Роланд, Поглотитель жизни...

— Добрые духи, мы не позволим этому повториться. — Верна доела мясо и положила себе пареной зелени, удивляясь своему аппетиту.

— Если вы с сестрами намереваетесь читать наши книги, то должны отплатить нам рассказами своих историй, — с улыбкой сказала Глория.

— У нас много историй, — сказала Перетта. — Мы с Оливером видели такое, о чем никогда не читали в архивах. — Она озорно посмотрела на своего спутника. — Расскажи им про корабль охотников на кракенов.

Молодые люди закончили трапезу, описывая свое путешествие, в то время как Верна рассказала о лорде Рале и о том, как она нашла необученного Ричарда и Кэлен в племени Тины. «Камешек в пруду», как было предсказано, и боевой чародей, который изменит мир — но только если он сможет познать и контролировать свой дар. Чтобы избавить его от смертельных головных болей, она была вынуждена надеть на его шею железный ошейник.

Ученые слушали, перешептываясь между собой.

— Вы и нам наденете железные ошейники? — спросил Франклин.

— В этом нет необходимости, — сказала Верна. Сестры посмотрели на нее так, будто сами не были уверены в ответе. Верна решительно покачала головой. — Мы знаем и другие способы подготовки одаренных ученых.

После трапезы Верне не терпелось приступить к работе. Как только ученые Твердины показали им гостевые покои, а также комнату генерала, которую он мог использовать в качестве штаба, Верна собрала сестер. Женщины вошли в гулкий библиотечный зал с камином, в котором ревели пламя. Полки, идущие до самого потолка, были заставлены разнокалиберными книгами. Деревянные столы с толстыми резными ножками были завалены свитками и открытыми томами. Светящиеся магические лампы испускали достаточно света для чтения в

любой час дня и ночи. Верна, Эмбер и остальные просто стояли и улыбались. Аббатиса медленно осмотрелась, не зная, с чего начать.

— Добрые духи, — тихонько прошептала она.

Послушница Эмбер рядом с ней хихикнула.

— Только взгляните на все эти книги, аббатиса! Здесь может быть все когда-либо написанное за историю мира.

Верна улыбнулась.

— Далеко не все, дитя мое. Далеко не все. — Но глядя на тысячи корешков томов, полных неведомых могущественных знаний, она протяжно вздохнула. — Но здесь весомая доля этих сведений.

После исчезновения пророчеств Верна долго искала новое направление и теперь ощутила, что нашлась более достойная цель, чем прежде.

Коротким жестом она отпустила сестер, не став говорить им, куда идти, а просто призывая начать.

— Мы насытили наши тела. Теперь давайте насытим наш разум.

Верна погрузилась в изобилие знаний, словно пловец, переплывающий глубокий пруд. Не глядя на название на корешке, она взяла с полки толстый внушительный том и отнесла его к рабочему столу. Аббатиса села рядом с сосредоточенным ученым, который сгорбился над длинным свитком, свисавшим с края стола. Он склонился так близко к написанным словам, что едва не водил носом по пергаменту. Он шевелил губами, читая и не обращая на нее внимания.

Верна достала фигурку жабы, которую несла с собой всю дорогу. Забавы ради она поставила ее перед собой на стол и повернула так, чтобы большие круглые глаза статуэтки смотрели на стопку книг. Затем Верна улыбнулась, открыла толстую потертую обложку книги и принялась за чтение.

Глава 74

Леденящий кровь крик повелителя плоти Андре эхом разнесся по всему особняку, затем резко оборвался. В лаборатории Эльза попятилась, распахнув глаза, и взволнованно посмотрела на Натана.

— Что он выпустил на Ильдакар?

— Сначала я спасу нас, дорогая леди, а потом буду беспокоиться о спасении города. — Натан запахнул похожий на халат белый балахон и взял женщину за руку. — Нам лучше уйти отсюда.

Эльза поспешила вслед за ним. Они откидывали занавески цвета индиго, ища выход из лабиринта, который Андре называл своей студией. С гулким ревом приближалось что-то огромное, пробивая стены из каменных блоков. Прежде чем Натан и Эльза успели добраться до высокого фойе в передней части особняка, стена напротив них дала трещину и содрогнулась. Последовал громкий удар, будто кто-то бил тараном, и толстая стена обвалилась. Огромная фигура отбросила каменные блоки в сторону, как белка расшвыривает осенние листья. Натан открыл рот от удивления.

Исполинских размеров воин, похожий на огромный безумный таран, пробился сквозь стены.

— Добрые духи, он пробудил одного из воинов Иксакс! — воскликнула Эльза.

Натан протянул руку и увлек Эльзу себе за спину. Гигантский солдат повернул свой железный шлем размером с котел на звук голоса Натана. Сквозь щель виднелись его пылающие желтые глаза.

— Эти создания никогда не должны были пробудиться, — сказала Эльза. — Я даже не знала, что они еще живы.

— Кажется, он вполне жив и зол. — Натан вскинул руки в успокаивающем жесте, обращаясь к титану: — Но я не тот, кто мучил тебя. Мы не твои враги.

Пятнадцатифутовый Иксакс пробился через разломанные камни и ввалился в большое фойе. Натан и Эльза отступили к заросшему лозой главному входу. Воин взмахнул кулаками размером с валун, сокрушив один из каменных блоков в пыль.

— Полагаю, ты не прислушаешься к голосу разума? — взмолился Натан.

Иксакс понесся на них как разъяренный бык размером с гору.

Они уже миновали просторное фойе, но Натан знал, что Иксакс мог с легкость их нагнать. Огромный покрытый броней воин мог просто раздавить их или оторвать конечности одну за другой, как мучающий насекомое ребенок.

Титан переключился на одну из мраморных колонн, поднимавшихся к сводчатому потолку. Он обхватил ее бронированными руками и напрягся, разбивая камень и вырывая колонну — как разъяренный медведь, выкорчевывающий дерево. Иксакс швырнул колонну в Натана и Эльзу. Эльза подняла руку и с помощью магии оттолкнула столб, развернув его в воздухе и отправив во вторую мраморную колонну. Потолок застонал и раскололся. Обломки упали на покрытый плиткой пол. Вторая колонна надломилась посередине и обрушилась.

Когда потолок треснул, Натан схватил Эльзу и потянул ее через арку прочь из особняка повелителя плоти. Иксакс выпрямился и поднял оба кулака в бронированных рукавицах, но тут потолок рухнул, и многотонные каменные блоки погребли воина под собой.

Натан и Эльза прыгнули в укрытие. Вокруг них кружилась каменная пыль, заставляя их кашлять. Не стихающий грохот падающего камня был похож на лавину. Особняк Андре обрушился с ревом, почти таким же громким, как рев воина Иксакс.

— Как думаешь, это его уничтожило? — спросила Эльза, прикрывая глаза от клубов пыли.

— Конечно, нет, дорогая леди, — сказал он.

Они отступали, поглядывая на пыльный туман рухнувшего здания. Глядя на эти разрушения, Натан ощутил внутри покалывание, резкую боль в груди и тяжелое биение сердца. Тук-тук. Тук-тук. Линии хань в его теле превратились в обжигающую проволоку, и дар разлился по нему с громкой настойчивостью. С помощью Эльзы он практиковался в магии, но еще не стал великим волшебником, как прежде.

Но даже восстановившегося контроля над даром вряд ли будет достаточно. Андре был весьма могущественным волшебником, но и он не смог противостоять своему чудовищному творению. Каковы шансы у Натана?

— Зачем Андре понадобилось выпускать это создание? — спросила Эльза. — Зачем он сделал это?

Натан покачал головой:

— Андре был вместе с нами, помнишь? Кто-то другой пробудил гигантского воина.

— Но только великий волшебник способен на это, — сказала она.

Натан поджал губы.

— Как я частенько говорил, в Ильдакаре полно волшебников.

Словно из каменного гейзера вверх подлетели обломки, когда воин Иксакс вырвался из-под завала, расшвыряв массивные блоки, будто они были мелкой галькой. Пыльный, но невредимый исполин поднялся из развалин особняка.

— Остальные члены палаты волшебников должны быть у вершины пирамиды, — сказала Эльза. — Нужно призвать их сплотиться, чтобы противостоять этому монстру.

Натан взял ее за руку, и они попятились от особняка.

— В общем-то, я оптимист, но Андре говорил, что один воин Иксакс может в одиночку убить тысячи врагов. Не уверен, что все советники, вместе взятые, окажутся достаточно сильны.

Воин Иксакс ринулся на них, набирая скорость и переходя на бег. Каждый шаг его звучал, как молот каменотеса, работающего в забое.

Стражники рыскали по улицам города, реагируя на тревожные сигналы. Натан понятия не имел, что происходит в Ильдакаре, и задался вопросом, не началось ли восстание Зерцало-ликого. Был ли пробужденный воин Иксакс частью атаки? Этот огромный живой таран вызовет полный хаос в городе.

Но какой идиот это сделал? Кто посмел?

Они с Эльзой убегали по улице, пока воин выдирает из земли решетки для растений, выкашивая живую изгородь из жутких глазастых цветов. Натан искал укрытие среди близлежащих зданий.

На высокой колокольне рядом с общественным зданием из блоков песчаника громко и отчаянно зазвонил колокол, поднимая город, призывая защитников к оружию. Люди недоуменно метались в уличной суматохе. Кто-то из них был частью неорганизованного восстания, в то время как другие просто пытались убежать подальше.

Десять вооруженных стражников тесной группой шли по улице, держа наготове мечи и арбалеты. Когда перед ними оказался исполин, они остановились в нерешительности. Воин Иксакс повернулся к ним, и лейтенант выкрикнул приказ. Двое арбалетчиков выпустили металлические болты прямо в грудь титана, но те лишь отскочили. Другие солдаты с боевым кличем бросились на превосходящего врага, пытаясь перерубить поджилки на массивных ногах воина.

Но броня создания была прочна как сталь, и клинки лишь отскакивали от нее. Разгневанный воин Иксакс одним ударом отбросил солдат в сторону, словно они были игральными костями. Кровь и мозги брызнули на беленую стену — по совпадению, в этой стене поблескивали оставленные повстанцами острые осколки зеркала.

Огромный бронзовый колокол продолжал издавать оглушительный набат, и Иксакс бросился к башне, врезавшись телом в ее каменные стены. Руками в боевых рукавицах он как таранами крушил камень, сотрясая каркас башни, пока несущие балки не треснули, а блоки из песчаника не разрушились. Мощным усилием Иксакс опрокинул колокольную, разрушив стены и толкнув башню вперед.

Продолжавший звенеть бронзовый колокол вывалился из своей ниши и упал с башни, разрушая песчаник. Башня рухнула на соседнее трехэтажное здание, а Иксакс продолжил путь через обломки, словно толстые стены были всего лишь густым кустарником.

Он снова что-то проревел через закрытый шлем — настолько громко, что упавшие блоки из песчаника вздрогнули. Пробившись сквозь завалы, он ринулся к следующему кварталу, в котором жили торговцы. Люди с криками убегали в ночь.

Рыдая, Эльза отстранилась от Натана и смело вышла навстречу воину. Подняв руки и высвободив свой дар, она магической силой подхватила несколько сломанных блоков и швырнула их в приближающегося Иксакса. Крупный обломок угодил в шлем, но оставил лишь небольшую вмятину. Исполин поднял руку в перчатке и отмахнулся от другого летевшего в него камня.

Заметив Эльзу, воин решил обратить свой гнев на нее и ринулся к женщине. Немолодая колдунья стояла на месте, отчаянно пытаясь призвать больше магии и отыскать другое, так необходимое ей оружие. Но Натан знал, что ее специализацией была магия переноса и для работы она нуждалась в двух точках. Времени у нее не оставалось.

Натан проклинал себя и злился на свою бесполезность и слабость. Если бы только у него было время...

Он оттолкнул Эльзу, и она упала на цветник рядом с дорогой.

— Уходи, моя дорогая. Спасайся!

Иксакс рванул к ним, намереваясь убить, и Натан побежал быстрее, сокращая разрыв. Его свободный балахон хлопал на ветру. Он не ощущал себя великим волшебником, но он был им! Он Натан Рал, который прожил тысячу лет и сражался с могучими противниками. Его хань был силен, как плетеный стальной трос.

— Ты считаешь себя непобедимым, монстр. — Натан вытянул руки, создавая смехотворную преграду. — Но я остановлю тебя. Не я тебя создал, но я убью тебя. — В его словах звучал вызов, и он порадовался, что его голос не дрогнул.

— Натан! — закричала Эльза.

— Прошу, дай мне сосредоточиться. — Он думал о тренировках, о своем даре и о том, кем он являлся. — У меня сердце волшебника, — упрямо сказал он.

Натан отбросил воспоминания о неудачах и о заклинаниях, которые слишком боялся использовать. Теперь у него не было страха, он не боялся даже исполинского Иксакса.

Тук-тук. Тук-тук. Магия была внутри него. Линии хань окружали его тело и пронизывали его, а сердце было наполнено силой. Оно громко стучало, создавая магический поток и усиливая его.

Натан поджал губы, стиснул зубы и застонал. Он призывал все до последней капли, отказываясь думать о случаях, когда магия рикошетила и ее результат был ужасающим. Он сделал еще шаг, когда Иксакс остановился, ощутив вибрацию и напряжение в воздухе. Воин поднял закованные в броню кулаки, будто собирался сокрушить мир.

Натан напрягся и закричал. Он взял весь дар и пропустил его через сильное, мощное... и темное сердце главного укротителя Айвена.

Он ощутил, как внутри него что-то надорвалось, и тут последние скрепы его магии исчезли. Дар вырвался, как лава из извергающегося вулкана, и Натан высвободил свою магию. Всю магию.

Гигантская волна несокрушимой силы ударила в воина Иксакс и заставила его отшатнуться. Титан поднял руки, напрягся и с трудом сделал шаг вперед. Но магия взорвалась очищающим огнем, и пролилась на доспехи, защищавшие его тело.

Натан продолжал атаку, а лавина магии раздирала доспехи воина, обнажая искаженную каменистую кожу жуткого создания, растворяя ее... отслаивая плоть, чтобы распустить жгуты мускулов, сдирая мясо и добираясь до усиленных костей.

Шлем разломался на куски, обнажив лицо воина Иксакс со светящимися глазами, выражение которых сменилось с гнева на боль и рассеянное удивление. Тело, ранее принадлежавшее человеку и подвергнутое ужасным мучениям, разрушалось под натиском дара Натана.

Бурный поток магии разорвал беспощадного титана на кусочки, обратив его плоть в прах, оставив только кошмарное воспоминание и дрожащее рычание, которое утихало в ночи, словно вздох облегчения.

После этого Натан рухнул на мостовую, и его свободное белое одеяние разметалось по земле. Эльза подбежала к нему, опустилась на колени и бережно схватила за плечи.

— Натан!

Крайне опустошенный, он взглянул на нее, моргая лазурными глазами. Хотя его голос был слаб, Натан сумел произнести:

— Это было довольно впечатляюще.

— Ты уничтожил его! — сказала Эльза. — Натан, ты уничтожил воина Иксакс и спас город.

— Я просто выполнил свою часть. Но, думаю, можно признать, что моя магия вернулась.

Эльза рассмеялась и смахнула с глаз слезы. Натан хотел отдохнуть, просто лечь и спать еще неделю, но знал, что не может. Волшебник с трудом поднялся, опираясь на Эльзу.

— Увы, сегодня еще много работы. Город нужно спасать.

Тук-тук. Тук-тук.

Он коснулся своей груди, чувствуя, как учащается сердцебиение. Теперь он был силен. Он вернулся!

Натан чувствовал тень внутри себя, намек на мрачное присутствие, смешанное с чистым сиянием его дара, но он должен был принять это. Частица главного укротителя Айвена навсегда останется в нем.

— Пойдем со мной, — сказал он Эльзе, которая помогала ему устоять. — Ты ведь поможешь? — Натан не был уверен, куда нужно идти. Когда вокруг собралась толпа, желавшая поглазеть на развалины особняка и обломки воина Иксакс, колдунья и волшебник побрели прочь. — Пойдем узнаем, что там насчет других проблем, ладно?

Глава 75

Это должна была быть ночь волнения и предвкушения.

Словно воин, облачающийся в доспехи перед битвой за будущее Ильдакара, Тора отправилась в башню властителей, чтобы сделать последние приготовления. Но, выслушав первые донесения о беспорядках, она почувствовала, что на ее любимый город опустилось безумие, которое столь же непроницаемо, как саван вечности.

На улицах бесчинствовали свирепые животные, обученные убивать на арене. Теперь они преследовали дворян, торговцев и даже представителей низших сословий, которые попадались им на пути. Воины арены, выпущенные из клеток, теперь сражались бок о бок с чернью и уже убили много городских стражников. Пролито слишком много крови... причем впустую, хотя свежую кровь можно использовать с большой пользой.

Такие опрометчивые бунты были направлены против самих основ ее прекрасного, совершенного города. Зерцалоликий и

его вероломные мятежники не заслуживают жить в Ильдакаре! Разъяренная Тора хотела использовать свою магию, чтобы превратить их всех в камень — медленно, позволяя прочувствовать, как застывают их мышцы, кристаллизуются кости, цепенеет разум.

Но она не могла просто истребить их всех. Если саван устоит, город не сможет получить новых рабов, а на их воспроизведение потребуется время. Она нуждалась в них и ненавидела. Тем не менее, властительница должна сокрушить их дух, уничтожить предводителей и сломить доверчивых мятежников, чтобы они не пытались вновь совершить такую глупость.

Все еще не привыкший руководить городской стражей верховный капитан Стюарт, пришедший на смену Эйвери, устало вошел в пустой зал и преклонил колено в знак уважения. Его красное лицо было мокрым от пота, а движения резкими.

— Я могу дать лишь грубый отчет, властительница: бои все не стихают, но мои стражники принимают меры. Я узнаю больше после того, как мы подавим очаги и справимся с волнениями.

Он нервно оглядел высокие окна. Мерцающие огни города казались оранжевой обычной — признак распространения пожаров.

— Лучше поторопиться с этим, капитан, — рыкнула Тора. — Ритуал кровопролития запланирован на полночь. Сотни рабов ждут своей участи — как и наш любимый город.

Стюарт вытер струйку пота с левой щеки.

— Мы делаем все возможное, властительница, но... это сложнее, чем ожидалось.

— Из-за выпущенных на волю воинов и животных? Наверняка они не отходят далеко от боевой арены.

Она поднялась со своего трона. Ее облегающее голубое платье затрепетало, и полосы декоративного меха ошетинились, словно вставшая дыбом шерсть.

Верховный капитан кивнул.

— Рабы по всему городу устраивают пожары и нападают на своих хозяев. Они дикари. Кто-то из одаренной знати сопротивляется, пытаюсь сдержать толпу и потушить пожары, но их подавляют числом.

— Как такое может быть? У Зерцалоликого лишь горстка обманутых последователей.

Стюарт, не поднимаясь с колен, склонился еще ниже — возможно, чтобы избежать взгляда цвета морской волны.

— Боюсь, их больше. Волнения охватили нижние уровни города. Множество рабов погибло, но некоторым удалось убить своих хозяев. Мы не знаем, как много жертв.

Тора не на шутку встревожилась.

— Зерцалоликий со своими провокационными речами и обезумевшая Никки могли склонить на свою сторону сотни людей.

Стюарт ошарашенно поднял взгляд.

— Сотни, властительница? Тысячи людей поднялись, чтобы свергнуть власть Ильдакара.

Тора со вздохом отвернулась, чтобы он не увидел, как побледнело ее фарфоровое лицо. Розовые пятна румянца расцвели на ее щеках.

— Я отказываюсь верить в это.

Стюарт не сменил позы.

— Тем не менее, это правда. В тренировочных туннелях прошли ожесточенные бои. Многие Морасит мертвы.

Тора дрогнула.

— Невозможно! Морасит...

— Морасит мертвы. Минимум пятеро. Похоже, они слишком хорошо обучали своих бойцов. — Глава стражи нервно поежился, выглядя больным. — Властительница... это еще не все.

Тора фыркнула.

— Еще что-то? Разве вы не принесли мне уже достаточно много ужасных новостей, капитан?

Он отвел взгляд, затем повернулся к ней и расправил плечи.

— К сожалению, нет. Беспорядки распространяются, и даже в питомниках шелковых яксенов кое-что случилось. Ваш сын... одна из яксенов... она... она... — Стюарт, похоже, не мог сказать это.

— Что с Амосом? — требовательно спросила Тора. — У нас нет на это времени.

— Он убит, властительница. Одна из девушек перерезала ему горло.

Тора пошатнулась. У нее подкосились колени, и она ухватилась за подлокотник трона, стоявшего на возвышении.

— Полагаю, он... обидел ее, — продолжал Стюарт.

— Какая теперь разница? Это безмозглые игрушки. Амос... Амос... — Тора втянула воздух, чувствуя скорее потрясение, чем горе. Мальчишка всегда был непослушным и высокомерным, и даже она, его мать, не видела в нем большого потенциала. Но все же Амос был ее сыном. — Я хочу, чтобы их всех убили! Всех шелковых яксенов!

Стюарт склонил голову:

— Будет сделано, властительница. Но сначала мы должны подавить мятеж, потушить пожары и взять людей под контроль.

— Довольно! — Она уже послала весть советникам, требуя собраться у башни властителей, чтобы подготовиться к великому жертвоприношению. Сейчас она нуждалась в них больше, чем когда-либо. — Я ожидала, что Андре, Квентин, Деймон и Эльза придут сюда полчасика назад. А где главнокомандующий волшебник? Сейчас важен каждый. Как и в прошлом, одаренные Ильдакара должны объединить свои силы и одолеть врага — даже если этот враг внутри города.

Как будто услышав свои имена, Квентин и Деймон с шумом ворвались в зал, взъерошенные и уставшие.

— Мы здесь, властительница. Мы совершали приготовления, но...

— Повелитель плоти Андре мертв, — выпалил Квентин, пока Деймон колебался, нервно поглаживая длинные свисающие усы.

Тора нерешительно сделала шаг от помоста, словно боялась наступить на ядовитую змею.

— Мертв? Как это мертв? Что этот идиот натворил на этот раз?

— Кто-то пробудил одного из воинов Иксакс, — сказал Квентин. Его смуглое лицо было напряженным и взволнованным.

Тора ахнула.

— Но Иксакс никогда не должны были...

— Кто-то пробудил его, — сказал Деймон, встав в полный рост. — Он убил Андре, разрушил его особняк, а затем продолжил бесчинствовать. Эльза была там вместе с волшебником Натаном. Они едва спаслись.

У Торы пошла кругом голова. Воин Иксакс был почти неуязвим — живое оружие, созданное для битвы с сотнями, и даже тысячами врагов одновременно.

— Это... невозможно.

— Не только возможно, властительница, но и случилось, — сказал Квентин.

Она не знала, какие приказы отдавать, и понятия не имела, как одолеть этого монстра. Повелитель плоти Андре создал троих воинов Иксакс пятнадцать столетий назад, и, если один из ужасных титанов уже убил его, она не представляла, как остановить такого монстра.

— Где главнокомандующий волшебник Максим? Мы должны вместе вступить в бой! Это невероятная угроза...

— С этой угрозой покончено, властительница. — Деймон недоуменно покачал головой. — Волшебник Натан Рал уничтожил его. В одиночку.

Тора прикрыла глаза. Сколько еще поразительных новостей она узнает за эту ночь? Амос убит, рабы восстали, Иксакс про-

будился и теперь Натан Рал высвободил достаточно магии, чтобы самостоятельно сокрушить одного из исполинских воинов?

— Но он же бессилен! Бесполезен!

— Его дар восстановился, — сказал Квентин. — Он уничтожил воина Иксакс. Они с Эльзой уцелели.

Тора не знала, восхищаться или ужасаться.

— Мы должны действовать немедленно! Формальности ни к чему. Жертвенные рабы готовы. Мы должны отправиться к пирамиде и пролить кровь сейчас же. Нужно сотворить заклинание и сделать саван постоянным, пока не стало слишком поздно.

Верховный капитан нерешительно поднялся. Вновь посмотрев на окна, он тяжело сглотнул при виде тусклого оранжевого зарева.

Деймон медлил, и Квентин, проведя тыльной стороной ладони по сухим губам, решил сказать:

— Но разве палата волшебников не слишком слаба, чтобы привести в действие столь глобальное заклинание, властительница? Андре мертв, главный укротитель Айвен тоже; Ренн отправился на поиски архива Твердыни. Нам не хватает численности.

— Нас будет достаточно. Я сделаю все сама, если придется! — Тора почувствовала потрескивающую в ней магию и отрывисто приказала: — Приведите Эльзу и найдите моего мужа. Встретимся у пирамиды как можно скорее. Если этой ночью мы не прольем достаточно крови рабов, то заплатимся нашей собственной. — Она прищурилась. — Я надеюсь, что это даст вам достаточную мотивацию. Теперь идите! — Когда все устремились прочь, она крикнула им вслед: — Приволоките Максима, если необходимо.

Когда шаги на лестнице стихли, в зале снова воцарилась тишина. Тора слышала проникавший через высокие окна отдаленный рокот волнений, крики на улицах, шум сражений. Она

подошла посмотреть на пропасть города внизу. Пожар на нижних уровнях переходил от дома к дому, приближаясь к складам и скотобойням яксенов.

«Непослушные скоты, — подумала она. — Как эти люди могли поджечь собственные дома? Неужели свобода значит для них больше, чем их жизни, их имущество, их кров?».

Тора сжала бледный кулак, затягивая нити своей магии, как удавку. Она услышала шорох и подняла глаза. Из бокового коридора неподалеку от окаменевшей Лани вышел человек.

— Отправлять поисковую группу — это всегда напрасная трата сил, моя дорогая. — Она узнала голос Максима. — Я уже здесь.

Он был одет в рваный и мятый серый балахон, а не в привычные черные шаровары и цветастую шелковую рубашку.

— Где ты был? — требовательно спросила Тора. — Ильдakar нуждается в тебе. Ты нужен мне!

Когда он вышел на свет, она увидела, что лицо его покрыто красной коркой поверх глубоких порезов. Раны были торопливо и небрежно исцелены магией, они походили на паутину, как на треснутом стекле.

— Что ты сделал с собой? Ты участвовал в стычках? И почему ты одет в...

Затем Тора увидела, что он держит в руке овальное зеркало в форме маски. Она была треснута в нескольких местах — узор линий совпадал с порезами на его лице.

— О, я был занят, моя дорогая. Разве ты не слышишь плоды моих трудов? Благодаря Никки этот отклик стал гораздо более бурным, чем я ожидал. Гораздо более зрелищным!

В нее просочился холодный страх.

— Ты? Это невозможно! Зерцалоликий — это ты?

— Это моя вторая личность. — Когда Максим подошел ближе, то не удержался от ухмылки и поморщился из-за не долеченных порезов на лице. — Тысячу лет ты, властительница, правила этим городом. Мы с тобой должны были править вме-

сте, как равные партнеры, но ты быстро начала доминировать. Долгое время меня это не заботило, а когда я спохватился, было уже слишком поздно. — Его ухмылка стала шире. — Затем я нашел еще один великий источник власти в Ильдакаре, неожиданную армию, которая была готова сделать все, о чем бы я ни попросил — до тех пор, пока я обещал им привлекательную награду: свободу и равенство. — Он поднял треснувшую маску. — Ах, это было невероятно! Я понимаю, почему ты так наслаждаешься властью. Я не ожидал, что получу такое наслаждение, когда приказал своим последователям убить твоего дражайшего любовника Эйвери.

Глаза Торы вспыхнули, к щекам прилила кровь. Слова застряли у нее в горле, словно превратились в лед, так и не успев вырваться.

— Нам нужно было заявить о себе и убить еще одного стражника. Смерть верховного капитана произвела нужный эффект. — Он перевел дыхание. — Видела бы ты свое лицо!

Тора хотела выцарапать ему глаза, но, когда она бросилась на него, Максим откинул ее ударом магии и повысил голос:

— Да, точно так же, как ты дала отпор колдунье Никки, показав нам всю свою силу. Это было довольно впечатляюще — уверен, ты будешь рада узнать, что это я исцелил ее. Мои последователи нашли ее и выхаживали, пока она не поправилась. Сейчас она играет ключевую роль в происходящем.

Тору захлестнула ярость, но Максим казался отчужденным и равнодушным.

— После сегодняшней ночи, моя дорогая жена, у меня будет все — или от города не останется ничего. — Он пожал плечами. — Меня устроит любой исход. Если Ильдакар падет... что ж, я уже давно интересовался внешним миром.

Наконец, Тора бросилась на него, кипя от ненависти.

— Ты во всем виноват! Ты пытаешься уничтожить мой город, мой идеальный город!

— Да, — рассмеялся он. — Чудесно и занимательно, не правда ли?

Она без раздумий выставила руку, вложив свой гнев и дар в потрескивающий шар колючей молнии. Шар поплыл к Максиму, разбухая в воздухе, но волшебник атаковал в ответ, хлопнув звуковым барьером, который почти оглушил Тору, раздавшись звоном в черепе.

Вторым взмахом руки он заставил ударную волну прогреметь по мраморным плиткам у ее ног, прочертив их узором паутины и создав широкую трещину в полу. Тора едва устояла и отскочила к ступеням помоста. Она швырнула в мужа огонь, но Максим перенаправил шар в каменную статую Лани, от которой тот срикошетил в окно.

— Я уничтожу тебя! — закричала Тора.

Максим поморщился, послав волну магии, и она почувствовала, как затвердели ее ладони и заоченели пальцы. Когда Тора попыталась согнуть руки, она с ужасом посмотрела вниз и увидела, как сквозь ее кожу проступает твердая и шероховатая серость.

— Будь ты проклят! — выкрикнула она и сосредоточила дар на сопротивлении, выталкивая из своего тела каменное оцепенение. Это дало Максиму — Зерцалоликому — достаточно времени, чтобы ускользнуть.

Убегая, он крикнул:

— Ильдакар падет, Тора, но с меня довольно этого города. Я покидаю его.

Он бросил треснувшую зеркальную маску на пол, и та разбилась. Неровные фрагменты разлетелись на большие острые осколки, которые рассыпались на все более мелкие частицы, пока не превратились в пыль, взмывшую вверх потоком искрящегося тумана. Усиленный его магией туман окутал комнату блестящим обманчивым облаком.

Тора использовала дар, чтобы очистить свою плоть от заклинания окаменения. Когда мерцающий туман рассеялся, она увидела, что Максим сбежал.

Оставшись одна в башне властителей, она закричала.

Глава 76

Рабы действовали безрассудно и без руководства Зерцало-ликого, и вскоре на улицах города запылали пожары. Чудовищные животные бродили по темным переулкам, но их больше интересовало бегство от своих мучителей, чем охота на мирных жителей. Беспорядки превратили Ильдакар в опасное и непредсказуемое место. Половина жителей присоединилась к обезумевшей толпе, желавшей отвоевать свободу, а другая половина спряталась в своих домах.

Никки окинула взглядом Бэннона, пока они торопливо шли по улицам. Голая грудь и руки молодого мечника были покрыты крапинками крови; его длинные рыжие волосы торчали во все стороны, слипшиеся, спутанные и влажные от пота. Сжимая в правой руке Крепыша, юноша выглядел замкнутым и отстраненным, словно не замечал беспорядков вокруг. Смерть Яна глубоко его поразила.

— У всего есть цена, Бэннон, — сказала Никки, — и кто-то всегда платит больше других.

— Надеюсь, Адесса сгниет на дне той боевой ямы. — Бэннон посмотрел на нее с непроницаемым выражением лица. — Мы все это начали, колдунья. Теперь нужно закончить.

Мрра, обеспокоенная множеством людей вокруг, держалась ближе к Никки.

Рядом с разрушенным особняком Андре и рухнувшей колокольней они неожиданно наткнулись на Натана. Высокий волшебник выглядел удивленным и даже немного растерян-

ным; каменная пыль покрывала его белое одеяние, лицо и длинные волосы. Повсюду были разрушенные здания, рухнувшие колонны и разбросанные кирпичи, походившие на капли каменного дождя. Тяжелый и безмолвный бронзовый колокол лежал на боку среди обломков кирпичей и расколотых балок.

Когда Никки увидела живого Натана, ее закружил водоворот эмоций; волнение и облегчение были настолько яркими, что она сама удивилась. Бэннон вскрикнул, когда узнал своего наставника:

— Натан! Пресвятая Мать морей, что вы здесь делаете? — Он пристально оглядел окружающие их завалы.

Волшебник часто заморгал.

— Как что, я спас город, мой мальчик. Разве не видишь? — Он опустил взгляд на свои руки, затем повернулся к Бэннону, словно пытаясь понять, что видит:

— На тебе нет ничего, кроме набедренной повязки.

— Это все, что разрешают носить в тренировочных ямах. — Бэннон бросился вперед и обнял Натана. Старик обхватил его руками, и они похлопали друг друга по спине. — Я так рад снова вас видеть.

Натан поднял глаза и снова удивился.

— И Никки здесь. Ты выглядишь прекрасно, как всегда, — и вовсе не мертва. Очень приятный сюрприз. Кажется, на тебе ни царапины.

— Потому что сегодня я никому не позволила себя царапать, — сказала она.

Мрра рядом с ней была хвостом.

— Разумеется, — усмехнулся волшебник. — Между прочим, ко мне вернулся дар.

Никки оглядела разрушенные до основания здания:

— Я вижу.

Эльза подошла к Натану, поправляя свое потрепанное фиолетовое платье. Одаренная женщина вытерла лицо, но лишь размазала кровь и пыль.

— Мы погибли бы, если б не Натан. Воин Иксакс мог уничтожить нас всех, но Натан отыскал свой дар и одолел монстра.

— Натан хорош в таких вещах, — сказал Бэннон, — даже когда у него нет магии.

— И все же я рад возвращению магии, — заметил Натан, — поскольку в данный момент у меня нет меча.

— Мы могли бы сходить за ним, — предложил Бэннон. — Наверное, он в особняке Максима и Торы.

— Нет времени на меч, и в нем нет нужды — возразила Никки. — Мы должны добраться до пирамиды и освободить рабов, пока властительница не приступила к кровопролитию.

— Д-да, колдунья, я согласна, — заикаясь, сказала Эльза. — Я никогда не желала всех этих смертей и крови. Такие жертвы были необходимы столетия тому назад для защиты от генерала Утроса, но сейчас властительница стремится заманить нас в безвременную западню. У нее будет целая вечность, чтобы переделать Ильдакар по своему вкусу, чтобы все мы были у нее под башмаком.

Натан с теплотой положил ладонь на плечо Эльзы.

— Я очень горжусь тобой, моя дорогая. Восстановив дар, я стал одним из самых могущественных волшебников Ильдакара. А если и ты будешь сражаться на моей стороне вместе с Никки и Бэнноном, то как мы можем проиграть?

Никки была полна решимости, но не наивна:

— Всегда есть проигрышные пути, волшебник. Давай обойдем их.

Восстание набирало мощь, а Никки понятия не имела, где искать Зерцалоликого. Впрочем, она больше не нуждалась в его харизматичном, но отчужденном руководстве. Теперь она контролирует ситуацию и поведет мятежников к победе. Это

не игра, и она не позволит таинственному лидеру в маске забавляться.

— Пойдемте, у нас мало времени. — Колдунья побежала вперед и зажгла пылающий шар огня над вытянутой рукой, словно маяк. — Повстанцы, за мной!

Натан подхватил клич:

— За Никки! Мы должны освободить рабов.

Многие из мятежников были слишком увлечены собственной яростью, чтобы взглянуть на ситуацию в целом. Они бились на смерть с оборонявшейся городской стражей, но даже несмотря на отличные доспехи и оружие стражников, неорганизованные низшие классы сломали их строй. Некоторые стражники даже сбросили шлемы и сражались бок о бок с угнетенными.

Бэннон размахивал мечом, крича во все горло. Другие полуголые бойцы присоединились к нему, двигаясь с легкой грацией, которую освоили на тренировках. Мрра бежала впереди, рыча на всех, кто вставал на их пути.

— Мы должны остановить ритуал кровопролития прежде, чем совет запрет нас здесь навечно! — вдохновляла повстанцев Никки, пока они неслись по улицам к верхним уровням города.

Они миновали фруктовые деревья, висячие сады, оливковые рощи и выющиеся по решеткам виноградники. Никки обернулась и увидела позади сотни измазанных грязью и кровью последователей. Люди смотрели на нее с надеждой и верой. Ей вспомнились решительно настроенные горожане, которые боролись, чтобы изгнать Имперский Орден из Алтур'Ранга — Виктор, Ицхак и многие другие, кто последовал ее отчаянному плану. Сердце Никки наполнилось уверенностью, когда она поняла, что эти ильдакарцы идут за ней по своему выбору. Они готовы пролить свою кровь за эту благородную цель не потому, что им повелели, а потому, что захотели этого сами.

На нижних улицах она видела бесчисленные фигуры, двигающиеся в мерцающем свете ненасытных костров. Хотя каменная армия генерала Утроса, насчитывавшая сотни тысяч крепких солдат, стояла на равнине за стенами города, величайший враг Ильдакара находился под защитным саваном. Властительница Тора. Эта женщина причинила больше вреда и боли, чем любая армия завоевателей.

Последователи Никки достигли верхнего уровня города, где уже собрались многочисленные одаренные аристократы. Некоторые из них ожидали начала ритуала, в то время как другие искали защиты от кровавого хаоса на улицах. На краю плато стояла высокая темная башня властителей, а вокруг жертвенной пирамиды горели яркие праздничные огни.

Увидев зловещие отблески церемониальных костров, мятежники бросились вперед, вызывая к мести. Мрра издала оглушительный рев. Никки, Натан и Бэннон в сопровождении Эльзы вбежали на верхний уровень. Передние ряды повстанцев, очевидно, надеялись увидеть Зерцалоликого, ожидающего их у места назначения и готового к кульминационному моменту, но его нигде не было видно.

Это не имело значения. Теперь их вела Никки.

— Освободите жертвенных рабов, и они также станут нашими союзниками. Мы преумножим численность нашей армии.

Перепуганные одаренные дворяне Ильдакара сбились в тесную группу, пытаясь защитить себя. Многие призывали магию — вспышки огня, порывы ветра, даже небольшие стрелы молний — и направили ее на приближающуюся толпу.

Сразу семеро повстанцев были сражены скоординированной атакой, но Никки не замедлила шаг. Она вызвала порыв ветра, больше похожий на ураган, и сбила с ног больше дюжины испуганных аристократов, но остальные удвоили напор, бросая магические заряды в приближающееся войско.

Натан коснулся плеча Никки и озорно улыбнулся:

— Позволь мне, колдунья. Мне будет приятно опробовать свои способности.

Он вытянул руки перед собой, сжав ладони вместе, а потом развел руки в стороны. Силой своего дара Натан разделил толпу дворян и проложил путь до самого основания пирамиды. Мрра помчалась вперед, и Никки побежала следом. За ней кинулись Бэннон и Эльза.

Когда они оказались у основания, колдунья увидела сотни обнаженных мужчин и женщин, толпившихся в загонах на широких площадках ступенчатой пирамиды. Ограждения выглядели непрочными, и жертвенные рабы могли легко бежать, но они были запуганы и одурманены.

Никки взбежала по ступенькам к первой группе рабов. Люди сбились в кучу, тихонько перешептываясь между собой. Все они были изможденными и голодными — как только их схватили и обрекли на заклятие, Ильдакар не стал тратить ресурсы, чтобы кормить их. Властительнице Торе они нужны были живыми для ритуала кровопролития, но не более.

Никки была поражена, узнав среди них пожилую женщину — рабыню Мельбу, которая всегда приносила в туннели свежий хлеб. Теперь Никки поняла, почему не видела старуху уже несколько дней. Ее, должно быть, забрали для великого кровопролития вместе с другими рабами. Гнев Никки стал еще яростнее.

— Почему они не убегают? — воскликнул Бэннон, размахивая мечом, чтобы отпугнуть норовистого дворянина. — Они могут уйти без особых усилий. Они должны сражаться!

— Дело в аромате цветов умиротворения, — пояснила Эльза. — Красные глицинии делают их послушными, как стадо животных.

Никки видела, что покрытые серебром желоба для крови размещены на каждом уровне, а от них вверх идут каналы к сложному заклинанию на вершине пирамиды. Сотни рабов бу-

дут убиты одновременно, их кровь потечет в кровосборники, из которых магия разольет ее в нужный узор.

Никки знала, что если пробудить пленников, то голодные и обезумевшие рабы будут готовы пролить чужую кровь, как измученные животные из ям арены. Мрра с рычанием шагала рядом с ней.

— Мы можем пробудить их, используя дар. Просто высвободи поток энергии, и это оживит их, — подсказала Эльза.

— Мы можем нейтрализовать снотворное действие этого аромата, — сказал Натан.

Он простер ладонь, посмотрел на вытянутые пальцы и закрыл глаза. Эльза последовала его движениям, присовокупив свой дар.

Никки посмотрела на крутые ступеньки, ведущие к вершине пирамиды, и на верхней площадке увидела три фигуры: волшебники Квентин и Деймон стояли рядом с ледяной властительницей Торой и смотрели вниз на толпы оборванцев. Главнокомандующего волшебника Максима с ними не было.

Никки знала, на что обратить внимание.

Сотни жертвенных рабов заморгали, подняли руки и повернулись друг к другу. Они задыхались, стонали и повышали голос в гневном недоумении. Бэннон метнулся, чтобы открыть первую хлипкую калитку, которая удерживала их взаперти.

— Мы освободили вас — теперь сражайтесь вместе с нами. Мы можем положить конец угнетению — раз и навсегда.

Очнувшиеся рабы не нуждались в наставлениях. Они возликовали, и голоса некоторых звучали с сильным акцентом. Здесь были проданные норукайцами люди, которых они захватывали по всему Древнему миру, и рабы, набранные из рядов домашней прислуги Ильдакара. Стремясь выбраться, рабы разрушили ограду загона и присоединились к повстанцам. Даже Мельба пошла за ними, что-то крича.

Бэннон покраснел.

— Пресвятая Мать морей, они послушали меня!

— Уведи их от пирамиды, мой мальчик! — призвал Натан.
— Через несколько минут здесь будет небезопасно.

Беспокоясь за свою сестру-пуму, Никки отослала Мрра с ними. Большая кошка рычала и нервничала, но Никки не хотела вести ее на вершину пирамиды. Размахивая хвостом, Мрра прыгнула вниз, чтобы присоединиться к Бэннону и толпе рабов.

Вместе с Эльзой Никки и Натан побежали вверх по крутым каменным ступеням пирамиды. Никки первой добралась до вершины, где ее встретила Тора с убийственным блеском в глазах. Вздурораженные Квентин и Деймон стояли по бокам от властительницы — возле хитроумного устройства с тиглями, зеркалами и вращающимися призмами, которое поддерживало саван вечности.

Никки шагнула вперед, встретившись взглядом с глазами цвета морской волны.

— Мы остановим твою магию крови, как я и должна была сделать в первый раз. Мы сорвем саван.

Женщина напротив Никки сжала кулаки, и ее замысловатые косички зашевелились, когда она призвала свой мощный дар.

— Нет, пока я стою перед тобой! Я уже одолела тебя и одолею снова.

Никки воззвала к своей магии.

— Разве я выгляжу побежденной? Я надеялась, что ты будешь сопротивляться. Только ты и я. — Колдунья поднялась на ступеньку выше. — А где твой муж?

— Он трус. И предатель!

Эльза обратилась к членам палаты волшебников:

— Деймон, Квентин, вы не можете поддерживать ее в этом. Вы желаете быть запертыми здесь навечно? Вы хотите увидеть так много пролитой крови, чтобы мы могли спрятаться от остального мира? В этом больше нет необходимости!

Никки призвала молнию. Используя как магию Приращения, так и магию Ущерба, опираясь на темные приемы, кото-

рым научилась на службе Владетелю, и на силу, отнятую у убитых ею волшебников, Никки вытянула из воздуха черную молнию и поместила ее под самый верх едва видимого купола над головой. Потрескивающие стрелы ударили в вершину пирамиды и разветвились на дюжину столь же разрушительных отростков. Вплетенная в темную стрелу магия Приращения породила обычную молнию. Второй обжигающий разряд разрушил тщательный рисунок заклинания на верхней площадке.

Закричав от испуга, Тора хлестанула извивающейся массой электрической энергии, но Никки отразила атаку. Шквал статистических разрядов с шипением взметнулся в небо, вращаясь и распадаясь, пока не обозначил границу невидимого купола.

— Ты не можешь получить все удовольствие одна, колдунья.

Натан поднял кулаки, высвобождая свой пробужденный дар в разрастающиеся шары огня волшебника. Пламя взревело и понеслось к устройству, угодило в кристаллические призмы, разбив их, и рассыпалось на разноцветные огни, которые уничтожили хитроумный прибор.

Стоявшие бок о бок волшебники Квентин и Деймон вскинули щиты, чтобы оградиться от натиска и отразить огонь, едва не задев при этом Тору. Возможно, это была случайность, но Никки не была уверена. В последний момент властительница создала порыв ветра и спаслась от гибели. Сгустки пламени разлетелись во все стороны, посыпавшись на разгневанных отступающих рабов.

— Уведите рабов! — выкрикнула Никки. — Пусть скорее уходят.

Когда-то Госпожа Смерть посылала несметные тысячи солдат на гибель ради дела, которое в то время считала правым. На ее руках было достаточно крови, чтобы смерть ее больше не заботила, но эти люди были невинны. Они были выбраны для жертвоприношения, и если она спасла их от кровопроли-

тия только для того, чтобы позволить случайно погибнуть в ее битве с Торой, то такая победа ничего не стоит.

Бэннон закричал, направив рабов в другом направлении, и они присоединились к бежавшим в панике аристократам — те тоже удирали с пирамиды. Никки не хотела, чтобы что-то сдерживало ее. Она знала, что должна использовать силу в полную мощь.

Квентин и Деймон, взглянув поверх Эльзы, увидели угрозу на лице Никки и решили, что с них довольно.

— Мы не хотим принимать в этом участие, властительница,
— воскликнул Квентин и бросился вниз по дальней лестнице.

Деймон последовал за ним.

Никки сотворила еще одну ветвистую молнию, и пирамиду сотряс взрыв, разрушивший остатки рисунка заклинания и верхнюю платформу. Языки огня и каменные осколки полетели в Тору. Властительница использовала дар, чтобы окружить себя коконом из дыма и света, который, вращаясь, унес ее от взрыва. Тора исчезла с пирамиды. Никки не могла видеть ее, поскольку клубы пыли распространялись во все стороны.

Натан стиснул плечо колдуньи и произнес:

— Вместе у нас достаточно сил, чтобы сравнять с землей эту конструкцию раз и навсегда.

— Хорошая идея, волшебник.

Они отступили к основанию пирамиды, собирая силы для решающей атаки. С нижнего уровня Натан запустил огонь волшебника, который с горячей яростью пожирал гигантские блоки. Пламя с шипением прожгло каменные платформы и раскололо пирамиду до самого основания.

Отбегая, Эльза указала на небо:

— Смотрите, он меняется! Исчезает.

Звезды над головой покрылись рябью, водянистый купол начал истончаться и рассеиваться. Толпа внизу закричала, заликовала и завопила:

— Саван! Саван исчезает!

Остальные хором подхватили эти слова.

Никки не скрывала радости.

— Именно это я и собиралась сделать.

— И у нас получилось, — заметил Натан.

Вместе она, Натан и помогавшая им Эльза обрушили всю ярость своего дара, создавая взрывы и огненные шары, одну молнию за другой. Долгие минуты толпы людей на вершине плато, одаренные аристократы и мятежные рабы, с трепетом наблюдали за излиянием разрушительной силы. Высокая пирамида, одно из самых внушительных сооружений в Ильдакаре, превратилась в дымящиеся куски щебня, затянутые облаками дыма, которые уносились в ночь.

Лазурные глаза Натана сияли.

— Мы ведь еще не закончили, верно?

Никки повернулась от разрушенной пирамиды к высокой башне властителей.

— Да, дел осталось еще слишком много.

Глава 77

Волшебник Ренн был поражен, когда неунывающий капитан Тревор доказал свою правоту — они действительно нашли Твердыню. Однако, несмотря на свою убежденность, капитан городской стражи был удивлен, когда они наткнулись на цель их путешествия. Изможденная, голодная, сократившаяся на трех человек группа брела по дну глубокого каньона, пока не достигла тупика. Не обращая внимания на стоны разочарования мужчин позади него, капитан подошел к каменной стене и прислонился к прохладной гладкой поверхности.

— По крайней мере, тут есть тень. — Он покачал головой.

— Мы отдохнем, а потом пойдем обратно по нашим следам.

Случайно он обнаружил расщелину в высокой стене, которая вела в другую сеть каньонов. Ренн последовал за ним. Когда над ними раскинулось небо, путники услышали журчанье воды, увидели зеленые луга и террасные сады — и здания, возведенные в скальных нишах высоко над... настоящим скрытым городом. В глубине каньона они увидели лошадей, людей, ряды палаток — какой-то большой лагерь.

— Полагаю, это и есть Твердыня, — сказал Тревор.

Ренн снова нашел в себе силы и внезапно понял, что не готов к такой важной встрече. Он смущенно отряхнул свою рваную и запачканную одежду, с помощью магии освежил ткань, придал яркость бордовому оттенку и привел в порядок изодранные края.

— Мы должны выглядеть прилично, когда заявим права на Твердыню от имени Ильдакара. — Жестом он направил магию на капитана Тревора и других стражников, полируя их доспехи, снимая пыль с их лиц и очищая волосы. — Вот, — сказал он довольно, — теперь вы выглядите свежими и устрашающими.

— Почему вы не могли сделать это еще несколько дней назад? — пожаловался один из стражников. — У нас был такой несчастный вид.

— Потому что в этом не было необходимости, — ответил Ренн. — Пойдемте, если это Твердыня, нам нужно выполнить поручение.

Ренн, Тревор и стражники поспешили в каньон, где их довольно скоро заметили. Когда местные жители подошли поприветствовать их, Ренн взял на себя лидерство. Красуясь в чистом бордовом балахоне, он встал перед капитаном Тревором, чтобы остальные знали, кто здесь главный.

— Я волшебник Ренн, а это мой эскорт. Мы отправились в долгое и тяжелое путешествие, чтобы отыскать Твердыню. Я хотел бы поговорить с вашими предводителями. Это неотложное дело.

— Мы отведем вас к ним, — сказал один из фермеров. — Теперь, когда архивы вновь открыты, нам сказали, что ожидается много одаренных посетителей.

После такого нелегкого путешествия Ренн был недоволен тем, что их прибытие не считают достаточно значительным событием.

— Вы не ожидали посетителей подобных мне, — сказал он.

Они уставились на огромный альков, в котором возвышались каменные строения. Ренн кивнул и сказал Тревору:

— Не похоже на Ильдакар, но это цивилизация, и там в достатке воды и еды. Сгодится.

Стражники с облегчением пробурчали о своем согласии.

— Отведите нас туда, — распорядился Ренн.

Фермеры привели группу к началу узкой тропы, которая опасно петляла вверх к отвесной стене, но никто из местных жителей не пожелал провести их.

— Вот дорога. У главного входа в самую большую башню вы встретите ученых, которые смогут вам помочь.

Тревор поблагодарил мужчину. Подобрав подол бордового балахона, чтобы не споткнуться, и глядя вперед, Ренн побрел по крутой тропе, не выказывая нервозности касаясь отвесного обрыва. Поднявшись довольно высоко, группа достигла необъятного алькова, заставленного зданиями. Тревор и его усталые солдаты глазели на каменные фасады, высокие витражные окна и идеальную арку над главным входом. Набравшись мужества, Ренн двинулся к высокой арке. Толстые и темные деревянные двери на массивных петлях были открыты, приглашая посетителей внутрь. Обернув себя величием, словно плащом, и напомнив себе, что он уважаемый член палаты волшебников Ильдакара, Ренн вошел в огромное гулкое фойе внешнего здания архива. Капитан Тревор и девять стражников последовали за ним.

Оказавшись внутри, Ренн посмотрел на полированные мраморные колонны с коричневыми и золотыми прожилками,

поддерживающие сводчатый потолок. Яркие магические огни сияли в подсвечниках и нишах. Повсюду передвигались люди в одеждах ученых, многие из них читали на ходу. Они обратили взгляды на неожиданных гостей.

Остановившись посреди просторного зала, Ренн зажег на ладони яркое пламя, демонстрируя свой дар.

— Я волшебник Ренн, член правящего совета Ильдакара, — громко представился он. — Я в сопровождении этих храбрых солдат прибыл сюда с миссией — заявить о своих правах.

— И на что вы претендуете? — спросила статная женщина, которая вышла из бокового коридора. Ее темные выющиеся волосы пронизывали серебристые пряди. — Я Верна, аббатиса сестер Света.

Ее сопровождал мужчина в доспехах с эмблемой в виде стилизованной буквы «Р», которую Ренн не узнал — вероятно, какой-нибудь помпезный мелкий диктатор вроде императора Кергана. Военный посмотрел на них своими темными глазами, и выражение его лица омрачилось подозрением.

Ренн решил перейти сразу к делу:

— Требуем передать все знания архива их законному владельцу — городу Ильдакару.

Аббатиса Верна выглядела скорее удивленной, нежели напуганной. Она положила руки на бедра. Щеки вояки рядом с ней вспыхнули бронзой, и он громким голосом позвал своих солдат.

Верна встретилась с Ренном взглядом:

— Боюсь, с этим возникнет проблема.

Глава 78

Тора, охваченная яростью и подстегиваемая адреналином, сбежала с разрушающейся пирамиды и укрылась в башне вла-

стителей, своем последнем бастионе силы. Они не просто прервали ритуал кровопролития, но и разрушили саван, который защищал и хранил Ильдакар.

Сердце властительницы было разбито, как и великое сооружение. Ее идеальное общество разрушилось, власть пошатнулась, контроль над городом ослабел. Она знала, что было уже слишком поздно, но отказывалась признать поражение. Пройдя по разбитым голубым плитам, она взошла на помост и рухнула на свой трон. Тора так крепко сжала деревянные подлокотники, неосознанно выпустив струйку дара, что те треснули.

— Я — властительница! — крикнула она в пустоту зала.

Ее слова вернулись издевательским эхом. В золотых клетках позади нее царила тишина. Все жаворонки были мертвы, целые дюжины. Единственной ее публикой была статуя колдуньи Лани. Она посмотрела на белую скульптуру непокорной женщины и пробормотала:

— Если бы ты могла видеть меня этими каменными глазами, ты бы сейчас злорадствовала, правда?

Квентин и Деймон были с ней на вершине пирамиды, стоя лицом к толпе, но потом сбежали. Она нуждалась в их силе, в их даре; вместе они могли принять последний бой. Тора была властительницей и заслужила их верность, но сомневалась, что получит ее.

Она в одиночку будет противостоять шайке отчаянного отребья из низших слоев общества. И Никки. Не так давно Тора одержала победу над колдуньей и теперь еще больше хотела сделать это снова, но на этот раз превратить Никки в месиво костей и плоти. Но когда властительница посмотрела на просторный тронный зал, ее взгляд остановился на разбитых голубых мраморных плитках, на которых стоял сражавшийся с ней Максим, и ее гнев усилился. Максим — Зерцалоликий — сотворил все это! Ее муж устроил беспорядки, разозлив слишком доверчивых рабов.

Холодный воздух входил и выходил через ее ноздри. Сердце колотилось, а тело покалывало от магии, которая требовала высвобождения, но у нее не было мишени. Да, она ненавидела Никки, которая бросила вызов, но Максим был ее мужем. Ненависть Торы к этому человеку вышла за все разумные пределы. Он хотел падения Ильдакара. Максим так и сказал, и теперь, запалив политический пожар, охвативший весь город, он низложит порядок, над созданием которого так упорно трудилась Тора. И он просто сбежал.

«С меня довольно этого города. Я покидаю его».

Она знала, что Максим трус. Он не останется, чтобы увидеть последствия своих деяний. Теперь, когда саван исчез, он убежал, чтобы наблюдать за падением города с безопасного расстояния. И все ради собственного развлечения! Как она его ненавидела...

Легкие медленные шаги послышались с лестницы, и Тора увидела вошедшую в тронный зал женщину. На мгновение она решила, что Никки вернулась сразиться с ней, но перед ней была мускулистая женщина, облаченная в наряд из черной кожи; на обнаженном теле виднелись выжженные символы.

Адесса.

Морасит была окровавлена и избита. На спине была глубокая рана, одну руку она держала вытянутой, а запястье было изогнуто под неестественным углом. В другой руке Морасит был короткий меч. Адесса выглядела обессиленной, но глаза сохранили вызывающий блеск.

— Я пришла к вам, властительница. Ильдакар пал, но я здесь, чтобы защитить вас. Я умру рядом с вами.

Тора сошла с помоста. От женщины разило потом, пылью и кислым металлом спекшейся крови. На мгновение гнев Торы смягчился, а сердце согрела искра надежды, благодаря непоколебимой преданности Адессы, на которую не повлияли беспорядки на улицах и разрушение савана. Нет, Морасит покля-

лись защищать город. Что более важно, они принадлежали ей. Как и Адесса.

— Я бы пришла раньше, но застряла в яме с шипами на стенах... из-за этого. — Она подняла сломанное запястье, не выказывая ни намека на боль.

Тора нахмурилась:

— Как ты выбралась? Тебе кто-то помог?

— Я выбралась сама.

— Ну, разумеется.

Тора подумала о том, как глупо устанавливать здесь бесполезный последний рубеж. Кто будет ее защищать? Кто кроме Адессы? В каком-то странном синоминутном порыве она почти потянулась, чтобы обнять воительницу, но остановилась.

— Я буду рада, если ты останешься рядом, но если ты умрешь вместе со мной, чего мы этим добьемся?

— Это само по себе будет для меня наградой, властительница.

— Возможно. Но я лучше бы поручила тебе нечто более важное.

— Мы еще не мертвы, — сказала Адесса. — Мы не проиграли.

Но Тора знала, что они уже проиграли. Когда-то волшебники Ильдакара объединились, отложив мелкие разногласия ради интересов города, его жителей и своего будущего. Но сейчас все не так. Эти вероломные люди хотели только разрушать. При этой мысли ее нижняя губа скривилась. Они не заслуживали Ильдакара.

И за всем этим стоял Максим. Он сбежал из города, восхищаясь своим глупым достижением. Тора понимала, что это ей не поможет, но хотела одержать эту личную победу.

Она протянула руку и взялась за сломанное запястье Морасит. Адесса лишь слабо вздрогнула, но Тора уверенным движением выпрямила ее кисть, клейменную кожу и треснувшую кость. Она позволила своему дару просочиться в женщи-

ну, минуя могущественные защитные руны, и магия исцеления срастила запястье, сделав кость такой же крепкой, как прежде.

Адесса слегка кивнула в знак признательности и взяла меч в исцеленную ведущую руку.

— Теперь я смогу сражаться лучше.

Но Тора покачала головой.

— Я отсылаю тебя, Адесса. У меня есть для тебя другое дело. Важная миссия.

Морасит даже не шевельнулась, отказываясь уходить.

— Нет, я буду защищать вас.

— Я сама о себе позабочусь. Это моя битва, а для тебя у меня есть дело поважнее. Когда триумф ускользает от нас, нам остается лишь месть.

Адесса напряглась.

— И как мы будем мстить, властительница?

— Все это сотворил мой муж. Максим запалил пламя этого восстания и должен заплатить за весь причиненный ущерб.

Морасит удивленно заморгала:

— Как такое возможно? Он же главнокомандующий волшебник.

— Он Зерцалоликий!

— Как... такое... возможно?! — Адесса отшатнулась.

— Увы, это правда. — Она объяснила ей, что произошло, и указала на разбитые мраморные плиты на полу. — Максим покинул город, считая себя победителем. Он посмеялся над всем Ильдакаром, и это не должно сойти ему с рук.

По огню в карих глазах Морасит Тора видела, что Адесса возмущена не меньше ее самой.

— Чего вы хотите от меня, властительница? Повелевайте, и я не успокоюсь, пока не выполню приказ.

— Убей его. Покинь город и выследи его. Даже если придется гоняться за ним по всему Древнему миру, принеси в Ильдакар его голову. Что бы здесь ни произошло, жители го-

рода должны увидеть, что главнокомандующего волшебника настигло правосудие.

Адесса коротко кивнула:

— Я не подведу. Если вы велите мне уйти, я покину город этой же ночью. Я найду его.

— И убьешь, — добавила Тора.

— И убью. Отрублю его голову и принесу ее в Ильдакар.

Тора стала чувствовать себя спокойнее, смиреннее. Она ощущала удовлетворение, зная, что Адесса сделает все так, как обещала.

— Не стоит недооценивать его силы. Заклинания на твоём теле защитят тебя, но он хитер. Тебе понадобится огромная сила.

— У меня есть другой источник силы, — сказала Адесса. — Весьма неожиданный, но сейчас он будет полезен. — Она пристально посмотрела в глаза Торы. — Вы знаете, что чемпион был моим любовником? Я позволила ему наполнить меня семенем, и теперь ношу его дитя. Оно уже растет во мне.

Тора медленно вздохнула, дрожа. Она знала, что произойдет, знала о тайной силе, которой обладали Морасит.

— Да, Адесса, я прекрасно понимаю, почему твои сестры позволяют оплодотворять себя. Это невероятный источник энергии, и против Максима она тебе пригодится. Я приказываю тебе сотворить свою особую магию. Сделай это.

Морасит кивнула:

— Темная жертва, но так я стану сильнее — достаточно сильной, чтобы выследить и убить главнокомандующего волшебника.

Ускользящее время развеяло удовлетворенность Торы.

— Поторопись. Они скоро нагрянут сюда.

Адесса закрыла свои темные глаза и сосредоточилась. Она стояла, опустив руки по бокам, затем поднесла ладони к животу, прикрыла пупок и коснулась кожи.

Морасит были защищены рунами заклинаний, выжженными на их коже, но каждая из них обладала особым видом магии крови, питавшейся кровью невинного ребенка, растущего в их утробе. Магия крови брала начало от лишения жизни, а магия крови Морасит — от лишения жизни, растущей внутри нее.

Адесса задышала быстрее. Ее кожа заблестела от пота, на щеках выступил румянец. Пальцы, которыми она касалась живота и мяла его, засветились. Она направила магию внутрь себя, и ее утроба жадно впитала нерожденного ребенка, поглотив его, забрав его жизнь и втянув ее в свое тело.

Кожа Адессы потрескивала и мерцала с возрастающей энергией. Тора наблюдала, как воительница пульсирует от силы.

Открыв глаза и глубоко вздохнув, Адесса сказала:

— Готово. Теперь во мне сила двух жизней. Я достаточно могущественна, чтобы одолеть даже главнокомандующего волшебника.

Впервые за эту ночь Тора позволила себе улыбнуться. Адесса казалась такой уверенной и наполненной неестественной энергией, что властительница едва не передумала. Может, стоит придержать Морасит при себе? С таким бойцом она могла бы защититься от целого города мятежников. Вдвоем они могли бы отбросить их назад.

Но Тора знала: победа будет недолгой. Магические атаки отклонялись от Адессы, но сотни агрессивных людей разорвут ее на части.

Даже проиграв, Тора желала чего-то добиться. Она хотела мести. Хотела голову Максима.

— Ступай, — сказала она.

Адесса умчалась прочь и вскоре выбежала из башни, оставив Тору одну в палатах властителей. Снаружи были огонь, вопли и крики — восстание продолжалось. Даже разрушив пирамиду и саван, они не успокоятся. Тора знала, что они придут за ней.

Глава 79

Стоя у обломков пирамиды, Никки смотрела в ночное небо, любясь странными созвездиями. Теперь звезды сияли ярко, ведь туманный пузырь, ограждавший Ильдакар от хода времени, исчез.

Мрра ходила взад-вперед возле Никки, довольная, но все еще беспокойная. И по-прежнему голодная.

Воодушевленная толпа собралась на верхних уровнях города, и все больше людей приходило с нижних улиц. Натан стоял рядом с Никки, глаза его сияли, а длинные белые волосы развевались. Выпятив грудь и высоко подняв подбородок, он излучал истинное величие волшебника.

Никки указала на башню властителей:

— Вот куда нам следует отправиться. Мы предотвратили кровопролитие и уничтожили саван, но властительница Тора должна ответить за свои преступления.

— Согласен. — Натан погладил подбородок. Он был более чем доволен, что его дар вернулся. — Это лучший способ начать все с чистого листа, чтобы Ильдакар мог стать новой легендой.

— Никки! Никки! — ликовала толпа рабов.

Бэннон вскинул меч и выкрикнул новый клич, а остальные подхватили:

— За Ильдакар! За Ильдакар!

Мрра издала рев.

Многие одаренные дворяне укрылись в городе — подальше от верхнего уровня. Никто из них не мог сравниться по силе с Никки или Натаном, как не мог противостоять гневу толпы. Никки предположила, что в ближайшие дни многие из них будут утверждать, что они всегда возмущались репрессивными методами властительницы Торы. Тогда сразу станет ясно, кто из них был добрым хозяином и обращался со своими слугами как с людьми.

Когда они вместе направились к башне властителей, Натан взглянул на Никки и вскинул брови.

— Колдунья, да ты улыбаешься. Выглядит довольно необычно. О чем думаешь?

Никки устремила на него свои голубые глаза.

— Я представляла, какой прием окажут норукайским работникам, когда их змеиные корабли прибудут в Ильдакар. Будет интересная встреча с их королем Скорбь.

Бэннон жестоко рассмеялся.

— Пресвятая Мать морей, их ждет сюрприз.

Никки в облегающем черном платье шагала вперед.

— А пока у нас есть незавершенное дело. Властительница, должно быть, направилась туда.

Толпа взревела. За ней шли сотни людей. Никки беспокоилась, что сделает Тора, когда ее загонят в угол, словно крысу, но была уверена, что сможет противостоять магии властительницы.

Эльза, не желавшая покидать Натана, сопровождала их.

— Я уважаемый член палаты волшебников. Мы поклялись действовать во благо Ильдакара, но, кажется, забыли об этом.

— Придется ли нам сразиться с Квентином и Деймоном? — спросила Никки, пытаясь выработать стратегию. — И что насчет главнокомандующего волшебника Максима? Если все они присоединятся к властительнице, то будут представлять для нас значительную угрозу.

Эльза заправила за ухо каштановую с проседью прядь волос.

— Квентин и Деймон могущественны, но не амбициозны. Они не так стремятся к власти, как Тора.

— Но верны ли они ей? — спросила Никки. — Будут ли сражаться за нее?

— Сомневаюсь. — Эльза посмотрела на Натана, а затем перевела взгляд на Никки. — Многие годы они просто не решились бросить ей вызов, как это сделала ты.

— А Максим? — спросил Натан. — Он может стать серьезным противником.

— Всю эту ночь его никто не видел, — ответила Эльза.

— Максим ненавидит свою жену. Вряд ли он будет гореть желанием умереть за нее. Но если он будет там, то мы сразимся с ним и победим, — сказала Никки. — Будем надеяться, до этого не дойдет.

Когда толпа направилась к башне, Никки заметила двух волшебников, которые переминались у входа. Деймон гладил длинные усы. Квентин с пыльной темной кожей и в грязном темно-синем балахоне смотрел настороженно. Волшебники не дрогнули, когда Никки, Натан и Эльза шагнули к ним, ведя за собой большую толпу последователей.

— Мы хотим разобраться с властительницей Торой, — сказала Никки. — Вы присоединитесь к нам или встанете у нас на пути?

Мускулы Мрра, которая стояла возле колдуньи, подрагивали под коричневой шкурой.

Бэннон поднял Крепыша:

— Лучше вам не вставать у нас на пути.

— Мы, как деревья, склоняемся перед ветром, — в голосе Деймона звучало раскаяние. — И мы чувствуем, куда дует ветер.

Квентин кивнул:

— Слишком старые и жесткие деревья ломаются в бурю. Зерцалоликий определенно наслал на нас бурю.

Оба волшебника отводили взгляд. Квентин осмелился взглянуть на Эльзу:

— Какое нас ждет будущее?

— Саван сошел, и Ильдакар должен измениться, — ответила Эльза. — Мы можем помочь ему в этом или продолжить разрушать город.

— Это по-прежнему мой дом, — сказал Деймон.

— Ильдакар — дом для всех нас! — выкрикнул освобожденный раб позади Бэннона.

— Вы можете жить здесь вместе, — сказала Никки, а затем добавила в голос твердости, — или умереть.

Двое волшебников развели руками.

— Тогда почему бы не жить в мире? Пойдемте к властительнице.

Разъяренная толпа во главе с Никки вошла в башню властителей. Поток людей тек в огромную башню, и шум все нарастал. Никки размеренно шла вперед, собирая свои силы и ощущая внутри магию. У ее бедер покоились в ножнах кинжалы, но они ей не понадобятся. У нее есть дар и она сама. Большая кошка шла рядом с ней по широким ступеням многочисленных лестниц, взбираясь все выше и выше. Наконец, Никки, Натан и еще трое одаренных шагнули в просторный тронный зал. За ними следовала толпа. Магические светильники на стенах освещали огромное пустое помещение.

Тора сидела на своем троне, позади которого стояли две клетки, полные мертвых птиц. Она заговорила, и в ее голосе звучал лед:

— Значит, ты привела сюда своих глупых последователей, чтобы разрушить остатки славы Ильдакара? Я не удивлена.

Никки двинулась вперед по разломанной плитке из голубого мрамора, не сводя глаз с властительницы.

— Твое правление, вот что разрушило величие Ильдакара. Тебе некого винить, кроме себя самой.

— Я обвиню того, кого захочу, — фыркнула властительница. Затем ее взгляд скользнул в сторону, а голос дрогнул: — Я виню во всем своего мужа. Зерцалоликого.

Толпа позади Никки забеспокоилась. Колдунья нахмурилась.

— Что ты сказала? И где главнокомандующий волшебник?

— Максим — это Зерцалоликий! Он предал меня, предал наш город! — Ее колющий взгляд обратился на Эльзу, Квенти-

на и Дэймона. — И я обвиняю вас! Вы были членами палаты волшебников и должны были защищать Ильдакар.

— Это мы сейчас и делаем, — возразила Эльза. — Мы восстановим совет. Без тебя.

— Да, — встав рядом с Эльзой, подтвердил Дэймон. — Мы снимаем тебя с должности, властительница.

— Теперь она просто Тора, — сказал Квентин.

Никки повернулась лицом к женщине и заговорила громче, чтобы все могли ее слышать:

— Саван исчез навсегда, и этот город открыл себя остальному миру. — Гомон затих, и ее голос зазвучал еще громче: — Ильдакар всегда будет свободным. — Когда в зале послышались одобрительные крики, Никки скривила губы в улыбке. — Каждый из этих людей думал, что слаб и одинок, но теперь они сражаются вместе — как и древние волшебники Ильдакара, когда защищали город. Сейчас в разгаре другая битва, и врагом являешься ты, Тора.

— Глупцы! — прошипела Тора.

Никки продолжила:

— Один человек может изменить город или разрушить его. — Она распростерла руки, указывая на толпу позади. Все больше людей поднимались по ступеням и заполняли тронный зал. — Мы едины.

Во время своей речи Никки представляла Ричарда, который вдохновлял на бой армию пред лицом неодолимого врага. Она знала, чего Ричард хотел бы для Ильдакара. Она следовала его пути и делала все возможное.

Никки вспомнились слова, которые ведьма написала в книге жизни Натана. *Колдунья спасет мир*. Может, предсказание все же сбудется. Возможно, она и правда спасет мир... или хотя бы малую его часть.

Тора поднялась со своего трона. Магические нити крутились вокруг ее тела, напоминая паутину энергетических шелкопрядов.

— Вы все хотите со мной сразиться? Я могу обрушить всю башню.

Никки воздела руки, призывая свой дар.

— Вот как ты хочешь все закончить, Тора? Я могу сокрушить тебя. Прямо сейчас и в одиночку.

— Нет, — вмешалась Эльза, встав перед Никки. — Ты пришла извне, Никки. Ты постоянно говоришь, что хочешь покинуть Ильдакар сразу, как только покончишь со своими делами здесь. Натан восстановил свой дар. — Она с грустью посмотрела на старого волшебника, и тот нахмурился. — Поэтому он тоже уйдет. — Немолодая женщина посмотрела на Квентина и Деймона, стоявших по обе стороны от нее. — Это дело истинных правителей Ильдакара, дело оставшихся членов палаты волшебников — а нас осталось трое. Мы знаем, какое полагается наказание. Таков закон.

Эльза подняла руки, согнув пальцы. Деймон и Квентин последовали ее примеру.

Тора отпрянула:

— Что вы делаете?

— Ты знаешь цену, которую должна заплатить за измену Ильдакару, его жителям и его правителям. Мы накажем тебя именем закона и дара, ниспосланного нам.

Тора съежилась, ее фарфоровое лицо стало еще бледнее.

— Вы не посмеете! Я уничтожу вас всех! — Она призвала дар, уплотняя энергетический кокон вокруг себя.

Эльза продолжила:

— Главнокомандующий волшебник Максим был мастером заклинания окаменения, но втроем и мы сможем сотворить его.

Квентин тоже решил высказаться:

— Тора, ты станешь статуей, которую увидят все. Мы никогда не забудем вред, который ты причинила нашему городу.

— Нет! — вскричала Тора.

Она высвободила магию, но трое объединившихся волшебников Ильдакара подняли щит, который отразил шипящие энергетические стрелы. Никки и Натан тоже создали магические щиты, чтобы защитить толпу от разрушительных плетей, хлеставших по стенам и полу. Бэннон и стоявшие позади него рабы ахали, уклоняясь от атак, но не убегали. Все собравшиеся жаждали стать свидетелями полного краха порочной власти-тельницы.

Никки хотела уничтожить Тору, превратить ее в едкий дым и плохие воспоминания, но она уважала выбор членов палаты волшебников. Они были правы: Никки, Натан и Бэннон скоро покинут Ильдакар, захватив с собой Мрра. Правосудие было в руках новых правителей Ильдакара. Никки определенно не собиралась становиться их новой властительницей.

Эльза, Деймон и Квентин стояли плечом к плечу, вливая силу в заклинание окаменения.

Тора слабела. Она дрожала, желтые жгуты силы обвилились вокруг нее, а потом исчезли подобно утреннему туману. Она в агонии подняла руки, ее кожа становилась все белее и тверже. Тора прижала ладони к щекам, напуганная происходящим.

— Нет! — крикнула она.

Ее бледно-голубое платье затрепетало, и она попыталась сделать последний шаг вперед, будто ей было куда бежать. Кожа Торы стала твердой и серой, и со звуком трескающегося льда на замерзшем пруду властительница полностью окаменела и стала новой статуей.

Толпа молчала, словно все затаили дыхание, но уже в следующий миг люди разразились победными криками. Уцелевшие члены палаты волшебников переглядывались, чувствуя облегчение и в то же время понимая, что их работа только начата.

Никки посмотрела на Натана, а затем на Бэннона и удовлетворенно кивнула.

— Я верю, что за этим мы сюда и пришли.

Глава 80

Максим бежал через ночь, оставив город далеко позади. Саван исчез, и впереди был целый мир.

Ильдакар долгие века был его домом. Главнокомандующий волшебник был наделен властью и богатством, получал все, чего хотел. Он любил свой город, помогал его строить, поднимал его над равниной, перемещал реку и саму землю, многим пожертвовал ради защиты своего детища.

Ах, как он был молод и наивен. Он любил прекрасную Тору. Максим помнил, как счастлив он был, когда они поженились. Он просто светился от радости, и любовь эта не имела отношения к дару или заклинаниям. Тора наложила на него другое заклинание. Она вскружила ему голову, а потом он и вовсе влюбился без памяти. Он испытывал невообразимую страсть, пьянел от прикосновений к ее коже, от ее округлой груди и теплых мягких бедер, обхватывавших его, когда он входил в нее и она выгибала спину. Это было восхитительно!

О чем он только думал? В отличие от нелепых песен менестрелей, никакой вечной любви не существовало, как и родственных душ, которые постоянно думают о своем возлюбленном и для которых каждый день, каждый миг разлуки является пыткой.

Нет, даже его безумная любовь к Торе длилась только век или два. Она не старела, ее тело оставалось все таким же безупречным, но Максима оно интересовало все меньше. Какое-то время он развлекался с милыми и податливыми шелковыми яксенами, но они быстро ему наскучили. Так у Максима появилась первая любовница, а потом и целый десяток. Ему удавалось скрывать от жены свои похождения, хотя он подозревал, что у нее тоже есть любовники — она все больше была недовольна им как мужем. В итоге дело дошло до вечеров наслаждений, где они открыто изменяли друг другу, но Максим понял, что ему все равно.

Он и Тора были связаны друг с другом как властительница и главнокомандующий волшебник, но его великая любовь сменилась скукой, потом апатией, а после — неутомимой ненавистью. Он хотел уничтожить Тору, причинить ей боль, заставить страдать

Его любовь к Ильдакару претерпела те же изменения. В начале, задолго до того, как император Керган попытался захватить Древний мир, задолго до прибытия армии генерала Утроса Максим любил этот город. Именно он создал магию окаменения, ставшую их непобедимой защитой. Он работал над заклинанием, которое обратило в камень вражеских солдат. Максим научил этому заклинанию остальных, но оставил за собой контроль над этой могущественной магией.

Запертый под саваном Ильдакар застыл и не менялся много невыносимых веков. Максим знал, что если запереть в одной комнате даже самых близких друзей, через какое-то время они возненавидят друг друга.

Именно так Максим начал относиться к Ильдакару. Да, город по-прежнему был прекрасен, но для Максима он превратился в разукрашенный труп. И труп этот начал гнить и источать зловоние. Его необходимо сжечь на погребальном костре.

Выступая в роли Зерцалоликого, он сложил этот погребальный костер и кинул туда искру, от которой загорится хворост. Никки была его инструментом. Очень полезным инструментом.

Теперь же, продолжая бежать через равнину к холмам на юге, он поднимался все выше по краю утеса над рекой Килрейвен. Максим должен закончить начатую работу.

Ильдакар необходимо разрушить. Мятельные рабы доставят правителям проблем, но не смогут нанести стоящего урона. Максим хотел пойти дальше. Он давно уже придумал действенный способ, но всегда боялся его применить.

Теперь ему нечего было терять.

* * *

По Ильдакару пронеслась весть о поражении властительницы Торы и о шокирующей правде — Зерцалоликим был сам главнокомандующий волшебник Максим. Объединившиеся члены палаты отдали верховному капитану Стюарту и городской страже приказ прекратить сражаться с мятежными рабами.

Восставшие низшие классы теперь смотрели на урон, которые они нанесли, и на пожары в бедных районах города. Вместо того чтобы продолжить стычки со стражей, повстанцы трудились, туша пожары и оказывая помощь раненым.

Узнав, что Зерцалоликий сбежал, его самые верные последователи обратились к Никки. Она знала, что должна успокоить волнения. Выйдя из башни властителей вместе с Бэнноном и Натаном, она пошла по улицам, призывая к миру и сотрудничеству, прося людей помочь ради их дома и будущего.

Ренделл и некоторые другие рабы продолжали выкрикивать имя Никки. Мельба хрипло провозгласила, что Никки должна стать их новой властительницей, но колдунья подняла руку, отвергая эту идею:

— Это не для меня. Я пришла помочь, и я здесь ради своих друзей. Ильдакар принадлежит вам.

Мрра бродила поблизости, вызывая у людей беспокойство, но Никки контролировала песчаную пуму.

Они шли по разрушенным нижним уровням города. Натан поднимал руки, направляя воду из фонтанов и вихри ветра на тушение горевших зданий. Никки помогала ему своей магией, чтобы загасить самые большие пожары.

Игнорируя усталость, Никки направила остатки своих сил на исцеление наиболее серьезных ран и спасла жизнь нескольким людям, находившимся при смерти. Натан опускался на колени рядом с Эльзой, и они возлагали ладони на порезы и

ожоги, смягчая боль. Лицо старика посерело, но на нем было написано облегчение.

— В последний раз, когда я пытался исцелять в бухте Ренда, произошла ужасная обратная реакция. Я так рад, что снова стал прежним.

Эльза положила свои ладони поверх его и помогла исцелить следующего раненого.

Бэннон суетился, набирая воду и отыскивая тряпицы для перевязки. Раненых доставляли на площадь, где врачи и одаренные целители оказывали им помощь. Юноша из всех сил старался помочь. Он всегда был самоотверженным.

В воздухе пахло гарью и кровью. Бэннон поразился, когда рядом бесшумно возникла избитая девушка в одеянии из черной кожи и предложила свою помощь. Юноша отпрыгнул, расширив карие глаза.

— Пресвятая Мать морей! Лила!

Он потянулся за мечом, но молодая Морасит даже не подняла рук.

— Я больше не буду с тобой сражаться, Бэннон. Ты был моим учеником и питомцем, но теперь Адесса ушла. У меня другие приказы. Палата волшебников постановила, что мы должны трудиться вместе. Я решила работать с тобой. — Она выгнула бровь, ожидая ответа.

Подыскивая слова, он улыбнулся:

— Мне бы не помешали руки, которые будут подносить целителям материал для перевязок. Давай поможем раненым.

Лила вела себя холодно и официально, явно испытывая неловкость.

— Я помогу исцелять раны. Я нанесла их достаточно.

Натан продолжил работать вместе с Эльзой и тепло дотронулся до ее руки:

— Я впечатлен твоей решимостью и твоими магическими способностями, моя дорогая. Теперь я вернул свой дар. Может,

научишь меня заклинанию, которое обратило властительницу в камень? Кажется, оно может пригодиться.

— Я с радостью научу тебя, если ты останешься, — ответила она.

— Мы же можем задержаться на день-другой? — спросил седой волшебник, глядя на Никки.

— На день или два можем, — согласилась Никки, вытирая окровавленные руки о черное платье. — Но больше нечего здесь делать. Город свободен, у нас нет причин оставаться. Мы должны позволить этим людям собрать обломки и построить город заново. Возможно, в этот раз у них действительно получится идеальное общество.

— Тебе так хочется уйти, колдунья? — спросил Натан.

Она уже долго размышляла над этим вопросом.

— Да.

Бэннон бросил взгляд на Лилу, которая вернулась с материалом для перевязки. Она по-прежнему нервировала его.

— Да, причин оставаться нет, — сказал он. — Город в безопасности, и нам нужно искать новые приключения.

Хотя Никки не прельщала перспектива бродить по диким землям, ночуя на твердой земле и питаясь всухомятку, она знала, что Мрра не терпит вырваться на равнины и поохотиться. Большая кошка рядом с ней, ощущая эти мысли через магическую связь, издала не то рык, не то мурлыканье.

— Ильдакару мы больше не нужны.

* * *

Когда город остался вдали, сверкая в предрассветной темноте освещенными зданиями и высокими башнями, Максим остановился и услышал вой колючего волка, к которому присоединилось еще двое. Это были звери, сбежавшие из боевых ям и теперь бродившие на свободе вдали от города — как и он сам.

Покинув равнину, он взобрался по предгорьям и оставил позади последние ряды окаменевшей армии генерала Утроса: сотни тысяч вооруженных солдат. Эта огромная сила намеревалась осадить Ильдакар и покорить город от имени Железного Клыка.

Он с ухмылкой подумал, что неподвижная осада длится уже пятнадцать столетий. Самое время возобновить ее.

Добравшись до высокой точки обзора, Максим остановился и начал свои приготовления. Пяткой он расчистил землю от сухой травы, чтобы начертать в пыли символы и заклинания. Он бы предпочел иметь кровь нескольких рабов, но у него был только он сам. Впрочем, этого должно хватить.

В тених поблизости он увидел пятнистую кошку и вспышку ее золотистых глаз. Зверь зарычал, а потом отпрыгнул, испугавшись человека. Должно быть, один из леопардов главного укротителя Айвена. Максим ждал, не нападет ли зверь, но тот просто убежал.

Вернувшись к магическому действию, он воспользовался длинным изогнутым ножом для жертвоприношений. Максим — Зерцалоликий — выцарапал в пыли ориентиры, а затем разрезал ладонь и пролил на землю красные капли. Сочившаяся кровь окрашивала грязь в коричневый цвет.

Изначальное заклинание магии крови потребовало тысячи смертей. Кровь текла по бесконечным каналам час за часом почти два дня. Они приносили жертву за жертвой... Некоторые сопротивлялись, некоторые добровольно отдавали свою жизнь. В итоге волшебники Ильдакара преуспели. Дрожащая волна магии обратила воинов генерала Утроса в камень. Город был спасен.

Так много работы, так много магии.

Но наложить мощное заклинание было гораздо сложнее, чем отменить его и распустить магию. Заклинание уже слабело.

Как только его кровь раскрасила все выпарапанное в земле заклинание, прочертив горячие красные тропки, Максим вонзил жертвенный кинжал в пересечение углов — в средоточие магии.

Своим даром он ощутил освобождение, словно невероятно туго натянутый шнур разорвался, и оба его конца разлетелись от высвободившейся энергии. Он разрушил заклинание окаменения — разрушил их все — и отозвал магию. Последствия этого пронеслись через равнину, захлестывая Ильдакар безмолвной и невидимой волной.

Главнокомандующий волшебник ахнул и со смехом отшатнулся. Это было великолепно! Он ощущал пьянящее возбуждение. Вся эта энергия больше не была в заточении. Сама магия ослабела после перемещения звезд, и когда окаменевший воин по имени Ульрих неожиданно очнулся, Максим понял, что сможет совершить задуманное.

Теперь он сделал это умышленно. Он сам наложил первоначальное заклинание, а сегодня развеял его.

Ему хотелось остаться и посмотреть на результат, но он не желал быть частью этого. Он уже сделал все необходимое. О нет, от Ильдакара ничего не останется. Довольный собой Максим побежал к холмам, думая об остальном Древнем мире и об интересных вещах, ждущих его впереди.

По всей равнине перед Ильдакаром сотни тысяч каменных солдат начали оттаивать и пробуждаться, вспоминая о городе, который вознамерились уничтожить.

Список произведений Терри Гудкайнда

МЕЧ ИСТИНЫ

Первая исповедница (2012)
Долги предков (1998)
Первое правило волшебника (1994)
Камень слез (1995)
Защитники паствы (1996)
Храм Ветров (1997)
Дух огня (1999)
Вера падших (2000)
Столпы Сотворения (2002)
Голая империя (2003)
Огненная цепь (2005)
Призрак (2006)
Исповедница (2007)
Машина предсказаний (2011)
Третье царство (2013)
Разлученные души (2014)
Сердце войны (2015)

ДЕТИ Д'ХАРЫ

Угольный человек (2019)
Мерзкие твари (2019)
Пустошь (2019)
Witch's Oath (2020)
Into Darkness (2020)

ХРОНИКИ НИККИ

Госпожа Смерть (2017)
Саван вечности (2018)
Осажденные камнем (2018)
Heart of Black Ice (2020)

ТРИЛЛЕРЫ

Скверна (2016)
Девочка с Луны (2018)
Отродье (2018)
Шальная Ванда (2018)

НОВЕЛЛЫ

Закон девяток (2009)
Небесные люди (2019)

Оглавление

Глава 1.....	5	Глава 22.....	174
Глава 2.....	12	Глава 23.....	180
Глава 3.....	20	Глава 24.....	188
Глава 4.....	28	Глава 25.....	197
Глава 5.....	34	Глава 26.....	205
Глава 6.....	43	Глава 27.....	212
Глава 7.....	49	Глава 28.....	224
Глава 8.....	56	Глава 29.....	231
Глава 9.....	64	Глава 30.....	235
Глава 10.....	71	Глава 31.....	240
Глава 11.....	81	Глава 32.....	244
Глава 12.....	86	Глава 33.....	253
Глава 13.....	92	Глава 34.....	261
Глава 14.....	103	Глава 35.....	272
Глава 15.....	109	Глава 36.....	277
Глава 16.....	119	Глава 37.....	284
Глава 17.....	129	Глава 38.....	288
Глава 18.....	139	Глава 39.....	293
Глава 19.....	148	Глава 40.....	300
Глава 20.....	156	Глава 41.....	304
Глава 21.....	165	Глава 42.....	308

Глава 43.....	311
Глава 44.....	318
Глава 45.....	326
Глава 46.....	332
Глава 47.....	339
Глава 48.....	345
Глава 49.....	352
Глава 50.....	360
Глава 51.....	366
Глава 52.....	374
Глава 53.....	385
Глава 54.....	392
Глава 55.....	398
Глава 56.....	404
Глава 57.....	411
Глава 58.....	418
Глава 59.....	424
Глава 60.....	427
Глава 61.....	435

Глава 62.....	438
Глава 63.....	443
Глава 64.....	449
Глава 65.....	455
Глава 66.....	462
Глава 67.....	467
Глава 68.....	474
Глава 69.....	482
Глава 70.....	492
Глава 71.....	496
Глава 72.....	503
Глава 73.....	517
Глава 74.....	523
Глава 75.....	530
Глава 76.....	539
Глава 77.....	549
Глава 78.....	552
Глава 79.....	559
Глава 80.....	566